

К 200-летию

Института востоковедения РАН

**Труды Института
востоковедения РАН**

Выпуск 8

Труды Института востоковедения РАН

Серийное издание ISSN 2587-9502

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН – *председатель*

Андросов Валерий Павлович – *сопредседатель*

Демченко Александр Владимирович – *ученый секретарь*

Аликберов Аликбер Калабекович

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич

Романова Наталья Геннадиевна

Саутов Владимир Нилович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Акимов Александр Владимирович

Алаев Леонид Борисович

Александров Юрий Георгиевич

Алпатов Владимир Михайлович

Белова Анна Григорьевна

Бурлак Светлана Анатольевна

Ванина Евгения Юрьевна

Васильев Дмитрий Дмитриевич

Воронцов Александр Валентинович

Десницкий Андрей Сергеевич

Другов Алексей Юрьевич

Захаров Антон Олегович

Звягельская Ирина Доновна

Каменев Сергей Наумович

Карасова Татьяна Анисимовна

Катасонова Елена Леонидовна

Кобзев Артем Игоревич

Кузнецов Василий Александрович

Любимов Юрий Васильевич

Мамедова Нина Михайловна

Микульский Дмитрий Валентинович

Мосяков Дмитрий Валентинович

Настич Владимир Нилович

Орлова Кеема Владимировна

Панарин Сергей Алексеевич

Плотников Николай Дмитриевич

Пригарина Наталья Ильинична

Сарабьев Алексей Викторович

Смагина Евгения Борисовна

Суворова Анна Ароновна

Томберг Игорь Ремуальдович

Шаляпина Зоя Михайловна

Шаумян Татьяна Львовна

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Труды
Института востоковедения РАН

Выпуск 8

**ПАКИСТАН: ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Москва
2018

Ответственный редактор выпуска:

С.Н. Каменев

Редколлегия выпуска:

И.Н.Серенко, М.В.Хайцева

п 13 **Труды Института востоковедения РАН. Вып. 8: Пакистан: история и современные проблемы** / отв. ред. С.Н. Каменев. – М.: ИВ РАН, 2018. – 408 с.

ISSN 2587-9502

ISBN 978-5-89282-803-1

Основные статьи сборника посвящены исследованию российско-пакистанских отношений, истории их развития, возможностям расширения двусторонних связей в условиях современного изменения международных отношений как на глобальном уровне, так и в регионе Южной Азии. Кроме того, в статьях сборника рассматриваются вопросы развития экономики Пакистана, процессы урбанизации в стране, внутривластная ситуация, социально-культурные проблемы пакистанского общества на современном этапе и в исторической ретроспективе. Сборник может быть полезен студентам, аспирантам, преподавателям, ученым, политикам, экспертам, журналистам — всем, кто интересуется событиями, происходящими как в Южноазиатском регионе, так и в мире целом.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
<i>Приветственное слово Посла Пакистана в России г-на Казы М. Халилуллы российским востоковедам по случаю 70-летия независимого развития Пакистана</i>	<i>14</i>
<i>Н. В. Мелехина. Россия и Пакистан: общие интересы и потенциал двусторонних отношений</i>	<i>19</i>
<i>Sehar Kamran (Пакистан). Pakistan-Russia Relations: An Overview</i>	<i>32</i>
<i>Rana Athar Javed (Пакистан). Overview of 70 years of relationship between Russia and Pakistan</i>	<i>55</i>
<i>Т. Л. Шаумян. Россия-Пакистан-Китай: «сетевая дипломатия» в действии</i>	<i>69</i>
<i>И. Н. Серенко. Россия - Пакистан: эволюция научно-культурного диалога</i>	<i>77</i>
<i>С. Н. Каменев. История экономического развития Пакистана в XX в. Часть I</i>	<i>91</i>
<i>С. Н. Каменев. История экономического развития Пакистана в XXI в. Часть II</i>	<i>126</i>
<i>В. Я. Белокреницкий. Современный этап урбанизации в Пакистане: особенности и проблемы</i>	<i>149</i>
<i>Н. А. Замараева. Пакистано-афганские отношения в условиях региональной трансформации (2016–2017 гг.)</i>	<i>170</i>
<i>Б. М. Волхонский. Перспективы и риски, связанные с вступлением в ШОС Индии и Пакистана</i>	<i>195</i>
<i>С. Л. Волкова. Основные направления внешнеэкономического сотрудничества Турции и Пакистана на современном этапе</i>	<i>212</i>

<i>В. П. Кашин.</i> Пакистан, Индия и трансграничный терроризм	232
<i>И. Е. Федорова.</i> Китайско-пакистанский экономический коридор. Проблемы и перспективы	245
<i>Р. Е. Прохоров.</i> Проблемы экологии в китайско-пакистанских отношениях	255
<i>Н. А. Замараева.</i> К вопросу о реформе Территории племен федерального управления (ТПФУ)	267
<i>И. Н. Серенко.</i> Становление и развитие национальной системы образования в Пакистане (1947–2017)	290
<i>А. А. Суворова.</i> Малала Юсуфзай: жизнь до и после Нобелевской премии	305
<i>М. В. Хайцева.</i> Некоторые особенности социализации личности в условиях семейно-общинного устройства общества (на примере Пакистана)	320
<i>М. С. Каменева.</i> Языковой фактор в конституционном законодательстве Пакистана и Ирана	348
<i>Walid Iqbal (Пакистан).</i> Nature and Values of M. Iqbal's Ideal Society	364
<i>Т. Н. Загородникова.</i> Братья Сухраварди и Россия	374
<i>Ю. О. Толмачев.</i> Кашмирский вопрос в контексте дипломатического взаимодействия между Китаем, Индией и Пакистаном в 1950-х — начале 1960-х годов.....	394

CONTENTS

Preface	11
<i>Words of Greetings of H. E. Qazi M. Khalilullah, Ambassador of Pakistan in the Russian Federation on the Occasion of 70 Years of Pakistan Independence</i>	14
<i>Natalia Melekhina. Russia and Pakistan: Common Interest & Perspectives of Bilateral Relations</i>	19
<i>Sehar Kamran (Пакистан). Pakistan-Russia Relations: An Overview</i>	32
<i>Rana Athar Javed (Пакистан). Overview of 70 years of relationship between Russia and Pakistan</i>	55
<i>Tatiana Shaumian. Russia-Pakistan-China: Network Diplomacy in Action</i>	69
<i>Irina Serenko. Russia-Pakistan: Evolution of Scientific and Cultural Dialogue</i>	77
<i>Sergey Kamenev. History of Pakistan Economic Development in XXth Century. Part I</i>	91
<i>Sergey Kamenev. History of Pakistan Economic Development in XXIst Century. Part II</i>	126
<i>Viacheslav Belokrenitsky. The Contemporary Stage of Urbanization in Pakistan: Special Features & Challenges</i>	149
<i>Natalia Zamaraeva. Pakistani-Afghan Relations in Regional Transformation (2016-2017)</i>	170
<i>Boris Volkhonsky. Prospects and Challenges Arising from the Accession of India and Pakistan to SCO</i>	195
<i>Svetlana Volkova. Main Directions of Foreign Economic Cooperation of Turkey and Pakistan at Present Stage</i>	212

<i>Valery Kashin. Pakistan, India and Cross-border Terrorism.....</i>	232
<i>Irina Fedorova. China-Pakistan Economic Corridor. Challenges and Opportunities</i>	245
<i>Ruslan Prokhorov. Ecological Problems in China-Pakistan Relations</i>	255
<i>Natalia Zamaraeva. Reforms in Federal Administrated Tribal Area.....</i>	267
<i>Irina Serenko. Formation and Development of the National Education System in Pakistan (1947-2017)</i>	290
<i>Anna Suvorova. Malala Yousafzai: Her Life Before and After the Nobel Peace Prize</i>	305
<i>Maria Khaytseva. Peculiarities of Personal Socializing Process in Family-Community social structure of Pakistan</i>	320
<i>Marina Kameneva. Language Factor in the Constitutional Law of Pakistan and Iran</i>	348
<i>Walid Iqbal (Pakistan). Nature and Values of M. Iqbal's Ideal Society.....</i>	364
<i>Tatiana Zagorodnikova. The Brothers Suhrawardy and Russia.....</i>	374
<i>Yuri Tolmachev. Kashmir Issue in the Context of Diplomatic Interaction Between China, India and Pakistan in 1950s and Early 1960s</i>	394

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник статей подготовлен в связи с 70-летием независимого развития Пакистана, а также 70-летием установления дипломатических отношений между Россией и Пакистаном. Тематика сборника охватывает широкий круг вопросов и проблем, связанных с историей Пакистана и современной внутриполитической ситуацией в стране, направлениями его внешней политики и положением страны на международной арене, уровнем развития экономики Пакистана, демографическими вопросами, исследуются также проблемы социально-культурного развития пакистанского государства.

Внимание российских и зарубежных востоковедов к Пакистану обусловлено отнюдь не только юбилейными датами. Следует в полной мере учитывать ту весомую роль, которую играет Пакистан в XXI в. на международной арене, а также его важное геополитическое положение на стыке регионов Южной и Центральной Азии, Дальнего Востока и в какой-то степени Юго-Восточной Азии. Это важное географическое расположение страны учитывают и его союзники, и противники.

В этой связи нужно принимать во внимание непростые отношения Пакистана с Индией, что, в свою очередь, напрямую влияет на взаимоотношения Пакистана и Индии с Россией. Кроме того, международное сообщество не может сбрасывать со счетов такое важное обстоятельство, что и Пакистан, и Индия являются ядерными державами, имеют примерно по 100–120 ядерных боеголовок, и самое главное – обладают средствами их доставки в радиусе до 3 тыс. км, не присоединились к ДНЯО, поэтому их противостояние, длящееся уже 70 лет, вызывает немалое беспокойство мировой общественности.

Ряд статей настоящего сборника детально анализируют историю и современное состояние российско-пакистанского

сотрудничества, которое имеет сейчас заметную тенденцию к расширению во многих сферах. Здесь приходится принимать во внимание санкции, наложенные североамериканскими государствами и Евросоюзом на Россию, в частности, на корпорацию «Ростех-Глобальные ресурсы». Именно эта компания занимается реализацией масштабного двустороннего проекта – сооружение газопровода Карачи-Лахор. И Пакистан, и Россия работают в том числе и над тем, как выйти из этого непростого положения, найти реальные пути его финансирования, решить некоторые возникающие спорные вопросы и начать строительство трубопровода.

Отечественные и зарубежные востоковеды при анализе внутривосточной ситуации в Пакистане и его внешнеполитической деятельности принимают во внимание и афганскую проблему, в частности, взаимные претензии и обвинения Афганистана и Пакистана в проникновении террористов на территории двух государств, а также возможности (а точнее – сложности) реализации международных энергопроектов, проходящих по территории Афганистана (ТАПИ и CASA-1000). В этой связи важную роль играют совместные усилия России и Пакистана по стабилизации ситуации в Афганистане, равно как и совместные действия по борьбе с терроризмом и наркотрафиком в регионе, что в определенной степени уже осуществляется на практике (среди них – двусторонние военные учения на море и на суше, в том числе пакистано-российские учения «Дружба-2016» и российско-пакистанские «Дружба-2017»).

Наконец, и российские, и международные исследователи в полной мере учитывают существенный демографический потенциал Пакистана – по переписи 2017 г. численность населения страны составила почти 208 млн человек. А это означает, что Пакистан по этому параметру находится на 6-м месте в мире, уступая Китаю, Индии, США, Индонезии и Бразилии, и что не менее важно – на 2-м после Индонезии месте по численности мусульманского населения, поскольку 97% населения Пакистана исповедует ислам.

При оценке внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности пакистанского руководства следует в полной мере

ПРЕДИСЛОВИЕ

принимать во внимание постепенный перенос акцентов в стратегии Пакистана в XXI в. на этих направлениях с США на Китай, включая осложнение отношений со своим бывшим американским партнером в результате расхождений в оценке как активности Пакистана в борьбе с терроризмом, так и политики США в Афганистане. И дело не только в том, что Китай прочно занял первое место в пакистанском товарообороте (опередив мусульманские нефтедобывающие страны и США) и является ведущим военно-стратегическим партнером Пакистана, сколько в том, что в укреплении китайско-пакистанских отношений главную роль сыграло твердое намерение Пекина вложить в сооружение мегапроекта Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) свыше 60 (!) млрд долл.

Сборник включает 22 статьи, написанные в основном сотрудниками Института востоковедения РАН, его Центра по изучению стран Ближнего и Среднего Востока (в первую очередь Сектора Пакистана). Содержание сборника дает представление об истории и современном развитии Пакистана и может быть полезен студентам, аспирантам, преподавателям, ученым, политикам, экспертам, журналистам – всем, кто интересуется событиями, происходящими как в Южноазиатском макрорегионе, так и в мире в целом.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПОСЛА ПАКИСТАНА В РОССИИ
Г-НА КАЗИ М. ХАЛИЛУЛЛЫ РОССИЙСКИМ ВОСТОКОВЕДАМ
ПО СЛУЧАЮ 70-ЛЕТИЯ НЕЗАВИСИМОГО РАЗВИТИЯ
ПАКИСТАНА**

Professor Belokrenitsky,
Mr. Danila Ganich, Acting Director of 2nd Asia Department of
the Ministry of Foreign Affairs,
Mr. Sergey Kamenev,
Honorable Professors, Scholars, Ladies and Gentlemen,

At the outset, let me on behalf of all Embassy personnel and on my own behalf, express our profound gratitude to the leadership of the Institute of Oriental Studies for hosting “All Russia Conference” devoted to the 70th Anniversary of Pakistan’s Independence. We are grateful to all our Russian friends and scholars who are participating in this important Conference.

I think this is a befitting way to celebrate our 70th Anniversary. The presence of so many learned and well-known Russian experts and scholars is not only impressive but also indicative of the interest in and affection for Pakistan in this beautiful country. We take it as a gesture of goodwill and friendship toward the people of Pakistan.

I have noticed from the long list of Speakers and topics that all important aspects of Pakistan’s past, present and future would be discussed in detail during the course of the day from a scholarly point of view, which would be very informative. However, let me share my thoughts with you on some of the issues that would be discussed today.

This year is important because it signifies 70 Years of Pakistan’s independent existence. It is an extraordinary moment in the history of Pakistan. This milestone reminds us of the services rendered by

our leaders particularly Quaid-e-Azam Muhammad Ali Jinnah. The Government of Pakistan has made the realization of Quaid-e-Azam's dream as its abiding mission.

Despite facing myriad challenges since independence, Pakistan has been successful in making its defence invincible. The nation is resolved to always uphold the values of determination and dedication for the objective of development of Pakistan. Pakistan stands for promoting love and harmony, moderation and rationality. The people are united under the Constitution. Our media is free and judiciary is independent. Above all, democracy has been strengthened in Pakistan.

Pakistan's economy has recorded a remarkable revival in the past four years. Today, Pakistan is recognized as one of the fastest growing countries in the world.

Pakistan's growth rate is forecasted to be more than 5 percent during the current and coming years. Our Stock Market was declared as Asia's best performing equity market in 2016.

The China-Pakistan Economic Corridor (CPEC), which is being built with investment of more than 50 billion dollars, will further contribute to our economic upsurge. Let me add that CPEC would also act as a catalyst for the development of the entire region by promoting connectivity. It is relevant to mention here that "Connectivity for Regional Prosperity" was the theme of the 13th Summit of the Economic Cooperation Organization, which was held in Pakistan in March, earlier this year.

Ladies and Gentlemen,

When it comes to Foreign Policy, adherence to the principles of the United Nations Charter is our priority. It flows from the declaration of our Founding Father, Quaid-e-Azam Mohammad Ali Jinnah, who said: "Our foreign policy is one of friendliness and goodwill towards all nations of the world".

Pakistan desires positive and constructive relations with all the countries of the world, especially with its neighbours on the basis of sovereign equality. Pakistan has consistently been one of the world's top troop contributors to UN peacekeeping. We will remain on the frontlines of peacekeeping and continue to offer professional

and well-trained personnel to the United Nations, despite our own security challenges.

Pakistan is pursuing a policy of peaceful neighbourhood and wishes to resolve all outstanding disputes, including Jammu and Kashmir dispute, peacefully through dialogue. But it requires two hands to clap. Our hand has always been available. However, we see the other hand missing.

For lasting peace at the regional and global levels, it is incumbent upon the international community to play its role in the resolution of the regional conflicts, including the Kashmir dispute in conformity with the UN Resolutions. The Kashmir dispute should be resolved justly, peacefully and expeditiously.

Pakistan-Russia Relations: The Government and the people of Pakistan attach great importance to relations with the Russian Federation and wish to further deepen cooperation in all areas of mutual interest.

During the Cold War, Islamabad and Moscow were in the opposing camps. However, despite difficult political relations between the two countries, the Soviet Union had helped to establish the Karachi Steel Mills, Oil and Gas Development Company, major thermal power facilities at several locations and assisted Pakistan in development of agriculture.

It is a matter of satisfaction that today Pakistan and Russia enjoy close friendly and cooperative relations. Bilateral relations have been on an upward trajectory for many years. The political ties between the two countries have gradually warmed up and cooperation in many fields has deepened. Our relations are characterized by mutual trust, commonality of interests and convergence of views on important regional and international issues like regional security, strategic stability, counter-terrorism and drug trafficking. We have institutionalized bilateral dialogue on these issues.

High-level interactions between Pakistan and Russia over the last four years have set the stage for translating political goodwill into a substantial partnership. These include meetings between the President of the Russian Federation and Prime Minister of Pakistan in Ufa in July 2015 and Astana last June, meeting between the

Foreign Ministers of the two countries in New York last week, four visits of the Speaker of National Assembly of Pakistan to Russia in four years, four visits of Pakistan's Defence Minister to Russia during last four years, three visits of Pakistan's National Security Adviser and visits of Pakistan's Ministers of Defence Production, Energy, Industry, Planning and Information.

From the Russian side, visits of Ministers of Defence and Energy to Pakistan in 2014 and 2015 respectively were important for enhancing bilateral cooperation in the fields of energy and defence. We are hoping for the visit of Chairman State Duma to Pakistan later this year.

With Pakistan's joining of the Shanghai Cooperation Organization as a member country with support of the Russian Federation and other SCO member states, we are confident that new opportunities would come up for enhancing bilateral and multilateral cooperation. Pakistan hope to partner with all SCO member states to promote connectivity including through China-Pakistan Economic Corridor, economic cooperation and peace and stability in the region.

Afghanistan: Pakistan and Russia have shared interest in promoting peace and reconciliation in Afghanistan through an Afghan-led and Afghan-owned peace process. We also share concerns relating to developments in Afghanistan, in particular the threat posed by Daesh to the security of neighboring countries. Pakistan and Russia therefore support efforts of each other aimed at promoting peace in Afghanistan. Pakistan has participated in all meetings held in Moscow to promote a regional approach to settlement in Afghanistan.

As Pakistan's Prime Minister pointed out a few days ago during his address to the UN General Assembly, apart from the people of Afghanistan, Pakistan and its people have suffered the most from four decades of foreign intervention and civil wars in Afghanistan. These wars have blighted Pakistan with the flow of extremists and terrorists, guns and drugs as well as an influx of millions of refugees. They have set back our economic development by decades. Even today, Pakistan is host to over 3 million Afghan refugees. Pakistan therefore is focusing on border management with Afghanistan, which

is important for preventing terrorist attacks on Pakistan from the other side of the border.

Ladies and Gentlemen,

While combating terrorism after 9/11, we have paid a heavy price. Over 27,000 Pakistanis including 6,500 military and law enforcement personnel have been martyred by terrorists. 50,000 Pakistani nationals have been injured, including 15,000 army personnel. We have fought the war against terror with our own resources. Pakistan's economic losses are estimated at over \$20 billion. Yet, we remain committed to fully implementing our National Action Plan against terrorism and extremism. Defeating terrorist violence is vital to realize our overriding priority of rapid economic and social development.

Terrorism is a global phenomenon, which must be addressed comprehensively. To eliminate terrorism, its root causes must be addressed. These are not only poverty and ignorance. Terrorism is even more an extreme response to real or perceived political and other grievances, including foreign intervention, oppression and injustice. Unless such root causes are addressed, it will be difficult to counter the twisted narrative of terrorist groups.

In conclusion, let me refer to the topic of "The nuclear program of Pakistan: problems and prospects", that is included in the program of this Conference. I would have expected the topic to also include nuclear program of India. Let me emphasize that Pakistan developed nuclear weapons only when these were introduced in our region by our neighbor. Our strategic assets are vital to deter oft- threatened aggression. Pakistan is a responsible nuclear weapons State. Our strategic assets are tightly and effectively controlled, as has been widely acknowledged by experts. The world community would be well served by enabling Pakistan to join global non-proliferation arrangements, such as the Nuclear Suppliers Group on a non-discriminatory basis.

Thank you.

Н.В. Мелехина *

РОССИЯ И ПАКИСТАН: ОБЩИЕ ИНТЕРЕСЫ И ПОТЕНЦИАЛ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Резюме. В последние несколько лет наметилась активизация двусторонних отношений России и Пакистана, главным образом затронувшая сферы военно-технического и энергетического сотрудничества, в практическую плоскость переведена совместная борьба с терроризмом и наркоугрозой, осуществляется взаимодействие по афганской проблематике. Все это дает основание предположить, что Москва и Исламабад придерживаются во многом схожих подходов в сфере поддержания стабильности и безопасности в центральной Евразии. Тем не менее, представляется, что уровень двустороннего сотрудничества реализован не в полной мере, зачастую подвержен внешним конъюнктурным факторам. В интересах двух стран необходимо также наращивать усилия по полномасштабному сотрудничеству и в других сферах.

Ключевые слова: российско-пакистанское сотрудничество, Афганистан, энергетика, борьба с терроризмом.

Russia and Pakistan: common interests and perspectives of bilateral relations

Summary. In the recent years there has been an intensification of bilateral relations between Russia and Pakistan, first of all, in the spheres of military-technical and energy cooperation. Joint counter-terrorism and anti-narcotics struggle has been successfully put into practice. The two countries have cooperation on the Afghan problem. It gives grounds to assume that Moscow and Islamabad share similar approaches in the sphere of maintaining stability and security in central Eurasia. Nevertheless, it seems that the level of bilateral cooperation has not been fully realized, and is often subject to external conjuncture factors. In the interests of the two countries, it is also necessary to increase efforts for full-scale cooperation in other areas.

Key words: Russia-Pakistan relations, Afghanistan, cooperation in the energy sector, counter-terrorism.

* Мелехина Наталья Валерьевна – доцент кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России, кандидат исторических наук

В мае 2018 г. Россия и Пакистан отметили 70-летие со дня установления дипломатических отношений. История взаимоотношений двух стран знала и успехи, и поражения. В последние же годы наблюдается активизация взаимодействия по многим ключевым направлениям, что даже позволило некоторым обозревателям в обеих странах говорить о «многообещающем прорыве на двустороннем треке».

На состоявшихся в феврале 2018 г. переговорах министров иностранных дел двух стран глава внешнеполитического ведомства России С. Лавров подчеркнул: «Наши связи с Пакистаном носят конструктивный и взаимовыгодный характер. Развивается интенсивный политический диалог, в том числе на высшем уровне. Партнерский характер носит взаимодействие в международных организациях, прежде всего в ООН и ее специализированных учреждениях».¹

Отношения со странами Южной Азии всегда были чрезвычайно важны для России, что было обусловлено в первую очередь стратегической значимостью этого региона. В силу исторических обстоятельств в числе приоритетов Москвы преимущество отдавалось «дружбе и сотрудничеству» с Индией, Пакистан же не входил в орбиту московского влияния и в условиях «холодной войны» оказался в «стане противника». Тем не менее, советско-пакистанское экономическое сотрудничество развивалось, шла реализация крупных проектов в металлургической, энергетической и торговой сферах.

В задачи данной статьи не входит подробный обзор и анализ истории взаимоотношений двух стран, однако представляется необходимым обозначить основные моменты, т.е. то, с каким «багажом» Москва и Исламабад подошли к современному этапу сотрудничества.

Взаимодействие с Пакистаном осложнялось многими факторами «холодной войны», а также войной в Афганистане. Отношения находились в прямой зависимости от партнерства России и Индии. Долгое время российско-пакистанские связи оставались крайне ограниченными. С окончанием «холодной войны» многие ограничители сотрудничества Пакистана и России ушли

в прошлое. Для России стало возможным строить свою политику в отношении Пакистана и Индии по принципу «и – и», а не «или – или», как это было в прошлом².

С начала 1990-х гг. не раз предпринимались попытки улучшить двусторонние отношения, однако больших успехов в этом плане достигнуто не было. Во многом, причиной этого была известная сила инерции в отношениях Москвы и Исламабада, общее ослабление внешнеполитического курса Москвы на азиатском направлении, стратегическое ориентирование России на Индию. Однако были и вполне конкретные факторы, приведшие к тому, что наметившаяся активизация сотрудничества застопорилась. Одной из причин послужил курс Исламабада на поддержку талибов, открыто враждебно относившихся к России. Отягчающим обстоятельством стали и события на Северном Кавказе. Сближение с Пакистаном в конце 1990-х годов (кульминация – визит в Москву премьер-министра Н. Шарифа в апреле 1999 г.) также оказалось недолговечным³.

Позитивные перемены обозначились лишь в начале 2000-х гг., в особенности, после того, как оба государства начали активно расширять свое взаимодействие на антитеррористическом направлении. Об этом, в частности, свидетельствует создание эффективно действующих совместных рабочих групп по противодействию международному терроризму и другим новым вызовам международной безопасности (2002 г.) и по стратегической стабильности (2003 г.). Принципиально важное значение для позитивных перемен в двусторонних отношениях имел визит президента П. Мушаррафа в Москву в 2003 г., который обозначил необходимость укрепления взаимовыгодного сотрудничества, прежде всего путем углубления тесного экономического взаимодействия и наращивания двусторонней торговли. В качестве ведущих направлений были определены такие области, как энергетика, металлургия, телекоммуникации, использование космических технологий, добыча и транспортировка нефти и газа. И хотя не все конкретные договоренности получили реальное практическое воплощение, и сотрудничество не удалось поднять на качественно новый уровень, сам факт встречи на высшем уровне, заметное оживление

контактов по линии министерств и ведомств говорили об общей позитивной тенденции на сближение двух стран.

Поступательно по нарастающей шло развитие отношений в таких сферах как дипломатия, военное сотрудничество, борьба с терроризмом, противодействие наркоугрозе. Заметно активизировались двусторонние контакты на высшем уровне в 2009–2011 гг. как в двустороннем, так и многостороннем формате, прежде всего в рамках ШОС и т. н. «Душанбинской четверки» (Афганистан, Пакистан, Россия и Таджикистан). Показательно, что в Концепции внешней политики России 2008 г. Пакистан был упомянут в ряду важных региональных государств, отношения с которыми Россия «настроена и далее развивать в двустороннем и многостороннем форматах»⁴.

Большие надежды, особенно пакистанская сторона, возлагала на запланированный в 2012 г. саммит «Душанбинской четверки» в Исламабаде, однако встреча глав государств не состоялась из-за переноса визита российского лидера в связи с «плотным рабочим графиком» (тогда в пакистанскую столицу отправился министр иностранных дел С. Лавров), что было довольно болезненно воспринято пакистанцами и потребовало немало усилий со стороны Москвы, чтобы сгладить этот неприятный момент.

По-настоящему прорывным стал 2014 г., когда состоялся визит российского министра обороны С. Шойгу в Пакистан, увенчавшийся заключением рамочного соглашения о развитии военно-технического сотрудничества между двумя странами. Многие эксперты считают, что именно этот визит открыл новую главу в двусторонних отношениях и ознаменовал окончательный отход от прежних внешнеполитических стереотипов, стал индикатором нового и качественного разворота российской внешней политики.

Возможно, это связано во многом с тем, что военно-техническое сотрудничество всегда было неким «маркером» отношений России и Пакистана: традиционно Москва давала отрицательный ответ на просьбы Исламабада о поставках вооружений с формулировкой, что мол нужно продвинуть сотрудничество в мирных областях, а потом уже переходить к военному направлению. Именно поэтому справедливо называемые «прорывными» соглашения

в военно-технической сфере стали своего рода «лакмусовой бумажкой» общего курса на сближение двух стран. Не вдаваясь в детали ВТС двух стран, следует отметить, что на сегодняшний день это наиболее активно развивающееся, реально претворяемое в жизнь направление сотрудничества: за последние четыре года состоялись первые в истории отношений двух стран военно-морские учения, продолжается практика проведения совместных тактических учений «Дружба» по отработке взаимодействия при выполнении контртеррористических операций в горных условиях, прошли антинаркотические учения, осуществлена поставка Россией Пакистану вертолетов МИ-35, регулярно осуществляется обмен визитами по линии военного ведомства.

Некоторые обозреватели отмечают, что нынешнее сближение России и Пакистана было обусловлено не только и не столько двусторонними интересами, сколько явилось ответной реакцией на внешние геополитические факторы, повлекшие за собой изменения в регионе и в мире в целом. В ряду этих факторов первый – кризис и ухудшение отношений Пакистана с США и как результат – попытки Исламабада диверсифицировать свою внешнюю политику с большей стратегической ориентацией на Китай и Россию⁵.

Отмечается, что обострение российско-американских отношений, кризис в отношениях Москвы с европейскими странами, введение экономических санкций также подтолкнули Россию к активизации других, в первую очередь, азиатских направлений сотрудничества. Подчеркивается, что налаживание близкого сотрудничества Москвы с Исламабадом по таким направлениям как оборона, военное сотрудничество, дипломатия и борьба с международным терроризмом, способствует стремлению Москвы упрочить свои позиции на глобальной арене. Еще одним фактором, якобы побудившим Россию активизировать связи с Пакистаном, называют проявляющееся на протяжении последнего времени решительное стремление Индии к налаживанию стратегического партнерства с США.

При всей аргументированности этих утверждений, все-таки представляется не совсем верным сводить все лишь к внешним

факторам. Да, безусловно активизация пакистано-российских отношений идет на фоне изменяющейся внешнеполитической картины и является в большой степени реакцией на эти перемены. Но все же отношения с Пакистаном представляют для Москвы самостоятельную ценность. Пакистан с почти 210-миллионным населением – одно из ведущих государств исламского мира и единственная мусульманская страна, располагающая ракетно-ядерным оружием. Пакистан занимает важное геостратегическое положение на стыке Южной и Центральной Азии, граничит с Китаем, имеет выход к «южным морям», находится на острие борьбы с терроризмом в регионе, пользуется авторитетом и входит во многие международные организации такие как ВТО, ШОС, ОИС, ОЭС, СААРК и др.⁶ Не следует недооценивать роль Исламабада в решении вопросов обеспечения региональной стабильности и безопасности, в урегулировании афганского конфликта, создании благоприятных условий для региональной экономической интеграции. Улучшение и интенсификация отношений с Пакистаном в торгово-экономической, военно-технической, гуманитарной сферах весьма существенны для восстановления и упрочения российского влияния в регионе Центральной и Южной Азии, а также на макрорегиональном пространстве – от Среднего Востока до Восточной Азии.

Отношения с Пакистаном Москва развивает исходя, в первую очередь, из собственных интересов, а не «в пику» какой-либо третьей стране, тем более Индии, стратегическое партнерство с которой и по объемам, и по насыщенности, и по многовекторности, и по перспективам многократно превышает отношения Москвы и Исламабада. Конечно, в Москве с пониманием относятся к обеспокоенности Нью-Дели в связи со сближением России и Пакистана. Россия, скорее всего, будет учитывать интересы других внешнеполитических партнеров, в частности Индии. Однако здесь важно подчеркнуть, что Москва будет стараться соблюдать баланс, проводя более гибкую и многовекторную политику, направленную на максимально эффективную реализацию собственных политических и экономических интересов. Собственно говоря, именно такого подхода сегодня придерживаются и в Нью-Дели⁷.

В преддверии, в частности, своего визита в Индию в декабре 2014 г. президент России В. Путин дал интервью одному из ведущих печатных изданий этой страны. Отвечая на вполне ожидаемый от индийских журналистов вопрос о том, как повлияет продажа боевых вертолетов Пакистану на взаимоотношения Москвы и Нью-Дели, президент России отметил, что взаимодействие с Пакистаном в этом вопросе не направлено против Индии, да и вообще против какой-либо страны. «Сотрудничество России с Пакистаном в вопросе поддержания региональной стабильности и противодействия терроризму отвечает интересам как России, Пакистана, так и интересам самой Индии», – подчеркнул Владимир Путин⁸.

Конечно, в отношениях России и Пакистана еще остаются неурегулированные моменты, но касаются они конкретных деталей двусторонних договоренностей. Общий же вектор четко обозначен – Пакистан важный партнер России в Южной Азии. Есть все основания полагать, что Москва и Исламабад продолжают сотрудничество, исходя из видения собственных двусторонних и геополитических интересов.

Главное пересечение интересов Москвы и Исламабада находится в сфере поддержания стабильности и безопасности в центральной Евразии. Пакистан рассматривает присутствие России и Китая в сопредельном региональном пространстве как ключевой фактор сохранения региональной стабильности. В этом контексте антитеррористический трек – одна из ключевых сфер пересечения интересов двух стран. Сотрудничество осуществляется на уровне рабочих групп, проводятся совместные учения, регулярные встречи по линии руководителей органов безопасности и специальных служб. После полноправного вступления в 2017 г. Пакистана в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) идет работа по подключению Пакистана к Региональной антитеррористической структуре ШОС.

В России неоднократно отмечали, что высоко оценивают вклад Исламабада в борьбу с терроризмом. В Москве осознают, что Пакистан является важным игроком, с которым необходимо договариваться, привлекать его к сотрудничеству. Принципиальным

является то, что Москва воздерживается от раздражающих Исламабад обвинений в связях с террористами, подобно тому, как это делают США и некоторые европейские партнеры Пакистана, как «мантру» повторяющие, что пакистанцы обязаны «сделать больше» в борьбе против террористических группировок. Подход Москвы представляется более взвешенным и конструктивным, ибо необходимо учитывать, что «силовое давление на Пакистан может привести к еще более серьезной дестабилизации обстановки не только в Афганистане, но и в общерегиональном контексте»⁹. Антитеррористическое направление сотрудничества было еще раз подтверждено и на межмидовских переговорах в феврале 2018 г. в Москве. По итогам встречи министры иностранных дел двух стран подтвердили готовность наших стран активизировать сотрудничество в борьбе с терроризмом.

Еще одной из ключевых точек соприкосновения интересов России и Пакистана сегодня является урегулирование ситуации в Афганистане. В этом плане знаково подключение Пакистана к московской инициативе проведения консультаций по афганской проблеме в многосторонних форматах, а также в рамках контактной группы «ШОС-Афганистан». Любая дестабилизация в Афганистане создает угрозу безопасности как Пакистану, так и через Центральную Азию южным рубежам России. По словам С. Лаврова, Москва и Исламабад разделяют обоюдную озабоченность в связи с деградацией ситуации в сфере безопасности в этой стране, ростом террористической активности, наркотической угрозы, которая никуда не исчезает¹⁰.

У России и Пакистана схожее видение и относительно тех угроз, которые создает присутствие в Афганистане боевиков т.к. «Исламского государства» (ИГИЛ – запрещена в РФ) и необходимости предпринимать конкретные шаги, чтобы не допустить проникновения боевиков на территорию обеих стран. Дополнительные возможности для обсуждения этой проблематики открывает полноправное членство Пакистана (и Индии) в ШОС, где теперь представлены все ключевые соседи Афганистана, а сам он является в этой организации наблюдателем. В рамках уже упомянутой антитеррористической структуры ШОС есть возможности

разрабатывать практические меры по пресечению угрозы влияния ИГИЛ в Афганистане и перевода этого влияния в Центральную Азию.

Поступательно развивается сотрудничество России и Пакистана на антинаркотическом направлении. В этой связи активно работает Российско-пакистанская рабочая группа по противодействию международному терроризму и другим новым вызовам международной безопасности с участием представителей компетентных ведомств обоих государств.

Помимо аспектов безопасности обоюдный интерес для Москвы и Исламабада представляют также перспективы торгово-экономического сотрудничества. На февральских переговорах в Москве стороны обсудили и договорились поднять торгово-экономическое сотрудничество на уровень, соответствующий потенциалу взаимодействия обеих стран. Ключевая роль в этом отводится Российско-пакистанской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. В прошлом году в Москве состоялось пятое заседание МПК, на котором были приняты конкретные решения.

Приоритет в развитии экономических связей отдается сотрудничеству в сфере энергетики и тяжелой промышленности. Флагманский проект в энергетической сфере – подписанное в октябре 2015 г. в Исламабаде межправительственное соглашение о строительстве газопровода «Север–Юг». Газопровод мощностью 12,4 млрд м³/год газа и протяженностью 1,1 тыс. км свяжет терминалы по приёму сжиженного природного газа (СПГ) в портах Карачи и Гвадара на юге Пакистана с электростанциями и промышленными потребителями в Лахоре на севере страны. Соглашение о строительстве заключено на 25 лет с возможностью продления его на следующие пятилетние периоды¹¹. На данный момент российская сторона ведет переговоры с компаниями Пакистана о тарифах в рамках этого проекта¹².

Стороны также прорабатывают и другие возможности сотрудничества в энергетической сфере, включая поставки в Пакистан по линии «Газпром» СПГ, строительство региональных трубопроводов, в их числе – морской газопровод Иран-Пакистан-Индия.

В октябре 2017 г. две стороны подписали Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Пакистан о сотрудничестве в сфере поставок сжиженного природного газа. Документ предусматривает создание условий для поставок российской стороной сжиженного природного газа на регазификационные терминалы Пакистана для обеспечения потребностей энергетического сектора Республики¹³.

Определенные возможности для наращивания экономического сотрудничества двух стран возникли в результате введенных в отношении России и ее ответных экономических санкций, в частности ограничений на экспорт продовольственной продукции из стран Евросоюза в качестве ответа на западные санкции. Пакистанские компании вполне могут занять свою нишу в этом секторе.

В целом, оценивая перспективы российско-пакистанского сотрудничества, следует отметить, что при весьма впечатляющей интенсивности двусторонних контактов в последние годы, все же пока можно говорить о реальном продвижении лишь на некоторых направлениях. Да, стороны явно намерены углублять военное и торговое сотрудничество, поддерживать постоянный политический диалог и взаимодействовать в области безопасности, однако потенциал отношений гораздо шире. Отдавая приоритет взаимодействию в таких ключевых сферах как поддержание безопасности и региональной стабильности, Москве и Исламабаду предстоит пройти еще довольно долгий путь, чтобы сотрудничество на этих и других направлениях приобрело необратимый характер и не было бы подвержено конъюнктурным внешнеполитическим изменениям.

Кроме того, существует ряд потенциальных негативных факторов, которые могут затормозить сближение двух стран. К таким факторам можно отнести сложные экономические условия в обеих странах, ограничивающие ресурсы для взаимных инвестиций и совместных бизнес-проектов.

Сложно не согласиться с некоторыми экспертами, утверждающими, что при, в целом, позитивном развитии двусторонних отношений с Пакистаном, Россия осознает риски интенсификации ВТС с ним. Сюда входят риски геополитического характера,

в частности в ретроспективном плане непредсказуемость геополитического вектора Исламабада¹⁴. Сдерживающим фактором может также стать и явный «перекос» в сторону ВТС и энергетического сотрудничества при отсутствии реальной долгосрочной стратегии двустороннего взаимодействия в торговой, научно-технической и социально-культурной сферах. Интенсификация сотрудничества с Пакистаном пока что носит преимущественно коммерческий и тактический характер. Это создает риски того, что при изменении геополитической картины отношения Москвы и Исламабада могут вновь пойти на спад.

Не следует в этом плане сбрасывать со счетов и политику Вашингтона: при очевидном переносе региональных интересов на Индию, которая рассматривается в США как противовес Китаю, едва ли американцы готовы смириться со снижением влияния на Пакистан в контексте его ключевой роли в Афганистане и пойдут на риски потерять геополитические позиции в этом важнейшем регионе. О том, что в Вашингтоне пристально следят за развитием пакистано-российских отношений, особенно на фоне полномасштабной реализации проекта пакистано-китайского экономического коридора, говорят выводы, представленные в отчете Управления Генерального инспектора Госдепартамента США¹⁵. Вашингтон явно услышал сигнал, поданный Исламабадом о смещении акцента на сотрудничество с Китаем и Россией.

Тем не менее, в целом можно весьма положительно оценить сближение Москвы и Исламабада в последние годы, свидетельствующее о попытках найти общие точки соприкосновения, диверсифицировать свои внешнеполитические курсы, придать им более сбалансированный и отвечающий национальным интересам характер. Реализация всего потенциала российско-пакистанских отношений несомненно требует больших усилий и целенаправленной работы и России, и Пакистана.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Х.М. Асифом, Москва, 20 февраля 2018 года // URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3086927. Дата обращения 10.03.2018.
2. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.. История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2008, с. 458.
3. Рудницкий А.Ю. О российских подходах к развитию отношений с Индией и Пакистаном // URL: <http://book.ivran.ru/f/pakistan-v-sovremennom-mire-m-2005.pdf> Дата обращения 7.03.2018.
4. <http://kremlin.ru/acts/news/785> Дата обращения 12.03.2018.
5. У. Фарва. В международных отношениях нет постоянных друзей или врагов // URL: <https://inosmi.ru/politic/20171003/240418310.html>. Дата обращения 14.03.2018. Atia Ali Kazmi. Pakistan-Russia Relations: Evolving Geopolitics and Strategic Options // URL: <http://hilal.gov.pk/index.php/layouts/item/3167-pakistan-russia-relations-evolving-geopolitics-and-strategic-options> Дата обращения 14.03.2018.
6. См. Каменев С.Н. Российско-пакистанское сотрудничество – новая ступень в его развитии // URL: www.iimes.ru Дата обращения 10.03.2018
7. Воробьев А. Новый уровень отношений России с Пакистаном – ради региональной безопасности // URL: <https://regnum.ru/news/1899093.html> Дата обращения 10.03.2018.
8. Там же.
9. МИД: США не учитывают, что давление на Пакистан дестабилизирует регион // URL: <https://ria.ru/world/20170905/1501811099.html> Дата обращения 14.03.2018.
10. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Х.М. Асифом, Москва, 20 февраля 2018 года // URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3086927 Дата обращения 10.03.2018.
11. Россия и Пакистан успешно обсуждают технические аспекты строительства газопровода Север – Юг // URL: <https://neftegaz.ru/news/view/158367-Rossiya-i-Pakistan-uspeshno-obsuzhdayut-tehnicheskie-aspekty-stroitelstva-gazoprovoda-Sever-Yug> Дата обращения 14.03.2018
12. Касаев Э.О. |Об энергетическом сотрудничестве России и Пакистана. // URL: www.iimes.ru Дата обращения 9.03.2018

13. «Газпром» расширяет свое СПГ-присутствие в Пакистане // URL: <https://teknoblog.ru/2018/02/23/87449> Дата обращения 14.03.2018
14. Хегатуров А. Военно-техническое сотрудничество России: Индия, Пакистан, Афганистан // URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-indiya-pakistan-afganistan/> Дата обращения 14.03.2018
15. Дмитрий Булгару. Потеря южного партнёра: США сообщили о снижении влияния на Пакистан из-за России, Китая и Ирана // URL: <https://russian.rt.com/world/article/486292-ssha-pakistan-rossiya> Дата обращения 14.03.2018

Sehar Kamran*

PAKISTAN-RUSSIA RELATIONS: AN OVERVIEW

Summary. Pakistan and the Russian Federation share a long historical and cultural affinity, as well as a tumultuous past. In 2018, we stand at the precipice of a new era of cooperation, especially as we mark 70 years of diplomatic relations between Pakistan and Russia. Over the past decade, the increased collaboration in various sectors and enhanced consensus on matters of strategic as well as regional importance has helped to pave the path for a durable, respectful and constructive bilateral relationship. Now, more than ever, it is vital that both sides remain cognizant of the incredible potential for growth and development between the two countries, and vigilant of the challenges that could hinder this, in order to prevent a repetition of past mistakes. This paper attempts to explore this fine line by presenting an overview of how these relations have developed over the years, as well as the milestones, pitfalls and opportunities that have brought Pakistan and Russian cooperation to their current apogee.

Keywords: Pakistan-Russian relations, SCO

Пакистано-российские отношения: краткий обзор

Резюме: Пакистан и Российская Федерация имеют длительную историю развития исторических и культурных связей, хотя отношения между нашими странами зачастую складывались непросто. В настоящее время мы находимся в начале нового периода взаимоотношений, и здесь важно то, что в этом году мы отмечаем 70-летие установления дипломатических отношений между Пакистаном и РФ. Прошедшее десятилетие было отмечено расширением двустороннего взаимодействия в различных областях и достижением определенного консенсуса в вопросах стратегического сотрудничества. Несомненно, что имеется значительный потенциал развития двусторонних отношений, но одновременно придется еще немало сделать, чтобы устранить существующие на этом пути барьеры.

Ключевые слова: Пакистан, Россия, пакистано-российские отношения, ШОС

* Sehar Kamran - Senator (TI), Member Senate of Pakistan. E-mail: info@new.cpkgulf.org

Introduction

As we approach the 70th anniversary of relations between the Islamic Republic of Pakistan and the Russian Federation, it is heartening to see how far the cooperation and friendship between the two countries has come, and the many milestones that have been achieved. As any student of History would explain, the relations between Pakistan and the Russian Federation have taken a long and complex journey to arrive at the landmark where we find ourselves today. Pakistan and Russia undoubtedly share a tumultuous past; however, over the past few years, the relationship between the two states has improved manifold.

As bilateral ties enter into this new era, what is most important is that we have arrived at this positive space, from where the potential for exponential growth leading to mutual prosperity is boundless. Economic, political, and defense ties are growing; diplomats, experts, the diasporas and the business community within both countries are actively engaged in identifying opportunities and areas of mutual interest, for promoting bilateral cooperation. The two countries have much to offer one another. Under President Vladimir Putin's '**Look East Policy**', Russia may be interested in access to the warm waters of the Arabian Sea, and greater connectivity with SAARC members as well as the Arab world, which Pakistan has the potential to provide, as demonstrated by Islamabad's role in facilitating Moscow obtaining observer status at the Organization of the Islamic Countries (OIC). Similarly, for Pakistan, stronger ties with Russia translate into economic growth and greater cooperation on issues of vital national importance to the country, such as regional security and stability, the growing menace of terrorism in the region, access to Russian military equipment market, and cooperation in sectors varying from energy to agriculture.

As we enter into this new phase of our relationship, it is important to acknowledge the challenges that have been surmounted along the way, in order to better understand any anxieties that may continue to linger, and create strategies to overcome them without a repetition of any mistakes from the past. This paper will attempt to provide an overview of

both the complicated past of Pakistan-Russia ties, leading to the present cooperation and immense potential of the relationship, not only at a bilateral level, but also in terms of the constructive role a stronger rapport between the two states can play within the region at large.

In The Light of History

Following its independence in 1947, Pakistan was searching for its place in the region and beyond. The new state of Pakistan opened its eyes in the midst of the devastation left by the Second World War, the subsequent bipolar world order and the geopolitical, ideological and military competition between its two mighty poles – i.e. United States and Union of Soviet Socialist Republics (USSR). Initially, there were three factors that played a critical role in shaping Pakistan's foreign policy choices in the early years; the memory and scars of colonialism, Cold War politics, and the United States' dominant role in the internal (external) affairs of the country. Pakistan's geo-strategic location was to be both an asset and a heavy responsibility, as the country soon discovered.

Mr. Jinnah, the founding father of Pakistan, once said that “Pakistan is the pivot of the world, as we are placed” and “the frontier on which the future position of the world revolves,”¹ while on another occasion he is known to have stated “America needs Pakistan more than Pakistan needs America,” and Russia, “is not so very far away”. As early as 1949, he knew and understood the significance of the Pakistan's geopolitical potential. However, his tragic demise early after the nation's birth meant that decisions were left to a new leadership that may not have fully grasped what this meant, and therefore aligned itself in haste with the United States and the West, on the basis of perceived ideological affinity.

Furthermore, Pakistan was facing an increasing existential threat from its larger eastern neighbor, India, which also complicated its relations with partner states, even as the country searched for its appropriate geopolitical role. The paramount challenge of the time was to survive: preserve territorial integrity and sovereignty of the

country, from both internal and external dangers, at any cost. This unfortunately also meant that many of the foreign policy decisions that were taken were colored by the various leaderships' of the time's very personal ideas of self-preservation, and tilted in the direction that could best serve that purpose.

Such multi-faceted and evolving threats compelled Pakistan to seek external help to immediately mitigate the existential challenges. Pakistan's political and military establishment decision to join the US international alliance structures, SEATO and CENTO², were driven by this phenomenon. Unfortunately in this midst of Cold War politics, this also meant that these structures were perceived to be devised for the containment of the USSR, to prevent it from expanding its political and economic influence in the region. Consequently, and naturally, the USSR did not appreciate Pakistan's alliance, looking at it as part of the grand American strategy to restrict Moscow's political and strategic influence in the region.

Against this backdrop, the relationship between Pakistan and USSR remained turbulent for a while, witnessing many ups and downs. While the two countries have no history of a direct bilateral conflict, due to the bloc politics of the Cold War era, shifting regional dynamics and the dominant narrative popularized by the West (Soviet expansionism), any interactions between the two were marred by suspicion and fear.

At this time, Prime Minister Zulfikar Ali Bhutto played a pivotal role in improving ties and bringing the Soviet Union and Pakistan closer. While serving as the Foreign Minister of Pakistan, he attempted to strengthen and diversify relations. Due to his dynamism and diplomatic acumen, he persuaded President Ayub to proactively work towards stronger links with the USSR and China. His first visit to Moscow as the President of Pakistan came in March 1972³, where he held talks with his counterpart, the Soviet PM Alexei Kosygin and Secretary-General Leonid Brezhnev. This resulted in an agreement to expand relations in economic, political, cultural, and scientific fields, enhancing prospects of cooperation in exploration of natural gas and oil reserves, final adjustments in the Steel Mill project

and revitalizing trade relations. Both countries also agreed to restore trade and aid relations, which had been put on hold in 1971.

In 1973, PM Bhutto laid the foundation of the long-delayed Pakistan Steel Mill mega- project, financed by the Soviet Union. The project undoubtedly generated a tremendous amount of goodwill in Pakistan for the USSR, and was perceived as a 'friendly gesture'. In 1974, Zulfikar Ali Bhutto, visited the Soviet Union again, this time as the Prime Minister of Pakistan⁴, and held talks with his counterpart Soviet Prime Minister Alexei Kosygin and various government officials. To benefit from the favorable environment being created, the countries also agreed to further expand cooperation in the fields of agriculture, education, and science. It was under PM Bhutto's leadership that new vigor was injected into bilateral relations, and foreign policy thinking which, today, has paved the way for the reorientation of Pakistan's foreign policy.

However, the USSR's decision to send forces into Afghanistan in December 1979⁵ for supporting the pro-Moscow regime in Kabul complicated the already delicate relationship between Moscow and Islamabad. At the time and in light of the aforementioned popular narratives, Pakistan's leadership interpreted the Soviet action as a threat to its national security and an attempt to reach 'warm waters'. To safeguard against yet another perceived existential threat, Pakistan joined the US and Western alliance to check the Soviet Union's potential 'expansionist' designs in South Asia. US President James Carter contacted Pakistan's Military Ruler, Gen Zia-ul-Haq as soon as the USSR entered Afghanistan, and assured him that the United States would support and honor the SEATO commitment from 1959, and work within its framework rather than formalizing a new treaty.

Ostensibly, USSR's military presence in Afghanistan became an opportunity for General Zia, giving him the space to prolong his absolute military rule on the one hand, and enhancing Islamabad's geopolitical outreach to counter Pakistan's waning influence in the region on the other. Pakistan decided to align with the US camp, and support their 'containment' strategy against the Soviet Union in Afghanistan. With the help of financial and military assistance from the US and the West, Pakistan facilitated the Afghan resistance, thereby weakening

the ability of USSR forces to hold ground in Afghanistan, and consequently damaging its image of invincibility. Despite the official Soviet withdrawal in 1989 and the beginning of the Afghan Civil war in 1992⁶, Pakistan's bilateral relations with Moscow saw no improvement. In January 1992, Pakistan announced that it would 'halt' all arms-shipments to the 'Mujahideen'⁷.

Many foreign and defense analysts concur with the notion that the USSR's struggle in Afghanistan was a strategic blunder that would pave the way for the collapse of Soviet Union. Without doubt, the dissolution of Union of Soviet Socialist Republics (USSR) in 1991 was a watershed moment for international politics. The global power structure witnessed an enormous paradigm shift from a bipolar to a uni-polar world order, with the United States of America becoming the single most powerful state in the world. Following the 'August coup' of 1991⁸, the newly formed Russian Federation quickly absorbed most of the assets of the Soviet state. Internationally, Russia was widely regarded as the Soviet Union's successor state taking responsibility for the latter's treaty obligations, and assuming the Soviet Union's permanent seat on the UN Security Council.

Despite this complicated past, the fact remains that the USSR and Pakistan's collective history also witnessed various good developments within their bilateral relationship. In 1965, when India and Pakistan went to war over a border dispute, it was due to Soviet leadership and mediation initiative that India and Pakistan came to cease hostilities, and signed the Tashkent declaration on 10th January 1966⁹. The Soviet Prime Minister, Alexei Kosygin, moderated between Indian Prime Minister Lal Bahadur Shastri and the Pakistani President, Muhammad Ayub Khan. Furthermore, in the 70s, as a result of then Prime Minister Zulfikar Ali Bhutto's efforts, Russia provided technical and financial assistance to Pakistan for the establishment of the Steel Mill in Karachi. The plant was completed in 1985 – at the height of strained relations between the two states because of the Afghanistan conflict¹⁰. The Steel Mill was designed to produce 1.1 million tons of steel annually, and had the built-in capacity to double the quantity of annual production.

Interestingly, before 1979, more than three hundred Pakistani students were enrolled in Soviet universities, specializing in engineering,

medicine, economics, physics, Russian literature, law and political science. All of these students were awarded full waivers for annual tuition fees, in addition to receiving monthly maintenance stipends.

The End of the Cold War and a Fresh Start

Following the dissolution of the USSR in 1991, the newly emerged successor state – the Russian Federation – embraced the new regional and international geopolitical realities. This evolution also offered a new opportunity for a fresh start between Pakistan and Russia's bilateral relations and the possibility for building a new framework for mutual cooperation. During these early years, the Russian Federation also began to pay greater attention to Muslims countries in general and Pakistan in particular. Consequently, relations between the two countries began to ameliorate.

In December 1991, Russian Vice President, Alexander Rutskoy visited Pakistan and discussed the Afghan conflict and the role of the two countries (Pakistan and Russia) in bringing about peace and stability in the South Asian region. He also sought Pakistan's help for the return of Russian prisoners of war from Afghanistan. In the joint communiqué, it was announced that the Russian Federation was eager to strengthen ties with Muslim countries, based on mutual respect and mutually beneficial initiatives. Furthermore, Russia lent its support to Pakistan's proposal for a nuclear-free zone in South Asia, and lauded the idea of convening the Five-Nation Conference on Nuclear Non-Proliferation in South Asia. The communiqué also mentioned the word 'Kashmir' in a way that was beneficial for Pakistan's longstanding support for the cause, by expressing the desire for the resolution of the Kashmir issue in accordance with the international agreements and resolutions. Both sides also discussed opportunities for increasing cooperation in trade, economy, agriculture, and in cultural spheres, while also agreeing to hold joint consultations on issues related to defense and foreign policy. This was followed by a visit to Moscow in 1992 by Sardar Asif Ali, the State Minister for Economic Affairs, who, after decades of neglect, went with the aim of consolidating recent overtures

and opening up a new chapter in the two countries relations¹¹. It was at this point in time that Russian perceptions regarding Pakistan began to change, and Islamabad could shed the baggage of the Soviet era and the suspicion sown by Cold War politics.

During this period, Russia, attempted to launch several initiatives for regional dialogue, related to the problem of Afghanistan in the 1990s – of which it was an active participant, as well as the North-South Transport Corridor, which did not touch Pakistani interests significantly but created connectivity to India and Iran. Initially, the idea was to set the base for a greater transportation and economic role from South Asia and the Middle East to the Northern, European regions.

In 1994, Russian President Boris Yeltsin, extended an official invitation to Pakistan's Prime Minister Benazir Bhutto to visit Moscow, which was an indication of Moscow's seriousness in enhancing its relations with Pakistan, and eagerness to bury past bitterness. However, unfortunately due to domestic political instability and compulsions, PM Benazir Bhutto was unable to visit during her tenure.

In 1994, Sardar Asif Ali, then Foreign Minister of Pakistan visited Russia once more and held talks with his counterpart on key issues of bilateral interest, including the issue of Kashmir, Afghanistan, security situation in Central Asia and overall geo-strategic environment of South Asia¹². Both sides agreed to enhance their cooperation, and signed an agreement to eliminate visas for diplomatic passport holders. To reciprocate, in September 1995, the head of Russian Parliamentary Delegation visited Islamabad and said that Moscow was ready to give military equipment and technology to Pakistan¹³. Then, in 1996, Russia agreed to launch Pakistan's second satellite, Badr-B from its Baikonur Cosmodrome into space¹⁴.

In May 1998, Pakistan tested nuclear weapons in response to an earlier Indian nuclear test, and the region's geopolitical and geo-strategic environment radically changed once again. The tests created an opportunity for regional countries to revisit their foreign, defense and economic policies¹⁵. In April 1999, Pakistan's Prime Minister Nawaz Sharif visited Moscow. This was a visit by a Prime Minister of Pakistan after twenty five years. Russian President Boris Yeltsin termed the visit as a "new chapter in relations between the two countries,

oriented into the twentieth century”. While the visit did not bring about any new breakthroughs, it gave the opportunity for both sides to exchange views on regional security and stability at highest levels. Both countries signed a bilateral document to replace the 1956 trade and economic cooperation agreement, but no progress made on the supply of military hardware, in light of Moscow’s relationship with Delhi. Moscow and New Delhi were strategic partners, and India was the largest importer of Russian military equipment. Therefore, the Russian Federation was reluctant to strain relations with India by expanding its partnership with Pakistan in a manner that would damage the interests of the strategic partnership. Pakistani PM Nawaz Sharif urged the Russian President to play a greater role in stabilizing the regional security environment, and for the resolution of Kashmir issue. Foreign Minister, Igor Ivanov stated that Russia played a significant role in normalizing the relationship between the two rival states, in accordance with international agreements. In September 1999, a special envoy of the Russian President, Sergey Yastrzhembsky visited Pakistan and held discussions with the country’s political and military leadership. Primarily, the discussion revolved around three issues; extremism, transnational terrorism, and drug trafficking. The envoy stated that Pakistan was capable of playing a vital role in promoting regional stability.

Consequently, during this decade, Pakistan and Russia made significant progress in their bilateral relations after the dissolution of USSR, and made conscious efforts to reorient their foreign and defense policies to accommodate each other’s regional and international concerns. However, there still remained several irritants in the relationship, in guise of the Afghan civil war, the rise of the Taliban, regional terrorism, a changing security landscape in Central Asia and the emerging challenges of drug trafficking.

Strategic Turnaround

After 2001, in light of changing regional and global realities, Pakistan and Russia have strived to strengthen cooperation and

open new avenues for bilateral partnerships. The two countries have attempted to create a new paradigm of collaboration based on common good and enhancing diplomatic, economic and defense cooperation. The ongoing war in Afghanistan has been and is a major concern for both countries; due to geographic proximity, the instability in Afghanistan impacts the peace and stability of the entire region. Furthermore, geopolitical and geo-economics stress from the West in recent months has motivated the Russian Federation to expand its outreach in Asia in general, and South and West Asia in particular. Additionally, the gradual shift in Indian foreign policy and closer ties with Washington in the field of defense, economics and high tech has encouraged Moscow to also find new markets for its products, and in this regard, recalibrate its ties with Pakistan. 9/11 also brought about an immense shift in Pakistan's foreign and security policy, wringing massive change in mutual perceptions as well, where Russia is now acknowledging Pakistan as an important player in South Asia, with significant political, diplomatic and economic clout in region and beyond.

To further advance ties, then Military President and Chief Executive Officer, General Pervez Musharraf, sent his special envoy, General Mahmood, the ISI Chief, to Moscow to clarify Pakistan's position with regard to Afghanistan and the stance on the Taliban as well as the overall regional security situation, particularly in the light of changing regional realities¹⁶. Following the visit, Russia announced the handover of sixteen MI-17 military cargo helicopters to Pakistan. Undoubtedly the visit injected new confidence in the leadership of both countries regarding the strength of the relationship, influencing them to clear the air and consider strategic cooperation in the wake of the regional instability created by the US-led War on Terror in Asia and the Middle East. In fact, the real push in Pakistan-Russia relations came right after the tragic events of 9/11 and the subsequent United States invasion of Afghanistan for harboring Al-Qaida and Osama bin Laden, as well as President George Bush's larger Global War against Terror[ism] (GWOT)¹⁷. With the emergence of the threat of transnational terrorism, regional and global players were compelled to reorient their foreign and security policies.

In the wake of these international developments, Russia and Pakistan opened their doors for cooperation on broader regional objective. Both nations' key concern remains fluid situation in Afghanistan and the growing instability in the region, in addition to the problems posed by drug trafficking, and the growing threat of extremism.

In January 2002, Additional Secretary Aziz Ahmed Khan, visited Russia and discussed matters pertaining to regional stability, political, trade and economic issues¹⁸, during which they agreed to enhance and diversify trade relations. Subsequently a Russian business delegation visited Islamabad, and established a Pakistan-Russia Business Forum, that also pledged to increase bilateral trade to \$100 million.

The year 2003 marked another golden chapter in bilateral relations, when Pakistan's President General Pervez Musharraf visited Moscow. He met with the Russian President and other high officials to discuss bilateral, international and regional issues. He was convinced that Moscow had great leverage for the resolution of the dispute between India and Pakistan. While giving interviews to different outlets, he stated that the primary purpose of his visit was to strengthen Islamabad's relations with Moscow and extend the hand of friendship to the Russian people. The Russian Foreign Minister termed the visit fruitful and stated that "Russia intends to carry on working jointly with the Pakistani side to eliminate remaining disagreements and to further develop ties in all fields, naturally with no detriment to our relations with our traditional partners"¹⁹. The two signed agreements on bilateral trade, energy exploration and cultural exchanges. In 2004, Igor Ivanov, the Russian Foreign Minister came to Pakistan, and in 2005 and 2006 the Presidents of Pakistan and Russian Federation met again in various different international settings.

In 2007, the Russian Prime Minister visited Pakistan; this was the highest visit from any Russian official in thirty eight years. He met with the President General Pervez Musharraf and PM Shaukat Aziz, and discussed regional issues and the potential for enhancing economic and trade relations. This was followed in November 2010, by a visit from the Pakistani Prime Minister, Yousuf Raza Gillani,

who met with the Russian Premier Vladimir Putin on the sidelines of 9th Shanghai Cooperation Organization (SCO) Heads of Government Council meeting in Dushanbe, Tajikistan²⁰. During the meeting, the PM reiterated once more his interest in purchasing the Russian Mi-35 attack gunship helicopters to fight terrorism.

In September 2011, President Asif Ali Zardari conducted a landmark visit to Moscow to hold talks with President Putin. The meeting saw many milestone achievements, and the two leaders signed several agreements in the areas of energy, investment, air services and agriculture²¹. For the first time in very a long time, the two countries issued a very comprehensive and robust joint statement, which included almost all aspects of cooperation and collaboration, at bilateral as well regional levels. The same year, the Russian President Vladimir Putin also expressed his support for Pakistan's application for full membership of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). In this build-up of warmth, President Putin had intended to visit Pakistan, but the scheduled visit was postponed at the eleventh hour due to extenuating circumstances.

In 2011, Prime Minister Yousuf Raza Gillani and PM Vladimir Putin held a candid discussion during the 10th Heads of States of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) meeting²². To energize bilateral trade and investment, in 2011, a currency swap arrangement was proposed. Another sign of the growing mutual regard was the statement by the Russian Foreign Minister in the aftermath of Salala Attack on Pakistani check post by NATO, whereby he said that the violation of Pakistan's sovereignty was not acceptable to Russia²³.

There is no doubt that since 2001, Pakistan and Russia's bilateral relations have improved considerably and are continuing on an upward trajectory. The turmoil in Afghanistan and transnational terrorism and drug smuggling also continued to be core issues of mutual concern. The frequent exchange of high levels visits between the both countries however, has injected more credence and confidence in the relationship, and helped the two countries to better understand each other's concerns and views on key regional as well as international issues.

Bilateral Defense Cooperation

In 2009, Pakistan's Chief of Army Staff, General Ashfaq Parvez Kayani also visited Moscow at the invitation of Russian Ground Forces Chief General Vladimir Boldyrev, and discussed the improving military to military contact, potential for joint military exercises and overall regional changing security landscape²⁴. General Kayani visited Moscow again in October, 2012, and held high level meetings with Russian defense and foreign ministries.

In November, 2014, Sergey Shoygu, the Russian Defence Minister visited Islamabad for the first time since 1969, to discuss full spectrum defense collaboration and signed a landmark defense agreement with Pakistan²⁵. According to the agreement, both agreed in principal to collaborate in the field of defense cooperation, strengthening military to military contacts, close consultations on international as well regional issues, arms control, strategic stability and experience-sharing in peace keeping. Before the visit, Moscow and Islamabad had concluded their first military and naval exercises, and Russia lifted the arms embargo, approving the sale of Mi-35 helicopters to Pakistan.

In July 2015, Prime Minister Nawaz Sharif and Russian President Vladimir Putin met for the first time on the sidelines of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) summit in Ufa. The two leaders discussed regional and international security, and stressed on the need to enhance bilateral relations. Pakistan's Defense Minister Khawaja Asif dubbed this development as a "milestone" and vowed to take the relations with the Russian Federation to new heights.

Pakistan's Chief of Army Staff, General Raheel Sharif also visited the Kremlin in July 2015, where he was received by the Russian military leadership. This was the first visit by a Pakistani Army Chief to Russia; Gen Sharif was given a Guard of Honor while laying a wreath at the Tomb of the Unknown Soldier. The visit was considered a visible improvement in relations, especially as the landmark defense deal for the sale of the four Mi-35 'Hind E' attack helicopters was also signed during the same year²⁶.

Furthermore, Pakistan Navy and the Russian Navy have conducted joint anti-drug exercises titled “Arabian Monsoon – 2015” in Arabian sea²⁷. Pakistan Navy Ship Khaibar and Russian Ship Kulakov, Naval Special Operation Forces and units of Pakistan Maritime Security Agency, the Ka-27 Russian naval helicopter and Pakistani Harbin Z-9EC helicopter participated in the exercise. These exercises truly demonstrated that the defense cooperation with Russia is progressing in all segments of defense and is not limited to cooperation with the army.

The year 2016 marked remarkable advancements in Pakistan’s relations with the Russian Federation. The Pakistan-Russian military exercise titled ‘Druzhbha – 2016’ (meaning friendship) was held in Pakistan. The exercise’s primary aims included promoting international security; intensification of counterterrorism efforts and arms control activities; strengthening collaboration in various military fields and sharing experiences²⁸. Furthermore, this planned exercise generated a lot of media hype and consequently public interest.

In September 2017, Pakistan and Russian forces conducted joint military exercises in Russia’s North Caucasus republic of Karachayevo – Cherkessia²⁹. The military drill continued for two weeks, and two hundred commandos from the two countries took part in this exercise. According to Russian officials, “the drills are aimed at exchanging professional experience and to consolidate cooperation in the military sphere between Russian and Pakistani mountain units.” This series of military exercises strengthen Pakistan and Russia’s collaboration in the field of counterterrorism, as well as cordon off, search and hostage rescue operations. General Saeed Alamdar Houssein Shah, who led Pakistan’s military contingent, termed the exercises were “of great importance” to both Islamabad and Moscow.

The military exercise was followed by the visit of Pakistan’s Army Chief of Staff, General Qamar Javed Bajwa to Russia. According to Pakistan’s MOFA, both countries have had “regular high-level exchanges in the past few years, which have set the stage for translating political goodwill into a substantial partnership, in particular in the field of defense.” General Bajwa’s visit took place on the heels of severely strained diplomatic relations between Pakistan and the US, in light of

President Trump's new strategy for Afghanistan and South Asia, and the placing of blame on Pakistan for the failures in Afghanistan.

Consultation on Strategic Stability

Since the nuclearization of South Asia, Moscow has attached great significance to this region and made significant efforts to engage in dialogue with Pakistan to ensure strategic stability remained intact in the region. Pakistan and Moscow agreed in 2002 to establish a consultative group on strategic stability, which was formally established in 2003. The core areas of discussion in the group are international peace and stability, regional dynamics, arms control and disarmament, conflict resolution and non-proliferation, science and technology, energy security and multilateral fora. Pakistan is an energy deficient country, which creates space for cooperation between the two countries in the realm of nuclear energy. Pakistani officials have, on many occasions, highlighted the fact that Pakistan is eager to enter into cooperation with Moscow in peaceful uses of nuclear technology and cooperation in nuclear energy. However progress in this regard has been slow due to various technical issues and Moscow's international obligations. In April 2016, the Pakistan-Russia Consultative Group on Strategic Stability met in Islamabad and discussed the fluid international and regional strategic landscape and issues related to non-proliferation and disarmament³⁰. Furthermore, both agreed to carry forward the positive trajectory and find common ground in strengthening bilateral relations.

Broadening Economic Ties

For decades, despite being geographically close, Pakistan and Russia failed to improve their economic and trade relations due to strained political and diplomatic ties. While there were some instances of engagement, they never translated into substantial economic cooperation. In recent years however, this situation has altered

significantly, with increasing Russian investment in various projects inside Pakistan.

The real impetus for renewing economic cooperation came during the visit of President Asif Ali Zardari to Moscow. During that visit, for the first time the two countries agreed to establish a joint business council to strengthen trade relations. However trade volume continues to fluctuate between the two countries, and remains susceptible to international geopolitical developments. For example, bilateral trade volume between Russia and Pakistan decreased in 2015 by 13 percent, reaching \$395 million as compared to the \$453 million in 2014. In the 2016, the total trade volume remained \$404 million³¹. As a result of deliberate efforts from both sides, in the last few years, the volume of bilateral trade has seen another upward trend. In 2016, it was reported to be \$403 million, an increase from \$331 million in 2015. Just last year the imports from Russia grew from \$170 million to \$258 million. The Pakistani exports to Russia also increased by 10 percent in three months as reported in June 2017.

Russia and Pakistan have also signed an agreement on cooperation in the construction of the 'North-South' LNG pipeline from Karachi to Lahore and are in talks for an offshore gas pipeline. These agreements will see a total Russian investment of \$10 billion³² in an 1100 kilometer long LNG pipeline and the offshore gas pipeline, as well as a significant boost in economic relations. Russia is considering joining Tajikistan and Kyrgyzstan in the CASA-1000 energy project, for providing Afghanistan and Pakistan with electricity. Recently, Russia has also expressed an interest in becoming part of the TAPI Pipeline project; the project initially included Turkmenistan, Afghanistan, Pakistan and India. In 2011, Pakistan and Russia have also initiated work on the framework for a proposed Free Trade Agreement and currency swap arrangement, to boost bilateral trade and further strengthen their economic ties.

In 2017, Russia also offered to finance the Iran, Pakistan, and India (IPI) gas pipeline project, but due to UNSC sanctions on Iran, and the rivalry between India and Pakistan, combined with US pressure, this could not be materialized. Russia has also expressed its interest in the China Pakistan Economic Corridor (CPEC); the

CPEC is a flagship project of the One Belt and One Road (OBOR) initiative, and has already drawn a great number of investments. Pakistan has already approved a Russian request for using Gwadar Port for its exports. Putin has also offered Russia's assistance for the expansion and upgradation of Pakistan Steel Mills, as well as the provision of technical support for the Guddu and Muzzafargarh power plants, and shown interest in developing the Thar Coal Project. Furthermore, in 2017, the federal cabinet gave a go-ahead to the initiation of agreement with Russia for the construction of 600MW Natural Gas Combined Cycle (NGCC) power plant in Jamshoro, Sindh. Both countries have also expressed their willingness to sign a 'Free Trade Agreement' which will further strengthen the bilateral relationship.

Keeping in view the shifting strategic landscape of the global and regional politics, it would prudent for both the countries to take advantage from this opportunity to cement and diversity their relations in multidimensional directions. There is no doubt that Pakistan and Russia have tremendous potential to expand their trade in the energy sector, high-technology transfers, agriculture and, above all, in the spheres of education and culture. Furthermore, the TAPI, IPI, CASA projects, the Diamer Bhasha Dam, gas exploration in Sindh and Punjab and above all CPEC projects, all have the potential of creating a huge dividend not only for Russia and Pakistan, but for the entire region.

Moving Towards Regional Integration: The Shanghai Cooperation Organization

Pakistan became member of Shanghai Cooperation Organization at the 17th SCO Summit held on 8–9 June, 2017 at Astana, Kazakhstan. While addressing the SCO summit, Prime Minister Nawaz Sharif dubbed the moment as a “historic day” and stated that Pakistan wanted to “harness [...] the SCO's enormous potential and proven competencies, [...] by leveraging the strong political will of the nations represented in the SCO. Pakistan stands ready to contribute to this collective endeavor.”

He highlighted that Pakistan is third largest country in the SCO and moving at a fast pace on the path of economic progress. With a population of 200 million, strong armed forces of 0.7 million, a \$1 trillion (PPP) economy, and robust nuclear deterrent capability, the country was standing at high point in its history to use its geographic capital for elevating its self-image and maximizing its geopolitical relevance to the region and beyond.

Without doubt, Pakistan's membership in SCO is very important to its geopolitical and geo-economic outreach. The forum also provides a regional and international platform for Pakistan to cement its ties with partner states and global players. Furthermore, there are also expectations that the organization could play an important role in promoting regional cooperation, and countering terrorism, drug trafficking and human smuggling. With both Pakistan and India's participation, the SCO can now boast a membership that includes approximately 40 percent of the world's population, generates 20 percent of global gross domestic product, and spends over \$300 billion annually on their militaries.

Geographically, it is central to the region's massive infrastructure development (BRI) and overland trade routes emerging between Asia to Europe. Keeping in view the shifting strategic landscape of the South Asian region, the role of the SCO is becoming ever critical in shaping the paradigm of peace and prosperity, by creating a win-win situation for all regional countries. In short, the bilateral relations between Pakistan and Russia have taken a giant leap forward from 2001. A major shift has been wrought in the perception and behavior of both countries foreign and defense policies towards one another in particular. Russia's support of Pakistan's entry into the SCO is an example of how the two countries recognize the importance of one another as important players in stabilizing regional security and prosperity.

Conclusion

The evolution of the relationship between Pakistan and Russia is taking place in the context of an evolving global order and regional

realignments. There is no doubt that the two countries have much to offer one another, and not only in the short term. However in order to capitalize on the recent gains in the relationship, and to make it sustainable in the long run, a pragmatic, mature and multi-dimensional approach is required, with specified goals and objectives. Understanding and cooperation at the policy level must extend to all three of the highly interconnected realms of economics, defense and politics.

Pakistan, with its geostrategic location and a population of over 200 million, offers great opportunities for connectivity, both within the region and beyond. The CPEC project is a milestone in this regard, and holds the potential to transform the economic and trade map of the region. It also offers opportunities for investment and cooperation in sectors, such as smart/safe cities, transportation and communication infrastructures, as well as special economic and free trade zones. Russia offers Pakistan a new economic and strategic regional partner that can play a vastly important role in promoting peace, security, stability and economic development. Pakistan's recent membership of the SCO has further opened new doors of connectivity and collaboration on key issues, such as economic cooperation, strategic ties, counter-terrorism, drug trafficking and human smuggling. The membership of the country demonstrates a new vision for cooperation in the region, based on mutual respect, trust and collaboration.

Consistency in policies is required to benefit from the existing potential. This includes improved cooperation in the economic sphere, enhancing people to people contact as well as increased Parliamentary exchanges. While Pakistan and Russia share some commonality of culture and history, concerted efforts have to be made for the greater mutual understanding of the complex social fabric of both countries at a societal level. Increasing interactions between institutions of higher learning and public policy such as think tanks, and the academic and expert communities can play an important role in this regard.

Pakistan must continue to pursue a strategic consensus with Russia on the issues of regional importance, such as counter-terrorism, nuclear non-proliferation, Afghanistan and peace and stability in South Asia. In this context, the next step would be the attainment of

Russia's support for Pakistan's membership bid of the Nuclear Suppliers Group (NSG).

However, in moving forward, both countries must remain wary of traditional pitfalls that have hampered bilateral relations in the past, such as suspicion of additional partnerships with other countries (such as India and the United States). The future of Pakistan-Russia relations will depend on the establishment of a greater degree of mutual trust and consideration, which in turn requires skillful diplomacy from both sides. In an era of shifting geopolitical interests and realignments, both Islamabad and Moscow understand that they must build upon the existing foundation of relations to take them forward. The shared goal of establishing peace in the region can serve as the base for this process. All our collective efforts must be directed towards the objective of realizing the true potential of our bilateral relations, for the long-term benefit of the peoples of both countries, as well as the region at large.

Author profile

Senator Sehar Kamran (TI), Member Senate of Pakistan.

Senator Sehar Kamran (TI) is an elected Member of the Upper House of Parliament of the Islamic Republic of Pakistan for the term 2012–2018. She is respected as an academician and practitioner in areas of regional and international defense and strategic studies. In recognition of her services to the field of Education, Philanthropic Work and for promoting Pakistan in the Kingdom of Saudi Arabia, Senator Kamran has the honor of being awarded one of the highest National Civil Awards of Pakistan “Tamgha-e-Imtiaz” – the Medal of Excellence in recognition of her contributions. She is also President of the think-tank, Centre for Pakistan and Gulf Studies.

Senator Sehar Kamran is the Member of Senate Standing Committees on Defence, Defence Production, Federal Education and Professional Trainings, & Functional Committee on Human Rights. She is also a Member of Parliamentarians for Global Action (PGA) and Parliamentarians for Nuclear Non-Proliferation & Disarmament (PNND). As well as a Leader of Standing Committee (Research and Policy Advice) of Alumni Association of National Security Workshop (AAN), National Defence University, Islamabad, and Alumni of the National Maritime Workshop, Naval War College, Lahore.

She has a number of publications to her credit, including a book chapter and editing of a book on, “Rejuvenating FATA: Education as an Instrument of Change”, in *Evolving Dynamics of FATA: Reflections on Transformation*”.

Most recently, Senator Sehar visited Russia in October 2017 as a member of the Pakistani Joint Parliamentary Delegation to the 137th International Parliamentary Union Assembly in St Petersburg. She was also a participant at the high-level Moscow Non-proliferation Conference 2017 hosted by CENESS, in collaboration with the Russian Ministry of Foreign Affairs.

She has been an eminent speaker at various platforms, including the First two-day International Women’s Congress of the Shanghai Cooperation Organization and the BRICS Member States titled “The Role of Women in The Modern Society: Cooperation In the Political, Economic, Scientific, Educational and Cultural Spheres” held in the Novosibirsk Region at the invitation of the Governor of Novosibirsk, Russian Federation, in July 2017. In June 2017, she visited the Republic of Korea at the invitation of the Embassy of the Republic of Korea in Pakistan and the Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea, as part of their “Eminent Persons Program”. At the invitation of a prestigious Saudi think-tank in May, Sehar Kamran led a three member CPGS delegation on a visit to KSA. She also spoke at the international agenda forum titled ‘On the Second Track, the Role of Civil Society and Public Diplomacy in the Further Development and Expansion of the SCO’ at Sochi, Russia, in April 2016. In March 2016, she had the honor of speaking at the United Nations on the Conference on Status of Women (CSW). She has also participated in the EU Non-Proliferation Consortium in Brussels in November 2015 & 2016, as well as in Prague Agenda Conference, held in December 2016 at Prague, Czech Republic.

REFERENCES

1. Smith, David O. “Facing Up to the Trust Deficit: The Key to an Enhanced US-Pakistan Defense Relationship; *Strategic Insights*, v. 6, issue 4 (June 2007).” *Strategic Insights, v. 6, issue 4 (June 2007)* (2007).
2. Pringsheim, Klaus H. “China’s Role in the Indo-Pakistani Conflict.” // *The China Quarterly* 24 (1965): 170–175.
3. Hafeez Malik, *Soviet-Pakistan relations and post-soviet dynamics, 1947–92* (London: Palgrave Macmillan, 1994), P. 236.
4. *Ibid*, P. 243.
5. Hammond, Thomas Taylor. *Red flag over Afghanistan: the Communist coup, the Soviet invasion, and the consequences*. Vol. 35. Westview Press, 1984.
6. Hafeez Malik, *Soviet-Pakistan relations and post-soviet dynamics, 1947–92* (London: Palgrave Macmillan, 1994).
7. *Ibid*.

8. Dunlop, John B. "The August 1991 coup and its impact on Soviet politics." *Journal of Cold War Studies* 5, no. 1 (2003): 94–127.
9. Declaration, Tashkent. "The Tashkent Agreement." (1966).
10. Pakistan steel Mill, http://www.paksteel.com.pk/organ_our_history.html (Accessed on 12 January 2018).
11. Hanif, Muhammad. "Pakistan-Russia Relations: Progress, Prospects and Constraints." *IPRI Journal* 13, no. 2 (2013): 63–83.
12. Hanif, "Pakistan-Russia Relations: Progress, Prospects and Constraints." 63–83
13. Muhammad Owais, "Pakistan- Russia Relations: Economic and Political Dimensions", 129.
14. Lele, Ajey. "Pakistan's Space Capabilities." In *Asian Space Race: Rhetoric or Reality?* pp. 43–58. Springer India, 2013.
15. Ahmed, Samina. "Pakistan's Nuclear Weapons Program: Turning Points and Nuclear Choices." *International Security* 23, no. 4 (1999): 178–204.
16. Owais, Muhammad. "Pakistan-Russia Relations: Economic and Political Dimensions." *Pakistan Horizon* 60, no. 2 (2007): 125–139.
17. Hoffman, Bruce. "Rethinking terrorism and counterterrorism since 9/11." *Studies in Conflict and Terrorism* 25, no. 5 (2002): 303–316.
18. Hanif, Muhammad. "Pakistan-Russia Relations: Progress, Prospects and Constraints." *IPRI Journal* 13, no. 2 (2013).
19. "Musharraf Arrives for 3 Days of Talks," *The Moscow Times*, February 5, 2003, <http://old.themoscowtimes.com/sitemap/free/2003/2/article/musharraf-arrives-for-3-days-of-talks/240593.html> (Accessed on 12 January 2018).
20. Uppal, Gurpreet Singh, Raj Kumar Sharma, Anilkumar B. Halu, Dipen Saikia, Mohd Younes Bhat, Suravi Gohain Duwarah, Susanta Kumar Parida et al. "An International Journal of Ideas."
21. "Pakistan, Russia agree to promote trade, investment," *Dawn*, May 12, 2011, <https://www.dawn.com/news/628117> (Accessed on 12 January 2018).
22. "It is a historic day': Pakistan becomes full member of SCO at Astana summit," *Dawn*, June 09, 2017, <https://www.dawn.com/news/1338471> (Accessed on 12 February 2018).
23. "No excuse to violate Pakistan sovereignty: Russia", *Dawn*, November 28, 2011, <https://www.dawn.com/news/676585> (Accessed on 9 January 2018)
24. Ibid
25. "Russia Signs Landmark Military Cooperation Agreement with Pakistan," *The Moscow Times*, November 20, 2014, <https://themoscowtimes.com/articles/russia-signs-landmark-military-cooperation-agreement-with-pakistan-41589> (Accessed on 12 January 2018).
26. "Pakistan, Russia sign landmark defence deal", *Dawn*, August 19, 2015, <https://www.dawn.com/news/1201473>
27. "Pak-Russian navy drill Arabian Monsoon concludes," *The Daily Times*, December 9, 2015, <https://dailytimes.com.pk/97097/pak-russian-navy-drill-arabian-monsoon-concludes/>, (Accessed on 16 January 2018).

28. Tahir Khan, "Analysis: Pak-Russia drill signals strategic shift," *The Express Tribune*, September 26, 2016, <https://tribune.com.pk/story/1189059/analysis-pak-russia-drill-signals-strategic-shift/>. (Accessed on 12 January 2018).
29. "Russian, Pakistani Forces Launch Joint Exercise in North Caucasus," September 25, 2017, RFE/RL, <https://www.rferl.org/a/russia-pakistan-joint-exercises-caucasus/28755462.html> (Accessed on 15 January 2018).
30. "10th Meeting of Pakistan-Russia Consultative Group on Strategic Stability," 26 April, 2016, <http://www.mofa.gov.pk/qatar/pr-details.php?prID=3686> (Accessed on 15 January 2018).
31. "Russian trade with Pakistan in 2016," *Russian Foreign Trade*, February 28, 2011, <http://en.russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-02/russian-trade-with-pakistan-in-2016/> (Accessed on 15 January 2018).
32. "Pakistan, Russia poised to sign \$10b gas pipeline deals this week", *Express Tribune*, December 19, 2017, <https://tribune.com.pk/story/1587364/2-pakistan-russia-poised-sign-10b-gas-pipeline-deals-week/>

Rana Athar Javed*

OVERVIEW OF 70 YEARS OF RELATIONSHIP BETWEEN RUSSIA AND PAKISTAN

Summary. The author provides a succinct description of the history of the Pakistan-Russia relations beginning with the time of establishing the diplomatic relations in 1948 up to the present time. The main issues presented in the article are the following: economic and military bilateral relations as well as foreign policy and the humanitarian contacts between the two countries.

Keywords: Pakistan-Russia relations, economic cooperation, trade, arms delivery

70 лет отношений между Пакистаном и Россией: обзор

Резюме. Автор дает краткий обзор истории взаимоотношений России и Пакистана со времени установления дипломатических отношений между двумя странами в 1948 году по настоящее время. Основное внимание автор уделяет вопросам развития двусторонних торгово-экономических и военно-технических связей, а также описывает внешне-политические и гуманитарные контакты между двумя странами в исторической ретроспективе

Ключевые слова: пакистано-российские отношения, экономическое и военное сотрудничество, торговля.

INTRODUCTION:

Russia, a country that has ruled over the post-modernism political environment owing to its political, military, strategic and economic stature, continues today as well, to play a leading role in the international politics. On the other hand, the Islamic Republic of

* Rana Athar Javed – Director General, Institute of International & Cultural Affairs, Head of “Pakistan House”. E-mail: ma_javed@hotmail.com

Pakistan, a bi-product of the post Second World War scenario is a state that has always been at the cross-roads of the major powers of the world. Pakistan, as a state has played a leading role during the times of Cold War (1945–1999), Soviet Invasion of Afghanistan (1979–1989) and US–Afghan War (1989 up to date). Pakistan's active role in the aft-mentioned.

Owing to the country's pro–American policies, Pakistan remained at odds with the Russian Federation for a couple of decades during the early years of its inception. Pakistan's first premier, Liaquat Ali Khan's, decision to visit USA rather than USSR laid the foundations of Pakistan's foreign policy directions for the years to follow. Pakistan's membership to South East Asian Treaty Organization (SEATO) in 1954 and to Central Treaty Organization (CENTO) in 1955, during Cold War era, reflected Pakistan's alignment to United States which marred Pak – Russo relations. While in parallel, besides her commitment to Non-Aligned Movement ran India's covert relations with the USSR. Pakistan's announced alliance to the western bloc in the early years followed by China – Pakistan Nexus later on one side and India's covert partnership with Russia and enmity with China (that resulted into Sino – Indian war in 1962 as well) shaped the dynamics of South Asian policy towards Eurasia. However, after some time, the Treaty of Peace, Friendship and Cooperation signed between India and Russia in 1971 expressed Russia – India Alliance openly.

However, the relations between Pakistan and Russia increased considerably when the Pakistani Premier Zulfikar Ali Bhutto freed the country from US led defence alliances SEATO and CENTO. Not only did Bhutto visit Russia after assuming the office, his government also initiated developmental projects with Russia. However, Soviet intervention in Afghanistan in late 1970s strained the relations between the two countries once again when Pakistan sponsored Mujahideen to fight against the Soviets. After the withdrawal of Soviet combatant troops from Communist Afghanistan, relations between Pakistan and Russia began to normalize. In the wake of fall of communism, Russian-Pakistan relations improved rapidly. In 1989, Soviet embassy offered Pakistan the installation of a commercial nuclear power plant in the country, however after U.S. intervention,

the plans were sent into cold storage. Also, Russia's reaction to Pakistan's nuclear weapons test in 1998 was not a hostile one. After September 11, 2001 attacks, Pakistan denounced the Taliban Regime in Afghanistan and joined the NATO coalition to hunt down Al – Qaeda and other Jihadist organizations.

Pakistan's decision to become a part of the international struggle against terrorism led to Russia-Pakistan relations being greatly improved. Russia's diplomatic struggle to ease off Indo – Pakistan nuclear crisis of 2001 also improved the bilateral relations. However, a major role was played by the visit of Russian Prime Minister, Mikhail Fradkov to Pakistan in the rapprochement of the two states. After 38 years of post – Soviet era, Mikhail Fradkov was the first Prime Minister to visit Pakistan. The visit emphasized to increase the ways and means to improve bilateral relations through economic interdependence and trade.

In August 2015, Russia agreed to sell MI – 35 M attack helicopters to Pakistan. Military to military relations are increasing as a result with increase in trade and joint military exercises. Likewise, the bilateral trade relations are also improving over time referring to the Memorandum of understanding signed between Pakistan's Oil and Gas Development Company Limited (OGDCL) and Russia's Gazprom International.

In the current scenario, Russia realizes the importance of stability in Afghanistan and therefore deems the improvement of her relations with Pakistan and Iran as significant. Also, in the changing world order, the international politics are also undergoing major transitions and therefore there are prospects of emerging Pak – Russia relations.

VIEWS OF LEADERS:

Russian President Vladimir Putin: Russian-Pakistani relations have been constructive and mutually beneficial. Our relations are developing in many areas, and our trade has increased, even if only by a few percentage points. Of course, we are able to do much more than we are doing now.

Russian Ambassador Alexey Y. Dedov expressed: The ties were far more robust and were undergoing a renaissance.

An Indian Diplomat said: “A defense pact between Moscow and Islamabad would have been “inconceivable”. It is a turning point in their relationship”.

HISTORICAL BACKGROUND:

The diplomatic relations between Russia and Pakistan started developing in 1948 but as it is said in international politics that there **is no permanent friend and no permanent enemy** same is the case with the relation between the two states. A brief history of Pakistan’s treatment of Russia, mostly the Soviet Union, suggests an unpleasant act in the global power politics siding with the US. After the establishment of Pakistan, many delegations were sent to Britain and America for economic and military aid but the invitation by Soviet Union was rejected by Liaquat Ali Khan. USSR perceived Pakistan in the military aspects sponsored by the US and Pakistan’s friendship with China in the context of the Cold War, while Pakistan felt threatened due to USSR close relations with India.

Between 1947–50 and 1965–69, the two countries were involved in trade as well as educational and cultural exchanges. After the 1966 Tashkent Summit between Pakistan and India in which Russia acted as a mediator ended the 1965 Indo-Pak War, even appeared in part due to the efforts of Soviet Prime Minister Alexei Kosygin. Pakistan Steel Mills remains an immense project of the well-meant Pakistan-USSR bilateral relations during this period. Nonetheless, Soviet efforts to have friendly relations with Pakistan were weakened by itself. Moscow’s blame of Pakistan’s position in the 1971 war with India deteriorated bilateral relations, and many people in Pakistan assumed that the August 1971 Indo-Soviet Treaty of Friendship, Peace, and Cooperation encouraged India’s invasion of East Pakistan. Further the Soviet arms sales to India, amounting to billions of dollars on concessional terms, supported this argument and made Pakistan to moving more towards China and US. The USSR also kept vetoing

each resolution regarding the East Pakistan situation that Pakistan brought to the United Nations.

Other incidents such as Soviet Union support for Afghanistan on the Pashtunistan issue and the U-2 episode shattered mutual trust. Relations experienced a nose dive and touched the lowest retreat during the 1980s Soviet occupation of Afghanistan, in which Pakistan sided with United States to hinder further Soviet expansion from knocking at Pakistani borders.

ASSUMPTIONS OF PAK-RUSSIA RELATIONS:

While analyzing the Pak – Russia relations it is very important to understand some features regarding the foreign policy of Pakistan towards Russia and they are as following:

- **Foreign Policy:**

The over-riding emphasis of Pakistani elite, feudality, bureaucracy and military, led to the foreign policy towards the western approach. Therefore, Pakistan preferred a unfriendly ally over an immediate neighbor, making a choice between the US and former USSR. Many observed that rationally speaking, it would have been more in the interest of Pakistan to rely on the tangible help of Russia that was just a border away than over the US that was continent apart. But, it is a history that Pakistan delayed the acceptance of the Soviet invitation and ‘managed’ to get a similar offer from the US and accepted it in no time (Sattar, 2007, April 12).

Cause for this choice is interestingly in the colonial past of this country. It is a matter of fact that Britain was once the greatest imperial power of the world. After the World War II, it lost its power and could not hold on to its possessions. Thenceforth, the US replaced Britain as the protector of the free liberal world, but in its own fashion. The British India was a case in point. Failing to woo independent India, it turned towards the other part of the British India, i.e., Pakistan, and happily gained it over. On the other side of the equation, the Pakistani elite was pre-dominantly western in its out-look. If Ghandi and Nehru were to some extent anti-imperialists,

there was no such voice in the Pakistani side. Leader of the All India Muslim League, years before the independence, had deemed Communism as a threat and outlined the foreign policy that would be aligned towards the west. So it was not uncanny that Pakistan rushed towards the western bandwagon before rationally considering available alternatives.

- **India Centric approach:**

Pakistan's foreign policy revolved around the circle of India since 1947. Many factors contributed in this direction; initial rivalry with Indian National Congress, communal riots during partition, territorial issues including Kashmir, and the 1948 war. As soon as Pakistan developed relations with western alliance and India developed its relation with Russia, Pakistan thought with India Russia is also our enemy.

- **Western Approach:**

An apparent tragedy in the Pak-Russia relations seems to be the lack of this rationality. Pakistan failed to make a realistic analysis of the worth of Russia. This failure can be mainly attributed to Pak-Russia Relations a distortion of perception, as the object was being watched through the prism of another state. For half a century of the US Cold-war, the subject of international relations subjectively popularized the perceptions, interests, and policies of the liberal superpower.

CHANGE OF DYNAMICS IN PAK-RUSSIA RELATIONS:

The focus of Pakistan since independence remained on either US or China for its assistance but now the scenario is being changed. With the help of China the relations between Russia and Pakistan are getting normalized again. The relationship with Russia started to improve in post 9/11 period when Pakistan became the front line state in the “war on terror”. In 2002, a major working group named as ‘Pakistan-Russia Consultative Group on Strategic Stability’ was established which was aimed to tackle the probable threats to regional stability which paved the way for further strengthening the mutual ties.

On and off exchanges of visits by delegates of both countries kept on supplementing the ties. In 2011, Russian President, Vladimir Putin, publicly supported when Pakistan was struggling to attain the full membership of Shanghai Cooperation Organization (SCO). It was a kind of break-through in the developing relation of Pakistan and Russia. Various economic agreements were signed and a number of offers were made by Russia for further assistance including technical assistance for the Guddu and Muzafargarh power plants. Thereafter, a fruitful addition in bilateral ties was made by President Zardari by his visit in 2011.

The improving relations between Pakistan and Russia, have, however, caught the eye of experts and analysts after the visit of Russian Army's delegation under the leadership of Deputy Chief of General Staff Israkov Sergey Yurievich to North and South Waziristan regions. The delegation was received, and briefed by the Corps Commander Peshawar during their visit to Miran Shah in North, and Wana in South Waziristan. The Russian army team is the first ever to visit the tribal areas following the launch of the onslaught by Pakistan's security forces against the operating terrorist networks and hideouts.

The Russian delegation was briefed about the landmark successes made by Pakistan Army, and the efforts underway to uplift the socio-economic development in the conflict-stricken FATA. The Russian team expressed their satisfaction over the developments, and praised the role of Pakistan's security forces and local administration in bringing back the war-torn areas to life. As far as South Asia is concerned, Russia is very well aware of the fact that in the wake of complete withdrawal of US forces from Afghanistan, Pakistan will only be the crucial player in Afghanistan due to weak governance structures and resurrection of Afghan Taliban. Despite the reality that India has been infiltrated in Afghanistan, existence of Taliban on a greater level cannot be over-looked.

For the strategic stability of region and orientation of influence to be compassed, Pakistan can play the key role. This is what led Russia to speed up the advancement of military and economic ties with Pakistan. On the other hand, Pakistan may get the benefits from

this relationship even greater than Russia. In the wake of several geostrategic and geo-political changes that are taking place in the surroundings of Pakistan, Pakistan finds the requisite to develop the strategic ties with all regional players in which Russia is significantly important. Long-lasting and sustainable political and security settlement of Afghanistan can widely minister Pakistan in order to achieve the internal stability.

For, Pakistan is the right next country to Afghanistan adversely affected by the inside conflict of Afghanistan. In the Afghan-scenario, both countries are expected to get mutual strategic benefits in the strengthening ties. Russia is currently a regional and world power, a former superpower and permanent member of United Nations Security Council (UNSC). In the regional context, it is a leading member of SCO. Keeping in view these substantial credentials, Pakistan needs the stronger ties with Russia especially when US seems to looking forward India to play the major role in the region. US seems more inclined towards India despite the fact that Pakistan provided US with huge assistance being the front-line ally against war on terror bearing the myriad loss of armed forces personnel and civilians. Geographically, both countries seem to be ineluctable for each other providing the greater margin of economic and strategic partnership. Therefore, Pakistan must take this relationship as much as it can to peaks of heights aiming to achieve the strategic goals in the region. In the changing dynamics of world politics, Russia might be proved beneficial friend of Pakistan and can weightier the voice of Pakistan in international community.

ECONOMIC RELATIONS:

The Relations between Pakistan and the former USSR have factually been cool, even antagonistic, during the time of the Soviet invasion of Afghanistan and earlier due to Indo-Soviet friendship. After the disintegration of the Soviet Union and the emergence of the Russian Federation, relations begin to improved, particularly in the economic field. A debt-rescheduling agreement of \$127 million

was signed in March 2005 between Russia and Pakistan. Russia also supported Pakistan's request for observer status at the SCO and Pakistani leaders have since met their Russian counterparts at SCO meetings in different capitals.

Though, relations between the both states lacked profundity and dimension despite strong possibilities for cooperation. The spell was broken in April 2007 when then Prime Minister Mikhail Fradkov visited Pakistan, the first visit by a Soviet leader in almost four decades. Fradkov termed his visit an 'important step' for strengthening bilateral relations between Pakistan and Russia with special focus on cementing economic ties. Prospects for collaboration in the oil sector were explored with the signing of an MoU on November 19, 2007 during Pakistan's petroleum minister's visit to Moscow. Economic interaction has till now lacked behind the strong political desire to forge close relations. The annual trade turnover is a pitiful \$700 million.

Pakistan Russia cooperation on Pakistan Steel Mills goes back to the early 1970s, when it was set up in 1972 with technical and financial assistance of Russia. In 2011, during the visit of the then President of Pakistan, it was decided that the capacity of the PSM would be expanded from 1.1 mtpy to 1.5 mtpy. In this regard, an MOU on Expansion and Modernization of the Pakistan Steel Mills was signed by the two sides in February, 2013.

In an attempt to deal with the energy shortfall, the Pakistan government has found a new partner in energy rich Russia that has vast reserves of oil and natural gas. Russia is likely to export LNG to Pakistan in the year 2016. Pakistan and Russia are close to finalizing a \$2–2.5 billion pipeline deal that would supply natural gas from the port city of Karachi to Lahore, Pakistan's second largest city. This will be an 1100 kilometer long structure. Russia may also join Tajikistan and Kyrgyzstan in the CASA-1000 energy project, providing Afghanistan and Pakistan with electricity. In this regard, Prime Minister Nawaz Sharif has extended an invitation to the Russian premier for the inauguration of the North-South gas pipeline as Islamabad is fully prepared for closer economic ties between the two countries. Pakistan has agreed to return \$93.5 million US dollars

to Russia in order to settle a trade claims dispute. The Ministry of Commerce in Pakistan is rigorously working on a strategy to finalize plans for a share in the agriculture and food market of Russia and has identified five products for exports, which include citrus varieties, rice, potato, dairy products as well as tobacco. Presently, Pakistan's major export items to Russia include woven cotton fabrics, fruit and fruit preparations, synthetic fabrics; varieties of rice, articles of apparel other than textile material, vegetables and medical and surgical instruments. Bilateral trade between the two countries stood at \$419.34 million in 2013–14 as against \$484.47m in the previous year, reflecting a decline of \$65.13m or 13.45 per cent. Pakistan's average exports of citrus to Russia stood at \$41.779m in the year 2013–14, a 2.480pc share in the total imports of Russia from the worldwide imports of citrus which stood at \$1.60bn, showing a great potential in increasing trade between the two countries.

The Trade Development Authority of Pakistan (TDAP) is encouraging companies to trade with Russia so that the trade volume and export volume of agricultural goods could be increased as Russia plans to reduce and replace its imports from the EU countries. The need for opening the branches of Russian banks in Pakistan and those of Pakistani Banks in Russia is necessary as both countries do not have any direct banking links. Pakistan and Russia are also working on plans to enhance their economic ties at a very fast pace.

MILITARY RELATIONS:

Pakistan and Russia are also on the path to augment military to military cooperation and in this regard many initiatives have been taken. Pakistan and Russia have signed an agreement for the sale of Mi-35 combat helicopters, which may be expanded in the coming years. The recently announced Pak-Russia military exercises will also take place in 2016, which will include seven joint exercises, the first ever of this kind between the two countries. Russia waived its embargo on arms sales to Pakistan in June, 2014. Pakistan and Russia have been engaged in talks about the delivery of Sukhoi Su-35 fighter

jets, which is a fourth generation multi-role combat aircraft. The Russian Air Force Chief visited Pakistan in April, 2013. Similarly, Pakistan's naval ship PNS Aslat made a first ever Port Call by any Pakistani Navy ship to Russia in October, 2013. Similarly, another Pakistani Navy ship PNS Rahnaward made two port Calls to Russia in October, 2013. Likewise, a naval unit of the Russian Pacific fleet made a Port Call to Pakistan in April, 2014. The seriousness of both the countries in pursuing closer military cooperation is evident from the fact that the first-ever visit of a Russian defense minister to Islamabad took place in the year 2014 when Pakistan and Russia signed a milestone agreement to enhance defense cooperation. The visit of the Chief of Army Staff, General Raheel Sharif, to Moscow in June, 2015, during which he visited an arms expo and spent close to fifteen hours over there, shows Pakistan's keenness in taking its defense ties with Russia to a higher level.

- **Energy Export:**

Along with weapon industry, energy exports are the major strengths of Russia and its natural resources are considered the lifeblood of the Russian economy. It is the world's largest producer of crude oil and the second-largest producer of dry natural gas. It also produces significant amounts of coal. Europe is dependent on Russia as a source of supply for both oil and natural gas. In 2014, more than 70% of Russia's crude exports and almost 90% of Russia's natural gas exports went to Europe. It is determined to maintain a dominant position in gas supply within the European market and is continually looking for new opportunities. It is ready to help establish the Iran-Pakistan (IP) gas pipeline and is very much interested in creating a north-south energy corridor and establishing closer commercial ties between South Asia and Europe via Russian territory.

- **Diplomatic Intelligence:**

Russia opposed the invasion of Iraq in 2003 and Libya in 2011. The American and European policies are on the back foot in Ukraine due to Russia's strong role in the crisis. Russia's new East Asian policy is stimulated by its bid for great power status in the region. Russian-Chinese relations are the axis of Russia's East Asian foreign policy. Russia also hails growing trade ties with ASEAN States.

- **Geography- A Pillar of Strength**

Russia is the largest country on earth in terms of surface area. It is adjacent or close to all the areas that are strategically important to Russia and its vast natural resources are its strength.

WAY-FORWARD FOR PAK-RUSSIA RELATIONS

Russian experts believe the unresolved internal conflict in Afghanistan may have spill-over effects of terrorism from Afghanistan into Central Asia. Russia's particular concern is the emergence of IS in the northern part of Afghanistan, which threatens the stability of Russia itself with reference to the North Caucasus. After IS major forces were destroyed in Syria the IS fighters are expected to appear in Afghanistan and significantly strengthen IS fighters in Northern Afghanistan. In addition, Russia has a vested interest in stemming the flow of drugs coming from Afghanistan.

- Russia considers Pakistan as an important regional country
- Russia has a clear perspective about Pakistan's influence in the region and the positive role it is and can, play
- Russia wants stability in its Central Asian periphery and believes that Pakistan's role is important in this regard
- Moscow recognizes the importance of Pakistan in restoring stability in Afghanistan
- Pakistan and Russia have convergence of opinion on many regional and international issues
- On the Pakistan-India relations, Russia supports continuation of a dialogue process and views that normalization of relations between two countries is vital for regional stability.
- On the economic front, Russia is keen to develop substantive economic relations with Pakistan.
- Russia has demonstrated an interest to assist in continuation and up-gradation of energy projects. In this regard,
- Russia has expressed interest in CASA-1000 and TAPI projects.

- Similarly, North South Gas Pipeline is currently the flag-ship between the two countries in the energy sector.
- From Military point of view, Russia can also be a source of weapon diversification for Pakistan. The role of Russian President Vladimir Putin is remarkable, for having lifted the decades-long embargo on arms sales to Pakistan in 2014.
- Later that year, Moscow and Islamabad signed a historic agreement to expand their military ties.
- Pakistan needs a sustainable and gradual shift in its foreign policy. It should continue to diversify its foreign relations and develop good relations with all major powers. This will be better for regional peace and prosperity.
- Pakistan should however assure the US that its relations with Russia will not hurt American strategic interests in the region. It should also convince Russia that both countries can play and coordinate their efforts to achieve early peace in Afghanistan.
- Over the years, China has developed friendly relations with Russia and therefore it will also welcome the growth of Pak-Russia relations.
- Pakistan should aim at making Russia a long-term trading partner and supplier of military hardware. Pakistan should provide incentives to Russia to attract its investment in energy producing and import projects, steel mill, infrastructure development and agriculture sector including water management.
- In case of Yemen-Saudi conflict, Russia urges all stakeholders to resolve the issue through negotiations and an all-inclusive dialogue under the patronage of United Nations. Moscow respects the sovereignty of nation states.
- The uprising nexus of Pakistan, China, and Russia is already a cause of concern for both the US, as well as India. Turkey too has expressed its interest in joining the trio. Pakistan, however, must remain focused on its national interests, and those of its allies. A relationship based on mutual understanding and benefit will last long, and prove to be sustainable.

REFERENCES:

Chairman Joint Chiefs of Staff Committee, General Zubair Mahmood Hayat NI (M), Speech Notes, International Conference on, “China, Pakistan and Russia: Regional Stability and Dividends for Peace”, Organized by Pakistan House, Islamabad Serena Hotel, Pakistan, February 7, 2018.

Hussain, N. (2012). Journal of Political Studies Vol 19. Pak-Russia Relations: Lost Opportunities and Future Options.

Kazm, A. A. (2017). Pakistan-Russia Relations: Evolving Geopolitics and Strategic Options. Hilal Magazine.

Mubarak Zeb Khan. “5 items identified for export to Russia” // The Dawn, January 7, 2015.

Noor-ul-Haq. Pakistan-Russia Relations. IPRI. June 30, 2007.

Pakistan, Russia sign milestone military co-op pact // The Nation, November 21, 2014.

Pakistan–Russia Strategic Partnership: New Horizons for Cooperation by Tahir Mehmood Azad, Institute of Strategic Studies, Islamabad, December 26, 2016.

Russia–Pakistan Relations, Word Press, 2013.

Shahbaz Rana, “Pakistan and Russia usher in new era of cooperation” // The Express Tribune, November 2, 2015.

Tariq, H. Are those winds of change we detect in Pak-Russia relations? April 10, 2017.

What Russia’s Changing Role in South Asia Means for Pakistan by Kashif Hussain // The Diplomat, 2018.

Т. Л. Шаумян*

РОССИЯ-ПАКИСТАН-КИТАЙ: «СЕТЕВАЯ ДИПЛОМАТИЯ» В ДЕЙСТВИИ

Резюме. Взаимодействие между Китаем, Россией и Пакистаном может служить примером «сетевой дипломатии», когда акторы действуют совместно на основе собственных краткосрочных и среднесрочных интересов. Российско-пакистанские отношения традиционно складывались под влиянием состояния отношений России с Индией. Об изменениях в российско-пакистанских отношениях свидетельствует проведение в сентябре 2016 г. первых совместных маневров на территории северного Пакистана. Завершена сделка по продаже Пакистану вертолетов МИ-35М. Российская сторона утверждает, что Россия не намерена укреплять свои отношения с Пакистаном за счет Индии. Россия может выиграть от использования экономического коридора Китай-Пакистан (КПЭК).

Ключевые слова: Россия, Китай, Пакистан, военные маневры, поставки вооружений, экономический коридор, стратегические партнеры.

Russia-Pakistan-China: network diplomacy in action

Summary. The interaction between China, Russia and Pakistan can serve as an example of “network diplomacy,” when actors work together on the basis of their own short-term or medium-term interests. Russian-Pakistani relations have traditionally been influenced by the state of Russia’s relations with India. The changes in Russian-Pakistani relations are evidenced by the holding of the first joint military maneuvers on the territory of Northern Pakistan in September 2016. The sale of SU-35 fighters and MI-35M helicopters to Pakistan has been completed. The Russian side argues that Russia does not intend to strengthen its relations with Pakistan at the expense of India. Russia could benefit from the use of the China-Pakistan economic corridor (SPEC).

Key words. Russia, Pakistan, China, military maneuvers, supply of arms, economic corridor, strategic partners

* Шаумян Татьяна Львовна – руководитель Центра индийских исследований Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук

В последнее время в международном лексиконе неоднократно упоминаются три страны, взаимодействие между которыми может служить примером «сетевой дипломатии», «изменяемой геометрии», «дипломатии гибких альянсов», когда акторы, не связанные жесткими обязательствами, действуют совместно на основе собственных краткосрочных или среднесрочных интересов¹. Речь идет о недавних совместных действиях таких стран, как Китай, Россия и Пакистан. Сотрудничество Китая и России вряд ли вызывает удивление и недопонимание; то же самое можно сказать и о пакистано-китайских отношениях, которые традиционно развивались и углублялись, главным образом, на антииндийской основе. В этом «треугольнике» неожиданно возникла сторона «Россия-Пакистан», что и вызвало неоднозначную реакцию средств массовой информации и политических кругов ряда стран, и серьезную озабоченность Индии.

Известно, что советско/российско-пакистанские отношения складывались под непосредственным влиянием состояния отношений СССР/России с Индией, нашим главным политическим и военно-стратегическим партнером в Южной Азии. Мы смотрели на Пакистан «глазами Индии», поэтому советско-пакистанские отношения носили достаточно сложный характер, что усугублялось сближением Пакистана с Китаем на антииндийской и в какой-то мере на антисоветской основе. Ситуация резко осложнилась в связи с обострением афганской проблемы, и Пакистан обвинялся и обвиняется до сего дня в том, что именно на его территории сосредоточены центры по подготовке боевиков-моджахедов, именно с территории Пакистана осуществляются трансграничные террористические действия на территории Индии и других стран. В реальности можно считать, что российско-пакистанские отношения в политической и торгово-экономической областях десятилетиями носили вялотекущий характер и оживлялись в моменты, когда необходимо было принимать особые меры, главным образом, в связи с ситуацией в Афганистане и вокруг него. Следует напомнить также, что Пакистан, наряду с Индией, в 2017 г. получил статус полноправного члена ШОС².

Изменения в российско-пакистанских отношениях стали достоянием международной и индийской общественности в сентябре 2016 года, когда специальные подразделения вооруженных сил двух стран провели первые военные маневры на территории северного Пакистана³. Они фактически последовали за нападением 18 сентября 2016 г. вооруженной террористической группы на индийскую военную базу в районе Ури вблизи Линии фактического контроля, в чем Индия обвинила Пакистан, т.е. на фоне очередного резкого обострения индийско-пакистанских отношений и усиления напряженности в Джамму и Кашмире⁴. Несмотря на просьбу Индии к России отменить маневры, они, тем не менее, продолжались, так же как, впрочем, продолжались и российско-индийские военные маневры на Дальнем Востоке. Следует напомнить, что ранее Россия и Пакистан провели два совместных военно-морских учения, Россия поставила Исламабаду вертолеты МИ-35⁵, подписан ряд торговых сделок, проявляется заинтересованность в строительстве трубопроводов.

Кроме активизации военного и торгово-экономического сотрудничества, Россия продемонстрировала свое явное нежелание обострять отношения с Пакистаном. Так, во время конференции «Сердце Азии», когда российский представитель высокопоставленный дипломат Замир Кабулов не согласился с критикой Пакистана со стороны Индии и Афганистана и открыто похвалил «дружественное и конструктивное» выступление на этой конференции советника министра иностранных дел Пакистана Сартаджа Азиза. З. Кабулов призвал стороны не использовать платформу конференции для взаимных обвинений. Он не придал большого значения российско-пакистанским сентябрьским военным маневрам и напомнил, что Россия не демонстрирует озабоченности в связи с укрепляющимися дружескими отношениями между Индией и США⁶.

Создается впечатление, что именно это обстоятельство стало одним из факторов, стимулировавших сближение России с Пакистаном. Не следует недооценивать определенную переориентацию Индии в вопросах поставок вооружений, источником которых в последнее время все в большей степени становятся

США, Франция, Израиль, которые довольно успешно заменяют в этом Россию, господствовавшую на индийском рынке вооружений в течение десятилетий. Несмотря на усилия двух сторон, российско-индийская торговля также не расширяется до необходимого уровня.

30 января 2017 г. в Москву для переговоров с секретарем Совета безопасности России Н. Патрушевым прибыл советник премьер-министра Индии Н. Моди по вопросам национальной безопасности Аджит Довал. По мнению индийской газеты «Телеграф», встреча А. Довала и Н. Патрушева состоялась в тот момент, когда Индия и Россия «пытаются сохранить доверие, которое определяло их дружеские отношения на протяжении десятилетий», но которое ослабевает, так как «обе страны стремятся к более тесным партнерским отношениям с соперниками друг друга». Россия обеспокоена «тесными объятиями Индии с США» и элементами «оттепели» в отношениях с Украиной, в то время в Дели растет обеспокоенность в связи с укрепляющимися связями Москвы с Исламабадом. Одновременно с этим, как отмечает газета, визит А. Довала преследует цель продемонстрировать сохранение тесных отношений Индии с Россией, в особенности в тот момент, когда наблюдались признаки улучшения российско-американских отношений после избрания Д. Трампа президентом страны и его телефонного разговора с президентом В. В. Путиным. Индийские официальные лица, опасаются, как утверждает газета, что ослабление российско-индийских связей в сложившихся обстоятельствах может привести к «реабилитации» Пакистана⁷. Состоявшиеся в декабре 2016 г. трехсторонние переговоры России, Китая и Пакистана были посвящены необходимости предотвращения усиления угрозы со стороны Исламского Государства в Афганистане, и президент Д. Трамп в ходе разговора с президентом В. Путиным также акцентировал внимание на необходимости сотрудничества в борьбе с международным терроризмом. Наконец, напряженность в отношениях с США может бросить Россию «в стратегические объятия» Китая, и именно это обстоятельство серьезно беспокоит Индию в течение последних двух лет. Индия надеется лишь на то, что

улучшение отношений между Россией и США при условии усиления разногласий между Вашингтоном и Пекином – приведет к ослаблению связей между Китаем и Россией.

Анализируя международные действия России, некоторые политологи приходят к заключению, что Россия в настоящее время демонстрирует готовность к сотрудничеству с Исламабадом, отказавшись признать Пакистан террористическим государством, не поддержав обращение Индии о вступлении в Группу ядерных поставщиков и одновременно способствуя членству Исламабада в группе, регулирующей международную торговлю ядерными материалами⁸.

Существует и несколько иная точка зрения. Вряд ли можно считать «драматическим» поворот России в сторону Пакистана. Российские политики, начиная с Президента В. В. Путина и кончая его специальным посланником по Афганистану З. Кабуловым, утверждают, что Россия не намерена укреплять свои отношения с Пакистаном за счет Индии, которая была, есть и будет ближайшим долговременным стратегическим партнером России. Отношения с Пакистаном носят в основном коммерческий характер и находятся на стадии оформления. После переговоров 2013 г. В. В. Путин так и не принял приглашения посетить Пакистан.

Для США Пакистан всегда оставался «прифронтовым» государством в Западной и Центральной Азии. Его действия в Афганистане совершались в интересах военной верхушки, были направлены на сохранение «на плаву» интересов в отношении Кашмира, Индии и сохранения регионального баланса.

Возникает вопрос: почему Россия, которая в течение десятилетий демонстрировала враждебность в отношении Пакистана, в настоящее время демонстрирует заинтересованность в налаживании с ним отношений. Каковы реальные пределы намерений Москвы в этом направлении? В чем состоит заинтересованность Пакистана, который традиционно поддерживал любые действия США, направленные на «сдерживание» России и нанесение ей ущерба?

Можно предложить следующие объяснения новым тенденциям в политике России в Южной Азии:

- Демонстрация растущей заинтересованности Индии в укреплении партнерства с США стимулирует расширение отношений России с основным соперником Дели – Пакистаном. Расчет делается на то, что сама идея поставок современных вооружений Пакистану сможет предотвратить крен Индии в сторону США.
- Расширение дружеских отношений с Пакистаном – прямой путь к укреплению связей с Китаем, основным потенциальным союзником России. Оформление треугольника Китай-Россия-Пакистан с участием двух сверхдержав может послужить противодействием усилению гегемонии США.
- Россия заинтересована в стабилизации обстановки в регионе, и, договорившись с Исламабадом, Москва сможет противодействовать поддержке Пакистаном афганских талибов ради достижения стабильности в Афганистане. Продолжение гражданской войны в Афганистане угрожает стабильности в Центральной Азии, которая рассматривается как важный геополитический союзник и экономический партнер.

Похоже, что Россия нуждается в дополнительных рынках для экспорта вооружений и заинтересована в расширении поставок энергоресурсов, и именно Пакистан может стать одним из партнеров в сфере этих отношений. Россия заинтересована в Пакистане как в противовесе растущей угрозе и реальности установления контроля талибов над Афганистаном, что может вновь спровоцировать гражданскую войну, усиление радикального ислама, восстановление в полной мере торговли наркотиками в направлении Центральной Азии, Кавказа и России. Высказывается также мнение, что развитие стратегических связей между Россией и Китаем может стимулировать Китай выступить в качестве посредника между двумя в прошлом враждебными государствами. Переоборудование Китаем пакистанского порта Гвадар может создать условия для использования этого порта Россией

как части планируемого коридора Север-Юг. Россия может выйти от использования экономического коридора Китай-Пакистан (СРЕС).

Какие факторы могут вызвать озабоченность в России в связи с развитием партнерства с Пакистаном?

Известно, что Россия в высшей степени заинтересована в расширении военного сотрудничества с Индией, и вряд ли она будет подвергать его риску. Индия считается крупнейшим в мире рынком вооружений и военной авиационной техники, и, возможно, именно поэтому Москва развивает отношения с Пакистаном с осторожностью и без особой огласки. Нельзя забывать и о том, что Россия должна быть благодарна Индии, которая была одной из немногих стран Азии, поддержавших Советский Союз в период «холодной войны», и это обстоятельство также оказывает воздействие на характер политики России в Южной Азии. В то же время, Индия продолжает поддерживать российские действия по таким направлениям, как Чечня, Сирия, Украина (с некоторыми оговорками!) и др. Россия, со своей стороны, продолжает поддерживать Индию в вопросе о Кашмире; разделяет ее озабоченность в связи с активизацией террористической деятельности; продолжает с ней тесное сотрудничество, предоставляет современные технологии, военные материалы, оборудование для атомных станций и др.; развивает партнерство в области энергетики.

Индия остается зависимой от поставок российского вооружения. В то же время, она активно стремится к заключению сделок в области обороны со странами Запада, включая США и Францию.

Как бы то ни было, Россия в своем стремлении к укреплению многополярного мира стремится избегать возврата к блоковой политике периода «холодной войны», оставляет открытыми дипломатические пути для развития отношений с такими странами как Пакистан, сохраняет и расширяет старые отношения и развивает новые при условии, что они будут отвечать национальным интересам страны.

В чем заинтересован Исламабад, стимулируя развитие отношений с Россией?

Следует напомнить, что в последнее время среди части американских политиков наблюдается враждебное отношение к Пакистану, и, как считают некоторые политологи, именно Россия смогла бы сбалансировать эти настроения. В условиях растущей изоляции в регионе Исламабад в основном рассчитывает на экономическую, дипломатическую и военную поддержку Китая. Потенциально Россия также смогла бы стать надежной поддержкой Пакистану. Укрепление связей с Россией делает Пакистан менее уязвимым давлению со стороны стран Запада и Индии.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шиков Роман. Сетевая политика России. Кошка, которая ходит сама по себе // Дело. С.-Петербург, 14.04.2008
2. Manach Pratim Bhuyan. SCO Astana Summit 2007: India, Pakistan become full members // livemint, 9.06.2017
3. Георгий Асатрян, Алексей Рамм. Россия и Пакистан сошлись в учениях. Москва и Исламабад готовятся к совместным контртеррористическим учениям // «Известия», 1.02.2018 (Далее: «Известия», там же)
4. At Uri, Ground Zero of India-Pakistan Tention, Villagers Are Feeling in Panic // <http://thewire.in>
5. Россия решила продать Пакистану ударные вертолеты МИ-35М. <https://lenta.ru/news/2015/06/17/mi35m/> (дата обращения – 27.02.2018). Помощник Путина допустил поставки истребителей Су-35 Пакистану. <https://lenta.ru/news/2015/07/09/su35/> (дата обращения – 27.02.2018).
6. Пахомов Евгений. Конференция «Сердце Азии-Стамбульский процесс» признала терроризм главной угрозой региону // Международная панорама, ТАСС. 4.12.2016. <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3839582> (дата обращения – 28.02.2018).
7. The Telegraph/ Kolkata, 30.01.2017.
8. Отношения между Пакистаном и Россией развиваются по восходящей траектории // www.inosmi.info. 11.12.2017

И. Н. Серенко*

РОССИЯ - ПАКИСТАН: ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНО-КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Резюме. Исторически отношения между Россией и Пакистаном складывались довольно непросто и имели турбулентный характер с многочисленными спадами и подъемами в двустороннем взаимодействии, обусловленными общей расстановкой сил на международной арене в тот или иной период времени. На современном этапе они выходят на новый уровень конструктивного и взаимовыгодного партнерства. Не в последнюю очередь это стало возможным благодаря налаживанию научно-культурного диалога по линии народной дипломатии, не прерывавшегося даже в самые сложные периоды истории двусторонних межгосударственных отношений. Данная статья дает возможность проследить эволюцию российско-пакистанского научного и культурного диалога с акцентом на совместное изучение сторонами наследия выдающегося поэта-философа Мухаммада Икбала (1877–1938), способствовавшего сближению народов двух стран.

Ключевые слова: российско-пакистанское сотрудничество, народная дипломатия, научно-культурное взаимодействие, Мухаммад Икбал.

Russia-Pakistan: Evolution of Scientific and Cultural Dialogue

Summary. Historically, relations between Russia and Pakistan were rather complicated and had a turbulent character, with many ups and downs in bilateral interaction due to the power alignments in the international arena at a given period of time. At present there is a new level of constructive and mutually beneficial partnership in their interstate cooperation. It became possible thanks to the establishment of the scientific and cultural dialogue by means of people-to-people diplomacy, which was not interrupted even during the most tense periods in the history of bilateral interstate relations. This article offers an opportunity to explore the evolution of Russia-Pakistan scientific and cultural dialogue with the focus on their joint research of the outstanding poet-philosopher Muhammad Iqbal's legacy (1877–1938.), which contributed much to the rapprochement of their people.

Key words: Russia-Pakistan cooperation, people-to-people diplomacy, scientific and cultural interaction, Muhammad Iqbal.

* Серенко Ирина Николаевна – старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат педагогических наук

Становление и развитие межгосударственных связей между Россией и Пакистаном прошли испытание временем. В мае 2018 г. наши страны отмечают 70-летие установления дипломатических отношений. Исторически они складывались довольно непросто и имели турбулентный характер с многочисленными спадами и подъемами в двустороннем взаимодействии, обусловленными общей расстановкой сил на международной арене в тот или иной период времени¹. На современном этапе они выходят на новый уровень конструктивного и взаимовыгодного партнерства. В ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Х. М. Асифом, состоявшейся 20 февраля 2018 г. в Москве, Министр иностранных дел России С. В. Лавров, в частности, отметил, что между нашими странами «сегодня развивается интенсивный политический диалог, в том числе на высшем уровне. Партнерский характер носит взаимодействие в международных организациях, прежде всего в ООН и ее специализированных учреждениях»².

Надо сказать, что постепенному выходу двустороннего сотрудничества на столь высокий уровень не в последнюю очередь способствовало налаживание и научно-культурного диалога между нашими странами, не прекращавшегося даже в сложные периоды истории межгосударственных отношений. Общественность двух стран продолжала поддерживать научные и культурные связи по линии народной дипломатии. Это можно, в частности, проследить на примере совместного изучения российскими востоковедами и их пакистанскими коллегами многогранного творчества выдающегося философа и поэта Востока Мухаммада Икбала (1877–1938 гг.), которое стало неотъемлемой частью мировой культуры и приобрело планетарную значимость. Можно сказать, что его богатое философское и литературное наследие способствовало выстраиванию взаимопонимания между сегодняшней Россией (главным преемником бывшего Советского Союза) и Пакистаном, расширению их научно-культурных связей.

С появлением в 1947 г. на политической карте мира Пакистана, идейным вдохновителем создания которого считается

М. Икбал, его личность и наследие постепенно стали ассоциироваться в СССР с этим молодым независимым государством. В конце 50-х годов XX века его философско-поэтический мир стал предметом многочисленных исследований советских ученых из Москвы, Душанбе, Самарканда и других центров востоковедения Советского Союза. Правда, первое упоминание о М. Икбале в России связано с именем известного отечественного востоковеда А. Е. Крымского (1871–1942 гг.). Еще в 1912 г. он высоко отозвался о его работе «Развитие метафизики в Персии», автором которой, по описанию А. Е. Крымского, был «европейски образованный мусульманин, доктор философии Мюнхенского университета»³. После этого в течение 30-х годов советский академик А. Баранников (1890–1952 гг.), тогдашний директор Института востоковедения Академии Наук СССР (1938–1941), будучи специалистом в области восточной филологии, инициировал введение преподавания языков урду и хинди на восточных факультетах университетов страны, включив изучение творчества М. Икбала в учебный курс современной индийской литературы.⁴

Позже такие известные советские и российские ученые, как Н. П. Аникеев, Л. А. Васильева, Ю. В. Ганковский, А. Гафаров, Н. В. Глебов, Л. Р. Гордон-Полонская, А. И. Ионова, Н. И. Пригарина, Е. П. Челышев, Ф. А. Розовский, М. Т. Степанянц, А. А. Суворова, А. С. Сухочев, Ш. Шукуров и другие внесли свой весомый вклад в изучение творчества этого национального поэта и философа Пакистана.⁵ Отражая истинный смысл наследия М. Икбала, они пытались раскрыть его литературно-философское мировоззрение и донести до многочисленной российской читательской аудитории. Кроме того, исследования советских и российских ученых пополняли общемировые знания о творческом наследии М. Икбала. Это способствовало сближению народов двух стран через процесс межкультурного и интеллектуального диалога. Особое внимание было уделено переводу произведений М. Икбала с урду, персидского и английского языков на русский язык, начиная с его первых 43 стихотворений, опубликованных в московском поэтическом сборнике «Стихи индийских поэтов» (1956 г.), «Звон караванного колокольчика» (1964 г.),

«Мухаммад Икбал. Избранное» (1981 г.) и вплоть до последнего перевода известных лекций М. Икбала «Реконструкция религиозной мысли в исламе» (2002). Все эти произведения представляют большой интерес не только для узкого круга профессионально занимающихся Востоком экспертов, но и широкого круга читательской аудитории России, среди которой более 20 млн граждан – мусульмане⁶.

Все эти книги и публикации, посвященные М. Икбалу, можно найти в богатом специализированном отделении библиотечно-библиографического обслуживания Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН), расположенном в Институте востоковедения Российской Академии наук (ИВ РАН). Ее научный и литературный фонд превышает 600 тыс. книг и 300 тыс. восточных изданий на различных западных и восточных языках, включая арабский, бенгальский, гуджарати, дари, кашмири, панджаби, персидский, пушту, синдхи, урду, фарси, хинди и другие. Читателями библиотеки являются более тысячи ученых, преподавателей, аспирантов и студентов-дипломников различных вузов⁷. Кроме того, с уникальной подборкой трудов по ориенталистской тематике, и в частности, по творчеству М. Икбала и Пакистану, можно ознакомиться в мемориальной библиотеке профессора Юрия Владимировича Ганковского, расположенной в секторе Пакистана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. Этот выдающийся отечественный ученый-востоковед считается основоположником пакистанских исследований в СССР. Он был вице-президентом, а позднее – бессменным президентом общества СССР-Пакистан, основанного в 1966 г. в период оттепели между СССР и Пакистаном (1960–1970 гг.), когда, по словам известного американского историка и политолога Хафиза Малика (пакистанца по происхождению), между странами стали складываться «реалистичные взаимоотношения», отмеченные налаживанием двусторонних торгово-экономических связей и развитием научно-культурного сотрудничества⁸. Этот профессор из университета Вилланова был близким другом Ю. В. Ганковского. Во время очередного визита своего американского коллеги в Москву в 1997 г. он познакомил

с ним и автора этой статьи, которая неоднократно сопровождала Х. Малика в его поездках в Татарстан и Башкортостан для изучения им вопросов автономности этих преимущественно мусульманских по числу проживающего там населения республик.

Как видно из воспоминаний Х. Малика, они с Ю. В. Ганковским познакомились «первоначально как ученые-коллеги; постепенно мы стали друзьями, а потом завершили наши отношения как «братья». Такая трансформация могла произойти только между двумя «азиатами»», к числу которых он относил себя и своего друга Юрия, связанных не только переплетением единства их азиатских корней, но и объединенных общим предметом проводимых ими востоковедных исследований⁹. Главным результатом их научного сотрудничества стала публикация совместно изданной ими книги «Энциклопедия Пакистана» (2006 г.), создание которой они задумали еще в 1981 г.¹⁰ В подготовке первого такого рода издания на английском языке приняли участие около 20 пакистанских ученых (И. М. Али, Х. Фаррук, А. Фаррухи, Р. Хусейн, М. Р. Казми, Т. К. Курейши, К. К. Мумтаз, Т. К. Наим, И. Пирача и др.), а также и 70 их российских коллег (В. Я. Белокреницкий, С. Н. Каменев, В. Н. Москаленко, М. Ю. Морозова, Р. М. Мукиджанова, О. В. Плешов, И. В. Жмуйда и др.). В ней, конечно, имеется подробная информация о М. Икбале и членах его семьи, включая его сына – известного пакистанского общественного деятеля Джаведа Икбала (1924–2015 гг.), который был общим другом главных редакторов этой энциклопедии.

Профессор Х. Малик является также редактором другой уникальной коллективной монографии «Икбал: поэт-философ Пакистана» (1971). В ней совместными усилиями 17 ученых из Советского Союза, Пакистана, Чехословакии, Германии, Индии и США отражены различные аспекты жизнедеятельности и литературно-философского творчества М. Икбала. В библиотеке сектора Пакистана хранится подарочный экземпляр этой книги, подписанный Х. Маликом 1 декабря 1971 г.: «Моему другу профессору Ю. В. Ганковскому с теплыми личными пожеланиями»¹¹. Вполне понятно, что среди всех представленных в данном сборнике статей, наиболее сильно впечатляют воспоминания о своем отце его

сына Джаведа Икбала. Особенно трогательно воспринимается написанная М. Икбалом «Молитва отца», обращенная с призывом как бы не только к своему сыну, но и ко всему человечеству идти по пути гуманности, любви, мира и братства между людьми¹².

Эти и другие произведения, посвященные М. Икбалу, можно найти в уникальной по своей научной подборке библиотеке профессора Ю. В. Ганковского, лично собравшего редкие экземпляры книг по тематике своих обширных научных интересов, в первую очередь связанных с Пакистаном. Многие из них подарены владельцу библиотеки его пакистанскими друзьями и коллегами с неизменно теплыми авторскими посвящениями и автографами. Ее богатый книжный фонд не только живо знакомит читателей с насыщенной биографией и научными достижениями самого Ю. В. Ганковского, но и ретроспективно визуализирует не прерывавшийся межкультурный, интеллектуальный диалог наших двух стран, их стремление к дальнейшему взаимному сотрудничеству, несмотря на возникавшие в истории двусторонних межгосударственных отношений сложности.

Не прерывается и дело жизни Ю. В. Ганковского. Оно продолжается в трудах его российских и пакистанских коллег (В. Я. Белокреницкого, Н. А. Замараевой, С. Н. Каменева, В. Н. Москаленко, В. Бойко, Ш. Наваза, Ш. Визарат, А. Х. Хана и др.), пополняющих фонд его мемориальной библиотеки новыми научными работами, способствующими росту взаимопонимания между народами России и Пакистана, дальнейшему наращиванию их межгосударственного взаимовыгодного сотрудничества. Высокая оценка вклада российского научного сообщества в развитие и укрепление двусторонних межгосударственных отношений была дана, в частности, послом Пакистана в РФ Кази М. Халилуллой на состоявшейся в Институте востоковедения РАН 27 сентября 2017 г. конференции «Пакистан: история и современные проблемы», подготовленной сотрудниками сектора Пакистана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока. Ее проведение было приурочено к 70-летней годовщине создания Пакистана. Отмечая заслуги российских пакистановедов, он вручил памятные юбилейные знаки посольства Пакистана в России ряду сотрудников ИВ РАН:

тогдашнему заместителю директора Института востоковедения РАН, заведующему Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, профессору В. Я. Белокреницкому, заведующему сектором Пакистана, ведущему научному сотруднику С. Н. Каменеву, главному и старшим научным сотрудникам этого подразделения В. Н. Москаленко, Н. А. Замараевой, И. Н. Серенко, руководителю Отдела литератур народов Азии А. А. Суворовой, а также преподавателю МГИМО МИД РФ Н. В. Мелехиной. Памятного знака была удостоена и принимавшая участие в этой конференции пакистанский профессор Карачинского института менеджмента, главный редактор журнала “Pakistan Business Review” Шахида Визарат¹³.

Продолжающиеся в Институте востоковедения РАН исследования творческого наследия М. Икбала также служат развитию российско-пакистанских социокультурных связей, налаживанию диалога между различными государственными и общественными организациями наших стран. Так, при непосредственном содействии ученых ИВ РАН, в первую очередь филологов-ориенталистов Л. А. Васильевой и Н. И. Пригариной, в 2008 г. было создано российско-пакистанское культурное общество «Урду в Москве» (“Farogh-e-Urdu, Moscow”). Оно стало литературным филиалом московского «Общества пакистанцев» (2005 г.), куда входят в основном бывшие пакистанские студенты советских и российских вузов, обосновавшиеся в Москве. Его деятельность направлена на возрождение традиций советско-пакистанского Общества дружбы; популяризацию литературы и культуры урду в России, в том числе наследия М. Икбала; оказание содействия в переводе литературных произведений российских авторов на язык урду и пакистанских – на русский; организацию мероприятий научного и научно-популярного характера с участием представителей академической, литературной и культурной общественности России и Пакистана; привлечение московских студентов, изучающих язык урду, к работе в рамках данного Общества с целью расширения их знаний в области получаемой ими востоковедной специальности.

Важность такой народной дипломатии для развития дружественных отношений между странами через налаживание прямых человеческих контактов была подчеркнута главой МИД России С. В. Лавровым. По его мнению, ее можно рассматривать «просто человеческим общением и желанием лучше узнать и понять друг друга и развивать отношения, которые будут в интересах всех нас»¹⁴. Оно символично прозвучало в День народного единства 4 ноября 2017 г. во время торжественной церемонии вручения им медали Пушкина ряду иностранных граждан за их заслуги в укреплении дружбы и сотрудничества между народами наших стран. Заслуженную награду получил и гражданин Исламской Республики Пакистан Наджамм Сахар Батт, основавший в 1988 г. Лахорскую ассоциацию выпускников советских и российских вузов. Он является автором многочисленных переводов российских классиков на урду (Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, М. А. Булгакова). Не остался незамеченным и его перевод на урду книги коллектива авторов «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» (2000 г.). Медик по образованию, он огромную часть своей жизни посвятил укреплению российско-пакистанской дружбы через сближение культур народов наших стран.

Активная работа по налаживанию межкультурного диалога проводится и Межрегиональной общественной организацией «Землячество пакистанцев» в РФ. Так, традиционными уже стали проводимые ею при содействии посольства ИРП в РФ мероприятия, посвященные Дню Икбала. Торжественные вечера проходят при неизменном участии в них российских и пакистанских ученых, писателей, студентов, представителей различных государственных и общественных структур¹⁵. В юбилейный год 140-летия со дня рождения поэта-философа Востока пакистанской диаспорой 9 ноября 2017 г. в Московском государственном университете была проведена презентация книги российской поэтессы, члена Союза писателей России Людмилы Авдеевой «Поэт – всевидящее око» (2017 г.), изданной благодаря спонсорской поддержке пакистанской стороны. Автор поэтического сборника долгое время работала вместе со своим мужем Геннадием Авдеевым в Доме российской науки и культуры в Карачи (1993–1997).

Одновременно выполняла там функции заведующей библиотекой, преподавателя русского языка для пакистанских студентов, специального корреспондента московских изданий. Свою новую книгу она посвятила «духовному отцу Пакистана», поэту-гуманисту М. Икбалу. Впервые в мировой литературе автором была предпринята попытка в поэтической форме рассказать читателям о его жизни, наследии и личности. Она приглашает их в поэтическое путешествие по городам, тесно связанным с жизнью М. Икбала. В книгу вошли такие поэмы и стихотворения, как, например, «Звезда Поэта», «Беседы с Икбалом», «Созвездие поэтов», «Кашмир – Земля, воспетая Икбалом», «Вселенная и Человек», «Наш век не лучше прежних», «Зов новых песен» и др. В своем оригинальном разделе книги под названием «Родники» автор использует поэзию М. Икбала в качестве эпиграфов для собственной лирической, философской и духовной поэзии («В море любви тонет сердце», «Заглядывая в зеркало души», «Строка поэта – путь размышлений» и др.). Ее основная идея о творчестве М. Икбала сформулирована, как представляется, в следующих строках:

«Твоя судьба, как солнца свет, в грядущее дорога.

Икбал, ты – истинный Поэт. Посланник Муз и Бога»¹⁶.

В международных научных кругах, занимающихся проблемами Востока, по-прежнему актуальным и востребованным остается философско-литературное наследие М. Икбала. Об этом свидетельствует состоявшаяся 6–8 ноября 2017 г. в столице Пакистана международная конференция «Аллама Мухаммад Икбал», организованная Мусульманским институтом, деятельность которого нацелена на осуществление «Миссии Единства, Стабильности и Лидерства среди Мусульман» (“MUSLIM Institute” – “Mission of Unity, Stability & Leadership in Muslims”). В форуме приняли участие свыше 500 представителей различных государственных и общественных структур, научной и культурной интеллигенции, духовные лидеры мусульман и студенческая молодежь из 18 стран, включая страны Центральной Азии и Россию, представленную автором этой статьи¹⁷.

На состоявшейся в Москве 5–6 октября 2017 г. научной конференции с международным участием «Революция и эволюция в исламской мысли и истории», организованной совместно Институтом философии РАН и Фондом исследований исламской культуры, свои доклады представили такие известные российские ученые, как М. Т. Степанянц («Революция, традиционность, реформаторство в творчестве Мухаммада Икбала»), Л. А. Васильева и Н. И. Пригарина («Революция в философии и поэзии Мухаммада Икбала: опыт когнитивно-дискурсивного анализа»)¹⁸. Их глубокое изучение философского и литературного наследия М. Икбала способствовало одновременно и установлению личных дружеских контактов российских ученых с членами его семьи.

Автору данной статьи также посчастливилось познакомиться с сыном Мухаммада Икбала – Джаведом Икбалом, а также с его внуком – Валидом Икбалом во время их визитов в Россию для участия в международных конференциях и встречах, проводимых в Институте востоковедения РАН¹⁹. С тех пор мы стали хорошими друзьями. Это предоставило уникальную возможность более основательно понять личность Мухаммада Икбала не только, как выдающегося поэта-философа, активного политического деятеля, «духовного отца Пакистана», но и как главу большой семьи, отца и дедушку, потомки которого стараются претворить в жизнь его мечту о справедливом и равноправном для всех пакистанцев обществе. Стоит сказать, что благодаря содействию Валида Икбала, узнавшего о проводимом в ИВ РАН исследовании, посвященном эволюции системы образования в Пакистане, достоянием российских ученых и широкого круга читателей стало ранее практически неизвестное для них педагогическое наследие М. Икбала, отраженное в редкой в России в те времена книге «Икбал. Философия образования» (1987 г.), копию рукописи которой он презентовал автору статьи²⁰. Этот богатый материал, а также лекции М. Икбала «Реконструкция религиозной мысли в исламе» содействовали в написании двух последних книг, посвященных проблемам образования в Пакистане²¹.

Позитивное отношение М. Икбала к духовному и интеллектуальному продвижению мира ислама в сторону Запада

и европейской культуры объяснялось тем, что он воспринимал их «как дальнейшее развитие некоторых наиболее важных этапов в истории исламской культуры», что создавало возможность их взаимодействия и в сфере образования²². Можно сказать, что его прогрессивные педагогические идеи, как, впрочем, и другого мусульманского реформатора Саид Ахмад-хана (1817–1898 гг.), вдохновили отца нации Мухаммада Али Джинну (1876–1948 гг.) на обновление системы образования в созданном им государстве Пакистан. Просветительские взгляды М. Икбала, наполненные веротерпимостью и гуманизмом, вполне соотносятся с современной образовательной концепцией планетарной гражданственности, принятой международным сообществом для единения мира. Философские произведения М. Икбала и его поэзия неотделимы друг от друга. Они олицетворяют единство его великого интеллектуального наследия, облаченного в блестящие формы высокохудожественных, поэтических образов, которые силой своего эмоционального воздействия на людей служат миру, свободе, социальной справедливости и гуманизму. Неудивительно, что наследие Мухаммада Икбала, в котором нашел отражение и его интерес к социальным преобразованиям в тогдашней советской России, оказалось эффективным инструментом в построении фундамента российско-пакистанского социокультурного взаимодействия, определяющего сегодня архитектуру нашего взаимного многомерного сотрудничества в парадигме регионально-планетарной гражданственности.

Думается, что для дальнейшего укрепления российско-пакистанских межгосударственных отношений целесообразно поощрять академические, научные, образовательные, культурные обмены и совместные проекты, подпитываемые богатыми ресурсами человеческого капитала и народной дипломатии. Они способны преодолеть негативные представления и предубеждения прошлого и продвинуть на новый уровень многоплановое сотрудничество и доверие между нашими странами через расширяющиеся контакты между людьми, их растущее взаимопонимание благодаря изучению истории, культуры, стиля жизни друг друга, налаживанию научно-культурного диалога.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исторические этапы развития советско-пакистанских, а затем и российско-пакистанских отношений рассматриваются в многочисленных работах отечественных востоковедов, пакистанских ученых и аналитиков. См., например,: Компанцев И. М. Пакистан и Советский Союз. М., 1970; Жмуйда И. В. Внешнеэкономические связи Пакистана. М., 1981, с. 143–148; Белокрыцкий В. Я. Российско-пакистанские отношения в свете новой ситуации в регионе // Ближний Восток и современность. № 19. М., 2003, с. 189–199; Каменев С. Н. Экономическое развитие Пакистана (1947–2012): макроэкономический анализ. М., 2014, с. 264–314; Шах Наваз. Пакистано-российские отношения: общие тенденции, главные препятствия и перспективы развития. // Пакистан в современном мире. М., 2006, с. 108–117; Серенко И. Н. Россия и Пакистан на пути к взаимовыгодному сотрудничеству. // Азия и Африка сегодня, № 10. М., 2008, с. 7–10; Serenko I. Russia-Pakistan: Scientific, Educational and Cultural Potential of Mutual Cooperation. // Central Asia. Research Journal of Area Study Centre (Russia, China & Central Asia) University of Peshawar, issue 61, Winter 2007; Khan M. N. & Altaf B. Pakistan-Russia Rapprochement and Current Geo-Politics. // IPRI Journal XIII, No 1 (Winter 2013), p. 125–134 и др.
2. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Х. М. Асифом, Москва, 20 февраля 2018 года. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3086927278-20-02-2018 Дата обращения 26.02.2018.
3. Крымский А. Е. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. М., 1912. Vol.2, p. 111.
4. Баранников А. П. является автором и редактором многочисленных книг, словарей, статей по филологии Востока, таких как: Хиндустани: урду и хинди. Ленинград, 1934; Индийская филология. Изучение литературы. М., 1959; Бескровный В. М., Краснодембский В. Е. Урду-русский словарь. // Ред. Баранников А. П. М., 1951 и т.д.
5. Среди многочисленных публикаций, посвященных жизни и творчеству М. Икбала, следует упомянуть работы следующих советских и российских ученых: Аникеев Н. П. Выдающийся мыслитель и поэт Мухаммад Икбал. М., 1959; Anikeyev N. P. The Doctrine of Personality. // Iqbal: Poet-Philosopher of Pakistan. Ed. by Hafeez Malik. New York and London: Columbia University Press, 1971, pp. 264–284; Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р. История Пакистана. М., 1961; Гордон-Полонская Л. Р. Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана (критика «мусульманского национализма»). М., 1963; Глебов Н. В. Икбал М. // Энциклопедия Пакистана. Под ред. Ганковского Ю. В. М., 1998, с. 506–509; Степанянц М. Т. Философия

- и социология в Пакистане. М., 1967; Stepaniants M. T. Iqbal the Great. / Oriental College Magazine. Muhammad Iqbal Centenary Number. Lahore, 1977, pp. 219–226; The Philosophical Aspects of Sufism. New Delhi, 1989; Пригарина Н. И. Поэзия Мухаммада Икбала. М., 1972; Поэтика творчества Мухаммада Икбала. М., 1978; Мир поэта – мир поэзии. Статьи и эссе. М., 2011; Творчество Мухаммада Икбала. Сборник статей. // Под ред. Пригариной Н. И. М., 1982; Prigarina N. I. Perfect Man – Sign of Revolution. // Viewpoint. Lahore, 1978. Vol. III, N39, p. 24; The ‘Perfect Man’ in Iqbal’s Poetry and Muslim Tradition. // Proceedings of Thirty First International Congress of Human Sciences in Asia and North Africa. Tokyo-Kyoto, 1983. Vol. I. Tokyo, 1984, p. 556; The Problems of Interpreting Iqbal’s Poetry at the End of the 20th Century. // Iqbal and Modern Era. Proceedings of an International Symposium. Gent, Belgium, 18–19 November, 1997. Ed. by Muhammad Suheyl Umar. Lahore: Iqbal Academy Pakistan, 2006, pp. 91–101; The Creative Work of Muhammad Iqbal. A Collection of Articles. // Ed. by Prigarina N. I. Moscow, 1982; The Work of Muhammad Iqbal. A Collection of Articles by Soviet Scholars. // Ed. by Abdur Rauf Malik. Lahore: People’s Publishing House, 1983; Serenko I. N. Muhammad Iqbal’s Legacy in Russia-Pakistan Socio-Cultural Relations. // Book of Abstracts. Three Day International Conference 6th–8th November, 2017, Islamabad. MUSLIM Institute, p.39–41; etc.
6. Стихи индийских поэтов. М., 1956; Звон караванного колокольчика. Пер. с урду. М., 1964; Мухаммад Икбал. Избранное. Пер. с перс. и с урду. Сост., подстр. пер., предисл. и коммент. Н. И. Пригариной. Отв. ред. Е. П. Чельшев. М., 1981; Мухаммад Икбал. Реконструкция религиозной мысли в исламе. Перевод с англ., предисл. и коммент. М. Т. Степанянц. // Под ред. П. В. Густерина. М, 2002.
 7. Более подробно см. об этом: Victor Nemchinov. Orientalist and the Book: Reflections on Changing Role of Libraries in the Information Field of the 21st Century. Eastern Analytics. Issue 2, 2016. М.: IV RAS, 2017, p. 7–17. URL: http://ivran.ru/f/analitika_block2016_2full.pdf Дата обращения 28.02.2018.
 8. Hafeez Malik. Pakistan’s Troubled Relations with the Soviet Union // Domestic Determinants of Soviet Foreign Policy towards South Asia and the Middle East. London, 1990, p. 170.
 9. Hafeez Malik. The Soviet Union, Russia: Yuri and I. A memoir. // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. Vol. XXXV, No. 3. Spring 2012, p. 56–75. Х. Малик, участвуя в международной конференции в Москве, посвященной памяти Ю. В. Ганковского (2010 г.), высоко оценил вклад своего друга и коллеги в общемировые исследования по Пакистану и Афганистану. Об этом подробнее см. также: Kamenev S. N. International Memorial Conference (April 2010), Dedicated to the 90th Anniversary of Late Professor Yuri V. Gankovsky. // Op. cit., pp. 47–55.
 10. The Encyclopedia of Pakistan. // Ed. by Yuri V. Gankovsky and Hafeez Malik. Karachi, 2006.
 11. Iqbal: Poet-Philosopher of Pakistan. // Ed. by Hafeez Malik. New York and London: Columbia University Press, 1971.

12. Javid Iqbal. Iqbal: My Father //Poet-Philosopher of Pakistan. Ed. by Hafeez Malik. New York and London: Columbia University Press, 1971, pp.56–65.
13. С более подробной информацией об этой международной конференции можно ознакомиться на сайте ИВ РАН. URL: <https://bsv.ivran.ru/novosti?artid=9027> Дата обращения 02.03.2018.
14. Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на церемонии вручения медали Пушкина иностранным гражданам, Москва, 4 ноября 2017 года. URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2939129 Дата обращения 01.03.2018.
15. Информация о проведении подобных международных мероприятий, посвященных М. Икбалу, размещается российской и пакистанской сторонами в средствах массовой информации и социальных сетях, тем самым многократно увеличивая число участников. См., например, сайт ИВ РАН, пакистанский телевизионный канал SUCH TV и др. URL: <https://bsv.ivran.ru/novosti?artid=5820>; <http://www.suchtv.pk/videos/item/45823-event-organised-for-tribute-to-alama-iqbal-in-moscow.html> Дата обращения 02.03.2018.
16. Авдеева Л. Е. Поэт – всевидящее око. К 140-летию Мухаммада Икбала (стихи и поэмы). Серия «Восточный калейдоскоп» / Людмила Авдеева/. М., 2017, с. 17.
17. Подробную информацию о данной конференции см.: <https://bsv.ivran.ru/novosti?artid=9423>; <http://www.muslim-institute.org/ProjectDetail?project=83/3-Day-International-Allama-Muhammad-Iqbal-Conference> Дата обращения 02.03.2018.
18. Материалы конференции см.: <https://iphras.ru/revolutionevolution.htm>; <https://iphras.ru/page20973280.htm> Дата обращения 02.03.2018.
19. Внук Мухаммада Икбала – Валид Икбал принимал активное участие в международных конференциях в Институте востоковедения. В ИВ РАН опубликованы и его статьи: Пакистано-российские отношения //Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность. Сборник статей памяти Ю. В. Ганковского. Pakistan, the States of South Asia and Middle East: History and Present. Collection of Articles in Memoriam of Prof. Yuri V. Gankovsky. М., 2004, с. 87–97; Образование государства Пакистан. Там же, с. 147–149.
20. Saiyidain K. G. Iqbal's Educational Philosophy. Lahore, 1987.
21. Серенко И. Н. Система образования в Исламской Республике Пакистан. М.: Научная книга, 2006; Становление и развитие женского образования в Исламской Республике Пакистан (политика в области образования и реакция общества). М.: ИВ РАН, 2016.
22. Икбал Мухаммад. Реконструкция религиозной мысли в исламе. Пер. с англ., предисл. и коммент. М. Т. Степанянц //Под ред. П. В. Густерина. М., 2002, с. 30.

С. Н. Каменев*

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПАКИСТАНА В XX В. ЧАСТЬ I

Резюме: В статье рассматривается развитие экономики Пакистана первоначально в рамках Британской Индии, затем Западного Пакистана и после 1971 г. непосредственно в современных границах вплоть до конца XX в. Исследованы темпы экономического роста, отраслевая структура экономики, рост населения, социальное неравенство, влияние внешнеполитических отношений на экономическое развитие Пакистана.

Ключевые слова: Пакистан, экономика, неравенство, население

History of the Economic Development of Pakistan in XXth Century. Part 1.

Summary: The article examines the development of Pakistan's economy initially within British India, then West Pakistan and after 1971 in the present-day borders up to the end of the 20th century. The growth rates, industrial origin of Pakistan economy, population growth and structure, social inequality, the influence of foreign policy and foreign economic relations on Pakistan's economic development have been studied as well.

Key words: Pakistan, economy, inequality, population

Место экономики Пакистана в колониальной Индии

В процессе экономического развития Индии в колониальный период наблюдалась явная неравномерность ее экономического роста в различных географических областях страны, в том числе и в её северо-западной части, т. е. того небольшого региона,

* Каменев Сергей Наумович – ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Пакистана Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук

который впоследствии (в 1947 г.) сформировал первоначально Западный Пакистан, а затем, в 1971 г. Пакистан в современных границах¹. Очевидная однобокость развития колониальной Индии нашла свое отражение в постепенном превращении ее в источник сырья (в первую очередь сельскохозяйственного), сферу приложения капитала и рынок сбыта английских товаров. Таким образом, разделение труда в Британской Индии происходило не только, а точнее, не столько в рамках национальной экономики, сколько между метрополией и колонией. В этом проявилась одна из важных особенностей развития рыночной экономики в Индии, которая сказывается в какой-то степени даже до сих пор, т. е. в начале XXI в. на экономике как этой страны, так и Пакистана.

В условиях многосекторной индийской экономики на протяжении первой половины XX в. ведущие позиции сохранялись за традиционными, докапиталистическими сегментами, которые были распространены в наибольшей степени в сельском хозяйстве. Для них были характерны использование примитивных средств производства и как следствие – очень низкая производительность труда, практически натуральное воспроизводство, а как результат – небольшие размеры прибавочного продукта. При этом ведущим мотивом для них было производство не прибавочной, а потребительской стоимости. Кроме того, постепенное усиление лендлордовской и торгово-ростовщической эксплуатации в первой половине XX в. вело к фиксации этой стоимости, вследствие чего основной формой процесса воспроизводства в национальном хозяйстве страны было простое².

Рыночный, капиталистический способ производства в экономике Британской Индии как по объему производимой продукции, так и по численности занятых в нем оставался сравнительно небольшим (в середине 50-х годов, например, в нем была занята примерно $\frac{1}{5}$ всего экономически активного населения Индии). Едва ли можно сомневаться в том, что в начале XX в. он был еще меньше. Центрами развития рыночной экономики были в основном крупные, преимущественно портовые города – Бомбей, Калькутта, Мадрас; на территории северо-западной части

колониальной Индии таким центром был Карачи. Тем не менее, в этом регионе рыночные отношения к моменту завоевания в 1947 г. независимости оставались заметно менее развитыми, чем в среднем во всей колониальной Индии. В подобных условиях, а также в результате явно одностороннего развития национального хозяйства страны среднегодовые темпы экономического роста составляли по расчетам английского экономиста Ангуса Мэддисона 1,1% в 1870–1913 гг. и 1,2% в 1913–1950 гг.³ Это означало, что среднедушевые размеры общественного продукта страны в первой половине XX в. росли менее чем на 0,5% в год. Указанный процесс шел более медленными темпами в районах, отошедших впоследствии к Пакистану, поскольку темпы экономического роста там были еще ниже.

В основе экономики северо-западной части Британской Индии лежало сельское хозяйство, что вполне естественно. По нашим оценкам, в этой отрасли накануне второй мировой войны создавалось приблизительно 65% ВВП упомянутого региона. Пожалуй, лишь для этой области тогдашней Индии (в первую очередь в Пенджабе и вероятно еще западного района штата Уттар-Прадеш) характерен сравнительно высокий уровень развития торгового земледелия (заметим, что строительство и дальнейшее использование ирригационных каналов способствовало росту сельскохозяйственного производства не только на экстенсивной, но частично и на интенсивной основе). Однако в целом увеличение объема продукции земледелия было достигнуто за счет экстенсивного характера развития агросферы.

Надо сказать, что Пенджаб еще в 80–90-е годы XIX в. стал довольно быстро превращаться в регион товарно-экспортной специализации сельского хозяйства; таким образом происходило подключение этого района как к мировому, так и к общендийскому рынку⁴. Но этот процесс сопровождался медленным изменением отношений в крестьянских и лендлордовских хозяйствах. Основную роль в росте товарности агросферы в тот период играли налоги, усиление рентной эксплуатации и воздействие торгово-ростовщического капитала.

Именно в Панджабе прирост посевных площадей был одним из наиболее высоких в колониальной Индии и достигал в среднем в год почти 1%⁵. Но даже здесь темпы прироста посевных площадей отставали в первой половине XX в. от темпов прироста населения, составлявших в среднем 1,4% в год⁶. Более того, падали не только среднедушевые размеры обрабатываемых площадей, но, что еще более важно, среднедушевые размеры земледельческого производства. Если валовое производство продукции земледелия в северо-западной части колониальной Индии в первой четверти XX в. несколько опережало рост населения, то в дальнейшем оно стало постепенно отставать от него; при этом особенно заметно упало среднедушевое производство зерновых культур. Учитывая, что продукция растениеводства составляла подавляющую (свыше $\frac{3}{4}$) часть всего сельскохозяйственного производства, этот вывод, как полагали отечественные востоковеды-аграрники Р.П. Гурвич и Н.М. Гуревич, можно отнести и к динамике всего сельскохозяйственного производства⁷.

Районы, сформировавшие современный Пакистан, – это преимущественно сельскохозяйственные районы, специализировавшиеся на производстве ряда продовольственных (пшеница, рис) и технических (хлопчатник) культур, хотя на этой территории уже существовала промышленность, занятая в первую очередь обработкой агропродукции. Анализируя характер развития капитализма в Пакистане, отечественный востоковед В.Я. Белокреницкий выделил характерную для всей колониальной Индии черту ее индустриального развития, а именно – явное усиление географической неравномерности в 20–40-е годы XX века в такого рода процессах⁸.

Здесь следует отметить, что если в конце XIX – начале XX в. промышленность занимала второстепенное место в колониальной структуре национального хозяйства Индии, то уже в 20-е годы стала происходить «смена лидера». В первой четверти XX в. наблюдалось оживление индустриального строительства, на смену которому пришел в 30-е годы (несмотря на мировой экономический кризис) сравнительно быстрый рост промышленности, тем более, что обозначилась немалая конкуренция

на мировом рынке пшеницы в результате поступления дешевой пшеницы из Австралии и Канады. А это, в свою очередь, снизило рост сельскохозяйственного производства в Панджабе.

И все же, в силу неразвитости индустрии в северо-западной части колониальной Индии накануне второй мировой войны доля промышленности в создании общественного продукта этого региона не достигала и 5%. Имевшиеся предприятия были тесно связаны с переработкой сельскохозяйственного сырья и размещались практически лишь в Панджабе и Синде (в основном в Карачи). Весьма показателен такой пример: на основную отрасль обрабатывающей промышленности северо-западной части Индии – хлопчатобумажную – в первой половине XX в. приходилось лишь от 1% до 3% всех предприятий этой отрасли колониальной Индии; в 1946 г. из общего числа ценовых предприятий хлопчатобумажной промышленности в количестве 422 на Пакистан приходилось лишь 14⁹. В целом же, в индийской индустрии «к концу колониального периода 64% всех фабрик, 65% их капитала и 81% заводских рабочих приходилось на пищевую, хлопчатобумажную и джутовую промышленность»¹⁰.

Вывоз из Индии в больших количествах различного сырья в условиях медленного разложения феодальных отношений неизбежно вел к быстрому развитию и широкому распространению в стране торгового и ростовщического капитала, что увеличивало роль сферы обращения и услуг в процессе воспроизводства. Именно эта сфера была второй по значению после сельского хозяйства областью, в которой создавалась весомая доля общественного продукта: к моменту раздела колониальной Индии ее вклад в создание ВВП достигал 30%. При этом ведущее место среди отраслей сферы услуг занимала оптовая и розничная торговля – так, в данном секторе национального хозяйства накануне обретения независимости создавалось приблизительно 13–15% конечного общественного продукта.

Непомерная раздутость сферы обращения в тот период была в немалой степени связана с тем, что между производителем и потребителем основных видов продукции сельского хозяйства и промышленности существовала длинная цепь посредников.

Различные торговые и кредитно-финансовые посредники урывали бóльшую часть прибавочного труда непосредственных производителей – крестьян, покупая у них товары по низким ценам и продавая промышленные изделия по неоправданно завышенным ценам. Основная доля прибылей посредников попадала в руки британских финансистов и частично местных капиталовладельцев. Одним только банкам доставалось в среднем 25% посреднических прибылей¹¹.

Но здесь следует подчеркнуть, что преобразования, происходившие в экономике Британской Индии, охватывали лишь отдельные районы страны, прежде всего удобные в транспортно-географическом или климатическом отношении, или богатые полезными ископаемыми. Остальные сохранялись практически в нетронутом виде и вне связи с метрополией (например, бывшая пакистанская Северо-Западная пограничная провинция, ныне провинция Хайбер-Пахтунхва).

Вместе с тем и районы наиболее активной колонизации в какой-то степени выпадали из общего процесса развития национального хозяйства страны. В силу избирательной заинтересованности англичан в вывозе лишь отдельных видов сырья эти районы превращались скорее в часть внешних рынков метрополии, чем внутренних рынков колонии. «В результате важнейшие звенья воспроизводственного процесса в анклавовых замкнулись на экономику метрополий, а мультипликативный эффект самого анклавного роста для национального хозяйства оказывался минимальным. Подобный характер размещения производительных сил и внутренней разобщенности процесса воспроизводства превратился за годы колониализма в основной структурный признак экономики ныне освободившихся стран, в один из главных барьеров на пути их борьбы за экономическую самостоятельность в наши дни»¹². И хотя по форме эта мысль больше напоминает жесткую критику процесса социального-экономического развития стран Азии в советский период, по содержанию здесь нельзя отказать в справедливости оценки воспроизводственного процесса в подавляющем большинстве азиатских государств. Итогом подобной избирательной заинтересованности англичан,

получившей свое реальное структурное оформление, была сложившаяся монокультурность экономики Пакистана и особенно его экспорта в первые годы после завоевания независимости. Например, два товара – хлопок и джут (джут – из бывшего Восточного Пакистана, ныне Бангладеш) – обеспечивали свыше $\frac{2}{3}$ всей экспортной выручки.

Характерной чертой процесса экономического развития колониальной Индии (как, впрочем, и в большинстве других колониальных стран) было изъятие части созданной там добавленной стоимости и отправка ее в товарной форме непосредственно в метрополию. Относительная легкость этого процесса базировалась на контроле над природными ресурсами и экономикой страны в целом, опоре на военно-бюрократический аппарат. В частности, именно это позволяло английским капиталовладельцам присваивать практически всю ренту на экспортируемую индийскую продукцию. Это, в свою очередь, было связано как с низкой оплатой труда, так в определенной степени и с принудительным характером такого рода труда в колонии. В результате, с одной стороны, это увеличивало норму накопления в метрополии, а с другой – сужало размеры национального накопления и потребления (как частного, так и государственного) в колонии и, в конечном итоге, сдерживало процесс расширенного воспроизводства.

Подводя итог краткому анализу протекавших экономических процессов в колониальной Индии следует отметить, что национальное хозяйство этой страны к моменту обретения независимости обладало некоторыми характерными чертами, связанными с особенностями его эволюции в колониальных условиях и позволяющих говорить о специфической социально-экономической структуре. В этой связи нельзя не привести мнение отечественного индолога О.В. Малярова, который отмечал, что эта структура «представляла собой стадию перехода от феодального к капиталистическому базису, деформированного воздействием зарубежного и монополистического капитализма на докапиталистическую и раннекапиталистическую экономику, лишенную протекционистской защиты»¹³.

Факторы роста и сдерживания экономического развития Пакистана в 50–60-е годы XX в.

Первостепенная задача практически любого режима, пришедшего к власти после обретения независимости, заключается в том, чтобы решить едва ли не главный экономический вопрос: как провести преобразования отсталой, многоукладной социально-экономической структуры – с одной стороны – и одновременно обеспечить стабильные общие темпы экономического роста, а также ведущих отраслей реального сектора экономики – с другой, и, в конечном итоге, определить оптимальное соотношение между этими двумя задачами. Трудность решения этого вопроса (который, естественно, приходилось решать отнюдь не только Пакистану) заключается, как справедливо отмечал в свое время видный отечественный востоковед В.Л. Шейнис, в том, что методы, используемые для достижения одной цели, далеко не всегда способствуют достижению другой. Так, в условиях низкого уровня развития основных отраслей экономики и нехватки финансовых ресурсов достижение высокой нормы накопления и дальнейшее поддержание ее на таком же уровне, равновесие платежного баланса, налаживание и развитие внутриотраслевых и межотраслевых связей (что уже само по себе весьма непросто), развитие и диверсификация внешнеэкономических связей крайне затрудняют проведение существенных социальных преобразований.¹⁴

Прежнее экономическое, социальное и политическое равновесие, существовавшее на территории северо-западной части колониальной Индии (т. е. «равновесие» своего рода экономического и демографического застоя и социально-политической инертности подавляющей части населения этого региона) было подорвано. Однако в ходе последующего независимого развития новое равновесие еще не сложилось. И если попытаться как-то определить общее направление развития в 50–60-е годы (хотя это, естественно, сделать непросто, учитывая тогдашний низкий экономический потенциал страны), то можно сказать, что

в указанные два десятилетия происходило создание лишь предпосылок для нового социального и экономического равновесия: началась ломка колониальной отраслевой структуры, создание современного (естественно, по тем меркам) промышленного сектора экономики, развитие сельскохозяйственного производства и ряда других отраслей национального хозяйства Пакистана.

Темпы экономического роста и основных отраслей в 50-е годы (табл. 1) были явно недостаточны (возможно лишь за исключением крупной промышленности) для того, чтобы в условиях заметного увеличения численности населения обеспечить существенное повышение жизненного уровня большинства жителей Пакистана, решить другие социальные вопросы; при этом требовалось одновременно повышать и норму накопления, что необходимо для поддержания даже достигнутых темпов роста. Прирост ВВП едва превышал прирост населения страны, а о сельском хозяйстве и мелкой промышленности и говорить не приходится, в то время как именно в этих двух отраслях была занята основная масса пакистанцев – если мы сравним рост ВВП с увеличением прироста добавленной стоимости в аграрной сфере, то окажется, что в 50-е годы происходило заметное падение среднелетних размеров сельскохозяйственного производства в стране.¹⁵

Таблица 1

**Среднегодовые темпы прироста
основных макроэкономических параметров, %**

Структура \ Годы	1950 –1960	1960 –1970	1970 –1980	1980 –1990	1990 –2000	2000 –2010	2010 –2015
ВНП	3,1	6,8	5,1	6,1	4,6	5,3	4,2
Сельское хозяйство	1,6	4,1	2,3	5,5	4,0	2,7	2,8
Обрабатывающая промышленность в том числе:	7,7	9,9	4,2	8,2	4,8	7,3	3,4
крупная	15,4	13,3	3,1	8,2	4,9	7,5	2,7
мелкая	2,3	2,9	7,3	9,4	4,7	4,2	8,3
Транспорт, связь	4,4	7,8	5,6	6,2	5,1	3,7	4,0

Годы Структура	1950 –1960	1960 –1970	1970 –1980	1980 –1990	1990 –2000	2000 –2010	2010 –2015
Сфера услуг	3,4	6,5	6,0	6,1	4,3	5,5	4,7
Население	2,4	3,8	2,9	2,8	2,5	2,4	2,4
Доход на душу населения	0,6	3,1	2,1	3,0	1,7	3,0	2,1

*Рассчитано по: Pakistan Economic Survey 1976–77. Government of Pakistan. Islamabad, 1977. Statistics, p. 9–10.

Pakistan Economic Survey 1984–85. Government of Pakistan. Islamabad, 1985. Statistics, p. 17.

Pakistan Statistical Yearbook 1984. Karachi, 1984, p. 369.

Pakistan Statistical Yearbook 1995. Karachi, 1995, p. 461.

Economic Survey 2001–02. Government of Pakistan. Islamabad, 2002, Statistical Appendix, p.9.

Economic Survey 2007–08. Government of Pakistan. Islamabad, 2008, Statistical Appendix, p.9.

Pakistan Economic Survey 2010–11. Government of Pakistan. Islamabad, 2011, Statistical Appendix, p.9.

Pakistan Economic Survey 2016–17. Government of Pakistan. Islamabad, 2016, Statistical Appendix, p.9.

Экономический рост в указанное десятилетие обеспечивался преимущественно за счет предпринимательской деятельности частного капитала в сферах промышленного производства и обращения. Частный сектор, с успехом используя политику государственного капитализма, начал тогда интенсивно осуществлять инвестиции в высокоприбыльные предприятия текстильной промышленности.

Однако низкие темпы роста сельского хозяйства не могли быть скомпенсированы ростом промышленности. Неурожаи, следовавшие один за другим во второй половине 50-х годов, не только вели к необходимости увеличения импорта продовольствия, но, в конечном счете (в условиях ограниченности финансовых ресурсов), обусловили уменьшение почти на треть ввоз промышленного оборудования, сырья, других вспомогательных материалов, необходимых для обеспечения процесса расширенного воспроизводства. В результате действия этих и ряда других дестабилизирующих факторов доход на душу населения возрастал в 50-е годы лишь на 0,6% в среднем в год.

В этих условиях внимание правящих кругов страны было направлено в первую очередь на поиски выхода из того тяжелого положения, в котором находилось национальное хозяйство страны, на решение текущих экономических проблем, и здесь свою позитивную роль сыграла война в Корее в первой половине

50-х годов прошлого столетия. Как отмечал отечественный востоковед В.Я. Белокреницкий, «продолжавшаяся первую треть 1950-х годов война на Корейском полуострове вызвала повышение мировых цен на некоторые виды сырья растительного происхождения (хлопок, джут), поставляемые странами Востока (Индией, Пакистаном), что позволило им получить импульс для увеличения капиталовложений»¹⁶.

В 60-е годы на передний план четко выступила тенденция приоритета темпов роста экономики над социальным развитием. В тот период в экономической науке в стране почти безраздельно властвовали идеи Дж. Кейнса и У. Ростоу, несколько модернизированные одним из ведущих пакистанских экономистов – Махбуб-уль-Хаком, применительно к пакистанской специфике. В соответствии с этими идеями как планирование экономики, так и весь процесс ее развития исходили из одной цели – достижение максимально высоких темпов экономического роста. Все остальное было либо подчинено выполнению этой задачи (сокращение темпов прироста населения страны, изыскание внешних источников накопления, сокращение уровня прямого налогообложения, ускоренное развитие внешнеэкономических связей и т.д.), либо практически не принималось в расчет (проведение серьезных социальных преобразований, сокращение неравенства в распределении доходов, ослабление процесса социально-имущественной дифференциации и т.п.). И действительно, если мы вновь обратимся к данным табл. 1, то увидим, что рост ВВП достиг в 60-е годы XX в. весьма высоких размеров – почти 7% в среднем в год.

Предпосылки для реализации концепции приоритета темпов роста были заложены еще на рубеже 50–60-х годов, точнее после прихода к власти в стране М. Айюб-хана. Его правительство провело ряд экономических реформ, направленных на дальнейшее внедрение рыночных принципов в национальное хозяйство Пакистана – земельная реформа в аграрной сфере, в промышленности на государство была возложена функция обслуживания интересов частного предпринимательства, создание льгот для зарубежных импортеров, аналогичные изменения были проведены

и в бюджетной системе – предоставление множества налоговых льгот частным предпринимателям, сокращение дефицитного финансирования, усиление борьбы со спекуляцией и контрабандой и т. д.¹⁷

Результатом этих преобразований стало приведение отставших производственных отношений в соответствие с развивающимися производительными силами, что реально обеспечило довольно быстрое продвижение Пакистана вперед по пути развития рыночной экономики. Весьма показательно в этой связи заметное превышение наметок второго пятилетнего плана (1960–1965 гг.) по целому ряду показателей, в том числе по темпам роста ВВП – по плану предполагалось 3.8%, а реально его среднегодовое увеличение составило почти 7%.

На XVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшейся в декабре 1961 г., 60-е годы были объявлены Десятилетием развития ООН, и одной из основных целей Первой декады развития было достижение в 60-е годы «среднегодовых темпов прироста национального продукта развивающихся стран по крайней мере в размере 5%»¹⁸. Нужно подчеркнуть, что Пакистан был в числе немногих стран, которым удалось не просто достигнуть указанного уровня, но заметно превысить этот показатель. В обзоре экономического положения стран Азии, представленном к XXV сессии ЭКАДВ в 1969 г., подчеркивалось, что высокие темпы роста в ряде стран были достигнуты главным образом благодаря принятию новой стратегии в области сельского хозяйства, предполагающей использование современных агротехнических приемов.

Успехи экономического развития Пакистана в 60-е годы, особенно достижение высоких темпов прироста ВВП, а также ведущих отраслей – сельского хозяйства и промышленности – привели к тому, что как в Пакистане, так и за его пределами заговорили о стратегии экономического развития, выбранной страной, как образцовой для большинства развивающихся государств, и даже о возможности применения пакистанской модели развития в других странах Азии и Африки¹⁹.

Однако при этом игнорировались, как правило, серьезные отрицательные последствия, которые несет подобный

ускоренный рост, т.е. значительное увеличение неравномерности распределения доходов. Более того, в официальных документах пакистанского правительства прямо отмечалось: «Мы не можем распределять бедность. Прежде чем может быть улучшено распределение доходов, необходимо обеспечить экономический рост»²⁰.

Развитие госкапитализма в Пакистане в 70–80-е годы XX в.

К началу 70-х годов Пакистан достиг в своем экономическом развитии весьма ощутимых результатов. Помимо высоких темпов роста общественного продукта и основных отраслей национального хозяйства об этом свидетельствуют и значительное повышение нормы накопления (с 5% в первой половине 50-х годов до 16% к 1970 г.), сокращение доли частного и государственного потребления в конечном общественном продукте, повышение общей экономической эффективности общественного производства и другие факторы. Однако нельзя забывать о том, что, будучи все еще неустойчивой и дезинтегрированной, социально-экономическая структура такой развивающейся страны, как Пакистан, была весьма податлива ко многим сильным воздействиям как извне, так и внутри страны.

Рассматривая в этой связи условия, в которых происходило развитие национального хозяйства в 70-е годы, едва ли можно представить худшую обстановку для экономического роста в этом десятилетии. Сложные погодные условия (наводнения в 1973, 1974 и 1975 гг., засуха в 1976 г.) привели к существенному замедлению роста добавленной стоимости, создававшейся в сельском хозяйстве: за время пребывания правительства З.А. Бхутто у власти (1972–1977 гг.) рост производства в этой отрасли экономики едва превысил 1.8% в среднем в год, что в условиях прироста населения в 2.8% в среднем в год в 70-е годы означало заметное падение среднедушевых размеров сельскохозяйственного производства²¹.

Разразившиеся в первой половине 70-х годов энергетический и валютно-финансовый кризисы привели к тому, что Пакистан, который был уже основательно втянут в орбиту мирового рыночного хозяйства и международного разделения труда, был вынужден значительную часть валютных средств направить на закупку нефти и нефтепродуктов. Помимо сказанного следует учитывать и то обстоятельство, что осуществление серьезных преобразований в экономике (а тем более таких кардинальных, которые проводило правительство З. А. Бхутто – широкая национализация в промышленности и кредитной системе, ограничение деятельности частного сектора, ограничение размеров землевладения и т. д.), а также изменение экономической политики приводят, как правило, к большему или меньшему замедлению темпов экономического роста, снижению эффективности производства и капиталоотдачи. Заметную негативную роль сыграли и сильные инфляционные процессы. Поэтому в подобных условиях вполне можно было ожидать стагнацию и даже спад в экономике.

В 70-е годы заметно выявились противоречия, связанные с дальнейшим развитием рыночных отношений, особенно в деревне. Если в 60-е годы, в условиях быстрого роста сельскохозяйственного производства и развернувшейся во второй половине этого десятилетия «зеленой революции» немалая часть быстро растущего населения Пакистана абсорбировалась традиционным сектором (в котором увеличивалась численность не полностью занятой рабочей силы), то дальнейшее развитие рыночных отношений в сельском хозяйстве (в 70-е годы) заметно затруднило этот процесс.

Ко всему прочему, провозглашенная в 1972 г. аграрная реформа оказалась малоэффективной. Потолок индивидуального землевладения был сокращен до 60 га орошаемой или 120 га неорошаемой (богарной) земли, причем излишки земли сверх этого максимума изымались без выплаты компенсации их владельцам. Правительство вновь подтвердило арендаторам гарантии их защиты от незаконного сгона с земли²². В 1975 г. был принят закон, освобождающий владельцев участков менее 5 га орошаемой и 10 га неорошаемой земли от уплаты поземельного

налога. (Убытки бюджета от этих нововведений планировалось возместить за счет роста налогов с больших владений, пропорционально их площади, однако это так и не произошло). А в начале 1977 г. (за несколько месяцев до свержения правительства Зулфикара Али Бхутто) было объявлено о снижении максимума индивидуального землевладения до 40 га орошаемой или 80 га неорошаемой (богарной) земли²³.

Однако не менее сложной была ситуация и в индустриальных отраслях. Пытаясь внедрить в большей степени элементы госрегулирования в национальное хозяйство Пакистана правительство Пакистанской народной партии в своей экономической политике по отношению к промышленности стало больше отдавать предпочтение и уделять внимание мелкому промышленному производству: рост капиталовложений в эту сферу индустрии вырос в 1972–1977 гг. в текущих ценах почти втрое, а чтобы этот параметр был более показателен заметим, что по отношению к инвестициям в крупное промышленное производство они (капиталовложения в мелкую промышленность) возросли с 20 до 40%²⁴.

Характеризуя эти изменения, отечественный востоковед В.Я. Белокреницкий отмечал, что «это происходило на фоне перемен в стратегии индустриального роста, большей ориентации промышленности на экспорт. К сдвигу в сторону от импортзамещения к расширению экспортного сектора подталкивал ряд обстоятельств – сократившиеся размеры внутреннего рынка (потеря восточнобенгальского потребителя), девальвация и сокращение разрыва между внутренними и мировыми ценами, связанное к тому же с улучшением условий внешней торговли..., возросший иностранный спрос на некоторые «восточные» товары... Увеличение экспортного потенциала мелкой промышленности и страх перед угрозой национализации содействовали фиктивному дроблению некоторой части крупного капитала...»²⁵.

Естественно, не следует предполагать, что власти Пакистана надумали серьезно внедрить социалистические элементы хозяйствования в свою экономику, а тем более строить некое подобие социализма. Это были неудачные попытки несколько снизить темпы довольно быстрого развития рыночной экономики

и в большей степени осуществлять госрегулирование в основных её сферах, в первую очередь – в индустрии, включающей в себя не только обрабатывающую и горнодобывающую промышленность, но и энергетику и строительство. Но даже эти попытки были весьма неодобрительно встречены ведущими развитыми странами, в первую очередь США, которые всегда были главным донором Пакистана. Стратегия экономического роста, выбранная правительством З.А. Бхутто в начале 70-х годов, явилась одной из причин изменения характера внешней помощи, а именно: стала сокращаться доля даров и субсидий и одновременно возрастать часть помощи, предоставляемой в виде займов и кредитов²⁶.

Заметим, что «зеленая революция» продолжала и в 70-е годы разрушать традиционные отношения в пакистанской деревне (которые были основой поддержки сельских групп, частично или полностью лишившихся средств существования), а также сократила потребность в живом труде в агросфере. В определенной степени следствием этих процессов был рост миграции рабочей силы из Пакистана в мусульманские нефтедобывающие страны Ближнего Востока. Таким образом, в 70-е годы, несмотря на стремление правящих кругов к более или менее сбалансированному росту (т. е. к оптимальному соотношению в постановке и решении экономических и социальных задач), добиться этого не удалось.

Вообще, строго говоря, расстановка акцентов в социально-экономическом развитии в странах, находящихся на периферии мировой экономической системы (к каковым относится Пакистан), весьма непроста. Экономический и социальный рост в менее развитых государствах носил в тот период крайне противоречивый характер, и поступательное движение вперед происходило лишь в ряде очагов. В реальной действительности это означает, что на передний план выдвигались, причем с явным отрывом от остальных, какие-то определенные отрасли или сферы производства, секторы, районы или географические местности и т. п. На развитие таких очагов государством выделялись зачастую немалые суммы из сравнительно ограниченного общего объема ресурсов. Так было, например, в первой половине 60-х годов, когда быстрыми темпами стали развиваться вспомогательные

отрасли тяжелой промышленности; так было во второй половине 60-х годов и в 70-е годы (а в какой-то степени и в 80-е годы), когда сельское хозяйство Пакистана в связи с развернувшейся «зеленой революцией» стало намного более капиталоемкой отраслью. Однако на практике это вело к тому, что к уже существовавшим формам социального и экономического неравенства стали добавлялись новые, иногда труднопреодолимые формы. В результате действия этих и других указанных выше факторов реальный ход развития Пакистана в 70-е – 80-е годы привел к увеличению диспропорций в социально-экономическом росте страны. Впрочем, подобные процессы происходили на определенном этапе социально-экономического развития во многих развивающихся государствах, например, в странах Магриба²⁷.

Ответной реакцией на эти процессы были усиление в 70–80-е годы в развивающихся странах Азии эгалитаристских тенденций и разработка (а затем и принятие в той или иной степени на вооружение) различных концепций, направленных на некоторое сглаживание таких диспропорций (концепция удовлетворения «основных нужд», концепция «коллективной самообеспеченности» и т. п.). Пожалуй, наибольшей популярностью в развивающихся странах пользовалась в то время теория «основных нужд», в основу которой был заложен протест против такой трансформации национального хозяйства развивающихся государств, при котором весь процесс поступательного движения вперед сводился практически к расширению масштабов производства и увеличению нормы накопления, в то время как удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей большинства населения этих стран сводилось к минимуму.

В Пакистане концепция «основных нужд» была впервые заложена в пятый пятилетний план социально-экономического развития страны (1978–1983 гг.), в котором на передний план выдвигалась задача ускоренного роста сельского хозяйства (в размере по крайней мере 6% в год). Делалось это, как декларировалось в плановых документах, с целью обеспечить продовольствием все население Пакистана, и особо отмечалось, что «это необходимо для реализации концепции удовлетворения основных нужд»²⁸

(что, правда, с трудом увязывалось с общим распределением государственных инвестиций по отраслям: так, расходы на развитие сельского хозяйства занимали пятое место после ассигнований на энергетику, транспорт и связь, промышленность, ирригацию, особенно с учетом того, что капиталоемкость сельскохозяйственного производства после «зеленой революции» в 60-е годы заметно возросла)²⁹.

Со сменой власти в 1977 г. и приходом к управлению страной военных во главе с генералом Зия-уль-Хаком несколько изменилась и экономическая политика. Правящие круги попытались вновь сделать ставку на частный сектор; ему с каждым годом предоставлялись все большие возможности и льготы. Стремясь подчеркнуть формальное изменение в соотношении двух составных частей в рамках «смешанной экономики» в пользу частного предпринимательства, Зия-уль-Хак, выступая в конце 1981 г. на конференции по вопросам экономического развития, особо отметил, что государственный сектор не только не будет препятствовать росту частного сектора, но будет лишь дополнять его. Некоторый акцент на усилении роли и влияния частного сектора в экономике Пакистана в 80-е годы в немалой степени было следствием рекомендаций МВФ и МБРР, в частности экономических советников этих организаций, работавших тогда в Пакистане: К. Шиллера, бывшего министра хозяйства и финансов ФРГ и Р. Макнамары, бывшего президента МБРР. Ярким приверженцем рыночной экономики стал в третий раз сменивший свою точку зрения на стратегию развития д-р Махбуб-уль-Хак, занимавший в первой половине 80-х годов пост заместителя председателя Плановой комиссии страны. Именно он задавал тон при определении стратегии экономического роста и экономической политики.

Основные идеи Махбуб-уль-Хака в тот период сводились к значительному расширению деятельности частного сектора в национальном хозяйстве, созданию максимально благоприятных для этого условий, денационализации большинства государственных предприятий, поощрению инвестиционной деятельности наиболее богатых групп пакистанского общества и как следствие этого – все меньшее внимание социальному равенству³⁰.

Эти идеи в наибольшей степени были отражены в шестом пятилетнем плане экономического развития страны (1983–1988), в котором практически полностью повторялась мысль, высказанная в наметках четвертого пятилетнего плана на 1970–1975 гг., а именно: «Быстрый экономический рост является ключевым фактором для будущего Пакистана; без этого мы можем лишь перераспределять бедность»³¹. С некоей долей сарказма отмечал тогда прогрессивный лахорский еженедельник Viewpoint, что «в начале 80-х годов Пакистан возвратился к тому, с чего он начал осуществление второго пятилетнего плана. Шестой пятилетний план, подготовленный верхушкой технократов, обучавшихся в США, предоставляет широкие возможности частнокапиталистическому предпринимательству и уделяет мало внимания социальному сектору»³². В наибольшей степени это коснулось промышленности, где было разрешено частному сектору вкладывать инвестиции во многие отрасли тяжелой промышленности, в первую очередь металлургию, машиностроение, химическую, нефтеперерабатывающую, цементную и ряд других. Ранее все это было прерогативой только госсектора.

Вместе с тем, было бы крайне неверно считать, что при президентстве Зия-уль-Хака в 80-е годы произошли кардинальные изменения в приоритетах экономической политики, а тем более в стратегии экономического роста. Правительство вовсе не торопилось удовлетворять настоятельные требования представителей частного сектора вернуть им национализированные ранее промышленные предприятия, банки, страховые компании и т. д. И одной из причин этого было серьезное сопротивление разросшегося в период нахождения у власти гражданского правительства З.А. Бхутто бюрократического аппарата, который (в этом случае) терял бы немалую часть своих властных полномочий. Помимо этого, определенную роль сыграли и другие факторы – потребность в дальнейшей централизации капитала (а её в условиях Пакистана было намного легче обеспечить тогда силами государства) и, как ни странно, – непопулярность в стране мер по денационализации, выступления ряда демократических политических партий и профсоюзов и т. п. Впрочем, такая

общая позиция в отношении сохранения государственного сектора в национальном хозяйстве Пакистана не мешала военному режиму стимулировать самыми разными способами капиталовложения в частном секторе. В результате доля последних в общем объеме капиталовложений повысилась с 30% в период выполнения пятого пятилетнего плана (1978–1983 гг.) до 40% в шестом пятилетнем плане (1983–1988 гг.)³³. Так что приведенная выше цитата из журнала «Viewpoint» имеет под собой реальную фактологическую базу.

Наметившаяся уже в конце 70-х – начале 80-х годов XX в. тенденция к росту частнокапиталистического предпринимательства, созданию для этого всяческих условий (*не ущемляя, однако, существенно госсектор!*), поощрение развития частного сектора путем использования рычагов государственного регулирования, в том числе и путем использования госбюджета (налоговой системы), нашла свое отражение на протяжении всего периода 80-х годов. В то время активно использовались (насколько это позволяли финансовые ресурсы, как внешние, так и внутренние) одновременно экстенсивные и интенсивные способы развития ведущих отраслей материально-вещественного производства (в первую очередь сельское хозяйство и промышленность) с целью достижения общих высоких темпов экономического роста. Как свидетельствуют данные приведенной выше таблицы 1, эта цель была в целом достигнута – среднегодовые темпы роста ВВП превысили 6%, а агросфера показала в указанное десятилетие наиболее высокие темпы роста добавленной стоимости за всю историю развития Пакистана – 5,5% в среднем в год (усредненный параметр за 80-е годы XX в.).

Достижение большего социального равенства, в первую очередь сглаживание неравенства в распределении доходов, вновь было отодвинуто на второй план, после опережающего экономического роста. Почти не произошло никаких изменений в развитии систем образования и здравоохранения, а принятые в 1977 г. важные положения о снижении потолка землевладения и введении поземельного налога остались практически на бумаге. Одновременно в первую очередь в интересах частного сектора

проводилась ценовая политика, валютное регулирование (начиная с января 1982 г. курс рупии по отношению к американскому доллару стал «плавающим»)³⁴, частично в этих целях использовалась и система государственных финансов, в первую очередь налоговое регулирование и налоговая политика.

В конечном итоге, хотелось бы отметить, что автор этих строк полностью разделяет точку зрения отечественных востоковедов В.Я. Белокреницкого и В.Н. Москаленко, изложенную в их совместной работе «История Пакистана», а именно: «...в этот период был решен вопрос о дальнейшем пути экономического развития Пакистана. Окончательно и, по сути, бесповоротно было утверждено господство рыночной системы частного предпринимательства как главного двигателя экономики страны. Именно по этому пути и пошел в дальнейшем Пакистан, где он столкнулся со многими трудностями и неудачами, свойственными этому варианту развития (прежде всего – ростом неравенства между бедными, то есть основной массой населения, и богатым меньшинством)»³⁵.

Отдельно следует сказать о том, что немаловажное воздействие на общее экономическое развитие Пакистана в 80-е годы оказал ввод советских войск в Афганистан. В конечном итоге, Пакистан превратился в своего рода «прифронтовое государство», что всячески муссировалось и обыгрывалось тогдашним пакистанским режимом. Полная поддержка моджахедов со стороны Исламабада обеспечила пакистанскому руководству всяческое содействие и помощь со стороны западных государств, в первую очередь США, явно не желавших установления просоветского режима в Афганистане. Одновременно и весь мусульманский мир стал оказывать всестороннюю поддержку Пакистану как борцу с иностранной интервенцией в соседнем государстве (Афганистане), как защитнику правоверных мусульман, которые стали «жертвой безбожных коммунистов».

Надо сказать, что Зия-уль-Хак весьма умело использовал сложившуюся в 80-е годы внешнеполитическую ситуацию в регионе, постоянно заявляя, что ислам находится в серьезной опасности и призывая к его защите. Несомненно, что в таких условиях

Исламабад стал получать неизмеримо бóльшую финансовую поддержку от мусульманских стран. Хотя, с другой стороны, военные действия в Афганистане неизбежно сказывались негативно и на национальном хозяйстве непосредственно Пакистана – сотни тысяч афганских беженцев хлынули на пакистанскую территорию в Северо-Западную пограничную провинцию страны и частично в Белуджистан. Как следствие – стали возникать серьезные проблемы с продовольствием, питьевой водой, широко распространялись эпидемии. Естественно, мировое сообщество оказывало Исламабаду гуманитарную помощь беженцам и для борьбы с этими проблемами, но это не окупало реальные материальные расходы пакистанского правительства и обостряло и без того непростую социальную обстановку как в указанной провинции, так и в какой-то степени в целом в стране.

И тем не менее, подводя своего рода «баланс» позитива и негатива для Пакистана после ввода советских войск в Афганистан, следует отметить, что с нашей точки зрения Исламабад больше выиграл, нежели проиграл от этих действий СССР, и в первую очередь выиграл в результате необычайно возросшего притока внешней экономической и военной помощи как от западных государств, так и мусульманских стран. В годы правления военных в Пакистане (которые практически совпали с периодом нахождения в Афганистане советских войск и с годами выполнения пятого и шестого пятилетних планов социально-экономического развития Пакистана – 1978–1988 гг.) общий объем предоставленной иностранной помощи составил примерно 32 млрд долл.³⁶

К тому же позитивную роль сыграли объективные факторы роста. Как отмечал ежегодно издаваемый в Лондоне «Страноведческий доклад», в частности, по Афганистану и Пакистану за 1989–90 год (где был представлен весьма детальный анализ ситуации в экономике этих двух государств в целом в 80-е годы), «в период выполнения пятого пятилетнего плана (1978–83) его основные наметки сводились к общей стабилизации положения в экономике, быстрому, но сбалансированному росту основных отраслей, развитию наиболее отсталых районов страны, улучшению положения в области здравоохранения, образования,

обеспечению качественной водой населения страны, повышению жизненного уровня бедных слоев населения... И эти наметки были успешно выполнены, что сопровождалось снижением цен на многие товары и продукты: ВВП рос в среднем на 6,4% в год, благоприятные погодные условия обеспечили неплохой среднегодовой рост сельского хозяйства – на 4,4% (правда, по плану предполагалось 6% роста – С.К.), а промышленность возрастала на 9% в среднем в год, и здесь важную роль сыграла либерализация в промышленности...»³⁷.

Инерционное развитие рыночной экономики в Пакистане в 90-е годы XX в.

Переходя в анализе экономических процессов в Пакистане в 90-е годы прошлого века следует подчеркнуть, что вопросы развития национального хозяйства страны в тот период регулярно отходили на второй план в условиях острой политической борьбы внутри страны, постоянного противоборства двух политических лидеров – Беназир Бхутто и Наваз Шарифа, активно боровшихся за пост премьер-министра страны. Именно по этой причине мы решили несколько изменить схему анализа экономического развития Пакистана в 90-е годы и первоначально провести очень краткое исследование политической ситуации в стране, а если говорить конкретно – то сделать акцент на влиянии не прекращавшейся политической борьбы в 90-е годы XX в. на ситуацию в экономике этого государства.

Несколько забегая вперед заметим, что не было ничего удивительного в том, что пакистанское общество настолько устало от политических коллизий и реально ухудшавшегося положения как низших, так даже и средних его слоев, что бескровный военный переворот в октябре 1999 г. не удивил ни пакистанскую общественность, ни международное сообщество.

Естественно, что тот период в политической истории страны детально исследован в целом ряде научных работ отечественных востоковедов, в первую очередь в уже упоминавшейся

выше фундаментальной монографии В.Я. Белокреницкого и В.Н. Москаленко «История Пакистана: XX век». Но в данном случае для лучшего понимания процессов, происходивших в социально-экономической жизни Пакистана в 90-е годы необходимо, следуя известной формулировке о взаимовлиянии экономики и политики, т. е. базиса и надстройки, целесообразно проанализировать то, насколько надстройка в лице политических действий пакистанских лидеров влияла на экономическое развитие страны.

Гибель в 1988 г. тогдашнего президента генерала Зия-уль-Хака обусловила необходимость проведения осенью того же года парламентских выборов, в ходе которых сравнительно уверенную победу одержала Пакистанская народная партия (ПНП), возглавлявшаяся Беназир Бхутто, которая и стала премьер-министром. Однако её правительство просуществовало относительно недолго – около полутора лет. Здесь существенную роль сыграли в первую очередь политические факторы; но недостаточное внимание к экономике также оказало свое негативное воздействие.

Авторитет Беназир Бхутто был подпорчен как внутри страны, так и за рубежом противозаконной финансовой деятельностью ее тогдашнего мужа – Асиф Али Зардари (ставшего после гибели Б. Бхутто в декабре 2007 г. президентом Пакистана). Ослабляли ее положение, равно как и правительства в целом, межэтнические конфликты, в первую очередь непосредственно в самом Синде (где были сильны позиции Партии пакистанского народа, лидером которой и была Беназир Бхутто) и в определенной степени в Северо-Западной пограничной провинции Пакистана.

Другим фактором, определившим нестабильность в обществе, стала слабая борьба правительства за соблюдение законности и правопорядка – резко возросла преступность в самых различных формах. А это, в свою очередь, вело к ухудшению условий для предпринимательской деятельности в той же провинции Синд, да и в целом в стране, что неизбежно вело к увеличению перевода капиталов за рубеж со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для экономики страны. Хотя определенную роль здесь сыграл и чисто субъективный фактор – опасения

предпринимателей, что Беназир Бхутто станет своего рода последователем своего отца, Зульфикара Али Бхутто в проведении экономической политики, где в основе лежала национализация целого ряда предприятий в частном секторе экономики. Деловые круги страны настораживало и то, что, несмотря на то, что в Программе ПНП было немало внимания уделено вопросам приватизации, за время пребывания Беназир Бхутто у власти толком ничего не было сделано на этом направлении.

А вот общеэкономическая ситуация в стране за время пребывания у власти правительства Беназир Бхутто заметно ухудшилась – это касалось и снижения темпов экономического роста, и одновременного роста инфляции (а это уже однозначно вело к возрастанию социальной напряженности в Пакистане); ко всему прочему негативное воздействие оказали и объективные причины, в частности, сильное наводнение в 1988/89 финансовом году существенно сократило урожаи основных продовольственных и технических культур.

Все сказанное выше, а также возникшие сложности в реализации внешнеполитической стратегии Пакистана (в том числе ухудшение отношений с Индией вместо ожидавшегося улучшения) наряду с определенным противостоянием с тогдашним президентом страны Гулям Исхак Ханом, настороженность армии в отношении деятельности правительства Беназир Бхутто, консолидация исламистских сил после вывода советских войск из Афганистана привели, в конечном итоге, к тому, что президент Пакистана принял в августе 1990 г решение об отставке правительства, роспуске парламента и проведении новых выборов, в ходе которых победу одержал Исламский демократический альянс, главой которого был Наваз Шариф. Именно он и возглавил новое правительство и стал откровенно проводить антибхуттовскую политику, припомнив ей деяния её отца, национализировавшего в 70-е годы немалую часть промышленных предприятий семейства Шарифов (панджабская предпринимательская группа). Неудивительно, что не столько экономика страны была в центре внимания правительства Наваз Шарифа, сколько стремление доставить максимальные неприятности

семейству Бхутто, отомстить за причиненный в свое время значительный ущерб своим капиталам.

Справедливости ради следует заметить, что его правительство поначалу весьма энергично взялось за выведение экономики страны из застойного состояния, в частности, стремилось предоставить максимальные возможности для подъема частного предпринимательства. А этому, как мы подчеркивали выше, уделялось мало внимания во время правления Зия-уль-Хака в 80-е годы XX в.; равно как и предыдущие слабые попытки правительства Б. Бхутто реализовать свою программу возрождения и расширения частного сектора заметным успехом тоже не увенчались. При правительстве Наваз Шарифа была даже создана специальная Комиссия по приватизации, хотя деятельность её так и не была развернута на предполагавшуюся мощность³⁸.

Впрочем, этому препятствовали и некоторые объективные факторы, можно даже сказать, что в какой-то степени Наваз Шарифу просто не повезло в намерении ускорить экономическое развитие Пакистана. В первую очередь это касается тогдашнего вторжения Ирака в Кувейт и создания общей, крайне напряженной ситуации в регионе³⁹. Для Пакистана это вылилось, в первую очередь, в возвращении на родину десятков тысяч пакистанских рабочих и специалистов, работавших по найму как в Кувейте, так и в соседних странах. А это, в свою очередь, привело к значительному сокращению притока в страну иностранной валюты, который обеспечивали такого рода пакистанцы. Кроме того, в самом Пакистане осложнилась в этой связи социально-политическая обстановка, связанная с необходимостью трудоустройства такого рода лиц, где и без того безработица превышала в начале 90-х годов XX в. по официальным данным свыше 3% от всего экономически активного населения в размере 33 млн человек (общая численность населения страны составляла в 1991 г. 113 млн человек); кроме того, существовала т. н. «скрытая безработица», реально превышавшая 10%(!) экономически активного населения⁴⁰.

Наконец, сам Наваз Шариф проводил экономическую политику преимущественно в интересах панджабского капитала, что

не могло не вызвать, мягко говоря, недовольство других пакистанских монополистических групп. При общем неблагоприятном деловом климате в стране в течение всего периода пребывания у власти правительства Наваз Шарифа (до июля 1993 г.) последний вел ожесточенную борьбу с оппозицией, возглавлявшейся Беназир Бхутто. «Н. Шариф...вёл непримиримую, острую, а временами грубую кампанию против Б. Бхутто и возглавляемой ею партии. Борьба эта велась на грани фола и вызывала удивленные комментарии западных обозревателей, недоумевавших, почему две ведущие в стране политические силы не могут договориться о соблюдении правил ведения парламентской политической борьбы...и прибегают к личным выпадам и оскорблениям...»⁴¹.

Большая часть попыток правительства вывести экономику страны из тупика практически заканчивалась неудачей. Неудивительно, что аналитический Страноведческий доклад по Пакистану и Афганистану в 1993/94 г. четко обрисовал эту ситуацию и, в частности, отмечал, что «как его предшественнику, нынешнему правительству абсолютно не удалось сократить дефицит госбюджета и платежного баланса, в результате чего международные финансовые организации в лице МВФ, Всемирного банка и АзБР приостановили оказание помощи Пакистану»⁴².

В конечном итоге, эти причины, а также разразившийся внутривластный кризис весной-летом 1993 г. заставили неформально вмешаться армию в ситуацию в стране, что, однако, не привело к военному перевороту, но вынудило премьера и президента уйти в отставку. А на состоявшихся в октябре 1993 г. парламентских выборах с небольшим перевесом вновь победила ПНП и премьером опять стала Беназир Бхутто.

Мы не будем останавливаться подробно на ее 3-х летнем правлении, заметим лишь, что он был не менее напряженным и сложным, чем ее предыдущее пребывание у власти. Здесь вышли на первый план внешнеполитические факторы – ухудшение пакистано-индийских отношений из-за осложнения обстановки в Кашмире, обострение внутривластной ситуации в Афганистане и неудачное стремление Пакистана использовать

талибов в своих интересах во внешней политике на северном направлении (к тому же подобные гегемонистские устремления Исламабада однозначно насторожили Иран). Также несколько обострились отношения с США, которые практически всегда поддерживали Пакистан; более того, Госдеп пригрозил причислить его к государствам, официально поддерживающих терроризм (правда, позднее Беназир Бхутто удалось сгладить возникшую напряженность в отношениях с США и даже уговорить Вашингтон возобновить военно-экономическую помощь, хотя и не в полном объеме).

Параллельно авторитет Беназир Бхутто снижали и сложности во внутривластной обстановке в стране. Это касалось в первую очередь практически гражданской войны в Карачи в конце 1994 г. и почти в течение всего 1995 г., разразившейся между сторонниками различных политических партий, когда лишь армейским подразделениям удалось временно ее прекратить, но ненадолго. В тот же период явно обозначился подъем исламского фундаментализма в стране, настороживший Запад, а также рост суннитско-шиитских противоречий, что, в совокупности, снизило рейтинг правительства Б. Бхутто.

Указанные сложности во внешне- и внутривластной сферах неизбежно привели к трудностям в экономике. Благие намерения правительства Б. Бхутто (дальнейшая приватизация, реализация социальной программы, направленной на улучшение положение низших слоев пакистанского общества, расширение и модернизация энергетического комплекса страны с широкомасштабным привлечением иностранного капитала и т. п.) заметно буксовали в реальном исполнении. К тому же международные финансовые организации настоятельно требовали от Пакистана решения вопроса о выплате значительного внешнего долга, увеличения налоговых поступлений, как прямых – подоходный и корпоративный налоги (а это вызывало очевидное недовольство среднего и крупного бизнеса), так и косвенных, в первую очередь повышения ставок налога на продажи (а это неизбежно вело к росту инфляции). Крайне негативную роль сыграла и сильная засуха в 1994 г., обусловившая падение сельскохозяйственного

производства, а по цепочке – снижение производства в отраслях, связанных с переработкой агропродукции.

Конечно, было бы некорректным сосредоточивать внимание лишь на негативных явлениях в годы деятельности кабинета во главе с Беназир Бхутто. Было сделано немало позитивного, в том числе и в отношении развития рыночной экономики (с параллельным сокращением доли госсектора), однако в данном случае нам важно определить те факторы, которые привели к отставке правительства, а помимо указанного выше негатива там были и серьезная коррумпированность чиновничества и верхушки госаппарата, раздоры в семье Бхутто (которые стали достоянием общественности и более того – затрагивали партийные и правительственные устои), и непримиримое противостояние правительства и Верховного суда, и многое другое.

Оценивая тогдашнюю ситуацию, отечественные пакистановеды Н.А.Замараева и В.Н. Москаленко справедливо подчеркивали, что «в этой борьбе широко использовались всякого рода компромат, слухи, спекуляции. Стороны обвиняли друг друга в различных проступках и преступлениях – взяточничестве, казнокрадстве и даже государственной измене. Общее число обвинений, выдвинутых против Наваза Шарифа во время второго срока правления Б. Бхутто (1993–1996), достигло 145»⁴³. В конечном итоге, президент Фарук М. Легхари принял решение в ноябре 1996 г. об отставке правительства Б. Бхутто, роспуске парламента и проведении очередных выборов в феврале 1997 г.

Здесь нельзя не сказать об исследовании ряда пакистанских экспертов Института развивающихся экономик Пакистана, проводших весьма глубокий анализ негативного влияния политической нестабильности, неэффективного государственного руководства, коррумпированности в стране на экономическое развитие и рост инфляции в 90-е годы и в начале XXI в.⁴⁴ В нем отмечаются серьезные отрицательные последствия политической борьбы на личностном уровне для реализации возможностей поступательного движения экономики вперед. Достаточно отметить тот факт, что рост ВВП, например, в 1997 г. едва превысил 1% (а это, с учетом роста населения свыше 2%, означало

падение среднедушевых размеров дохода, не говоря уже о том, что роста агросферы и индустрии не было вообще – нулевой).

Созданное временное правительство, как это бывало и ранее в подобных ситуациях, стремилось в первую очередь навести хоть какой-нибудь минимальный порядок в национальном хозяйстве страны. Однако аналогично предыдущим (временным) правительствам сделать что-то конструктивное в сфере экономики ему толком ничего не удалось, и последовавшие затем парламентские выборы вновь обеспечили победу Пакистанской мусульманской лиги Наваз Шарифа, который и стал, естественно, премьер-министром страны.

Мы не станем анализировать детально деятельность его кабинета министров, поскольку она была малозаметной. Отметим лишь, что экономика опять оказалась на задворках, а почти все свое внимание Наваз Шариф уделял укреплению своей личной политической власти, борьбе с президентом страны и верховным судьей, выяснению отношений с высшим генералитетом армии; кроме того, проведение в 1998 г. подземных ядерных испытаний привело к весьма неприятным для Пакистана последствиям (хоть они и были лишь ответом на аналогичные индийские испытания) – введению санкций на оказание военно-экономической помощи со стороны ведущих западных государств, в первую очередь США.

При этом предпринятые кабинетом Наваз Шарифа меры по снижению действенности санкций (в первую очередь существенные ограничения на операции в кредитно-денежной сфере) оказали крайне негативное воздействие на его положение, поскольку вновь вызвали серьезное недовольство среднего и крупного бизнеса. А поражение Пакистана в Каргильском конфликте с Индией (Кашмирская проблема) вообще деморализовало пакистанское общество и рассматривалось заинтересованным мировым сообществом как провал внешнеполитического курса Наваз Шарифа на индийском направлении. Так что нет ничего удивительного в том, что всё это, а также нараставшее противостояние гражданского правительства и военных (вылившееся в конечном итоге в неудавшейся попытке Наваз Шарифа

сместить начальника объединенных штабов сухопутных войск Первез Мушаррафа с его поста) привело к тому, что последний совершил 12 октября 1999 г. бескровный военный переворот.

Вот на таком довольно мрачном фоне происходило развитие экономики страны в 90-е годы, когда первоочередными задачами политических режимов были установление своего лидерства, смещение со всех постов своих противников и неугодных лиц, борьба с оппозицией по всем фронтам и т. д. А реформирование экономики отходило на второй, а то и на третий план. Если в приведенной выше Таблице 1 мы представили агрегированные темпы экономического роста по десятилетиям (причем по календарным десятилетиям, в том числе и в 1990–2000 гг.), то здесь мы полагаем целесообразным рассмотреть усредненные темпы роста именно в период своего рода политической чехарды – в результате оказывается, что в 1988–1999 гг. реально они были меньше 4%. Более того, если посмотреть на амплитуду колебаний этого параметра, то окажется, что их размах был в пределах от 7,7% (!) в 1992 г. до 1,3% в 1997 г. – максимальный и минимальный рост экономики. Естественно, что такие значительные скачки в темпах роста экономики – это не причина, а следствие складывавшейся в тот период ситуации в основных отраслях – сельском хозяйстве, промышленности и сфере услуг. Если в последней области была относительная стабильность, то в ведущих сферах материально-вещественного производства наблюдались прямо-таки гигантские колебания. В агросфере это нашло отражение в значительном (для этой отрасли) росте в размере 7% в 1989 г. до катастрофического сокращения производства сельскохозяйственной продукции на -5,3% в 1993 г. и полной стагнации в 1997 г. (Табл. 2). Ясно, что здесь существенную негативную роль сыграли неблагоприятные погодные условия, однако от этого было не легче в первую переработчикам агропродукции, а в конечном итоге и всему населению страны в целом (включая городское) в связи с происходившим неизбежным ростом цен на продовольствие.

Таблица 2

**Среднегодовые темпы роста
основных отраслей экономики в 1990 годы, %***

Годы	ВВП	Сельское хозяйство	Промышленность	Сфера услуг
1989	4,8	6,9	4,0	3,8
1990	4,4	3,3	4,9	4,5
1991	5,6	5,0	6,3	5,2
1992	7,7	9,5	8,1	6,8
1993	2,1	-5,3	4,4	4,6
1994	4,4	5,2	4,5	4,2
1995	5,1	6,6	2,5	4,8
1996	6,6	11,7	3,7	5,0
1997	1,3	0,1	-0,1	3,6
1998	3,5	4,5	6,9	1,6
1999	4,2	1,9	4,1	5,0
2000	3,9	6,1	1,5	4,8

* Составлено по: Economic Survey 2002–03. Government of Pakistan, Islamabad, 2003, Statistical Appendix, p.2–3.

Общая ситуация в промышленности была несколько стабильнее, нежели в сельском хозяйстве (хотя и здесь политическая неразбериха наложила свой негативный отпечаток); в этом достаточно убедиться, рассмотрев темпы роста этой отрасли в 1988–1999 гг. в приведенной выше табл. 2. Проблема в этой сфере экономики заключалась преимущественно в том, что в очередной раз многие декларируемые реформы и льготы индустриальному сектору остались в основном на бумаге, а в условиях нестабильности политической обстановки в стране и неуверенности предпринимателей в том, что очередное правительство то ли будет следовать провозглашенному им экономическому курсу, то ли возьмет и неожиданно кардинально его изменит заставляло национальный средний и крупный бизнес не делать значительных инвестиций в промышленное производство, а ограничиваться лишь самыми необходимыми вливаниями. И хотя в ноябре 1997 г.

правительство объявило о проведении очередной «Новой промышленной политики», это не оказало позитивного влияния на поведение предпринимателей.

Аналогично вел себя и иностранный капитал. Как было отмечено выше, международные финансовые институты также не стремились полностью выполнять принятые на себя обязательства по оказанию внешней экономической помощи Пакистану, а ограничивались выполнением лишь самых необходимых обязательств, чтобы экономика Пакистана не развалилась полностью. Как отмечено выше, основную отрицательную роль сыграли введенные западными государствами экономические санкции в отношении страны в связи с проведением Исламабадом в мае 1998 г. ядерных испытаний. И хотя Наваз Шариф в своих публичных выступлениях всячески подчеркивал тогда, что эти санкции не нанесли экономике страны ощутимого ущерба, по оценке пакистанских независимых экспертов страна лишилась от 600 млн до 2 млрд долл. внешней помощи⁴⁵.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь и далее вплоть до 1971 г. анализируется экономика бывшей Западной провинции Пакистана, которая после образования Бангладеш в 1971 г. стала основой непосредственно современного Пакистана.
2. Экономика Индии. Общая характеристика, М., 1980, с. 6
3. *A. Maddison. Economic Progress and Policy in Developing Countries.* N. Y., 1970, p. 29. По расчетам индийского проф. М. Мукерджи, темпы роста экономики в первой половине XX в. были еще меньше – 0.9% в среднем а год (*Asian Studies in Income and Wealth.* Bombay, 1965, p. 103).
4. Подробнее см.: *Растяжников В.Г.* Наемный труд в сельском хозяйстве Пенджаба. – Ученые записки Института востоковедения. Вып. 18. М., 1957.
5. По расчетам американского востоковеда Дж. Блина, прирост посевных площадей в Пенджабе в 1891–1947 гг. составлял в среднем 0.96% в год по сравнению с 0.4% в целом по стране – (*G. Blyn. Agricultural Trends In India 1891–1947; Output, Availability and Productivity.* Philadelphia, 1966, p. 327–337).
6. Исчислено по: *The Population of Pakistan.* Government of Pakistan, Islamabad, 1974, p. 2.
7. См.: *Р.П. Гурвич.* Индия. Продовольствие – возможности и перспективы. М., 1970; *Н.М. Гурвич.* Динамика сельскохозяйственного производства в Китае и Индии в первой половине XX в. // «Народы Азии и Африки». № 3, 1976.

8. *В.Я. Белокреницкий*. Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития (середина XIX – 80-е годы XX в.). М., 1988, с. 113.
9. *B.B. Ghosh*. Indian Economics and Pakistan Economics. Calcutta, 1949, p. 217.
10. Индия сегодня. Справочно-аналитическое издание. Руководитель авторского коллектива Т.Л. Шаумян. М., 2005, с. 232.
11. См.: А.И. Левковский. Особенности развития капитализма в Индии. М., 1963, с. 164–165.
12. Развивающиеся страны в современном мире. Единство и многообразие. М., 1983, с. 99–100.
13. *Маляров О.В.* Независимая Индия. Эволюция социально-экономической модели и развитие экономики. Т. 1. М., издательская фирма «Восточная литература», 2010, с. 34.
14. См.: *В.Л. Шейнис*. Экономический рост и социальное переустройство. Некоторые взаимосвязи и противоречия. – «Третий мир». Стратегия развития и управление экономикой. М., 1971.
15. Среднегодовые темпы роста дохода на душу населения, среднедушевых показателей в тех или иных отраслях экономики можно приблизительно рассчитать простым вычитанием из среднегодовых темпов роста ВВП (сельского хозяйства, промышленности, других отраслей) среднегодовых темпов роста населения.
16. *В.Я. Белокреницкий*. Восток в мирополитических процессах. М., 2010, с. 168–169.
17. Подробнее см. монографию *В.Н. Москаленко* «Проблемы современного Пакистана», М., 1970.
18. Economic Survey of Asia and the Far East 1972. Bangkok, 1973, p. 1.
19. При этом немалую популярность за пределами Пакистана приобрели концепции развития, разработанные пакистанским экономистом Махбуб-уль-Хаком в его работе «The Strategy of Economic Planning. A Case Study of Pakistan» (Karachi, 1963) и Дж. Феем в работе «An Analysis of the Long Run Prospects of Economic Development in Pakistan» (Karachi, 1962), а также модель У. Тимса, на основе которой был подготовлен Третий пятилетний план Пакистана (1965–1970).
20. Socio-Economic Objectives of the Fourth Five Year Plan (1970–75). Islamabad, 1968, p. 17.
21. Исчислено по: Pakistan Economic Survey 1982–83, Statistical Annexure, pp. 2, 14–15.
22. Подробно эти вопросы рассмотрены в работе: *М.А. Сидоров*. «Земельные реформы» // Сборник статей «Пакистан. Проблемы политики и экономики». М., 1978, с. 149–153.
23. См.: *М.Ю. Морозова*. Современная пакистанская деревня. М., 1986, с. 59–64.
24. Pakistan Economic Survey 1984–85. Government of Pakistan. Islamabad, 1985, Statistical Appendix, p. 30.
25. *В.Я. Белокреницкий*. Капитализм в Пакистане, с. 161.

26. К середине 70-х годов доля даров, например, сократилась до 9% всей предоставленной тогда внешней помощи. (*M.I. Qureshi. Planning and Development in Pakistan. Review and Alternatives. 1947–1982. Lahore, 1984, p. 200*).
27. См.: *В.А. Мельяницев. Экономический рост стран Магриба. М., 1984, с. 115–120.*
28. *The Fifth Five Year Plan 1978–83. Karachi, 1978. p. 7.*
29. *Ibid., p. 36–37.*
30. *Viewpoint. 1.06.1982.*
31. *The Sixth Five Year Plan 1983–88. Planning Commission. Government of Pakistan. Islamabad, 1983.*
32. *Viewpoint. 9.12.1982.*
33. *The Fifth Five Year Plan 1978–1983, p. 30, 35, 47. Pakistan Statistical Yearbook 1985. Karachi, 1986, p. 553.*
34. Курс рупии по отношению к доллару США стал падать в 80-е годы буквально год за годом: 1 долл. был равен 12,7 рупий в 1982/83 г., 15,2 рупии в 1984/85 г., 17,2 рупии в 1986/87 г. 21,4 рупии в 1989/90 г. (*Economic Survey 1990–91. Government of Pakistan. Islamabad, 1991, Statistical Appendix, p. 193*).
35. *В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко. История Пакистана. XX век. М., 2008, с. 303–304.*
36. *Economic Survey 1993–94. Government of Pakistan. Islamabad, 1994, Statistical Appendix, p.174.*
37. *The Economist Intelligence Unit. Pakistan, Afghanistan Country Profile 1989–90. L., 1989, p. 15.*
38. *S.P. Cohen. The Idea of Pakistan. Lahore, 2005, p.251.*
39. В июле 1990 г. Саддам Хусейн обвинил Кувейт в том, что последние 10 лет он незаконно добывал иракскую нефть из приграничного месторождения. В качестве компенсации Кувейт должен был списать иракские долги в 14 млрд долл.
40. *Economic Survey 1990–91. Government of Pakistan, Islamabad, 1991, p. 117.*
41. *В.Я. Белокреницкий В.Я., В.Н. Москаленко. История Пакистана, с. 363.*
42. *The Economist Intelligence Unit. Pakistan, Afghanistan Country Profile 1993/94. L., 1994, p. 20.*
43. *Замараева Н.А., Москаленко В.Н. Пакистан: победа Миана Мухаммада Наваза Шарифа на парламентских выборах. Интернет-сайт Института Ближнего Востока <http://www.iimes.ru/?p=17541>. 25 мая, 2013.*
44. *Adnan Haider, Musleh ud Din, Ejaz Ghani. Consequences of Political Instability, Governance and Bureaucratic Corruption on Inflation and Growth: The Case of Pakistan. // The Pakistan Development Review. Winter 2011, Vol. 50, No.4 Part II, pp. 773–807.*
45. Dawn. 3.09.1998. Любопытно отметить, что в то время даже Саудовская Аравия отказалась предоставить обещанный ранее кредит в размере 1 млрд долл., мотивируя это тем, эти деньги могут пойти «на некоторые амбициозные проекты», не считая нужным расшифровать, какие конкретно проекты можно расценивать как «амбициозные».

С. Н. Каменев

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПАКИСТАНА В XXI В.

ЧАСТЬ II

Резюме: В статье рассматривается развитие экономики Пакистана в XXI в., исследуются темпы экономического роста, отраслевая структура экономики, рост населения, социальное неравенство, влияние внешнеполитических отношений на экономическое развитие Пакистана. Отдельно рассматривается воздействие внутриполитической борьбы на социально-экономические процессы в Пакистане.

Ключевые слова: Пакистан, экономика, неравенство, политика

History of the Economic Development of Pakistan in XXIst Century. Part 2

Summary: The article examines the development of Pakistan's economy in the XXI century with the special attention to the growth rates, industrial origin of Pakistan economy, population growth and structure, social inequality, the influence of foreign policy and foreign economic relations on Pakistan's economic development have been studied as well. One can find also the study of the influence the political situation on the economic development of Pakistan

Key words: Pakistan, economy, inequality, politics

Введение военного положения осенью 1999 г. оказало немалое влияние и на экономические процессы в Пакистане, в определенной степени взбудрило предпринимателей всех уровней и во всех сферах национального хозяйства, поскольку опыт пребывания военных у власти в 60-е годы и в какой-то степени генерала Зия-уль-Хака в 80-е годы однозначно свидетельствовал о стабилизации положения в экономике в условиях военного положения, проведении четкой экономической политики, отсутствии

шараханья в её реформировании, и в первую очередь – в создании благоприятных условий для развития рыночных отношений.

И здесь ожидания бизнес-сообщества полностью оправдались. Как результат – темпы экономического роста в 2000–2007 гг. составили в среднем 5,6%; при этом, если в самом начале пребывания Первез Мушаррафа у власти темпы роста национального хозяйства колебались на уровне 2-3% в среднем в год, то в 2006/07 г., например, (последний полный финансовый год, когда у власти находилось правительство при президенте Первез Мушаррафе, ставшим в то время уже гражданским лицом) рост экономики достиг 7%¹. И это несмотря на то, что в 2000/01 г., например, установилась необычайно сухая погода, приведшая к значительному снижению уровня воды в ирригационных каналах (в результате чего на поля даже стала поступать морская вода из Аравийского моря), и в конечном итоге – к существенному падению сельскохозяйственного производства, на -2,2%, в то время как в предыдущем финансовом году в силу благоприятных погодных условия рост агросферы составил 6,1%. Детальная информация о темпах экономического роста в первой декаде XXI в., исчисленных уже на базе ВВП в новых неизменных факторных ценах 1999–2000 г., приведена в табл. 1; темпы роста после 2010 г. были исчислены пакистанскими статистическими органами уже на базе цен 2005/06 г.

Напомним, что в раздел «Сельское хозяйство» пакистанская статистика включает т.н. «основные культуры» (рис, пшеница, хлопок кукуруза, сахарный тростник), «второстепенные культуры» (бобовые, лук, картофель, помидоры, огурцы и проч.), животноводство (сюда включены помимо крупного и мелкого рогатого скота птицеводство, коневодство, верблюдоводство и т.п.), рыболовство, лесное хозяйство. В раздел «Промышленность» включаются горнодобывающая и обрабатывающая промышленность (последняя делится на крупную и мелкую), строительство, энергетика. И в графе «Сфера услуг» присутствует добавленная стоимость, созданная в таких областях, как транспорт и связь, оптовая и розничная торговля, финансы

и страхование, домовладение, государственная администрация и оборона, а также в некоторых других подотраслях сферы услуг.

Таблица 1

**Среднегодовые темпы роста
основных отраслей экономики в начале XXI в., %**

Годы	ВВП	Сельское хозяйство	Промышленность	Сфера услуг
2001	2,0	-2,2	4,1	3,1
2002	3,1	0,1	2,7	4,8
2003	4,7	4,1	4,2	5,2
2004	7,5	2,4	16,3	5,8
2005	9,0	6,5	12,1	8,5
2006	5,8	6,3	4,1	6,5
2007	6,8	4,1	8,8	7,0
2008	3,7	1,0	1,4	6,0
2009	0,4	3,5	-5,2	1,3
2010	2,6	0,2	3,4	3,2
2011	3,6	2,0	4,5	3,9
2012	3,8	3,6	2,7	4,4
2013	3,7	2,7	0,8	5,1
2014	4,0	2,5	4,5	4,5
2015	4,1	2,1	5,2	4,3
2016	4,5	0,2	5,8	5,7
2017	5,3	3,5	5,0	6,0

* Составлено по: Pakistan Economic Survey 2009–10. Government of Pakistan. Islamabad, 2010. Chapter 1. «Growth and Investment». Table 1.3 «Real GDP/GNP Growth Rates (at Constant Factor Cost of 1999–2000)».

Pakistan Economic Survey 2016–17. Finance Division, Government of Pakistan. Islamabad, 2017. Statistical Appendix, p. 13.

Естественной цепной реакцией в случае снижения или просто низкого уровня сельскохозяйственного производства стало в большинстве случаев и сокращение промышленного производства в том или ином финансовом году (в частности, это произошло в 2001/02 г. по сравнению с предыдущим годом, равно, как и в 2007/08 г.), поскольку заметно сокращалось производство

сырья, необходимого для нормального функционирования, например, текстильной, хлопкоочистительной, хлопкопрядильной промышленности. Аналогично происходило сокращение экспорта страны в силу снижения вывоза товаров хлопковой группы – хлопка-сырца, пряжи и тканей, а также готовых хлопчатобумажных изделий.

Более того, из-за невозможности полноценно обеспечить себя продовольствием (прокормить себя и семью), а также в том случае, если жители страны просто теряли работу в силу тех или иных причин определенная часть сельского населения мигрировала в города, где в результате перенаселённости зачастую также накапливалась и экономическая, и социальная обстановка.

В противовес такой критической ситуации достаточно привести пример благополучного экономического положения страны через несколько лет, в один из наиболее благоприятных с экономической точки зрения финансовый год, например, 2004/05, когда темпы экономического роста достигли 9%, сельского хозяйства – 6,5%, промышленности – 12% и сферы услуг почти 9%. Для сравнения заметим, что в указанном году лишь в Китае рост ВВП был выше – 9,5%, и эта страна находилась тогда по этому показателю на первом месте в мире (кстати сказать и позднее, вплоть до 2012 г. Китай демонстрировал самые высокие в мире темпы экономического роста – на уровне 9–10% в среднем в год). В Индии темпы экономического роста достигли в указанном году уровня 8%.

Мы не ставим своей целью провести подробный анализ приведенной выше таблицы 1, отметим лишь то обстоятельство, что период правления военных во главе с генералом Первез Мушаррафом отмечен в целом довольно высокими темпами экономического роста (естественно, сельское хозяйство меньше поддается условиям стабильности режима, нежели промышленность и сфера услуг), в то время, как переходный период от военных к гражданскому правительству (2008 г.) и последующие несколько лет были отмечены очевидной нестабильностью как в области экономики, так и в политической сфере.

Пришедшему к власти в Пакистане в ходе всеобщих выборов в начале 2008 г. коалиционному правительству Пакистанской народной партии и Пакистанской мусульманской лиги (Наваз Шарифа) предстояло решить непростую задачу хотя бы сохранения стабильного экономического роста, не говоря уже об ускорении развития национального хозяйства страны в рамках рыночной экономики. Здесь, с нашей точки зрения, стоит подробнее остановиться на непростой политической ситуации в Пакистане после выборов, поскольку сложности в этой сфере (наряду с другими факторами) оказали заметное негативное воздействие на дальнейшее экономическое развитие страны.

Уже в первые месяцы деятельности коалиционного правительства выявились существенные разногласия между основными партиями входившими в него (ПНП и ПМЛ/Н/) и занявшими ключевые министерские посты – иностранных дел, обороны, финансов, энергетики – в первую очередь по вопросам взаимоотношений с тогдашним президентом Первез Мушаррафом и судебским корпусом. Если сложные отношения с судьями мало влияли на экономический рост Пакистана, то неприятие руководством ПМЛ(Н) пропрезидентских устремлений своих оппонентов из ПНП реально ставило под вопрос получение финансовой помощи извне – именно содействие президента (имевшего тесные связи как с руководством ведущих стран Европы и Северной Америки, так и с главами основных международных финансовых организаций) могло бы обеспечить на первом этапе деятельности гражданского правительства поступательное развитие национального хозяйства Пакистана путем получения помощи и инвестиций извне². Но этого не произошло, не говоря уже о том, что разразившийся в 2008/09 г. мировой экономический кризис заметно усугубил ситуацию в экономике страны, что и привело к существенному замедлению роста экономики – если в период правления военных по главе с Первез Мушаррафом этот макроэкономический параметр находился в среднем на уровне 5,3% в год, то за время нахождения у власти гражданского режима ПНП Зардари-Гилани темпы роста экономики составили за 5 лет в среднем 2,8% (Табл. 1).

Хотя руководители пакистанского государства пытались сделать вид, что ситуация в экономике под контролем, дескать, ничего критического в этой сфере не происходит, и даже наоборот – налицо определенное улучшение состояния национального хозяйства страны (именно такого рода заявления делались в пакистанских СМИ)³, тем не менее, главный официальный экономический орган правительства страны (Pakistan Economic Survey, публикуемый ежегодно к завершению текущего финансового года) был вынужден признать, что ситуация, в частности, в крупном промышленном производстве была в 2008/09 г. просто критической (как видно из табл. 1, производство в этой отрасли сократилось более, чем на 5%); это издание отмечало, что «общий мировой экономический кризис, падение спроса на продукцию этого сектора, падение рупии по отношению к доллару, нехватка электроэнергии привели к стагнации в развитии крупной промышленности»⁴.

А следующий год оказался критическим для главного реального сектора экономики Пакистана – сельского хозяйства; напомним, что в первые 15 лет XXI в. в этой отрасли создавалось в среднем 20% ВВП, было занято около 45% экономически активного населения и в целом от состояния агросферы зависело благополучие $\frac{2}{3}$ населения Пакистана. Более того, этот сегмент национального хозяйства продолжал оставаться основой для функционирования ведущей отрасли промышленности – текстильной, и, в конечном итоге, являлся базой для экспорта страны (вывоз товаров хлопковой группы – хлопок-сырец, хлопчатобумажные ткани и пряжа, готовые хлопчатобумажные изделия, обеспечивали всего объема вывоза). В 2009/10 г. рост сельского хозяйства был минимален – лишь 0,2%, что явилось следствием засухи (и как результат – острая нехватка воды в ирригационных каналах), но в целом, в совокупности с предыдущими негативными явлениями это привело к низкому общему росту экономики в последующие несколько лет.

Для широких слоев населения Пакистана, которые далеки от изучения макроэкономических параметров, все негативные явления такого рода вылились в значительный рост цен

на основные продукты питания и промышленные товары – инфляция, в частности, в 2010/11 году достигла 14%, в том числе на продовольствие – 18%⁵. А это, в свою очередь, вызвало протесты со стороны основных оппозиционных политических партий, обвинения правительства в нецелевом расходовании бюджетных средств, коррупции. Массовые протестные акции заставили руководство страны пойти, в частности, в начале 2011 г. на попятную и отменить очередное существенное повышение цен на топливо⁶; в результате этого и внутри страны на разных уровнях, и за рубежом заговорили о слабости правительства Гилани, его коррумпированности (в первую очередь самого премьер-министра), неспособности решать насущные экономические проблемы.

В те же годы международная организация «Transparency International» публиковала в своем ежегодном рейтинге международной коррупции информацию в том числе и о месте Пакистана в этом рейтинге, которое в 2010–2012 гг. прочно оставалось на 139 позиции из 176 стран мира. По оценкам экспертов «Transparency International», ежедневно в Пакистане в 2012 г. давались/брались взятки приблизительно на сумму 6–7 млрд рупий⁷. В конечном итоге, Верховный суд Пакистана в июне 2012 г. отправил в отставку премьер-министра страны Юсуф Раза Гилани, формально «за неуважение к суду», фактически за неудачи в развитии экономики страны, а также его коррумпированность. И тогда же Главный судья страны Ифтихар Мухаммад Чаудхри, в интервью ведущей пакистанской газете «Доон» подчеркнул (не называя имен), что «к коррупции нельзя относиться толерантно»⁸. Тогда же широко обсуждалась коррумпированность и президента страны, Асиф Али Зардари, обвинявшегося в отмывании денег через швейцарские банки⁹.

Неудивительно в этой связи, что ПНП, к которой принадлежало высшее руководство Пакистана (президент Асиф Али Зардари и премьер-министр Юсуф Раза Гилани), проиграла весной 2013 г. на всеобщих выборах в парламент Пакистана, уступив пальму первенства Партии мусульманская лига (Наваз Шариф) – ПМЛ(Н). Во вновь избранном парламенте за предоставление поста

премьер-министра Наваз Шарифу отдали свои голоса 244 парламентариев из 342¹⁰.

Тогда же новый министр финансов Исхак Дар обозначил основные задачи экономического развития Пакистана на 5-ти летний период (2013–2018 гг.), а именно – постепенное повышение роста ВВП до 7%, снижение бюджетного дефицита до 4% к ВВП, повышение отношения собираемых налогов к ВВП до 15%, снижение отношения долга к ВВП до 60%, рост валютных резервов до 20 млрд долл. и т.д.¹¹ Наряду с этим была поставлена задача борьбы с бедностью и нищетой – по самым скромным оценкам (с нашей точки зрения заниженным¹²) 22% населения Пакистана проживали ниже черты бедности, т.е. имели доход менее 1,25 долл. в день; именно эта информация была передана национальными статистическим органами в ООН и опубликована, в частности, в Докладе о человеческом развитии 2013 г., в котором акцент был сделан на социальном развитии именно государств Южной Азии; при этом отмечалось, что просто в бедности проживала половина (!) населения Пакистана¹³. Но намного более серьезная задача стояла перед руководством страны в области энергетики – бесперебойное обеспечение электроэнергией всех сфер национального хозяйства, а также прекращение веерного отключения электричества по 16 часов в сельской местности и 10–12 часов в городах страны¹⁴. В одном из своих первых публичных выступлений Наваз Шариф пообещал, что к следующим парламентским выборам (2018 г.) эта проблема будет решена.

Заметим, что некоторые из декларируемых социально-экономических задач к 2017 г. были решены – по официальным данным, темпы экономического роста в 2017 составили 5,3% (хотя пока что не дотянули до обещанных и весьма высоких 7%), бюджетный дефицит составил в указанном году 3,8%, валютные резервы страны превысили 21 млрд долл., а темпы роста инфляции снизились до 3,5% (а на продовольствие – даже до 2,5%), что дало возможность населению в ряде социальных групп (в первую очередь низкодоходных) позитивно оценить деятельность правительства Пакистана по стабилизации цен в стране¹⁵. При этом некоторое общее улучшение ситуации в национальном хозяйстве

Пакистана за время правления ПМЛ(Н) подтверждалось и выводами экспертов Всемирного банка¹⁶.

Но не удалось добиться роста собираемости налогов – эта проблема неизменно была на втором месте (после энергетической), которую правительство пыталось решить, однако отношение налогов к ВВП так и осталось неизменным, одним из самых низких в Азии – так, за 10 лет, с 2007 по 2017 годы этот параметр практически не повысился, соответственно 9,2% и 10,8%; ко всему прочему в этот период не изменилось соотношение в сборах прямых и косвенных налогов – 40:60¹⁷. Более того, к концу пребывания у власти ПМЛ(Н) едва ли не на первый план вышла новая экономическая проблема – значительное превышение импорта над экспортом и как следствие – рост отрицательного сальдо платежного баланса: в 2017 г., например, экспорт сократился до 22 млрд долл. (составлял около 24 млрд долл. в 2015 г.), в то время как импорт вырос до 58 млрд долл. (46 млрд долл. в 2015 г.)¹⁸.

Причин, способствовавших и сдерживавших процессы социально-экономического развития Пакистана во второй декаде XXI в. немало, как объективных, так и субъективных, как экономических, так и сугубо политического характера. Буквально на следующий год после прихода к власти Наваз Шарифа (2014 г.) оппозиция в лице Партии справедливости (руководитель – бывший профессиональный игрок в крикет Имран Хан) и новой партии Народное движение Пакистана (во главе с эмигрантом из Канады, доктором богословия Тахир-уль Кадри) объявили о фальсификации выборов 2013 г., их подтасовкой со стороны ПМЛ(Н) и потребовали в этой связи отставки Наваз Шарифа с поста премьер-министра. К ним примкнула и другая оппозиционная партия – ПНП во главе с экс-президентом Пакистана Зардари и сыном погибшей Беназир Бхутто – Билал Бхутто. Организованный ими «Марш миллионов» (протестное движение, которое обозначило своей конечной целью прийти в столицу Пакистана Исламабад и расположиться у офиса премьер-министра) насчитывал примерно 40 тыс. человек, которые в течение почти полугода, до декабря 2014 г. устроили своего рода сидячую забастовку около ведущих административных

зданий столицы Пакистана. Лишь национальная трагедия в декабре 2014 г. – расстрел террористами 142 школьников в военной академии в Пешаваре – положила конец этому протестному движению.

Не касаясь далее сложной внутривнутриполитической обстановки в Пакистане в тот период, заметим, что указанное протестное движение нанесло серьезный ущерб развитию почти всех отраслей национального хозяйства страны; за один лишь первый месяц этого политического противостояния убытки составили (по оценкам министерства финансов Пакистана) 5,4 млрд долл.; чуть позже, министр торговли страны Хуррам Дастгир Хан повысил эту цифру до 8 млрд долл., а позднее Федерация торгово-промышленных палат Пакистана определила ущерб для экономики страны от политического противостояния в размере 10 млрд долл.¹⁹ Неудивительно, что запланированные наметки роста ВВП на 2014/15 финансовый год в размере 5,1% не были достигнуты (реально лишь 4,1%), рост сельского хозяйства вместо 3,3% составил 2,1%, а промышленности около 5,2% (планировалось 6,8%)²⁰.

Серьезным ограничителем поступательного развития социальных и экономических процессов в Пакистане выступала необходимость борьбы с внутренним и внешним терроризмом в XXI в., в первую очередь это касалось значительных расходов на эти цели, (включая содержание беженцев из соседнего Афганистана – по разным данным их численность превышала 3 млн человек, были сосредоточены преимущественно в провинции Хайбер Пахтунхва на северо-западе Пакистана), а также косвенных убытков от терроризма. Ежегодно эксперты четырех ведущих пакистанских министерств – финансов, иностранных дел, торговли, внутренних дел – подсчитывали убытки для страны от террористических действий; эти данные регулярно публиковались в ведущем экономическом издании Pakistan Economic Survey за разные годы; так, только в 2010/11 г. ущерб составил почти 24 млрд долл.²¹ Выступая на 72-й Сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2017 г., премьер-министр Пакистана Шахид Хакан Аббаси подчеркнул, что общая сумма

убытков Пакистана от терроризма в 2001–2017 гг. превысила 120 млрд долл. (заметим, что в 2017 г. общий объем экономики Пакистана оценивался в 304 млрд долл.)²².

Неоднозначное воздействие на социально-экономическое развитие Пакистана оказало обвинение в июле 2017 г. премьер-министра страны в коррупции со стороны Счетной палаты и последующее его отстранение от власти (т.н. «Панамское досье»). С одной стороны, этот шаг почти не поколебал позиции правящей партии ПМЛ(Н) и даже способствовал в какой-то степени консолидации ее сил в борьбе на выборах летом 2018 г., не сказался на основных направлениях внешнеполитического курса Пакистана, равно как и не привел к резкому оттоку национального и иностранного капитала из Пакистана или к существенному замедлению капиталовложений внутри страны²³. Однако по подсчетам пакистанских экспертов, последовавшее за этим «протестное движение» в ноябре–декабре 2017 г. (блокирование работы ведущих министерств и ведомств в столице Пакистана, Исламабаде), требования оппозиции приговорить к тюремному заключению как премьер-министра, так и федеральных министров ряда ведущих министерств (финансов, юстиции, внутренних дел) все же не прошли бесследно для экономики Пакистана. Деловые круги страны оценили свои убытки в течение 2-х недель от внутриполитических волнений только в Карачи в размере 4 млн долл.²⁴

Наряду с указанными выше причинами, негативно влиявшими на процессы экономического роста Пакистана во втором десятилетии XXI в., были и ряд факторов, действовавших в противоположном направлении, которые в совокупности обеспечили постепенное, сравнительно устойчивое экономическое развитие – значительная внешняя помощь от международных финансовых институтов (Всемирный банк, МВФ, АзБР, Исламский банк развития) и на двусторонней основе; постоянный рост поступлений от пакистанцев, работавших за пределами Пакистана (достаточно сказать, что, например, в 2016 г. эти поступления почти сравнялись с экспортом страны и достигли 20 млрд долл.)²⁵, а также кардинальная перестройка

и существенное расширение производственной инфраструктуры Пакистана, осуществлявшиеся в рамках сооружения Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК).

По нашему мнению, реализация этого проекта уже оказывает и будет оказывать в средне- и долгосрочной перспективе большое влияние на многие экономические и социальные процессы, протекающие в Пакистане. К началу 2018 г. китайская сторона сформировала долгосрочный план (до 2030 г.) выполнения конкретных проектов в рамках КПЭК, которые включают самые разные объекты производственной инфраструктуры, а также создание Зон свободной торговли и др.²⁶

Начало реализации этого мегапроекта было положено в ходе визита в Пакистан в апреле 2015 г. председателя КНР Си Цзиньпина; тогда был подписан целый ряд Соглашений, имевших своей целью значительное расширение и модернизацию производственной инфраструктуры страны, что и вылилось в строительство указанного коридора, являвшегося составной частью китайского мегапроекта «Один пояс—один путь»; Пекин объявил о начале реализации этого грандиозного проекта (который пройдет по территории 60-ти государств Азии и Европы) в 2013 г. и наметил вложить в него свыше 1 трлн долл.²⁷

В рамках китайского мегапроекта предполагается проложить 5 различных инфраструктурных коридоров, одним из которых и является Китайско-пакистанский экономический коридор. Он соединит порт Гвадар с китайским городом Кашгар в Синьцзян-уйгурском автономном районе и будет сочетать разветвленную сеть автодорог и железных дорог с трубопроводами по транспортировке нефти и газа, с мощной энергетической системой²⁸; создается также несколько Свободных экономических зон.

Первоначально предполагалось вложить в КПЭК 46 млрд долл., затем постепенно к этому прибавлялись все новые и новые проекты, и в 2017 г. общая сумма китайских инвестиций достигла 62 млрд долл., причем свыше половины из этой суммы (35 млрд долл.) уже вкладывается в энергетические проекты²⁹. Общая протяженность коридора – 2400 км с ответвлениями скоростных магистралей в основные города страны – Карачи,

Исламабад, Лахор и др., напрямую пройдет через Кветту; и в результате, общая длина КПЭК составит 3500 км. В 2017 г. практически закончены работы по модернизации пакистанского порта Гвадар, который находится в аренде у китайской компании и уже превратился в мощный современный глубоководный порт с грузооборотом свыше 1 млн тонн (в перспективе планируется довести этот показатель до 300 млн тонн).

Осуществляется модернизация высокогорного Каракорумского шоссе, строительство автодороги Суккур-Лахор, ряда гидро- и теплостанций, ветряных станций. Пакистанская сторона создала специальное военизированное подразделение для охраны китайских специалистов, работающих на сооружении этого коридора, и безопасности непосредственно самого КПЭК; его численность, как объявил в марте 2017 г. Глава Армии Пакистана генерал Камар Баджва, составляет 15 тыс. человек.

И, конечно, реально увеличился товарооборот Пакистана с Китаем, который уже в 2017 г. достиг 18 млрд долл.; в результате, Китай стал главным торговым партнером Пакистана³⁰. При этом кардинальная модернизация глубоководного порта Гвадар позволяет облегчить и расширить торговлю Пакистана как с Китаем, так и с мусульманскими нефтедобывающими странами, а также с государствами Евросоюза и Северной Америки. А это даст возможность Пакистану сократить постоянно растущее отрицательное сальдо торгового баланса, достигшее, как показано выше, в 2017 г. 36 млрд долл. (при общем объеме экспорта в 22 млрд долл.).

* * *

В заключение общей характеристики протекавших в Пакистане экономических процессов за годы независимого развития страны рассмотрим его место на международной экономической арене по основным макроэкономическим показателям (табл. 2).

Таблица 2

**Некоторые макроэкономические параметры
ряда стран Азии в 2000 и 2016 гг.***

Страна	Численность населения, млн. человек (по состоянию на 1 июля данного года)		ВВП на душу населения, расчеты МВФ (традиционный метод исчисления), долл,		ВВП по паритету покупательной способности, расчеты МВФ, долл,	
	2000 г.	2016 г.	2000 г.	2016 г.	2000 г.	2016 г.
Азербайджан	8,1	10,5	610	3702	2200	17453
Афганистан	21,5	28,5	...	526	...	1996
Бангладеш	128,1	160,2	350	1401	870	3899
Грузия	4,4	3,7	730	3791	2209	10043
Индия	1016,0	1283,8	450	1747	1568	6694
Индонезия	205,8	258,7	580	3620	2410	11717
Казахстан	14,9	18,1	1260	6472	4792	25167
Китай	1267,4	1375,3	930	8240	2355	15395
Кыргызстан	4,9	6,1	280	995	1338	3520
Малайзия	23,5	31,3	3450	9811	9020	27292
Непал	22,3	28,4	220	761	943	2489
Пакистан	132,4	202,9	490	1560	1691	5095
Таиланд	62,2	66,2	1960	5940	4944	16885
Филиппины	76,9	103,6	970	2978	2473	7739
Шри Ланка	18,5	21,7	880	3991	2820	12285
Южная Корея	47,0	51,7	9910	25990	17197	37730
Япония	126,8	126,5	34620	34871	25624	41220

* Составлено по: Key Indicators for Asia and the Pacific 2011. Manila, 2011. www.adb.org/statistics. Table 1.1. "Midyear Population". Table 2.2. "GNI Per Capita at PPP (current international dollars)". Table 2.3. "GNI Per Capita, Atlas Method (current US\$)".

<http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/weorept.aspx?sy=2015&ey=2016&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=24&pr1.y=8&c=512,672,914> – Дата обращения – 4 ноября 2017 г.

<http://total-rating.ru/1574-chislennost-naseleniya-stran-mira-na-2016-god.html>. Дата обращения – 4 ноября 2017 г.

<http://infotables.ru/statistika/43-ekonomicheskaya-statistika-stran-mira/425-vvp-na-dushu-naseleniya-stran-mira-tablitsa>. Дата обращения – 4 ноября 2017 г.

Некоторые статистические данные, приведенные в настоящей таблице, могут не совпадать с национальными параметрами, показанными ранее и далее в настоящей работе, поскольку мы привели в данной таблице. в частности, официальную статистику Азиатского банка развития и МВФ.

Прежде чем провести анализ приведенной выше табл. 2, хотелось бы заметить, что Азиатский банк развития (АзБР) в географическом распределении стран по конкретным азиатским регионам включает Пакистан и Афганистан в Западную и Центральную Азию. Но, если для Афганистана это можно считать его традиционным географическим местоположением, то Пакистан стал исключаться экспертами АзБР из Южной Азии и переноситься ими в западноазиатский регион сравнительно недавно. Есть основания полагать, что это сделано в результате большей политической привязки Пакистана к Центральноазиатскому макрорегиону, нежели к Южной Азии, даже несмотря на традиционные, исторически сложившиеся отношения с Индией, независимо от их характера и уровня в тот или иной период времени.

В Западную и Центральную Азию включены (помимо Афганистана и Пакистана) также Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан. Представляется, что в этом нашли свое отражение политические события, произошедшие в последние три десятилетия в Центральноазиатском макрорегионе, в первую очередь в Афганистане, в которые был активно вовлечен Пакистан. Таким образом, по мнению руководителей АзБР, он (Пакистан) как бы «отошел» от южноазиатского субконтинента и в большей степени примкнул к Центральной Азии, хотя сами пакистанские политики и политологи продолжают считать географическую принадлежность своей страны к Южной Азии; аналогичной точки зрения придерживаются и политические деятели и ученые Индии.

Как свидетельствуют статистические данные, приведенные в табл. 2, Пакистан заметно отставал в первом десятилетии XXI в. от большинства азиатских государств – в первую очередь по доходу на душу населения, исчисленного как традиционным способом (деление общего объема ВВП на численность населения страны), так и рассчитанного по паритету покупательной способности. И хотя, с нашей точки зрения, Пакистан в меньшей степени пострадал от мирового финансово-экономического кризиса, разразившегося в 2008–2010 гг., тем не менее, многие негативные факторы не дают пока стране возможность перейти из группы

стран Азии с менее развитой экономикой в группу государств со среднеразвитой экономикой. Естественно, что здесь сыграли свою отрицательную роль и объективные факторы, которые было невозможно предугадать или предотвратить (например, сильнейшие наводнения и засухи), однако были и такие причины, которые можно было бы в той или иной мере хотя бы частично устранить – повысить собираемость налогов, больше внимания уделять развитию энергетики, в том числе шире внедрять использование нетрадиционных источников получения энергии (солнечные батареи, энергия ветра), ограничить негативное воздействие демографического фактора путем большего внимания к реализации Программы планирования семьи. Достаточно сказать, что проведенная в 2017 г. перепись населения Пакистана показала, что вместо предполагавшихся на середину 2017 г. 199 млн человек, население Пакистана составило почти 208 млн человек³¹. Есть, однако, надежда, что провозглашенные в начале нынешнего столетия изменения в экономической политике – ускорение развития агросферы, эффективное использование иностранной помощи, повышение общей грамотности и культуры населения и др. позволят Пакистану ускорить общеэкономический рост и сделать его более стабильным.

И все же, справедливости ради следует отметить, что общие итоги социально-экономического развития Пакистана за годы независимости свидетельствуют о существенных положительных сдвигах в динамике экономического роста, в развитии промышленности и сельского хозяйства, производственной инфраструктуры, модернизации отраслевой и технологической структуры экономики, достижении относительно высокой нормы и массы накопления, уменьшении уровня неграмотности, внедрении высоких технологий, развитии телекоммуникаций, в проведении социальных преобразований и т.д. Более того, можно говорить о расширении в XXI в. в Пакистане агропромышленного комплекса. Однако решение вопросов, связанных с преодолением слабой развитости экономики страны, носит очень сложный, долгосрочный характер, поскольку глубина социально-экономической отсталости пакистанского государства довольно велика.

Процесс общественного развития страны за истекшие 70 лет свидетельствует о серьезных проблемах и больших трудностях, встающих на пути поступательного движения Пакистана вперед. Помимо его относительно неравноправного положения в мировой экономической системе и сильной уязвимости национального хозяйства страны, связанной с неблагоприятным воздействием внешних факторов (что наглядно проявилось в 70-е годы XX в. в результате структурных и циклических кризисов, нанесших серьезный ущерб экономике Пакистана, а также в конце первого десятилетия XXI в. в результате мирового экономического кризиса), эти проблемы обусловлены пока что низким уровнем развития производительных сил, все еще устойчивым существованием традиционных структур, консерватизмом социокультурных стереотипов, быстрыми темпами роста населения.

Важную роль в решении ряда проблем экономики страны могло бы сыграть государство, его целенаправленная политика, в особенности рациональное использование имеющихся государственных ресурсов. Однако в условиях быстрого роста военных расходов (пусть они и вынужденные в условиях противостояния с Индией, а с начала XXI в. – в силу необходимости борьбы с терроризмом и экстремизмом, действиями пакистанских и афганских талибов), затрат на другие непроизводительные нужды – ассигнования как на цели развития экономики, так особенно и на социальную инфраструктуру оставались явно недостаточными, о чем открыто говорят и сами пакистанские политики и эксперты.

Более того, как показывает, например, анализ развития национального хозяйства Пакистана в первой половине 80-х годов, государство создавало широкие возможности для деятельности частного капитала (не только национального, но и иностранного), открывало двери для большего вхождения в экономику страны транснациональных корпораций, но это не приводило в полной мере к прямому и адекватному развитию экономики Пакистана, и зачастую вело к существенному неравномерному непропорциональному развитию рыночных отношений, и, конечно, влекло за собой рост социально-имущественного неравенства,

что, в конечном итоге, чревато серьезными внутривнутриполитическими потрясениями, подобными тем, какие имели место, например, на рубеже 60–70-х годов или в 90-е годы прошлого столетия.

К тому же отмеченный выше размах коррупции серьезно препятствовал широкому вложению иностранных инвестиций, не говоря уже о непрекращающихся террористических актах на территории Пакистана, в особенности в её северо-западной части. Пока что борьба с коррумпированностью государственно-бюрократического аппарата не увенчалась заметным успехом, равно как не видно пока что конца боевым действиям в провинции Хайбер-Пахтунхва на границе с Афганистаном. Расчеты Индекса восприятия коррупции в 2015 г., проведенные международной организацией «Transparency International», свидетельствуют, что среди 168 государств мира Пакистан занимает 116-е место, деля эту позицию с Танзанией, Того и Мали. Индия делит с Китаем в этой Табели о рангах 79-е место, Шри Ланка и Мальдивы занимают 95-е место, а Россия, Иран, Казахстан, Украина и Непал находятся на 131 позиции³².

Полагаем, что даже незначительные позитивные сдвиги в направлении преодоления этого комплекса препятствий на пути поступательного движения национального хозяйства могут способствовать ускорению экономического развития страны, в том числе – привлечению столь необходимых Пакистану инвестиций из-за рубежа.

На всем протяжении экономического развития страны то или иное правительство стремилось проводить соответствующую его (правительства) пониманию экономическую политику, в первую очередь с учетом существовавшей в конкретный отрезок времени внутренней и внешней экономической ситуации. Так было после прихода в конце 50-х годов правительства Мохаммеда Айюб-хана (когда национальное хозяйство Пакистана было существенно реформировано с учетом в первую очередь интересов частного сектора). Так было после прихода к власти в начале 70-х годов правительства Зульф리카ра Али Бхутто, стремившегося в рамках «смешанной экономики» повысить роль и значение государственного сектора и даже вести речь о некоторых зачатках социалистического

метода хозяйствования, но одновременно развивать связи с мусульманскими нефтедобывающими странами, с учетом разразившегося в первой половине указанного десятилетия энергетического и финансового кризисов и усиления зависимости экономики от импорта нефти. Еще дальше пошел в этом направлении генерал Зия-уль-Хак, стремившийся внедрить исламские принципы экономики в национальное хозяйство Пакистана (в кредитно-денежную, в налоговую системы и др.), стремясь максимально завоевать расположение мусульманских государств в 80-е годы, особенно с учетом ввода советских войск в Афганистан.

В 90-е годы сменявшие друг друга правительства Беназир Бхутто и Наваз Шарифа стремились проводить экономическую политику в первую очередь в интересах крупных и средних предпринимательских слоев общества в различных регионах страны (например, Беназир Бхутто – в Синде, Наваз Шариф – в Панджабе), но с одновременным выполнением в той или иной степени Программы по борьбе с бедностью с целью получения максимального числа голосов на общих выборах от разных социальных групп и в разных провинциях.

Пришедший к власти в Пакистане в ходе бескровного военного переворота в октябре 1999 г. генерал Первез Мушарраф (занимавший до этого должность Начальника объединенного штаба сухопутных войск) среди основных задач в области экономики поставил цель «вывести страну из тяжелого экономического кризиса, в которое ее поставил бывший премьер-министр Наваз Шариф». Были определены такие первоочередные шаги правительства, как «завоевание большего доверия иностранных инвесторов, путем достижения стабильности в политической и социально-экономической жизни страны, повышение нормы внутренних накоплений, внесение изменений в систему налогообложения, проведение политики приватизации с целью уменьшения числа убыточных госпредприятий, ускорение развития аграрного сектора путем совершенствования системы кредитования в сельской местности» и др.³³ Как было показано выше, эти меры обеспечили реальный, довольно высокий экономический рост Пакистана в 2000–2007 гг., достигший в среднем 5.4% в год³⁴.

Надо сказать, что через два года после начала осуществления этих экономических преобразований (ноябрь 2002 г.) в Пакистан прибыла представительная делегация МВФ с целью детального рассмотрения их предварительных результатов, хотя Первез Мушарраф неизменно заверял и эту международную организацию, и Всемирный банк, и АзБР в том, что он последовательно проводит курс на воплощение декларируемых реформ в жизнь. По итогам визита был подготовлен Доклад МВФ, где эксперты дали сравнительно высокую положительную оценку экономическим преобразованиям пакистанского военного руководства; при этом, в Докладе особо была подчеркнута последовательность действий руководства страны в проведении приватизации госпредприятий³⁵.

А через 2 года, в 2004 г., принимая во внимание некоторое ухудшение положения в промышленности (в первую очередь в крупной и средней), правительство приняло в очередной раз «Национальную промышленную политику» (2005–2015 гг.), которая (по замыслу ее разработчиков) способна кардинально исправить положение в индустрии (путем более гибкого кредитования, роста заработной платы занятых в этой отрасли, внедрения современных технологий, оказание помощи предпринимателям в получении такого рода технологий, усовершенствование инфраструктурного обеспечения промышленного производства и др.)³⁶. Это дало определенные позитивные результаты – уже в 2005 г. усредненный рост индустриальных отраслей превысил 15%, а в последующие 3 года стабильно достигал 9% в среднем в год. Однако разразившийся мировой экономический кризис 2008–2009 гг. свел буквально на нет эти и другие усилия правительства страны по стабилизации экономической ситуации в стране. Эти проблемы были усугублены упоминавшимся выше наводнением 2010 г., принявшим характер национального бедствия, и почти не меньшим по своему разрушительному действию наводнением в следующем, 2011 г.

Более того, посетившая Пакистан в октябре 2010 г. делегация МВФ на этот раз признала предпринимаемые гражданскими властями страны меры по ускорению развития национального хозяйства страны недостаточными и рекомендовала,

в частности, уделить особое внимание отмене (или как минимум резкому сокращению) субсидирования потребления электроэнергии (что, по мнению тогдашнего регионального директора МВФ Аднан Мазарея, предоставляло льготы, в первую очередь, высокодоходным группам пакистанского общества), а вместо этого ввести низкие тарифы на электричество для потребителей из низших групп доходополучателей. Аналогично было рекомендовано уделить больше внимания сокращению бюджетного дефицита, отношение которого к ВВП превысило в указанном году 6%³⁷. Подчеркнем здесь, что международные финансовые организации настороженно относятся к государствам, где этот параметр превышает 5%; в частности, приостанавливают предоставление финансовой помощи или снижает ее размеры.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исчислено по: Economic Survey 2008–09. Government of Pakistan, Islamabad, 2009, Para “Growth and Investment”, Table 1.1 – http://www.finance.gov.pk/survey_0809.html. (Дата обращения – 12.09.2009.).
2. Подробнее см.: В.Н. Москаленко, П.В. Топычканов. Пакистан сто дней после парламентских выборов. <http://www.iimes.ru/?p=7189>. (Дата обращения – 25.05.2008).
3. Премьер-министр Юсуф Раза Гилани всячески подчеркивал, что ситуация в экономике страны с каждым годом улучшается // Economy has improved: Prime Minister. Dawn. 16.11.2009. Дело дошло до того, что Глава Госбанка Пакистана прямо заявлял в своих интервью ведущим пакистанским газетам: «Нам не нужна внешняя помощь, экономика страны и так успешно развивается» // Economy growing, no need for aid: Salim Raza. // Dawn. 16.11.2009.
4. Pakistan Economic Survey 2008–09. Government of Pakistan, Islamabad, 2009, p. 39.
5. Pakistan Economic Survey 2010–11. Government of Pakistan, Islamabad, 2011, p. 94.
6. Подробнее о серьезном политическом кризисе в Пакистане в начале 2011 г. см.: Н.А. Замараева. Пакистан: выход из внутривластного кризиса // <http://www.iimes.ru/?p=11937>. (Дата обращения 15.01.2011).
7. Abrar Saeed. Graft reports roil Cabinet meeting. // The Nation. 13.12.2012.
8. Corruption will not be tolerated: CJ. // Dawn. 17.07.2012.
9. Govt sends letter to Swiss authorities. // The News. 8.11.2012.

10. Подробнее см.: *Замараева Н.А., Москаленко В.Н.* Пакистан: изменение высших органов власти в соответствии с итогами всеобщих выборов. <http://www.iimes.ru/?p=17658>. (Дата обращения – 11 июня 2013 г.).
11. 12-year war on terror cost \$100bn, – says Dar. // Dawn. 13.12.2013.
12. Эксперты Всемирного банка отмечали в 2016 г., что Пакистан при расчетах показателя черты бедности исходил из методологии подсчетов 2001 г., т.е. не учитывал изменившийся уровень потребления и одновременно снизил минимальный потребительский порог с 2.5 долл. в день до 1.25 долл.; если же учитывать изменившиеся параметры, то доля населения страны, проживающая ниже черты бедности, составляла в 2016 г. почти 30% (Pakistan Development Update. Making Growth Matter. The World Bank, November 2016, Washington, p.68).
13. Human Development Report 2013. UNDP, N.-Y., 2013, p. 160.
14. Millennium Development Goals (MDGs) // Business Recorder. 4.06.2013.
15. Pakistan Economic Survey 2016–17, pp. 2. 68, 113. Rupee/dollar parity stable // Economic & Business Review. 3.04.2017. <https://www.dawn.com/news/1324571/rupeedollar-parity-stable>. (Дата обращения – 1.07.2017).
16. *Kazim Alam*. World Bank projects Pakistan's GDP growth rate at 5.5pc for 2017–18. // Dawn, 10.11.2017.
17. Pakistan Economic Survey 2016–17, p. 66.
18. Pakistan Economic Survey 2016–17, Statistical Appendix, Table 8.3. Exports, Imports and Trade Balance.
19. Loss! What loss?? // Business Recorder. 9.09.2014.
20. *Khaleeq Kiani*. Govt eyes 5.1pc growth rate in next financial year. // Dawn. 30.05.2014.
21. Pakistan Economic Survey 2016–17, p. 280.
22. Complete text of PM Abbasi's speech at UN General Assembly. // <https://www.dawn.com/news/1359314/complete-text-of-pm-abbasis-speech-at-un-general-assembly>. (Дата обращения – 25.09.2017.).
23. *Shahid Javed Burki*. Political Change and Economic Progress // The Express Tribune. 11.09.2017. <https://tribune.com.pk/story/1502930/political-change-economic-progress/> (Дата обращения – 15 сентября 2017 г.).
24. *Usman Hayat* (former executive director at the Securities and Exchange Commission Pakistan). The cost of political uncertainty // The Business and Finance Weekly. 27.11.2017. <https://www.dawn.com/news/1373171/the-cost-of-political-uncertainty>. (Дата обращения – 1.12.2017). *Aamir Shafaat Khan*. Sit-ins diminish industrial output in Karachi. // Dawn, 26.11.2017. <https://www.dawn.com/news/1372916/sit-ins-diminish-industrial-output-in-karachi>. (Дата обращения – 27.11.2017).
25. State Bank of Pakistan. Annual Report, Statistical Supplement 2016–17, Islamabad, 2017, p. 114. <http://www.sbp.org.pk/reports/annual/arFY17/Stats/Eng/Chapter-9.pdf> (Дата обращения – 10.11.2017.).

26. *Shakeel Ahmad Ramay* (Head of Centre for Future Policy and Head of Research Coordination Unit, Sustainable Development Policy Institute). CPEC and the sustainable development it brings to Pakistan // The Express Tribune. 15.01.2018. <https://tribune.com.pk/story/1608758/2-cpec-sustainable-development-brings-pakistan/> (Дата обращения – 16.01.2018).
27. *Ishrat Husain*. Chinese perceptions of CPEC // Dawn, 12.09.2017. <https://www.dawn.com/news/1357043/chinese-perceptions-of-cpec>. (Дата обращения – 4.11.2017.).
28. Выступая в сентябре 2017 г. перед пакистанскими парламентариями, посол Китая в Пакистане Сун Вейдонг подчеркнул, что в рамках КПЭК в Пакистане уже построено 19 энергообъектов на общую сумму свыше 18 млрд долл. (CPEC enters early stage of harvest: China // The Nation. 11.09.2017. <http://nation.com.pk/national/11-Sep-2017/cpec-enters-early-stage-of-harvest-china>. (Дата обращения – 12.09.2017)).
29. *Salman Siddiqui*. CPEC investment pushed from \$55b to \$62b // The Express Tribune. 12.04.2017. <https://tribune.com.pk/story/1381733/cpec-investment-pushed-55b-62b/> (Дата обращения – 28.10.2017.). CPEC to bring about socio-economic revolution in region: PU VC // Daily Times, 1.10.2017. <http://dailytimes.com.pk/punjab/01-Oct-17/cpec-to-bring-about-socio-economic-revolution-in-region-pu-vc>. (Дата обращения – 2.10.2017).
30. Исчислено по: Pakistan Economic Survey 2016–17, pp. 134, 139.
31. Province Wise Provisional Results of Census 2017. // http://www.pbs.gov.pk/sites/default/files//PAKISTAN%20TEHSIL%20WISE%20FOR%20WEB%20CENSUS_2017.pdf. (Дата обращения – 25.01.2018.).
32. Transparency International: Corruption Perceptions Index 2016. http://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016. (Дата обращения – 15.11.2017.).
33. *Amanullah Bashar*. The Year End Review. 1999 – an eventful year. // Pakistan Economist. Dec 27, 1999 – Jan 02, 2000.
34. Исчислено по: Pakistan Economic Survey 2010–11. Government of Pakistan. Islamabad, 2011, Statistical Appendix, p.2–3.
35. *Ihtasham ul Haque*. Future govt will continue policies: Islamabad's assurance to IMF team. // Dawn. 12.11.2002.
36. Draft of industrial policy prepared. // The News. 21.07.2004
37. IMF calls for debate on reforms in Pakistan // Dawn. 9.10.2010.

В.Я. Белокреницкий*

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП УРБАНИЗАЦИИ В ПАКИСТАНЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Резюме. В статье рассмотрены особенности урбанизации в Пакистане, охарактеризован стремительный рост в стране городов и городской периферии. Анализируются социально-экономические проблемы городов, такие как бедность, безработица и разрастание занятости в неформальном секторе. Автор выделяет два этапа урбанизации – модернизационный, характерный для первых десятилетий существования страны, и агломерационный, начавшийся в 1970–80-х годах. Освещаются, кроме того, государственная политика и перспективы решения урбанистических проблем.

Ключевые слова: урбанизация, города и городская периферия, бедность в Пакистане, социальные проблемы, модернизация, агломерация.

The Contemporary Stage of Urbanization in Pakistan: Special Features & Challenges

Summary. Specific features of urbanization in Pakistan and rapid growth of cities, towns and urban periphery are analysed in the article. Also discussed are socio-economic problems like urban poverty, unemployment and growth of employment in the informal sector. The author singles out two periods in the history of urbanization in Pakistan – the first, from the formation of the state till the 1970–80s and the second, upto the present time. The driving force behind the urbanization at first was modernisation, which lately gave way to agglomeration. Policy of the state and perspectives of the solution to problems of urbanization are also touched upon in the article.

Key words. urbanization, towns and urban periphery, poverty in Pakistan, social problems, modernisation, agglomeration.

* Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – профессор, заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, доктор исторических наук

Урбанизация привлекает повышенное внимание в Пакистане. Особенно много пишут о ней после опубликования в августе 2017 г. предварительных итогов переписи, проведенной в марте¹. Результаты переписи говорят о том, что демографический рост в стране продолжается темпами, которые превосходят скорость увеличения населения в большинстве стран Азии, в том числе, Южной Азии. Это находит непосредственное отражение в численности горожан. Бурный демографический рост усугубляет и без того крайне серьезные экономические, социальные, экологические и политические проблемы пакистанского города.

Отсюда бесспорная актуальность урбанистской проблематики. Помимо практической, неизменный интерес вызывают связанные с ней теоретические вопросы. Первый из них – само понятие урбанизации, в частности, в какой мере оно сводимо и производно от категорий города и городской среды?

Отметим, что дефиниции урбанизации разнообразны. Соответственно с ними и подходы – географический, демографический, градостроительный, социологический, цивилизационный, формационный. Нередко подходы, или ракурсы, совмещаются, особенно при рассмотрении урбанизации в историческом контексте и в исторической динамике. Столь же комплексной предстает попытка рассмотреть особенности урбанизации по регионам, странам и в рамках типологических схем, выделяющих западный и западный, прежде всего, восточный город².

Автору данной статьи довелось обращаться в свое время к теме урбанизация в Пакистане и развивающемся мире в целом³. Он отдал должное распространенному в 1970–80-х годах акценту на феномене ложной, псевдо- или квазиурбанизации. Основанием для такого взгляда служило наличие в городах Азии и Африки, а также других бедных слабо развитых регионов «нетипичных» для современных городских условий трущобных кварталов, возникавших чаще всего нелегально, путем захвата земли в городской черте. Такие районы в Турции, например, так и назывались – *геджеконду*, то есть построенные за одну ночь⁴.

Между тем, акцент на этом оказался в целом малопродуктивным, хотя и разделялся в тот период не только отечественными,

но и зарубежными авторами⁵. Отказ от него происходил в нашей науке на фоне сужения исследовательского интереса к проблематике городов и урбанизации в Азии и Африке. За рубежом центр изучения этих, равно как и других социальных тем, заметно сместился из развитых государств в менее развитые, где укрепились собственные школы, сложившиеся, впрочем, под влиянием мировых с центрами на Западе. Однако «эталонный» подход к социальным процессам, принимающий за образец западный тип эволюции, оказался психологически малопримлемым для ученых из незападных государств и, как правило, выведенным из основного потока исследовательской работы. В современной науке утвердился, как представляется, универсалистский принцип, согласно которому выявляется специфика, а не принципиальные отличия социальных процессов, в том числе урбанизации, в разных странах и регионах.

Урбанизация – рост городов и городской периферии

Пакистанская урбанизация представляется особенным и единственным случаем общемирового процесса роста городов и городского населения. Отметим, что численность горожан на планете в последние десятилетия росла стремительно и в первую очередь за счет населения менее развитых регионов. В 2010 г., согласно оценкам ООН, количество горожан превысило число сельских жителей. В 2016 г., в городах мира проживало 4 млрд человек, или 55% от общей численности в 7,2 млрд. На крупнейшие городские агломерации, свыше 10 млн человек, приходилось около 7% мирового населения, а на все большие города (более 0,5 млн.) – 28%⁶.

На этом фоне Пакистан предстает страной, где урбанизация охватила немалую, но существенно меньшую, чем в среднем на планете, долю населения. Если опираться на подсчеты, выполненные исследователями с опорой на данные предпоследней переписи 1998 г., доля жителей пакистанских городов должна была в 2014 г. равняться 40%, опережая показатели для Бангладеш (34%) и Индии (33%). При этом среднегодовые темпы

прироста городского населения ожидалось на уровне 3%, превышая соответствующий показатель для многонаселенных стран Южной Азии⁷.

Согласно предварительным данным переписи 2017 г., удельный вес горожан в Пакистане оказался несколько ниже – 36,4%⁸. Однако тенденция опережающего роста городского населения на протяжении межпереписного периода почти в 20 лет представляется и в этом случае неоспоримой, а разница между расчетными и фактическими данными не слишком велика. К тому же, точность переписных данных всегда оставляла и оставляет желать лучшего. Имеются претензии и к сопоставимости данных разных переписей.

Посмотрим (отчасти и в связи с последним обстоятельством), какова динамика урбанизации согласно переписям населения. По первой из них, проведенной в 1951 г., доля горожан составляла 17,8%. К 1972 г., за 20 с небольшим лет, она выросла до 25,4%, на 7,6 процентных пункта. Согласно переписи 1998 г., за интервал в 26 лет, удельный вес городского населения увеличился до 32,5%, на 7,1 пункта. С учетом различающихся по протяженности межпереписных периодов наблюдалось некоторое замедление городского роста. На нынешнем этапе между 1998 и 2017 г. (19 лет) оно стало еще заметнее – удельный вес горожан возрос только на 3,9 пунктов. Между тем, специалисты, изучающие процесс урбанизации в Пакистане, единодушно отмечают сохраняющийся стремительный его характер. Как это можно согласовать?

Наиболее существенные коррективы в представления об урбанизированности современного Пакистана вносит учет городской периферии. Но прежде чем затронуть этот вопрос, коснемся во многом связанной с ним проблемы дефиниций городского поселения. В соответствии с традицией, заложенной еще в колониальное время, за основу отнесения населенного пункта к городу по первым трем переписям населения в Пакистане (1951, 1961 и 1972 гг.) брался признак городского самоуправления с поправками на минимальную численность населения и выполнение особых городских функций. Городами признавались поселения с числом жителей более 5 тыс. человек, имеющие городские

функциональные черты и управляемые муниципальными корпорациями, муниципальными комитетами, городскими комитетами или бюро *кантонментов* (военных городков)⁹. При этом комиссары по проведению переписей обладали правом отнести поселение с числом жителей менее 5 тыс. к городскому, если оно обладало «городскими характеристиками», невзирая на отсутствие там органов самоуправления. С переписи 1981 г. положение изменилось – комиссары утратили право относить к городским пункты с менее чем 5 тыс. жителей. Более того, ввиду того, что неперенным стало требование наличие признака городского управления за бортом городских оказались многие поселения с численностью более 5 тыс., хотя некоторые из них насчитывали до 10 и даже 20 тыс. жителей. Так, по переписи 1981 г. сельскими были признаны 1462 поселения такого рода. В 1998 г. к сельскому сегменту отнесли уже 3691 большой населенный пункт, где проживал в общей сложности 31 млн человек, почти четверть (более 23%) общего населения страны¹⁰.

Из этого следует, что в Пакистане уже к концу прошлого века образовалась весьма значительная по численности категория полугородского населения, проживающая в многонаселенных пунктах, лишенных городских характеристик и городского самоуправления. Результаты переписи 2017 г., проведенной, судя по всему, по тем же правилам, покажут, очевидно, усиление этой тенденции. Следует при этом иметь в виду, что такого рода достаточно большие поселения появляются чаще всего вокруг крупных и крупнейших городских агломераций. Иначе трудно объяснить причины их появления, поскольку такие населенные пункты не вписываются в сельский ландшафт. Между тем, легко себе представить наличие вокруг большого города скопления трущобных районов, называемых чаще всего в Пакистане *каччи-абади*, или *басти*, откуда черпаются ресурсы дешевой рабочей силы. Ввиду отсутствия в поле зрения автора исследований этого феномена, о структуре всей промежуточной полосы можно судить лишь предположительно. Но можно при этом утверждать, что существенная ее часть состоит из поселений вокруг крупнейшей пакистанской агломерации, города-порта Карачи. По всем

предварительным расчетам (подробнее об этом см. ниже) его население к 2017 г. должно было достичь или превысить 20 млн человек¹¹. Перепись оценила число проживающих в Карачи лишь в 15 млн. Главный комиссар по проведению переписи, отвечая на критику в занижении численности, сослался как раз на то, что многие районы и кварталы, тяготеющие к городу, входящие в его непосредственную периферию, не включены в городскую черту и не признаны самостоятельными городами. Таких ареалов вокруг Лахора оказалось, видимо, меньше, что отчасти объясняет более быстрые темпы роста второго по величине пакистанского города, достигшего, согласно переписи, величины в 11 млн человек¹².

Значительного внимания в специальной литературе удостоился еще один фактор, объясняющий стремительный рост городской периферии. Это развитие транспортной системы, прежде всего автомобильного дорожного транспорта¹³. Заметный рывок в этом отношении произошел в 1980-х годах, когда армия, стоявшая у власти, усиливала свою логистику (тыловые базы и коммуникации) на западном, афганском направлении. Нужно также отметить, что природные условия Пакистана, твердые почвы, ландшафт, на обширном пространстве сходный с африканской саванной, делают строительство дорог с твердым покрытием весьма несложным и относительно недорогим делом. Протяженность шоссейных дорог возростала быстро, начиная с «афганского» десятилетия 1980-х вплоть до начала нынешнего века. По данным на 2005 г., протяженность асфальтированных дорог в Пакистане достигла 163 тыс. км, из них более 700 км. принадлежали к высокоскоростным шоссе. За последующие годы протяженность выросла до 185 тыс. км. К тому же, часть неасфальтированных дорог, протяженностью около 100 тыс. км, вполне подходит для механического транспорта¹⁴. Дороги приблизили деревню к городу, «вывели» крестьян и других сельских жителей на городской рынок, сделали часть из них продавцами, а часть потребителями продающихся в городах товаров. Одновременно с дорожным строительством происходила автомобилизация – быстро рос парк живописно раскрашенных грузовых

машин («траков»), автобусов, минибасов, моторикш, мотоциклов, мопедов и других механических средств передвижения.

В 2000 г. пакистанский социолог М.А. Кадир предложил использовать термин «руралополис», сельский полис, для сельско-городской местности. Еще более распространенным стал парный ему термин «периурбан», периферийная городская местность, промежуточная между городскими и сельскими районами. Городская периферия определяется путем использования «индекса агломерации», изобретенного в 2009 г. Он опирается на два показателя – плотности расселения в 150 чел. на кв. км. и в близком расстоянии от крупного города с числом жителей не менее полумиллиона – время в пути 1–3 часа. Городскими, согласно тому же индексу, признаются населенные пункты с плотностью жителей свыше 1000 чел. на кв. км, находящиеся в одном часе езды до города-полумиллионника¹⁵.

По рассчитанным с помощью этих параметров данным, в 2010 г. в черте городов проживало 32% жителей страны, в городской периферии – 38%, а на негородские местности оставалось 30%. Такое положение отражает серьезный сдвиг по сравнению с ситуацией середины 1960-х годов, в конце периода начальной, «классической» урбанизации. Тогда (в 1965 г.) в городах проживало только 6,4% населения (было всего два города с населением свыше полумиллиона), еще 20% населяли городскую периферию, а 74% – сельскую местность. Качественный сдвиг произошел уже к середине 1990-х годов (1994 г.) – доля горожан выросла до 26%, пропорция периферийно-городского населения увеличилась до 40%, а сельского упала до 34%¹⁶.

Распад пакистанского населения на городское, полугородское и сельское в последнее время углубляется. Число жителей 10 крупнейших городских центров возросло за последние 19 лет на 71% по сравнению с ростом всего населения округленно на 58%¹⁷. В больших городах с числом жителей свыше 1 млн проживает ныне одна пятая всех пакистанцев – 41 млн человек. Такая численность ненамного меньше, чем общее число горожан на момент проведения предшествующей переписи 1998 г. – 45,5 млн. На Карачи и Лахор приходится ныне (по предварительным переписным

данным) 26 млн, а на остальные восемь – 15 млн. Среди последних выделяется аграрно-промышленное «сердце» Панджаба (важнейшей и самой большой провинции) город Фейсалабад (3,1 млн.) и городская агломерация, состоящая из «армейского» города Равалпинди (там располагается штаб-квартира сухопутных сил и другие военные учреждения) с 2,1 млн жителей и построенной рядом с ним столицы, Исламабада, с 530 тыс. человек¹⁸.

Менее быстрым между 1998 и 2017 гг. было увеличение числа жителей средних и малых городов (61%), но темпы их пополнения были выше, чем рост сельских жителей (48%). Данные последних переписей подтверждают сформировавшиеся ранее тенденции – ускоренное расширение крупных городов, более быстрый, чем сельского населения, рост численности обитателей других городов и все еще весьма существенное увеличение количества сельских жителей – на 2,1% в среднем в год при исключительно высоком на фоне других стран мира среднегодовом приросте населения страны в 2,4%.

Многие пакистанские авторы из числа экономистов, социологов, урбанистов считают, что Пакистан уже сегодня весьма урбанизированная страна. Помимо плотности (агломеративности), пакистанскими исследователями отмечается технологический прорыв в области телекоммуникаций – лавинообразное увеличение количества мобильных телефонов, смартфонов и компьютеров. Произошло, по их мнению, информационно-коммуникационное «стяжение» большинства населения страны. Сельская глубинка осталась, она охватывает примерно треть жителей, проживающих в основном на земле к западу от русла реки Инд.

Социально-экономические проблемы урбанизации

Проблемы урбанизации во многом обусловлены перенасыщением людьми городов и периферийных городских районов. Оно вызвано непосредственно двумя причинами – быстрым естественным ростом и сельско – городской миграцией. Согласно специальным демографическим обследованиям, разница в показателях

прироста между сельским и городским населением всегда была в Пакистане и ныне остается относительно небольшой. Более того, в крупных городах наблюдается преобладание числа мужчин над женщинами (они часто остаются в деревнях) и, как следствие, меньше показатели рождаемости и естественного роста. Таким образом, более высокие темпы роста численности горожан и жителей городской периферии объясняются миграцией сельского населения. Мигранты состоят по преимуществу из бедного люда, переселяющегося в поисках работы и заработка. Не вызывают поэтому удивления данные о том, что уровень бедности и нищеты в некоторых урбанизированных зонах выше, чем в сельских районах¹⁹.

Впрочем, такой феномен в литературе отмечается не часто и относится к последнему времени, когда в Пакистане стали заметно расти доходы в сельском секторе, причем по преимуществу «житницы» страны Панджаба. Если брать данные, относящиеся ко всему Пакистану за более продолжительный период, то они свидетельствуют о более высоком уровне доходов в городской по сравнению с сельской местностью (Табл. 1)

Таблица 1

**Динамика масштабов бедности в Пакистане
(процент населения ниже черты бедности)***

	1999	2002	2005	2006	2008	2010	2012	2014
По стране	57,9	64,3	51,7	50,4	44,1	36,8	36,3	29,5
В городах	44,5	50,0	37,3	36,6	32,7	26,2	22,8	18,2
На селе	63,4	70,2	58,4	57,4	49,7	42,1	43,1	35,6

* Источник: Jamal H. Poverty and Vulnerability Estimates: Pakistan, 2016. Research Report No 99. Karachi: Social Policy and Development Centre. May 2017. A Reprint, p. 2.

Цифры в вышеприведенной таблице взяты из официального издания Pakistan Economic Survey (его статистического приложения). Отраженная в них тенденция обусловлена, возможно, различием критериев бедности, а в отдельных случаях

конъюнктурными колебаниями, связанными с погодными условиями (засуха 2000–2002 гг.). При тренде по сокращению бедности сохраняются различия в ее охвате городских и сельских жителей. В начале периода преимущество города составляло чуть более 40%, в середине – примерно 60%, а в конце – почти 100%.

Между тем, другие также правительственные источники рисуют иную, по существу противоположную картину динамики городской бедности. Согласно социологическим обследованиям Федерального статистического бюро Пакистана (Household Income and Expenditure Survey), доля городской бедноты в 1987–88 г. составляла всего 19%, к 1996–97 г. она повысилась до 25%, в 2000–2001 г. возросла до 30%, а в 2010–11 и 2011–12 гг. – достигла соответственно 34 и 35%²⁰. Черта бедности при этом определялась величиной расходов. В 2011–12 г. она равнялась 2606 рупиям в месяц на человека (3054 рупий на взрослого члена семьи). Наиболее бедным по данным того года было городское население Белуджистана – 48% ниже границы бедности, в провинции Хайбер-Пахтунхва этот показатель равнялся 40%, в Синде 36%, а в Панджабе – 34%²¹. Можно заметить, что национальный уровень (35%) определялся положением в городах двух последних самых населенных и экономически продвинутых вперед провинциях.

Проведенный группой пакистанских исследователей анализ бедности и неравенства доходов в пяти наиболее населенных городах Панджаба показал, что в 2008 г. доля бедноты (питание на уровне ниже 2350 калорий в день) составляла от 10 до 15%, но так называемая глубина бедности (poverty gap) варьировалась от 0,56 в Равалпинди до 0,37 в Мултане, равняясь примерно 0,30 в Лахоре, Фейсалабаде и Гуджранвале. Глубина бедности (распространенный в современной социологии показатель) свидетельствует о полной нищете, в которой обитает часть бедных жителей²².

Помимо той планки нищеты, которая была использована в обследовании 2008 г., применяются иные измерители. Те же авторы приводят индексы множественной депривации (лишений), которые демонстрируют масштабы зон неблагополучия

по данным на 1998 и 2005 гг. При некотором снижении в середине 2000-х годов по сравнению с концом 1990-х процента лиц, страдающих от лишений разного рода, их численность в Мултане составляла 57–52% от общего числа горожан, в Равалпинди – 41–40%, в Лахоре – 34–29%²³.

Причины различий в масштабах и глубине бедности между вышеназванными городами Панджаба многообразны. К ним относятся и уровень экономического развития (Мултан – главный город наиболее отсталой южной части провинции Панджаб), и надежда на получение высокого случайного заработка (в случае с военно-столичной агломерацией Равалпинди-Исламабад), и охват городской чертой большей или меньшей части периферийных районов. При этом в самом бедственном положении среди горожан оказываются жители малых и сверхмалых городов (менее 50 и 20 тыс. человек). Согласно официальному выборочному обследованию домохозяйств 2011–12 г. удельный вес бедного населения в малых городах равнялся 43%, в больших (свыше полумиллиона жителей) – 37, а в столичных центрах – 26%²⁴.

Главный непосредственный фактор бедности – безработица, отсутствие возможностей для хорошо оплачиваемой работы, которую чаще всего может предоставить лишь организованный или формальный сектор экономики. К нему относятся государственные учреждения и предприятия, а также частные компании и заведения, охваченные государственной регистрацией и подлежащие контролю со стороны налоговых и надзорных ведомств. В формальном секторе занято меньшинство городской рабочей силы. При этом открытой, явной безработицей (поисками работы) охвачено 8–12% трудоспособного населения панджабских городов²⁵.

Анализ городской рабочей силы всего Пакистана показывает, что доля неформального сектора в начале текущего века не только не сокращалась, но, напротив, заметно возрастала. В 2001–02 г. неформальная занятость составляла 65,7% общей городской занятости, а к 2013–14 г. увеличилась до 70,6%. Среди мужчин она увеличилась за 12 лет с 61,1 до 71,1%²⁶. Авторы обзора социального развития страны полагают, что такой рост во многом

объясняется стремлением крупного бизнеса избежать налогообложения и понизить расходы, связанные с широко распространенной бюрократизацией, коррупцией, рэккетом и рисками для безопасности, которые повышаются при анонсировании масштабов операций²⁷.

По данным обследования пакистанской рабочей силы за 2013–14 г. неформальная занятость (мелкое и децентрализованное производство) составляла 60% общей занятости в промышленности, 93% – в строительстве, 82% – на транспорте, 97% – в оптовой торговле и 35% – в сфере медицинских услуг. Ближе всего к этим показателям были данные по Панджабу, а наиболее отличались по Синду, где неформальная занятость в промышленности, например, уступала формальной (47%), очевидно, вследствие ситуации в Карачи и доминирующего положения мегаполиса в городском секторе южной провинции Пакистана²⁸.

Бедность обитателей городских трущоб, поиски работы, преобладание занятости в неорганизованном секторе определяют то, что современные городские услуги оказываются недоступны многим горожанам. В пяти крупных городах Панджаба только 55–60% жителей, согласно данным выше упомянутого обследования, имели доступ к безопасной, обеззараженной воде и средствам санитарии²⁹. Надо полагать, что в большинстве других пакистанских городов доступность городских услуг современного типа еще меньше. Известно, что на протяжении многих последних лет в Пакистане наблюдается хроническая нехватка электроэнергии³⁰. К этому добавляется нехватка питьевой воды в городских источниках водоснабжения. Подачу электроэнергии в городах нередко отключают на 6–10 часов в день, а снабжение водопроводной водой – на 22–23 часа³¹. Население с доходами выше среднего справляется с перебоями в электроснабжении, так называемыми «веерными» отключениями, путем приобретения и установки генераторов тока, работающих на бензине или газе. Генераторы позволяют также добывать воду из артезианских колодцев. Но большинство жителей не могут позволить себе такую роскошь и вынуждены мириться с отсутствием современных удобств.

Еще большей проблемой для бедняков является антисанитария и скученность проживания. В Пакистане в среднем на комнату приходится 3,5 чел. (при среднемировом стандарте – 1,1 чел.), а в отдельном жилом помещении проживает в среднем 6 чел. Дефицит жилых помещений составляет, по оценкам, 7 млн, т. е. проблема затрагивает более 40 млн человек, около четверти населения и в первую очередь она проявляется именно в городах³².

Уплотненная городская среда способствует преступности. В больших городах, таких как Карачи, преступления совершаются на различной почве. Здесь нет возможности отдельно говорить о волне насилия и преступности, захватившей пакистанские города в конце прошлого и начале нынешнего века³³. К чисто городским факторам преступности, относится борьба мафиозных групп, иногда весьма кровопролитная, за контроль над городской земельной собственностью³⁴.

Этапы урбанизации и политика государства

В истории урбанизации Пакистана можно выделить два протяженных периода. Первый из них, начавшийся с момента создания страны, продолжался, по нашему мнению, вплоть до 1970–80-х годов. Это был этап своего рода классической урбанизации, зародившейся еще в колониальное время и достигшей относительно зрелых форм уже в период между мировыми войнами XX века. В основе того процесса лежало развитие современной по тем меркам крупной промышленности в городах или на их периферии. Индустриализация носила трудоемкий характер. Вокруг предприятий промышленности и транспорта, в основном железнодорожного, складывались рабочие поселки. Рабочая сила пополнялась на счет мигрантов из деревень, где условия жизни, вследствие низкой производительности труда в сельской местности, были для низов неизмеримо хуже, чем в городах.

В период между войнами, в существенной степени под влиянием рабочего движения в Европе и социалистической революции в России, колониальные власти Индии ввели ряд законов (актов),

которые облегчили условия труда на промышленных предприятиях и увеличили возможности отстаивать интересы наемных работников. Наибольшее значение имели закон 1926 г. о тред-юнионах и фабричный закон 1934 г. По словам К. Али, председателя действующего ныне в Карачи на общественных началах Пакистанского института образования рабочих и изучения проблем труда, условия, созданные в колониальное время, были в значительной мере ухудшены законоположениями, принятыми в Пакистане при правительстве М. Айюб Хана в 1960-х годах³⁵. После короткого подъема рабочего движения в первые месяцы пребывания во главе страны З.А. Бхутто (зима-весна 1972 г.) наступил спад из-за карательных мер властей. При военном режиме М. Зия уль-Хака (1977–1988) по рабочему движению был нанесен сильнейший удар, оправиться от которого оно до сих пор не смогло вследствие как внутренних, так и международных причин.

Повторим, что пакистанскую городскую систему на первом этапе отличало индустриальное начало, выражавшееся в наличии в черте города и на его непосредственной периферии заводов, фабрик, мастерских, рабочих кварталов и поселений. Хотя индустрия определяла во многом «лицо» урбанизации, она не была единственной градообразующей функцией городов, поскольку сфера услуг, особенно государственных, административно-политических (в том числе, и военно-административных) в немалой степени также определяли их предназначение. Города, базирясь на двух этих «столпах», четко обособлялись от деревни, где основным родом деятельности было сельское хозяйство, по преимуществу, земледелие, а в горных и пустынных регионах – скотоводство.

На втором этапе, с 1970–80-х годов и до настоящего времени, ситуация заметно изменилась под влиянием главным образом трех причин – (1) «зеленой революции», вызвавшей вытеснение лишней рабочей силы из сельской местности в города; (2) трудовой миграции за рубеж, ухудшившей условия для капиталовложений внутри страны; (3) ухода части крупного бизнеса «в тень», его мимикрии под малое предпринимательство. Совокупные

последствия этих факторов отразились на отмеченном выше расширении сферы неформальной занятости.

Вместе с тем, характерной чертой современного этапа урбанизации нужно считать повышение уровня жизни части средних городских слоев, чьи доходы выросли благодаря росту производительности сельского хозяйства в районах орошаемого земледелия и трудовой миграции. Поступления от родственников, работающих за границей, чаще всего идут на приобретение земли и строительство домов в городах родных для мигрантов провинций. В результате обновляется жилой фонд малых и средних городов, улучшается их социально-бытовая инфраструктура³⁶.

Симптоматично, что в последние годы, согласно ряду наблюдений, миграция в самые большие города несколько замедлилась. В первую очередь, это касается Карачи, население которого по расчетам, основанным на результатах переписи домохозяйств, проведенной в 2011 г., должно было на тот момент достичь поразительной цифры в 21,2 млн чел. Замедление миграции пакистанский социолог и архитектор А. Хасан объяснял дефицитом помещений для жилья, продолжающимся уплотнением и без того скученного существования людей³⁷. Некоторое сокращение притока мигрантов может несколько облегчить ситуацию, хотя оценка населения Карачи в 15 млн чел., согласно предварительным результатам переписи 2017 г., объясняется, как выше указывалось, скорее всего, исключением из числа городских большого числа периферийных поселений. Да и кардинально проблема городов не решается сокращением темпов их роста. Очевидно, что городская ситуация взаимосвязана с положением в сельских местностях, и обе они требуют специального внимания и действенных мер со стороны правительственных органов.

Надо подчеркнуть, что пакистанское государство на всем протяжении своей истории уделяло мало внимания проблемам городов и процессу урбанизации. В пятилетних планах экономического развития, которые принимались правительством с середины 1950-х годов, эти вопросы не выделялись в качестве самостоятельных. В структуре федерального правительства они отнесены сегодня в ведение министерства планирования,

развития и реформ. На провинциальном уровне в рамках министерств того же профиля функционируют директораты городского планирования и городской политики. Еще одна ступень управления – муниципальные корпорации в крупных городах и соответствующие им органы в городах поменьше. В отношении 10 наиболее крупных городов приняты на этом уровне проектные планы перспективного развития (Master Plans). Ситуация с вмешательством федеральных органов в эволюцию городской системы стала меняться, может быть, лишь в самое последнее время, да и то, больше на бюрократическом и декларативном уровнях³⁸.

Реальные действия пакистанских властей представляются явно недостаточными. Накопившиеся проблемы трудно будет решать в создавшихся неблагоприятных со многих точек зрения условиях. Прежде всего, речь идет о высоком демографическом росте. Быстро ухудшается, к тому же, экологическая ситуация в городах вследствие увеличения механических средств транспорта, хаотического движения на дорогах, загрязнения воздуха, отсутствия полноценной системы вывоза и уничтожения мусора. Стагнирует в целом вся городская инфраструктура, включая важнейшие ее части – водо- и электроснабжение, система канализации.

Дорожное строительство в стране, как выше отмечалось, давно обгоняет сооружение помещений. Кроме того, пакистанские города растут по преимуществу вширь, а не вверх. Высотные многоэтажные дома почти не строятся даже в столичных городах. К тому же, застраиваются города в основном лишь жилыми домами, а для гармоничного развития нужно, без сомнения, сооружение зданий для производственных и общественных нужд³⁹.

Стоит отметить, что в последнее время государство стало, наконец, уделять внимание развитию общественного транспорта в городах. Так, успешно запущен проект быстрого автобусного сообщения в Лахоре, планируется осуществить его в Исламабаде и Равалпинди. В Карачи запланировано сооружение круговой железной дороги. Между тем, о строительстве метрополитена (подземки) по примеру индийских мегаполисов речи пока нет.

Что касается жилищной проблемы, то государство могло бы приступить к введению потолка на владение землей в городской черте, выделению земли под низкобюджетное строительство и внесение назревших изменений во все законодательство о городской земельной собственности. Это встретит сопротивление городских верхов и мафиозных групп, а потому, отмечают пакистанские эксперты, хватит ли на принятие таких мер политической воли, сказать трудно⁴⁰.

Заключение

В завершении хотелось бы сделать несколько замечаний о самой сути урбанизации в Пакистане на современном этапе. Представляется, что предшествующая нынешнему этапу урбанизация может быть охарактеризована как одна из сторон модернизации, базирующейся на развитии крупной фабрично-заводской промышленности и ряда других сопутствующих отраслей экономики (транспорта, торговли, горной добычи и т. п.). Сущность современного периода в другом. Хотя модернизация и остается частью процесса, ее главной отличительной чертой становится агломерация – скопление людей на ограниченном пространстве. Переуплотнение сопровождается усугублением жилищной проблемы, нехваткой современных удобств и низким качеством жизни, т. е. всем тем, что ассоциируется с трущобами бедного и нищенствующего населения. При этом способы существования для вытесненных в города из традиционной среды людей оказываются по большей части потерянными. Они ищут заменители утерянных связей на различных путях, иногда ведущих к радикализации сознания и поведения. В то же время укрепляются институты семьи и родственного клана, компенсирующие недостаток поддержки со стороны государства и гражданского общества⁴¹.

Пакистан с точки зрения урбанизации является ныне во многом исключительным примером, поскольку его выделяет небывало быстрый демографический рост. Однако описанные в статье

явления наблюдаются в той или иной мере и в других многонаселенных странах Азии, прежде всего в Индии и Бангладеш. Пример Пакистана позволяет лучше разглядеть наметившиеся с конца прошлого столетия перемены в характере специфической для плотнонаселенных государств урбанизации, ее переходе от модернистской к агломерационной стадии.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. See e. g.: Zaidi, A. Rethinking urban and rural. Dawn, 29.08.2017; Anwar, N.H. Cities, climate change and Pakistan's extended urbanization. Dawn, 23.09.2017.
2. Едва ли не первыми к изучению городов и урбанизации обратились географы и демографы. Из отечественных авторов назовем лишь И.М. Маергойза, Ю.Л. Пивоварова, а также Л.И. Бонифатьеву, писавшую о городах Южной и Юго-Восточной Азии. См: Города мира. Вопросы географии. Вып. 66. М., 1965. Впоследствии тема урбанизации стала рассматриваться демографами, экологами, городскими архитекторами и социологами-урбанистами. Особое место тема давно заняла в работах историков, изучающих истоки человеческой цивилизации и ее эволюцию по стадиям и регионам. В марксистской традиции проблематика города и урбанизации изучалась под углом зрения формационных и цивилизационных различий. Интересные итоги такого подхода в рамках советского неортодоксального марксизма подвел Л.И. Рейснер. См., в частности, его Введение в историко-теоретическое исследование городов и городских систем Востока и Запада в кн.: Города на Востоке: Хранители традиций и катализаторы перемен. М., 1990, с. 7–44. Наиболее поздним по времени сочинением, где рассматриваются теоретические и исторические аспекты урбанизации на Западе и Востоке надо, видимо, считать монографию З.Н. Галич Восточный город – традиционный, колониальный, современный – как субъект цивилизационного подхода. М., 2011. В своей книге З.Н. Галич осветила теоретико-методологические основы и историографию познания города и урбанизации на Западе и Незападе/Востоке, охарактеризовала этапы становления урбан-социологии развивающихся стран.

3. Общими вопросами урбанизации в развивающихся странах автор статьи занимался в межотдельской группе по демографии, созданной в Институте востоковедения РАН видным демографом Я.Н. Гузеватым – см. изданный под его редакцией сборник статей Развивающиеся страны: демографическая ситуация и экономический рост. М., Наука, 1981., и там, в частности, статью: В.Я. Белокрыцкий. Рост городского населения и процесс урбанизации в развивающихся странах Востока, с. 82–101. См. там также: А.В. Заболотский. Демографо-экономические проблемы и демографическая политика Пакистана, с. 164–189. В 1982 г. в «Науке» вышла книга автора – В.Я. Белокрыцкий. Пакистан: особенности и проблемы урбанизации. (272 с.). Стоит отметить, что большинство отечественных работ по урбанизации, миграции и в целом по социальным процессам и проблемам остались, к сожалению, почти не известными в Пакистане и в зарубежной пакистанистике из-за ограниченного числа зарубежных изданий. Между тем, если в 1970–80-х годах пакистанских авторов, касающихся темы урбанизации, было немного (наиболее известный среди них – Ш.Д. Бурки, видный экономист, регулярно публикующийся и ныне на страницах ведущей пакистанской газеты «Доон»), то к настоящему времени число местных специалистов, пишущих об урбанизации, существенно возросло. При этом работают они как самостоятельно, так и вместе с западными авторами, такими как М. Кугельман из Вашингтона, а также демографами из ООН и других мировых исследовательских организаций.
4. Старченко Г.И. Демографические факторы в процессе урбанизации Турции – Развивающиеся страны: демографическая ситуация и экономический рост. Отв.ред. Я.Н. Гузеватый. М., 1981, с. 139. По турецким правилам, нелегально построенное жилище, возведенное под крышу за одну ночь, не подлежало сносу.
5. Галич З.Н. Восточный город, с. 39–51.
6. Jatoo W.A.K., Chen J., Saengkrod W., Mastoi A.G. Urbanization in Pakistan: Challenges and Way Forward (Options) For Sustainable Urban Development. // 4th International Conference on Energy, Environment and Sustainable Development 2016. Reprint, p. 2.
7. Ibid., p.3.
8. Pakistan's population has ballooned to 207.8 m, provisional census results show // www.dawn.com. 27.08.2017.
9. Белокрыцкий В.Я. Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации, с. 9. Ali, Reza. Underestimating Urbanization in Pakistan. // Economic and Political Weekly, vol. XXXVII, No.3, 2002, Nov.2–9. Reprint, p.2.
10. Ali, Reza. Underestimating Urbanization, p. 3.
11. Kugelman M. Urbanisation in Pakistan: causes and consequences. NOREF Expert Analysis. January 2013. Reprint, p. 2; Cox W. Pakistan: where the population bomb is exploding // <http://www.newgeography.com> Accessed 11.12.2012.
12. Census results show 59.7 pc growth in Karachi's population, 116 pc in Lahore's since 1998 // www.dawn.com. 28.08.2017

13. See, e.g.: Pakistan's Runaway Urbanisation: What Can Be Done? Ed.M. Kugelman. The Wilson Center, Wash.DC, 2014. Available at: www.wilsoncenter.com
14. CIA World Factbook. Pakistan // www.cia.gov/library/ ...Accessed 10.12.2002 and 09.05.2017.
15. Kedir M., Schmidt E, Wakas A. Pakistan's Changing Demography: Urbanisation and Peri-Urban Transformation Over Time. Pakistan. Strategy Support Program. In: USAID. Working Paper No. 039, April 2016. Reprint, p.3.
16. Ibid., p. 6–7.
17. Census results show 59.7 growth in Karachi's population. 20 pc of Pakistanis live in 10 cities, census reveals // www.expresstribune.com. 28.08.2017.
18. Ibidem.
19. Iqbal S. Urban poverty is on the rise // www.dawn.com. 24.01.2014.
20. Social Development in Pakistan. Annual Report 2014–15. Karachi, Social Policy and Development Survey, 2015. Reprint, p. 141.
21. Ibid., p.140.
22. Zahra K., Mahmood A, Ullah S. Poverty and Inequality in Urban Punjab: A Case Study of Five Large Cities of Punjab (Pakistan). // International Journal of Economic Issues, Vol.4, No.2 (July-December 2011), p. 274, 276.
23. Ibid., p.269.
24. Social Development in Pakistan, p. 142.
25. Zahra K., Mahmood A., Ullah S. Poverty and Inequality, p. 269.
26. Social Development in Pakistan, p. 31–32.
27. Ibid., p. 32.
28. Ibid., p. 34.
29. Zahra K., Mahmood A., Ullah S. Poverty and Inequality, p. 268.
30. Каменев С.Н. Экономическое развитие Пакистана. Макроэкономический анализ. М.,2014, с. 328.
31. Khan A., Khan A.A. Rural to urban migration: connecting opportunities, addressing gaps and harnessing the potential of urbanisation. In: AHK Resource Centre, Karachi, September 2016. Reprint, p. 4.
32. Pakistan's Runaway Urbanization, p. 17; Jatoo W.A.K., Chen J., Saengkrod W., Mastoi A.G. Urbanization in Pakistan, p.6.
33. О преступности подробнее см: Белокреницкий В.Я. Исламизация общества и диффузия власти в Пакистане // Восток, 2013, № 5, с. 16–17.
34. See: Roofi Y., Zulnoorain M. Globalization of Cities and Urban Conflict: A Case Study of Karachi. In: Pakistan Journal of History and Culture, vol.XXXY, No.1, p. 85–96.
35. On death's door: trade unions in Pakistan // www.dawn.com. 06.05.2016. Accessed 13.09.2017.
36. See: Hasan A, Raza M. Migration and Small Towns in Pakistan. Karachi, 2011.
37. Hasan A. Karachi's changing demography and its planning-related repercussions // www.tribune.com.pk 08.02.2014.

38. Pakistan government to establish urban planning and policy centre // Pakistan Observer, 4.11.2016. Accessed 13.09.2017.
39. Pakistan's Runaway Urbanization: What Can Be Done, p. 5–9; Jabeen N., Umm-e-Farwa, Jadoon M. Urbanization in Pakistan: A Governance Perspective. In: Journal of Research Society of Pakistan. Vol. 54, No 1, Jan.-June 2017. Reprint, p. 132–135.
40. Hasan A. Karachi's changing demography and its planning-related repercussions.
41. См: Хайцева М.В. Пакистан в XXI веке: семья, община, государство // Азия и Африка сегодня. № 10, 2017, с. 37–43.

Н. А. Замараева*

ПАКИСТАНО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (2016–2017 ГГ.)

Резюме. Отношения Пакистана и Афганистана в 2016–2017 гг. пережили очередной виток напряженности. Контакты сокращались, начиная с 2016 г., как на двустороннем уровне, так и в рамках международных форумов. Участились взаимные обвинения в несоблюдении прежде согласованных договоренностей по охране границы, наличии мест укрытий боевиков по обе ее стороны, по вопросу возвращения на родину трех миллионов афганских беженцев, Афгано-пакистанскому торговому и транзитному соглашению (АПТТС) и т. д. Вывод основной части коалиционных войск США и НАТО в декабре 2014 г. из страны сопровождался передачей контроля за безопасностью национальным силам безопасности Афганистана. Активизация боевиков различных террористических организаций, а также сужение социально-политической опоры президента Ашрафа Гани, стали одними из основных причин сужения контролируемой правительством национального единства (ПНЕ) части территории уже к началу 2016 г. и «захвата» афганскими талибами более 40% территории страны. Ситуацию усугубило активные действия на территории Афганистана террористической организации Исламское государство (ИГ).

Ключевые слова: Афганистан, Пакистан, Движение Талибан, президент Ашраф Гани, мирное урегулирование.

Pakistani-Afghan relations in regional transformation (2016–2017)

Summary Relations between Pakistan and Afghanistan in 2016–2017. came through another round of tension. Contacts have been declining since 2016, at the bilateral and international levels. Mutual accusations of non-compliance with previously agreed border security agreements, the returning of more than three million Afghan refugees to their homeland, the Afghan-Pakistani trade and transit agreement (APTA), etc. have become more frequent. The withdrawal of the majority of US and NATO coalition forces in December 2014 from the country was accompanied by the transfer of security controls

* Замараева Наталья Алексеевна – старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

to the national security forces of Afghanistan. The rising of the militants activity as well as the limiting of the social and political support of Afghanistan president Ashraf Ghani, have become one of the main reasons for the control up to 40% of the territory by the Afghan Taliban at the beginning of 2016. The situation was aggravated by the active operations in Afghanistan of the terrorist Islamic State organization.

Key words: Afghanistan, Pakistan, Taliban, The president Ashraf Ghani, peaceful negotiation.

Одним из вызовов правительству национального единства (ПНЕ) в Кабуле в 2016–2018 гг. стало сужение социальной базы его сторонников. Выдвигая свою кандидатуру на пост президента Афганистана в период избирательной кампании 2014 г., А. Гани объединил в свою поддержку широкую коалицию местных политических структур, представленных основными этносами страны – пуштунами, таджиками, хазарейцами, узбеками. Однако, придя к власти, он постепенно отдалял политических партнеров (Абдул Рашид Дустум, Ахмад Зия Мамуд, Ата Мухаммад Ахмад, Ата Мухаммад Нур). Таким образом, заявленная в сентябре 2014 г. национальная политическая коалиция, уже к 2017 г. распалась. Все попытки создать дееспособное афганское правительство потерпели крах. Военная и финансовая зависимость Кабула от Вашингтона в 2014–2017 гг. сделала правительство национального единства послушным политике США, что, соответственно, ограничило его самостоятельные шаги, как в Афганистане, так и регионе.

Объявленная в августе 2017 г. «Новая стратегия США в Афганистане и Южной Азии» сыграла значимую роль в пакистано-афганских отношениях. Многие в Исламабаде отмечали, что ключом к нормализации отношений и с Индией и Афганистаном было заявлено урегулирование проблем с Вашингтоном. Вашингтон, в свою очередь, требовал от Исламабада «делать больше», т.е. уничтожить всех боевиков на своей территории.

Пакистан оставался составной частью южно-азиатской стратегии президента США Д. Трампа, который поставил американским военнослужащим в Афганистане принципиально новую цель – уничтожить террористов на территории Пакистана.

Одновременно США ужесточили санкции по отношению к запрещенным организациям с тем, чтобы лишить их возможности экспортировать террор. По данным США в Афганистане и Пакистане на тот период действовали 20 террористических организаций, включенных в черный список ООН.

Оценив ситуацию, Пакистан в 2016–2017 гг. выстраивал двусторонние отношения с Афганистаном по формуле Пакистан – США/Афганистан.

* * *

В начале июня 2016 г. президент Пакистана М. Хусейн заявил, что внешняя политика Пакистана проходит через кризис: отношения с США идут по нисходящей спирали, диалог с Индией едва поддерживается, усилия по укреплению мирного диалога в Афганистане зашли в тупик, в то же время борьба за удержание баланса в отношениях со странами Персидского залива продолжается.

Кризис Пакистана в отношениях со странами по периметру границ длился несколько лет. Например, в марте 2018 г. одна из национальных газет Пакистана, оценивая внешнюю политику страны 23 марта 2018 г. – День Пакистана писала о наличии проблем с США, конфликте с Индией, недопонимании с Ираном и напряженности с Афганистаном. Несмотря на позитивные контакты в недавнем прошлом, Кабул оставался «большой проблемой», в основе которой лежал дефицит доверия¹. Все эти события происходили на фоне жесткого внутривластного кризиса в Пакистане в 2017–2018 гг. и одновременно усиления роли генералитета в афганском векторе внешней политики страны.

В первые месяцы после избрания А. Гани президентом Афганистана в сентябре 2014 г. сформированное им правительство Национального единства пошло на сближение с Исламабадом по ряду вопросов, включая торгово-экономические, социальные, военные. Исламабад оказывал Кабулу умеренную экономическую

помощь. Отмечалось согласие столиц в переговорном процессе с афганскими талибами.

Несмотря на различия в позициях группировок талибов в вопросе переговоров с ПНЕ, их лидеры его критиковали его за антинациональную внешнюю и внутреннюю политику и выступили единым фронтом против присутствия иностранных войск на территории страны.

В июне-июле 2015 г. провал переговоров властей Афганистана с представителями оппозиционного Движения Талибан Афганистана (ДТА) при посредничестве Пакистана привел к резкому охлаждению двусторонних отношений. Фальц-старт переговоров, во-первых, надолго отбросил назад усилия властей Кабула и международных посредников; во-вторых, углубил разногласия между группировками афганских талибов.

В дальнейшем несколько региональных и внерегиональных акторов были задействованы в сложном процессе возобновления внутриафганских переговоров.. Первый блок – Афганистан, Китай, Пакистан, США; второй – страны Ближнего Востока и Пакистан; третий – афганские боевики, представлявшие широкий спектр позиций – от непримиримости сотрудничества с властями Кабула до выдвижения кандидатов на переговоры с ними. Каждая из них презентовала себя в качестве единственно полномочного представителя и последователя муллы Мухаммада Омара, эмира Исламского эмирата Афганистан (ИЭА, 1996–2001 гг.). Позднее к переговорному процессу присоединилась Россия.

Первый блок был представлен странами, объединенными в Четырехстороннюю координационную группу. В результате серии переговоров на международной конференции «Сердце Азии» в конце 2015 г. стороны вновь согласились выступить посредниками в переговорах между афганскими талибами и властями Кабула. Исламабад предоставил площадку для сессии ЧКГ. Каждая из сторон, преследуя свои цели, делала ставку на конкретного лидера афганских боевиков. Преодолев разногласия, 6 февраля 2016 г. стороны выработали единую Дорожную карту. Но очередная сессия ЧКГ в Исламабаде в 2016 г. была сорвана в силу ряда причин.

Еще в преддверии работы сессии ЧКГ генерал Р. Шариф в начале февраля 2016 г. совершил поездку в Доху. Впервые группировка ИЭА открыла офис в Катаре в 2013 г. Белый флаг ИЭА, поднятый над зданием резиденции, был резко раскритикован президентом Афганистана Х. Карзаем и США. Офис закрыли в том же 2013 г., что перечеркнуло прежние договоренности мирных переговоров. Тогдашний президент Афганистана резко критиковал генералитет Пакистана за вмешательство. Лидеры ДТ в 2016 г. настаивали, чтобы группировка ИЭА имела полномочия на ведение переговоров, и визиту генерала Р. Шарифа придавалось большое значение. В 2015–2016 гг. во время его пребывания в Кабуле он участвовал в консультациях с афганскими лидерами по мирному урегулированию с талибами.

В январе 2016 г. Катарский офис талибов вновь выдвинул ряд требований ЧКГ в качестве предварительных условий для присоединения к переговорам. Они включали: освобождение заключенных боевиков, отмену резолюции ООН о замораживании активов и ограничении передвижения лидеров ДТА², вывод всех иностранных войск с территории Афганистана и возврат к теократической системе управления государством (1996–2001 гг.), которую талибы называли независимой исламской системой. Группировка боевиков ИЭА подтвердила стремление к гражданской активности, свободе слова и уважению прав женщин в рамках исламских традиций, защите национальных интересов, исторических культурных традиций и ценностей, а также не использовать афганскую землю в террористических целях против других государств.

Ни Вашингтон, ни Исламабад, ни Кабул если не соглашались с существованием катарского офиса, но и не игнорировали его. ЧКГ столкнулась с вызовом параллельных переговоров. 23 января 2016 г., в Дохе Пагуошское движением учёных (ПДУ) организовало встречу с группировкой афганских талибов, которые также заявили о легитимности полномочий вести диалог. Аналогичные переговоры ПДУ организовало еще в 2015 г. Исламабад выступил категорически против. Пакистанские СМИ

писали, что ПДУ проектировали США с целью дезевуалировать группировку ИЭА, поддерживаемую Пакистаном.

Отсутствовало единство и среди членов правящей коалиции в Кабуле. Ранней весной 2016 г. ПНЕ предприняло попытку провести переговоры с представителями вооруженной афганской оппозиции. В феврале 2016 г. Главный исполнительный директор Афганстана А. Абдулла возлагал надежды на отдельные фракции боевиков внутри Движения Талибан, которые, по его мнению, демонстрировали готовность сложить оружие. Но и она была сорвана.

Во внутриафганском переговорном процессе Исламабад делал ставку на муллу Мансура, одного из влиятельных в те годы лидеров афганских боевиков. СМИ писали, что эта фигура была выбрана военным истеблишментом Пакистана не случайно. Многие группировки боевиков, бежавшие из Пакистана в результате войсковой операции «Удар меча» (июль 2014 г. – 2016 г.), встали под его знамена. Но они не только укрепили ряды Движения, но и оказывали влияние на руководство. Шура (Совет) избрала его лидером ДТА после официального объявления в июле 2015 г. о смерти муллы М. Омара. В прежние годы он был его близким соратником. Генералитет Пакистана рассматривал его, как основную фигуру из вооруженной оппозиции для участия во внутриафганском диалоге и в его лице косвенно получил возможность оказывать *влияние на внутривнутриполитические события в соседней стране*. Позиция муллы Мансура, который отрицал переговоры с властями Кабула в условиях пребывания на территории страны иностранных войск, была близка Исламабаду³.

В мае 2016 г. в результате авиаудара американского дрона мулла Мансур был убит на территории пакистанской провинции Белуджистан. США устранили его как основное препятствие на пути к примирению. МИД Пакистана расценил авиаудар США по своей территории как очередное нарушение суверенитета и территориальной целостности страны. В условиях резких взаимных обвинений проведение пакистано-афганских переговоров по вопросам борьбы с терроризмом, совместного мониторинга границы и установления стабильности в регионе

представлялись бесперспективными. Исламабад на время приостановил активные уговоры афганских талибов к диалогу.

Президент А. Гани возложил вину в 2016 г. на Исламабад за провал переговоров. Одновременно он выдвинул требования для восстановления доверительных отношений: предпринять действенные меры против террористических групп, укрывавшихся в Пакистане; продолжить диалог и убедить афганских талибов сесть за стол переговоров; не проводить различия между «хорошими» талибами (согласие участвовать в переговорах) и «плохими» талибами (отказ от переговоров) и выслать из страны боевиков, отказавшихся от них.

Провал усилий международных посредников убедил президента А. Гани изменить тактику поиска мира в Афганистане, подтолкнул к самостоятельному поиску альтернативной кандидатуры для диалога из числа оппозиционной вооруженной оппозиции. Такой кандидатурой стал Г. Хекматъяр, пуштун родом из племени гильзаев⁴. Он и возглавляемая им группировка Хизб-и-Ислами согласилась с требованием лидера Афганистана признать конституцию страны и отказаться от вооруженной борьбы. В то время ему было немногим более 60 лет, он ветеран нескольких афганских войн.

Оппозиционное сопротивление правящей семье в Афганистане зародилось еще весной 1978 г. в формате Движения мусульманской молодежи (ДММ) после Апрельской революции, в результате которой был свергнут король. Одну из группировок ДММ возглавил Г. Хекматъяр. Ввод советских войск в конце декабря того же года мобилизовал группировки молодежи, направив их борьбу против иностранных войск. В те годы группировку «Хезб-и-Ислами» называли «...лидером эпохи сопротивления против Советов». Ее обвиняли в убийствах, многочисленных нарушениях прав человека во время гражданской войны в 1992–1996 гг. В те годы он короткое время занимал пост премьер-министра Исламского Государства Афганистан. Тем интереснее факт, что власти Афганистана именно с Г. Хекматъяром пошли на сделку.

18 мая 2016 г. представители Высшего совета мира Афганистана (ВСМА) и Г. Хекматияр подписали проект Соглашения о перемирии. ВСМА – уполномоченный орган правительства Афганистана, отвечавший за ведение переговоров с целью положить конец почти 40 лет войне в стране. Кабул выразил скромный оптимизм, что документ может привести к заключению полноценного мирного соглашения с одним из самых известных полевых командиров.

МИД Пакистана приветствовал мирное соглашение между правительством Исламской Республики Афганистан и организацией ХиИ, подчеркивая важность политического урегулирования внутриафганского и руководимого афганцами мирного процесса, подчеркивая, что оно могло стать примером для других афганских повстанческих группировок в вопросе присоединения к переговорному процессу. Первые контакты с Г. Хекматияром состоялись еще в июле 2014 г, т. е. за шесть месяцев до начала вывода коалиционных войск США/НАТО из Афганистана. Но были приостановлены после заявления президента США Б. Обамы о решении оставить в Афганистане 10000 американских военнослужащих до конца 2016 г. Лидер ХиИ ответил на слова главы Белого дома резонансным терактом, но вскоре он изменил отношение.

25 пунктов Соглашения охватывали широкий круг вопросов. Полевым командирам предоставлялась амнистия за совершенные в прошлом военные преступления; гарантировалось освобождение всех заключенных в течение трех месяцев (на тот момент около двух тысяч членов «Хезб-и-Ислами» содержались в тюрьмах страны).

Г. Хекматияру предоставлялась возможность вернуться в политический мейнстрим страны. Власти признали его группировку в качестве добросовестной политической партии с правом участия в выборах на всех уровнях. Афганское правительство обеспечило его жильем и гарантировало безопасность. Афганские СМИ писали, что президент А. Гани был готов «уступить землю» или передать под его контроль ряд районов в обмен на мир со стороны Хи И. Долгое время оставались спорными

несколько вопросов Соглашения. Например, Г. Хекматъяр первоначально отказывался от признания положений Конституции Исламской Республики Афганистан, например, предоставление равных прав мужчинам и женщинам. В то же время документ обязывал афганское правительство ходатайствовать перед ООН об исключении имени Г. Хекматъяра из «черного списка» террористов, в котором числилась с 2003 г.

Многие в Афганистане и за его пределами не рассматривали Соглашение как эффективный инструмент достижения стабильности в стране, а лидера ХиИ как фигуру, имевшую реальное влияние в Афганистане. В этой сделке для А. Гани важно было продемонстрировать минимальный, но прогресс в переговорном процессе с вооруженной оппозицией, полагая, что Соглашение при поддержке США имело шанс стать прообразом потенциальных сделок с группировками Движения Талибан.

Администрация США, недовольная срывом переговоров ЧКГ, малоэффективным включением в политический мейнстрим бывшего моджахеда Г. Хекматъяра, со своей стороны выдвинула кандидатуру М. Кайюма, лидера военного крыла ДТ, для переговоров с властями. Но дальнейшие события показали, что его потенциал был незначительным для объединения антиправительственных сил Афганистана.

Отсутствие прогресса в диалоге с талибами, рост числа совершенных ими террористических актов, захват и контроль территорий (столица провинции Кундуз и районы провинции Гильменд удерживались талибами с 2014 г.), серия военных провалов афганской национальной армии, потери и дезертирство убедили администрацию США в 2016 г. признать результаты афганских сил безопасности в борьбе против боевиков как «неравномерные». В связи с этим Белый дом корректировал стратегию борьбы с терроризмом в Афганистане после 2014 г. в рамках Миссии решительной поддержки (МРП). Новым ее командующим был назначен генерал Дж. Николсон.

В июне 2016 г. президент Б. Обама объявил, во-первых, об отказе от ранее запланированного сокращения численности

американских войск с 9800 в 2016 г. до 5500 к началу 2017 г.⁵ в Афганистане и расширении их полномочий. Согласно новым правилам разрешалось наносить авиаудары по местам локализации вооруженных боевиков. Несмотря на то, что новые правила исключали участие американских войск в боестолкновениях с вооруженной оппозицией, в то же время по усмотрению командования США разрешалось сопровождать афганские силы национальной безопасности, чтобы предотвратить провал военных операций. Считалось, что расширение полномочий вооруженных сил США в Афганистане повышало эффективность афганских сил национальной безопасности. Миссия «Решительная поддержка» означала новый этап афганского вектора внешней политики США.

Власти Афганистана в июне 2016 г. приветствовали Миссию решительной поддержки Вашингтона. ДТА, наоборот, осудило решение США, заявив, что оно только углубит межафганский конфликт. В ответ талибы не только не отказались от вооруженного сопротивления иностранным войскам, но концентрировали свои усилия и укрепляли контакты между ДТА и «Аль-Каидой». Ее лидер Айман аз-Завахири присягнул на верность новому главе ДТА мулле Х. Ахундзаде в мае 2016 г. «...во имя объединения мусульман в поддержки Исламского эмирата» после гибели мoulлы Мансура. Это свидетельствовало о планах вновь перебросить часть боевиков в Афганистан из других районов мира. В первый раз Айман аз-Завахири дал клятву в августе 2015 г. мулле Мансуру, в июле 2015 г. многочисленный отряд террористической организации ИГ вторгся в Афганистан Регион Аф-Пака вновь стал ареной вооруженной борьбы международных сил.

Власти США и Афганистана продолжали обвинять Пакистан в предоставлении мест укрытий для боевиков (сеть Хаккани), оказании им медицинских услуг в местных больницах, открытом проведении встреч в Исламабаде, что, по их мнению, вызывало сложности при выстраивании отношений с соседним государством. В подтверждение своих слов президент А. Гани заявлял, что «может предоставить адреса лидеров афганских талибов, проживавших в Кветте».

Миссия «Решительная поддержка» означала новый этап афганского вектора внешней политики США с 2015 г. Вашингтон требовал от Исламабада сделать больше в борьбе против боевиков. Не видя действенных результатов Пентагон, а затем и Конгресс США впервые отказали Пакистану в финансовой помощи в сумме 300 млн долл в августе 2016 г., а также софинансировать покупку Исламабадом восьми истребителей F-16.

Менялась и позиция Пакистана, в первую очередь генералитета. Войсковые операции федеральной армии Пакистана ставили цель в 2014–2015 гг. выдворить иностранных боевиков из агентств зоны пуштунских племен а границе с Афганистаном. В результате инфраструктура боевиков в Северном Вазиристане была разрушена. Боевики, бежав из Пакистана, перенесли свои базы на территорию афганских провинций Нангархар, Кунар и Нуристан. Беспрепятственное трансграничное передвижение людей и нелегальных товаров по горной труднодоступной местности было благом для контрабандистов и торговцев наркотиками, а боевики находили там безопасные убежища⁶. Г Группировка Хаккани (афганские пуштуны) с сентября 2001 г. вела вооруженную борьбу против иностранных войск в Афганистане. Активность ее усилилась в 2015–2016 гг. на фоне сокращения численности военнослужащих США/НАТО. Проведя очередной теракт, они возвращались на свои базы. Сеть Хаккани координировала действия с ДТ Афганистана.

ДТ Пакистана, перейдя в Афганистан и базируясь близ Кабула, продолжало подрывные действия на территории Пакистана. Основной ее целью были военные объекты, персонал правоохранительных органов и органов безопасности, представителей политических партий, старейшин племен и членов антиталибских племенных ополчений. В декабре 2014 г. они совершили теракт в общеобразовательной школе для членов семей военнослужащих в Пешаваре, в январе 2016 г. – в университете в Чарсадде Генерал Р. Шариф, начальник штаба сухопутных войск Пакистана с официальным визитом посетил Кабул еще в декабре 2014 г. с обращением к властям Афганистана выдать муллу Фазлуллу (новый

лидер ДТП выбран Шурой после гибели муллы Мансура), но под благовидным предлогом ему было отказано. Исламабад в ответ на обвинения Вашингтона и Кабула о поддержке ДТП, сети Хаккани и других группировок боевиков в Афганистане заявлял, что не вправе вести «афганскую войну на своей территории». Войска НАТО и Международных сил содействия безопасности (МССБ) участвовали в антитеррористической кампании в Афганистане в течение 13 лет (2001–2014 гг.), но так и не смогли принести мир. С другой стороны, накопленный боевиками опыт вооруженной борьбы и их потенциал был значительным, и в случае если талибы не захватят территорию Афганистана, то могли продолжать военные действия долгое время.

Все годы антитеррористической кампании генералитет Пакистана утверждал, что американские и афганские власти имели «неправильное представление», так как он не поддерживал группировки талибов или сеть Хаккани. Но это была двойная игра. В феврале 2016 г. советник премьер-министра по внешней политике С. Азиз признал, что Пакистан предоставлял убежище лидерам афганских талибов (проживали с семьями), и Исламабад имел влияние и рычаги воздействия на них, чтобы убедить присоединиться к внутриафганскому переговорному процессу.

Провал переговоров Кабула с лидерами ДТ Афганистана в 2015 г. и серия войсковых операций в агентствах ТПФУ против боевиков убедили Исламабад пересмотреть афганский вектор внешней политики. Тема внутриафганских переговоров для Исламабада перестала быть приоритетной. Двусторонние контакты стали редкими.

Военно-гражданские власти в январе 2016 г. взяли курс на укрепление пограничной линии, заявили о скорейшем возвращении афганских беженцев, оказании опосредованной поддержки в переговорах с вооруженной оппозицией.

Эффективное управление границами Пакистан рассматривал как часть стратегии борьбы с терроризмом. Усиление режима безопасности при пересечении границы гражданами Афганистана и Пакистана было важно для блокировки нелегального перехода Линии Дюранда (ЛД), проверки инфильтратов на протяжении

всей 2560 км «пористой» ЛД, где насчитывалось более 200 малоллюдных маршрутов. Часто они использовались для незаконной транспортировки оружия, наркотиков, а также киднепинга. Около 24000 человек из Афганистана ежедневно пересекали границу на погранпереходе в агентстве Хайбер, и большинство из них не имели документов, удостоверявших личность. Афганистан и Пакистан возлагали ответственность друг на друга за нарушение Соглашения по управлению границами, выдвигали взаимные требования предоставить гарантии безопасности границ, и одновременно заявляли о взаимной заинтересованности в совершенствовании механизмов контроля.

Различия сторон в трактовке вопроса пограничного контроля – свидетельство разных подходов в официальной политике ЛД и, соответственно, режиму безопасности. Афганские власти традиционно оспаривают демаркацию, установленную в 1896 г. под британским правлением, и в XXI в. не признают ЛД в качестве государственной границы между двумя государствами. Власти Пакистана всегда отвергали это возражение, признавая ее как международную границу, унаследованную страной после обретения независимости в 1947 г.

Одновременно Исламабад выражал озабоченность в связи с ростом числа боевиков ИГИЛ и других террористических группировок (ДТП и Джамаатул Ахрар) на территории соседней страны. Он потребовал от властей Афганистана, США и их союзников закрыть границы для лидеров группировок, осуществлявших теракты против гражданского населения и военнослужащих страны.

Усиление пограничного контроля на пакистано-афганской границе – часть политики повышения мер безопасности. Согласно Программе управления границами Пограничный корпус (ПК) с 2015 г. ставил ограждения в наиболее уязвимых местах ЛД, укрепил действовавшие контрольно-пропускные пункты и монтировал дополнительные наблюдательные вышки. Впервые был введен визовый режим, что вызвало крайне отрицательную реакцию местного афганского населения. Это имело определенный эффект, но незначительный.

Усиление пограничного контроля также было продиктовано необходимостью поддержания режима безопасности во внутренних районах и целями социально-экономического развития страны. Власти Пакистана планировали проведение реформ в семи пограничных агентствах и шести приграничных регионах ТПФУ для последующего вхождения их в состав провинции Хайбер-Пахтунхва; предоставление гарантий безопасности в период строительства Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК). Частично его трек пролегал по районам ТПФУ. Однако Кабул резко критиковал установку работ по ограждению вдоль линии границы. Мероприятия по усилению безопасности на пакистанской стороне ЛД он воспринял, как очередную попытку Исламабада оказать на него давление.

Афганские беженцы в Пакистане⁷. Беженцы, по мнению властей Исламабада, представляли один из источников напряженности в пакистано-афганских отношениях. Их численность в 2016 г. достигла по неофициальным данным пяти млн человек. Помимо дополнительного финансового бремени на экономику страны, криминогенная обстановка в лагерях их содержания подрывала режим внутренней безопасности страны. Многие из них пересекли границу с Афганистаном и присоединялись к террористическим организациям, другие – прятались в лагерях для беженцев в провинции Белуджистан. Это подтверждал тогдашний советник премьер-министра Пакистана по международным делам С. Азиз, подчеркивая, что подобное положение стало возможным после уничтожения инфраструктуры боевиков на Территории племен федерального управления.

В течение нескольких десятилетий власти Пакистана вынуждены были мириться с легальными и нелегальными афганскими переселенцами. Начиная с конца 1979 г. отмечено две волны миграции афганцев на территорию Пакистана. Первая – в 1980-е годы – после вторжения ограниченного контингента советских войск в Афганистан, и вторая – вслед за событиями 11 сентября 2001 г. Потоки беженцев «растворялись» в зоне пуштунских

племен, неся с собой наркотики, оружие, теракты и, главное, нестабильность. Их пребывание под контроль взяли военные.

Власти Кабула несколько раз в 2015–2017 гг. обращались в Министерство государственных и приграничных регионов Пакистана с просьбой продлить мандат пребывания афганских граждан до декабря 2018 г. Например, в январе 2016 г., идя навстречу афганской стороне, премьер-министр Пакистана Н. Шариф применил свои дискреционные полномочия, продлив на шесть месяцев пребывание временно зарегистрированных афганских беженцев, чьи сроки истекли еще в декабре 2015 г. 1,5 млн беженцам, имевших Свидетельства о регистрации разрешилось оставаться в стране только до 30 июня 2016 г. Срок действия Соглашения между правительствами Пакистана, Афганистана и ООН в отношении афганских беженцев истекал 30 июня 2016 г. И вновь Исламабад продлил срок его действия. Вашингтон неизменно поддерживал позицию Афганистана. Вопрос об их возвращении неоднократно обсуждался на региональных конференциях, например «Сердце Азии» Международное сообщество соглашалось оказать поддержку их достойному переселению на родину, но предоставляемые средства были скудными. Агентство по делам беженцев ООН выделило 328 млн долл. в 2015–2016 гг. на программу возвращения афганских беженцев. Сокращение международной финансовой помощи в 2016 г. и криминальная обстановка в лагерях убедили федеральные власти Пакистана вновь поставить вопрос перед правительством Афганистана. Пребывание миллионов беженцев ограничивало действия генералитета в период проведения войсковых операций и одновременно тормозило процесс политических и социально-экономических реформ в ТПФУ.

Кабул опасался возвращения своих же беженцев, понимая, что они несли с собой дополнительный источник социальной напряженности. Новое поколение молодых афганцев, никогда не проживавших на этнической родине, было выброшено из истории страны на долгих тридцать пять лет. Их социальная адаптация в современном афганском обществе была проблематичной⁸.

Одновременно с обострением вопроса об афганских беженцах в 2016–2017 гг. участились столкновения пограничных войск Афганистана и Пакистана. Жертвы несли обе стороны. Пограничный корпус Пакистана приступил к укреплению разделительной полосы на ЛД (установка забора на различных участках границы и новых форпостов). 1 июня 2016 г. пограничные власти запретили свободное безвизовое передвижение афганцев через погранпереход Торхам. Ранее, 1 апреля 2016 г. согласно пакистано-афганским договоренностям Исламабад ввел ограничения на пересечение границы без документов. Одновременно афганцам, имевшим карты беженцев, пациентам, проходящим курс лечение в больницах Пешавара, женщинам и детям было разрешено пересекать границу беспрепятственно.

Регулярное приграничное передвижение гражданского населения также было остановлено в виду отсутствия у них официальных документов, тысячи торговцев со скоропортящимся экспортным товаром оказались в западне; сотни транспортных средств несколько дней на жаре ожидали процедуры таможенной очистки. Со стороны Пакистана в пограничный район были стянуты дополнительные войска⁹.

Инициированное обеими столицами в сентябре 2014 г. расширение сотрудничества, включая военное, уже к концу 2016 г. сворачивается. Это коснулось и двусторонней торговли, объемы которой падали. В 2010–11 гг. экспорт Пакистана в Афганистан достиг рекордного уровня в 2,4 млрд долл. В последующие два года (2011–2012 и 2012–2013 гг.) оставался на уровне 2 млрд долл. В 2015–2016 финансовом году пакистанский экспорт сократился до 1,43 млрд долл. В первом квартале 2017–2018 финансового года экспортные показатели были зафиксированы на уровне 362,5 млн долл. Пакистанские власти заявляли, что в результате закрытия границы в течение месяца в начале 2017 г. также был нанесен значительный ущерб пакистанскому экспорту в Афганистан. Несмотря на падение объемов торговли, в 2016–2017 гг. Исламабад оставался крупнейшим торговым партнером Кабула.

СМИ называли несколько основных причин сложившейся ситуации: ужесточение пакистанской стороной правил

пограничного контроля и транзита грузов, противоречия Кабула и Исламабада по ряду вопросов управления пакистано-афганской границей. Однако, несмотря на охлаждение, гражданские и военные власти Исламабада по-прежнему считали отношения с Афганистаном одними из ключевых для внутренней безопасности и внешней политики. Они настаивали, чтобы каналы коммуникации с Кабулом оставались открытыми на всех уровнях. Напряженность в пакистано-афганских отношениях нарастала на фоне, во-первых, общего дистанцирования сторон на региональном и международном уровнях; во-вторых, усиления экономической конкуренции Китая и Индии за влияние в регионе; в-третьих, дальнейшего укрепления американо-афганского и американо-индийского сотрудничества.

В рассматриваемый период Афганистан активизировал политические и торгово-экономические отношения с Индией, Ираном и государствами Центральной Азии, возлагая надежды на альтернативные рынки.

Нью-Дели сделал символический подарок Кабулу – еще в декабре 2015 г. финансировал строительство нового здания парламента. Индия продолжила благотворительность: весной 2016 г. при финансовой поддержке того же Нью-Дели в Герате ввели в эксплуатацию Дамбу Дружбы проектной стоимостью 300 млн долл. Один млрд долл. был выделен на гражданские проекты в рамках программы восстановления экономики Афганистана и оказания гуманитарной помощи; в конце августа 2016 г. премьер-министр Индии Н. Моди и президент Афганистана А. Гани открывали реконструированный Stor Palace в Кабуле. В течение последних 15 лет Нью-Дели предоставил более двух млрд долл экономической помощи Афганистану. В то же время он проявлял осторожность в вопросе поставок оружия, чтобы избежать негативной реакции Пакистана, который традиционно рассматривал Афганистан зоной своего влияния. Финансовые и инфраструктурные проекты сделали Индию одним из крупнейших доноров Афганистана. Президент А. Гани в ответ на щедрость индийской стороны в сентябре 2016 г. во время визита в Нью-Дели вновь повторил свою поддержку в индо-пакистанском Кашмирском споре.

Одновременно он сделал несколько заявлений, которые шли в разрез национальным интересам Пакистана:

- о выходе к теплым водам Ормузского пролива через иранский порт Чабахар (альтернатива пакистанскому порту Гвадар) в рамках строительства транспортного коридора Чабахар-Захедан-Зарандж (в мае 2016 г. Индия и Иран подписали Соглашение о первой фазе модернизации инфраструктуры иранского порта Чабахар – строительство двух терминалов и пяти мультимодальных причалов; на эти цели Индия тогда выделила 200 млн долл); – о расширении числа участников ЧКГ в Афганистане, пригласив Индию и Иран; – о введении дополнительных логистических барьеров для пакистанских товаров при транспортировке в республики Центральной Азии через территорию Афганистана;
- в очередной раз поднял вопрос на региональном уровне о транзите афганскими перевозчиками индийских грузов из Индии через пограничный пост Вагах на пакистано-индийской границе.

В 2010 г. Исламабад и Кабул подписали Афгано-пакистанское торговое и транзитное соглашение (АПТТС). Афганским перевозчикам разрешалось поставлять местные товары в Индию через территорию Пакистана. Одновременно тем же афганским перевозчикам запрещалось везти обратно в Афганистан индийские товары этим же маршрутом. Грузовики с товарами должны были вести их через территорию Пакистана до Карачи на побережье Индийского океана, проводить таможенную очистку и только затем подниматься вверх до погранперехода Вагах. Это вызвало озабоченность как афганских, так и индийских властей. В начале 2016 г. на региональной конференции Сердце Азии в Исламабаде министр иностранных дел Индии С. Сварадж выразила намерение своей страны присоединиться к АПТТС. Президент А. Гани поддержал ее планы.

Но Исламабаду тогда удалось не включить обсуждение этого вопроса в повестку дня сессии конференции «Сердце Азии».

Немногим позднее, в начале сентября 2016 г. президент А. Гани сделал повторное заявление о возможном блокировании пакистанских товаров, следующих на рынки Центральной Азии в случае, если Исламабад не разрешит Афганистану перевозить свои грузы через погранпереход Вагах в Индию. Начиная с 1992 г. после распада Советского Союза Исламабад планировал широкое сотрудничество с ЦА, активно вел переговоры с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном. Соседство Таджикистана с Афганистаном предоставляло кратчайший путь на рынки ЦА, и Исламабад инициировал переговоры с Душанбе о присоединении к АПТТС, чтобы сделать его трехсторонним.

В ответ на жесткую антииндийскую позицию Исламабада Нью-Дели взял курс на его изоляцию. В октябре 2016 г. премьер-министр Индии Н. Моди отказался принимать участие в 19-ом саммите СААРК, обвинив Пакистан причастности к теракту в местечке Ури в индийском секторе Линии контроля в сентябре 2016 г. Афганистан присоединился к бойкоту.

Пакистан неоднократно заявлял, что поддержание прочного мира в регионе является частью внешней политики. Он давно установил для себя правило «не быть вне игры», которого придерживался и на конференции Сердце Азии в декабре 2016 г. в Индии. Обсуждались сложные сценарии безопасности и борьба с угрозой терроризма, радикализма и экстремизма (Афганистан вновь столкнулся с ростом активности талибов, региональная торговля и устранение барьеров на ее пути, транспортное подключение Афганистана со странами Южной и Центральной Азии в целях активизации торговли).

Напряжение в отношениях между двумя соседними странами вновь усилилось весной 2017 г. Серия терактов вооруженной оппозиции стала ответом на неоднократные заявления президента США Д. Трампа о ликвидации талибов. Нападение боевиков 19 апреля 2017 г. на штаб-квартиру афганских сил безопасности в Кабуле президент А. Гани расценил как акт агрессии Пакистана. Это также дало ему повод отказаться от поддержки Исламабада в стимулировании талибов к диалогу с властями.

Американская стратегия в Афганистане и Южной Азии 2017 г. вызвала противоречивую реакцию в регионе. Первая речь Д. Трампа в качестве главнокомандующего вооруженными силами США 21 августа 2017 г. на военной базе Форт-Майер по сути **remake** событий первой декады XXI века в республиканском исполнении. Стратегия в Афганистане и Южной Азии, заявленная президентом США, включала Афганистан, Индию и Пакистан, но основной фокус был направлен на Кабул. Вашингтон продемонстрировал три принципиально разных подхода к трем соседним странам единого географического региона.

Основной посыл Д. Трампа – возвращение американских и коалиционных войск в Южную Азию, как минимум, на период его президентства – четыре/восемь лет. Но возвращение в Афганистан исключительно за победой, победой, которая нивелировала поражение США в антитеррористических кампаниях в Ираке и Сирии. И ради этого Белый дом был готов задействовать все военные, дипломатические и экономические инструменты американской власти. Но, заявляя, что Афганистан является квинт-эссенцией внешней политики США, президент Д. Трамп изменил подход к Афганистану, который стал для США инструментом или предложением, чтобы втиснуться в восточный регион мировых держав XXI века – Индии, Китая, России. Их курс на сближение в рамках международных организаций – ШОС, БРИКС, а также экономический рост и укрепление обороноспособности каждой из них, вызывал все большую озабоченность Вашингтона.

Вызовом для Белого дома стала и китайская инициатива «Один пояс один путь», в частности, ее первый зарубежный инфраструктурный проект Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК). Его реализация к 2021 г. предоставляла Пекину выход в Ормузский пролив и далее на рынки стран Персидского залива, Африки и Европы. Но главное – контроль Пекина за движением танкеров с сырой нефтью из ближневосточных стран для Вашингтона.

В основу стратегии США 2017 г. были заложены три фундаментальных постулата: во-первых, борьба до победы, соответственно, во-вторых, войска остаются на неопределенный срок,

и, в-третьих, борьба с терроризмом не ограничивается Афганистаном, а выходит на региональный уровень.

В Афганистане администрация США ставила краткосрочную цель: ликвидация таких террористических организаций, как ИГ и «Аль-Каида», не допустить захват талибами власти в Кабуле и превентивные действия по предотвращению массовых терактов против США. Для достижения поставленной задачи США усиливали военную поддержку афганскому правительству и национальным ВС на местах в борьбе с талибами. В центре новой программы – дополнительное оснащение (поставки новых видов вооружений, включая вертолеты американского производства), подготовка и консультирование Национальных сил безопасности Афганистана и т. д.

С целью ведения эффективной полномасштабной борьбы главнокомандующий США Д. Трамп предоставил американским войскам широкие полномочия для принятия ими самостоятельных решений на местах в режиме реального времени. Помимо этого он подписал приказы о дополнительном финансировании и увеличении до 10 тыс. численности американских военнослужащих в этой стране.

Новая администрация США ставила цель принудить талибов к переговорному процессу войсковыми операциями американских/коалиционных войск вместо урегулирования внутриафганских проблем. Строителем прочного мира Д. Трамп видел, помимо США, современную афганскую администрацию, исключая в перспективе присутствие талибов во властных структурах. Таким образом, он полностью перечеркнул переговорный процесс последних лет между властями Кабула и представителями вооруженной оппозиции в лице ДТА при участии международных посредников (Китай, Пакистан и США). Таким образом, Вашингтон в августе 2017 г. сделал ставку на вооруженное решение афганского конфликта, несмотря на провал антитеррористической кампании 2001–2014 гг., и исключал мирное урегулирование в опустошенной войной стране.

Д. Трамп анонсировал новую американскую стратегию в период, когда афганские талибы контролировали более 40%

территории страны. Наиболее тревожным стало установление ими контроля над северными провинциями Афганистана, которые ранее считались относительно спокойными. Присутствие ИГ лишь ухудшало ситуацию с безопасностью. США высказывали опасения, что в случае захвата власти талибами в Кабуле террористические группировки ИГ и Аль-Каида создадут свои базы и укрепят свое присутствие в Афганистане.

Принципиально новым, отличным от прежних, стало заявление Д. Трампа об отказе от попыток перековать Афганистан по своему образу и подобию, переложив проекты развития демократии и государственного строительства на местную администрацию. Одновременно президент Д. Трамп призвал Правительство национального единства провести экономические и социальные реформы и искоренить коррупцию.

Пакистан, как и при президенте Б. Обаме, оставался частью южно-азиатской стратегии Д. Трампа. Вслед за демократами администрация республиканцев считала Пакистан беспокойным союзником обвиняла Исламабад в связях с талибами и укрывательстве лидеров боевиков, а также в провале всей антитеррористической кампании США/НАТО 2001–2014 гг. в Афганистане. По данным США в Афганистане и Пакистане действовали 20 террористических организаций, запрещенных ООН. Учитывая это, президент Д. Трамп ставил цель американским военнослужащим уничтожать террористов на территории Пакистана. Одновременно США ужесточали санкции по отношению к запрещенным организациям с тем, чтобы лишить их самой возможности экспортировать террор.

Индия была названа третьей страной в новой стратегии США в Афганистане и Южной Азии. Д. Трамп характеризовал Нью-Дели стратегическим партнером США по безопасности и экономике в регионе. Особо подчеркивалась лидирующая роль Индии в стабилизации ситуации в Афганистане, что также предполагало миллиарды индийских инвестиций в экономику страны. Усиление роли восточного соседа резко противоречило национальным интересам Пакистана¹⁰.

Различия в подходах США к Афганистану, Индии и Пакистану в рамках новой Стратегии в Афганистане и Южной Азии 2017 г. обусловили, соответственно, три ответные реакции. Власти Кабула ожидали и широко приветствовали возвращение США. Нью-Дели воодушевился поддержкой Белого дома дальнейшего развития проекта стратегического партнерства. И только Исламабад подверг Стратегию США жесткой критике. На протяжении многих лет Пакистан опосредовано был включен в процесс урегулирования затянувшегося конфликта в Афганистане. В Исламабаде считали, что гражданская война в Афганистане, одну из сторон которой поддерживают США, дестабилизировала и страну, и регион.

Заявленная «обновленная» Стратегия США в Афганистане и Южной Азии ставила цель заставить Пакистан делать больше в борьбе с терроризмом. Тогдашний госсекретарь Р. Тиллерсон заявил об изменении статуса Пакистана, и США стали рассматривать Исламабад не как внеблокового стратегического союзника, а просто союзника. Планировались санкции, направленные на ограничение развития его ядерной программы с целью, избежать попадания оружия массового поражения в руки боевиков. В 2017 г. в Вашингтоне раздавались призывы объявить Пакистан «государством – спонсором террора».

Исламабад дал симметричный комплексный ответ обвинениям Вашингтона в предоставлении мест укрытий для террористов, не признав их и выдвинув ряд требований к США в отношении Афганистана, исключаяющих лидирующую роль Индии в регионе. Несмотря на это, Исламабад подтвердил, что продолжит глобальные усилия в борьбе с терроризмом, считая, что это явление представляет угрозу для всех народов мира, и не позволит использовать свою территорию в войне против какой-либо страны. Угрозу миру и безопасности он одновременно связывал с неразрешенным до сегодняшнего дня конфликтом в Джамму и Кашмире, который, по его мнению, и является основным препятствием на пути к миру и стабильности в регионе.

Пакистан следующим образом определял в 2017 г. свою позицию по Афганистану:

- отрицал исключительно военное решение кризиса в Афганистане, подчеркивая, что действия американских и Международных сил содействия безопасности в течение 2001–2014 лет не привели к миру;
- призывал к политическому урегулированию, считая, что только возглавляемый и руководимый афганцами процесс политического урегулирования вправе привести к устойчивому миру в стране;
- призывал правительство Кабула поддерживать диалог с талибами. Исламабад выразил готовность к сотрудничеству с международным сообществом в достижении общей цели содействия миру и стабильности в регионе Южной Азии. Еще весной 2017 г. он анонсировал проект урегулирования. В августе военно-гражданские власти подтвердили его, вновь подчеркнув, помимо важности ликвидации мест укрытий боевиков в Афганистане, необходимость управления границами, возвращения афганских беженцев из Пакистана и активизации мирного процесса для политического урегулирования в Афганистане, предусматривая участия талибов во властных структурах.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Another Pak Day celebrated amid diplomatic challenges // URL: <https://nation.com.pk/24-Mar-2018/another-pak-day-celebrated-amid-diplomatic-challenges> Дата обращения 24.03.2018
2. UN Security Council cancelled a resolution freezing assets and limiting travel of senior figures // URL: <http://www.dawn.com/news/1235030/taliban-set-conditions-for-joining-talks> Дата обращения 24.01.2016
3. Senior Official Admits Pakistan Housing Afghan Taliban Leaders // URL: <http://gandhara.rferl.org/a/pakistan-afghanistan-taliban-presence/27584876.html> Дата обращения 29.02.2016

4. Замараева Наталья, Афганистан: правительство подписало проект Соглашения с «Хезб-и-Ислами» // URL: <http://www.iimes.ru/?p=28405>, Дата обращения 20.05.2016
5. Замараева Наталья. Афганистан: расширение полномочий американских войск // URL: <http://www.iimes.ru/?p=28686#more-28686>, Дата обращения 13.06.2016
6. Pak, Afghan spy chiefs meeting today // URL: <http://nation.com.pk/national/04-Feb-2016/pak-afghan-spy-chiefs-meeting-today> Дата обращения 04.02.2016
7. Замараева Наталья, Пакистан и проблема афганских беженцев // URL: <http://www.iimes.ru/?p=28790#more-28790> Дата обращения 21.06.2016
8. Замараева Наталья, О пакистано-афганском пограничном кризисе // URL: <http://www.iimes.ru/?p=28769> Дата обращения 20.06.2016
9. Замараева Наталья Пакистан – Афганистан: противостояние усиливается // URL: <http://www.iimes.ru/?p=29927#more-29927> Дата обращения 16.09.2016
10. Замараева Наталья, Пакистан и американская Стратегия в Афганистане и Южной Азии 2017 г. и реакция стран региона // URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/09/10/pakistan-i-amerikanskaya-strategiya-v-afganistane-i-yuzhnoj-azii-2017-g/> Дата обращения 10.09.2017

Б.М. Волхонский *

ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С ВСТУПЛЕНИЕМ В ШОС ИНДИИ И ПАКИСТАНА

Резюме. Расширение состава ШОС летом 2017 г. за счёт принятия Индии и Пакистана в качестве полноправных членов существенно повышает авторитет и политический вес всей организации, открывая новые возможности для решения проблем региона «большой Евразии». Вместе с тем вступление двух стран таит и определённые риски, связанные со сложными (порой враждебными) отношениями между ними. В статье рассматриваются основные моменты повестки дня ШОС, которые с привлечением к их решению Индии и Пакистана получают новое звучание: афганская проблема, инфраструктурные проекты, перспективы создания банка ШОС, подходы к решению водных проблем региона.

Ключевые слова: ШОС, Индия, Пакистан, «большая Евразия», региональная интеграция, проблемы водопользования.

Prospects and challenges arising from the accession of India and Pakistan to SCO

Summary. Accession of India and Pakistan as full members of SCO in summer 2017 significantly raises the status and political authority of the organization as a whole. It opens new options for solving the problems of the «Great Eurasian» region. At the same time, the accession of the two countries to the organization is fraught with certain risks and challenges arising from the complex (at times, hostile) relationship between them. The article deals with the key elements of the SCO agenda which attain a new meaning in view of India's and Pakistan's participation: the Afghan problem, infrastructural projects, prospects of setting up an SCO Bank, approaches to the problems of water-sharing in the region.

Keywords: SCO, India, Pakistan, «Greater Eurasia», regional integration, problems of water-sharing.

* Волхонский Борис Михайлович – доцент Института стран Азии и Африки МГУ, кандидат филологических наук

Историческое значение решения астанинского саммита Шанхайской организации сотрудничества в июне 2017 г. о расширении состава организации за счёт принятия в неё Индии и Пакистана в качестве полноправных членов выходит далеко за пределы региона, охватываемого территориями стран-участниц. С вступлением в ШОС двух государств Южной Азии общая численность населения стран – членов организации достигла 45% от численности населения мира, а совокупный ВВП превысил треть от общемирового.

Одного этого факта достаточно, чтобы считать ШОС важнейшим (если не решающим) фактором глобальной геополитики, способным диктовать правила игры в меняющемся многополярном мироустройстве. С другой стороны, одновременное вступление в ШОС двух государств, имеющих серьёзные разногласия в двусторонних отношениях (порой приводящие к балансированию на грани открытого конфликта) чревато определенными рисками как для целостности самой организации, так и для безопасности всего Евразийского континента, который, согласно многочисленным прогнозам, должен стать главной ареной глобальной геополитики в XXI в.

Расширение ШОС было позитивно оценено как в новых странах-членах, так и на международной арене. Пакистанские СМИ назвали день присоединения страны к организации «историческим днём»¹. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутереш поздравил Пакистан с обретением статуса постоянного члена ШОС. Председатель КНР Си Цзиньпин внёс предложение о заключении договора о добрососедстве между странами – членами организации сроком на пять лет².

В то же время многие наблюдатели отметили, что одновременное вступление в ШОС двух этих стран само по себе не гарантирует того, что разногласия между ними будут урегулированы автоматически. Последующий ход событий показал, что у подобной озабоченности были веские основания: членство двух государств в рамках одной организации само по себе не означает разрешения двусторонних споров. Китайско-индийское пограничное противостояние из-за территориальных споров между Китаем

и Бутаном в районе плато Доклам (по-китайски Дунлан) летом 2017 г. поставило две страны на грань открытого вооружённого конфликта. И хотя после двух месяцев обмена воинственными заявлениями с обеих сторон конфликт в конце концов был разрешён мирным путём, эксперты не исключают повторения подобных ситуаций в будущем³.

Когда же речь заходит о насчитывающей несколько десятилетий напряжённости между двумя главными соперниками в Южной Азии – Индией и Пакистаном (не будем при этом забывать, что обе страны обладают ядерным оружием), то ситуация представляется ещё более сложной. С одной стороны, сотрудничество и кооперация в рамках одной организации открывает новые возможности для смягчения напряжённости. С другой – сама эта напряжённость способна стать фактором, осложняющим не только двусторонние отношения, но и ситуацию во всём регионе Евразии. Другие страны – члены ШОС могут быть вынуждены так или иначе реагировать на обострение отношений между Индией и Пакистаном, а это может ещё больше усложнить ситуацию.

В рамках одной статьи невозможно осветить все вызовы, с которыми столкнулась ШОС после расширения. Будут рассмотрены лишь некоторые, но, как представляется, наиболее критичные из тех, которые в результате присоединения Индии и Пакистана к организации получают новое звучание.

1. Двусторонние индийско-пакистанские отношения

Один из главных рисков, связанных с одновременным вступлением в ШОС Индии и Пакистана, заключается в возможности переноса существующих проблем в двусторонних отношениях между этими странами в повестку дня организации. В первые месяцы деятельности в Индии правительства Нарендры Моди, время от времени появлялись признаки «оттепели» в индийско-пакистанских отношениях (приглашение тогдашнему премьеру Пакистана Навазу Шарифу принять участие в церемонии инаугурации Нарендры Моди в мае 2014 г., присутствие Н. Моди

на свадьбе внуки Н. Шарифа в декабре 2015 г. – лишь некоторые примеры такой «оттепели»). Однако в целом ситуация по-прежнему остаётся весьма напряжённой и периодически балансирует на грани открытого вооружённого конфликта.

Пока и Индия, и Пакистан воздерживаются от шагов, которые способствовали бы подрыву единства ШОС, а «старые» члены организации предостерегают обе страны от попыток вынесения двусторонних проблем на рассмотрение организации. Китайские эксперты выразили озабоченность такой возможностью и предупредили Индию и Пакистан, что они не должны превращать ШОС в арену двустороннего противостояния, поскольку это может затормозить сотрудничество, осуществляемое в рамках организации.⁴ Однако это не исключает возможности подобного негативного развития событий в будущем.

Корнем разногласий между Индией и Пакистаном остаётся кашмирская проблема. При этом Пакистан стремится всячески интернационализировать её, поднимая вопрос о Кашмире на различных международных форумах, Индия настаивает на том, что проблема носит исключительно двусторонний характер и должна решаться без привлечения сторонних сил. Сегодня, как и 70 лет назад, кашмирская проблема далека от решения, но можно сослаться на исторические прецеденты из других регионов мира, показывающие возможный подход к решению территориальных диспутов.

Один из «классических» примеров решения территориального спора – это история Эльзаса, который на протяжении веков был «яблоком раздора» между Францией и Германией, становясь одной из главных причин войн между этими европейскими державами (включая Первую мировую войну и – косвенно – Вторую мировую). Сегодня, когда вся Западная Европа объединилась в рамках единого надгосударственного образования – Европейского Союза, столица Эльзаса Страсбург стала одним из центров объединённой Европы, а территориальный вопрос фактически сошёл на нет. Текущий кризис в ЕС, разумеется, ставит многие вопросы о будущем общеевропейского единства, однако он не отменяет того факта, что территориальный вопрос перестал

рассматриваться в Европе как *casus belli*. Возможно, кашмирская проблема могла бы решаться по аналогичной модели – интеграция по широкому кругу вопросов, расширение контактов между людьми, снятие пограничных барьеров могли бы снять остроту территориальной проблемы.

Вероятно, сейчас преждевременно говорить о перспективах превращения ШОС в некий евразийский аналог Евросоюза. Однако стоит напомнить о том, что в 50-е гг. XX в. нынешний Евросоюз зародился как Европейское объединение угля и стали, созданное шестью странами для решения конкретных задач упорядочения рынка в угольной и металлургической отраслях. Сегодняшний статус ШОС намного превосходит уровень европейской интеграции в 50-е гг., что делает отмеченные выше перспективы не столь уж нереализуемыми.

Другой, относительно недавний пример касается уже упомянувшегося выше китайско-индийского противостояния в районе плато Доклам летом 2017 г. И в Нью-Дели, и в Пекине раздавались весьма воинственные заявления, что позволило многим наблюдателям сделать вывод о неизбежном вооружённом конфликте между двумя ядерными державами Азии, каждая из которых претендует на лидерство в этой части света. Разумеется, гадать на тему «Что было бы, если бы как Китай, так и Индия, не были бы членами ШОС», бессмысленно, однако факт остаётся фактом: обе страны являются членами одной организации, а конфликт между ними не перерос в вооружённую стадию.

2. Афганистан

Ситуация в Афганистане представляет собой наибольшую угрозу для безопасности всего региона – не только для Южной и Центральной Азии, но также и для Китая, России, а косвенно (порой и прямо) – для Центральной и Восточной Европы, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии и для всего мира. Отметим лишь несколько моментов, связанных с изменяющейся ролью ШОС в решении этого вопроса.

Сейчас, когда западная коалиция во главе с США, вопреки раздававшимся ранее заявлениям, сохранила своё военное присутствие в Афганистане (при этом не добившись реализации изначально заявленных задач военного вторжения), истинные цели «глобального Запада» становятся очевидными. Задачей военного вмешательства не была ни ликвидация терроризма или наркоторговли (напротив, и то, и другое расцвело именно в результате иностранного вторжения), ни установление мира и стабильности в этой стране. Скорее, цель иностранного вторжения состояла в создании ситуации неопределённости и хаоса, которая давала бы США повод для сохранения своего военного присутствия в непосредственной близости от границ главных геополитических конкурентов – России и Китая.

В этом контексте роль ШОС в решении проблем будущего Афганистана возрастает многократно. Как было неоднократно заявлено на различных международных форумах, процесс внутриафганского урегулирования должен полностью находиться в руках самих афганцев и возглавляться ими (Afghan-led and Afghan-owned). Это не исключает конструктивного содействия этому процессу со стороны соседей Афганистана и региональных держав. В настоящее время Афганистан имеет статус наблюдателя в ШОС, но, вероятно, настало время рассмотреть вопрос о повышении статуса Афганистана (как и Ирана) до полноценного членства в организации.

Проблема, впрочем, состоит в том, что даже внутри экспертного сообщества отсутствует единство в подходах к проблемам послевоенного урегулирования в Афганистане. Обсуждение этой проблематики с экспертами из Индии сводится к обсуждению вопроса о том, что Россия, Индия и Иран должны объединить усилия и создать некий тройственный союз для оказания помощи Афганистану в решении его проблем. С другой стороны, в дискуссиях с пакистанскими экспертами приходится слышать иное предложение: а именно то, что подобный тройственный союз для решения аналогичных задач должны создать Россия, Пакистан и Китай.

Разумеется, приглашение к сотрудничеству, звучащее как со стороны Индии, так и со стороны Пакистана, подчёркивает

ключевую роль России в решении данных проблем, однако оба этих предложения несут в себе серьёзный изъян. Он заключается в том, что оба исходят из принципа «игры с нулевой суммой» и нацелены на получение односторонних преимуществ для себя за счёт ослабления позиций конкурентов. Между тем, подобный подход способен только привести к повторению ситуации 90-х гг. XX в., т.е. к войне всех против всех и в конечном итоге – к победе наиболее жестоких, беспринципных и бесчеловечных сил, как случилось в 1996 г. Сегодня ситуация осложняется ещё и тем, что так называемое «Исламское государство» (ИГИЛ, организация, запрещённая в России) не оставляет своих попыток закрепиться в Афганистане, а приход к власти представителей ИГИЛ может затмить собой даже те ужасы, которые творились во времена правления «Талибана» (организации, также запрещённой в России)⁵.

Таким образом, возникает насущная необходимость выработки коллективного всеобъемлющего подхода к проблемам Афганистана, базирующегося не на принципах «игры с нулевой суммой», а на принципах всеобщей выгоды («win-win» basis), с участием как Индии, так и Пакистана, несмотря на все существующие между ними разногласия. У обеих стран есть давние исторические связи с Афганистаном, и даже сам по себе тот факт, что каждая из стран опирается на различные этнические сообщества внутри Афганистана, может рассматриваться скорее как взаимодополняющий фактор, а не конфликтный. Вопрос состоит только в том, как усадить Индию и Пакистан за стол переговоров. ШОС в этом отношении представляет собой наиболее логичную и перспективную площадку для налаживания такого диалога.

В том, что касается будущего афганского движения «Талибан» (не следует смешивать с одноимённым пакистанским движением), то взгляды на возможность его участия в послевоенном урегулировании в Афганистане в экспертном сообществе разнятся. Но невозможно отрицать тот факт, что афганские талибы представляют собой влиятельную силу в стране, а их взгляды находят отклик у значительной части общества. Поэтому включение «Талибана» (разумеется, в случае отказа от террористических методов борьбы и наиболее радикальных программных установок)

в систему распределения властных полномочий представляется неизбежным. А это подчёркивает важность роли Пакистана, который, используя рычаги влияния внутри движения, может способствовать превращению его в цивилизованную политическую силу.

С другой стороны, Индия (наряду с Ираном, полноправное членство которого в ШОС – вопрос не столь отдалённого будущего) могла бы выступить в роли гаранта прав этнических и религиозных меньшинств Афганистана и межобщинной стабильности в этой стране.

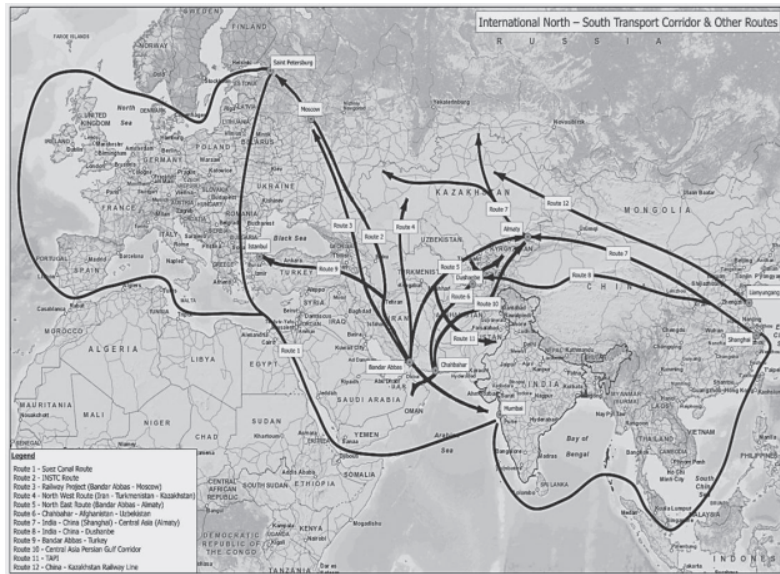
3. Транспортные коридоры

От решения двух обозначенных комплексов проблем, связанных с ситуацией в Афганистане и с двусторонними индийско-пакистанскими отношениями, зависит реализация масштабных проектов, которые могли бы составить основное содержание деятельности расширившейся ШОС. Речь идёт об инфраструктурных проектах, без которых широкая евразийская интеграция попросту немыслима. Не секрет, что в Пекине евразийскую интеграцию зачастую рассматривают, как средство экономической экспансии Китая и распространения его влияния не только на ближайших соседей, но и далеко за пределы региона. Именно эти цели лежат в основе китайской инициативы «Пояса и пути». Наземные маршруты «Пояса» пересекают весь континент Евразии в направлении с востока на запад: через Россию – в страны Северной и Восточной Европы, через Центральную Азию и Кавказ – в район Средиземноморья и в Южную Европу. Важнейшей составной частью китайской инициативы является Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), позволяющий Китаю получить прямой выход к Аравийскому морю, Персидскому заливу и минеральным ресурсам (прежде всего, углеводородам) этого региона. И в этом контексте в экспертном сообществе часто звучат утверждения о том, что Китай рассматривает ШОС в качестве одного из инструментов реализации своей инициативы⁶.

Также не является секретом, что китайская инициатива «Пояса и пути» (особенно такие её составные части, как КПЭК и «Морской Шёлковый путь XXI века») вызывает нескрываемую настороженность в Индии, что было открыто продемонстрировано в мае 2017 г., когда Индия отказалась участвовать в саммите Шёлкового пути в Пекине⁷. Одна из главных причин столь негативного отношения к китайской инициативе состоит в том, что КПЭК проходит через контролируемую Пакистаном часть Кашмира и тем самым, по мнению Индии, закрепляет статус-кво Кашмира как разделённой территории.

Со своей стороны, Индия вместе с Россией и Ираном выступила одним из инициаторов проекта Международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг» (впоследствии к инициативе присоединился ещё ряд государств Центральной Азии, Закавказья, а также Восточной и Северной Европы, см. Рис. 1).

Рис. 1. МТК «Север – Юг» и его преимущества перед ныне существующими маршрутами транспортировки товаров в Евразии

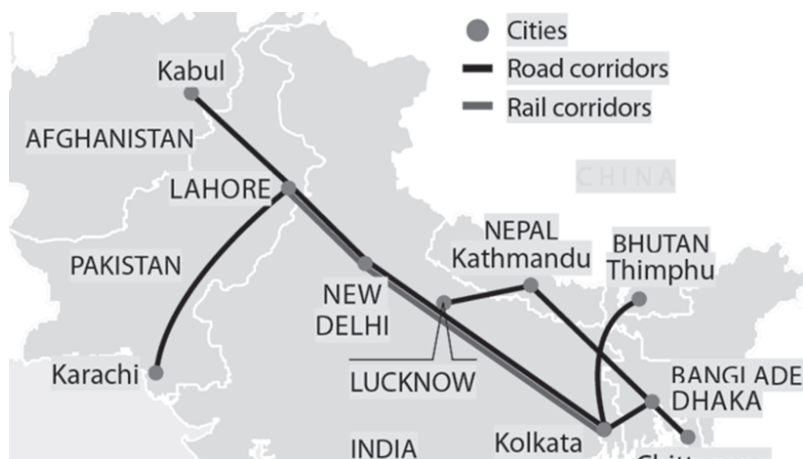

Источник: Roy M.S. International North-South Transport Corridor: Re-energising India's Gateway to Eurasia. // IDSA Issue Brief, August 18, 2015, p. 5.

В экспертном сообществе можно услышать мнение о том, что два проекта – КПЭК и МТК – конкурируют друг с другом. Однако можно утверждать, что на самом деле эти проекты не только не являются конкурентами, но в значительной степени дополняют друг друга. Вектор большинства маршрутов «Пояса и пути» располагается вдоль оси «Восток – Запад», тогда как МТК, по определению, по оси «Север – Юг». Сопряжение этих двух проектов могло бы, среди прочего, помочь в решении многих логистических проблем, например, проблемы накопления пустых контейнеров в конечных точках маршрутов.

Более того, несколько лет назад в СМИ даже обсуждалась идея создания единой южноазиатской сети железных и автомобильных дорог, которая позволила бы объединить целый ряд инфраструктурных проектов в регионе и протянуть маршруты наземного сообщения от Юго-Восточной Азии через территорию Бангладеш, Индии и Пакистана вплоть до Афганистана⁸ (см. Рис. 2). Впрочем, пока эта идея выглядит утопичной в силу нерешённости двух главных проблем этой части Евразии – афганской и индо-пакистанской.

Рис. 2. Проект южноазиатской дорожной сети

Источник: Jacob, J., Das Gupta, M. Indo-Pak bonhomie: Trans-south Asian road may be a reality soon. // The Hindustan Times, Dec 31, 2015. <http://www.hindustantimes.com/india/trans-south-asian-road-rail-grid-may-be-a-reality/story-VTcEC3byWQ0c3DNYveFpPP.html>

Необходимо отметить, что интеграция «Большой Евразии» не отвечает интересам сил, заинтересованных в сохранении однополярного миропорядка, при котором одна глобальная сверхдержава диктует свои условия всему миру. Это ведёт к попыткам дестабилизации и без того неспокойной обстановки в этой части Евразии. Примером такой деструктивной деятельности из-за рубежа могут служить, например, периодически проводимые в Конгрессе США слушания по так называемой «белуджской проблеме» в Пакистане, дающие импульс сепаратистским настроениям в провинции Белуджистан. Цель такой деятельности очевидна – создание напряжённости в непосредственной близости от порта Гвадар, являющегося одной из опорных точек проекта КПЭК.

Также вряд ли выглядит случайным такой факт. В августе 2016 г. в Баку состоялся трёхсторонний российско-иранско-азербайджанский саммит, посвящённый почти исключительно проблемам реализации МТК. А незадолго до саммита (в апреле 2016 г.) и примерно через полгода после него (в феврале 2017 г.) произошло новое обострение ситуации вокруг Нагорного Карабаха, сопровождавшееся вооружёнными столкновениями. Подобная ситуация чревата серьёзными последствиями не только для конкретного проекта, но и для судеб всей евразийской интеграции.

Сказанное только подчёркивает необходимость понимания того, что все страны Евразии (члены ШОС, перспективные члены организации – Иран и Афганистан, наблюдатели и партнёры по диалогу) находятся «в одной лодке», и что к вопросам широкой интеграции следует подходить не с позиций «игры с нулевой суммой», а на основе учёта общих взаимовыгодных и взаимодополняющих интересов.

4. Банк ШОС

Расширение ШОС за счёт вступления в Организацию новых членов (и прежде всего, Индии – второй при расчёте по паритету покупательной способности экономике Азии и третьей – мира)

позволяет по-новому взглянуть на обсуждавшуюся в течение нескольких лет, но затем сошедшую на нет идею создания Банка ШОС. Опасения стран-членов ШОС относительно этой идеи вполне обоснованы: Китай, как крупнейшая экономика Евразии и главный потенциальный инвестор такого банка, получил бы мощнейший инструмент усиления своего экономического (а следовательно, и политического) влияния на всём континенте. В итоге идея такого банка повисла в воздухе⁹.

Во многом факторами, приведшими если не к отказу от идеи создания Банка ШОС, то как минимум к откладыванию её реализации, стало создание таких финансовых институтов, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (обслуживающий, прежде всего, интересы Китая) и Евразийский банк развития в рамках ЕАЭС.

Однако задачи осуществления масштабных инфраструктурных проектов диктуют необходимость возвращения к идее Банка ШОС. При этом присутствие Индии создаёт необходимый баланс, позволяющий избежать чрезмерного доминирования в таком банке одной, экономически наиболее мощной державы.

5. Водные ресурсы

Последнее, что хотелось бы отметить в качестве перспективной задачи для расширившейся ШОС, – это важнейшая проблема дефежа водных ресурсов. Эта проблема несёт в себе комплекс нетрадиционных угроз безопасности и многими экспертами именно борьба за водные ресурсы рассматривается как главная причина грядущих войн в XXI в.

«Войны вчерашнего дня шли за землю», – пишет известный индийский эксперт по данной проблематике Брахма Челлани. – «Войны сегодняшнего дня – за энергию. Но войны завтрашнего дня будут идти за воду. И нигде в мире эта перспектива не выглядит более реальной, чем в Азии»¹⁰.

Южная Азия была включена в список наиболее подверженных риску регионов в докладе директора Национальной разведки США в 2012 г.¹¹

На сегодня в мире не существует универсального кодекса, регулирующего проблемы водопользования на трансграничных водотоках и водоёмах. Чаще всего эксперты ссылаются на две конвенции – Конвенцию по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр, принятую Европейской экономической комиссией ООН в марте 1992 г., и Конвенцию о праве несудоходных видов использования международных водотоков, принятую Генеральной Ассамблеей ООН в мае 1997 г.

Проблема, возникающая в связи с этими (и подобными) конвенциями и международными договорами заключается в том, что они не носят обязательного характера и не предусматривают реальных механизмов разрешения возникающих споров. В большинстве случаев проблемы решаются на двусторонней основе, при этом страна, находящаяся выше по течению («верхняя»), стремится действовать как монополист, не учитывая интересы «нижних» стран.

В течение многих лет индийско-пакистанский договор о разделе вод Инда (1960 г.) рассматривался едва ли не как образцовый для решения водных проблем, несмотря на все сложности и конфликты в двусторонних отношениях. В последнее время активность Индии в верхнем течении притоков Инда поставила под вопрос эффективность этого договора¹². Попытки решить эту проблемы на двусторонней основе (в том числе при посредничестве Всемирного банка) не привели к положительному результату. А нерешённость проблемы Кашмира только усугубляет ситуацию.

Некоторые авторы даже утверждают, что корень кашмирской проблемы лежит именно в вопросах водопользования, которые для Пакистана становятся вопросом выживания, тогда как другие сопутствующие проблемы – такие, как вопросы самоопределения, прав человека и т. п., только уводят внимание от основной проблемы¹³.

Вопросы раздела трансграничных водных ресурсов приобретают новое звучание в контексте послевоенного урегулирования в Афганистане. Индия является одним из крупнейших иностранных инвесторов в экономику этой страны, а один из главных проектов, осуществляемых с участием индийского капитала, – это проект

строительства гидротехнического узла Кама на р. Кабул (одном из главных притоков Инда). В Пакистане опасаются, что осуществление этого проекта может ещё больше усугубить водные проблемы страны, и без того постоянно страдающей от дефицита воды¹⁴.

С другой стороны, выступая в качестве «верхней» страны по отношению к Пакистану или Бангладеш (в нижнем течении Ганга), Индия сама становится «нижней» страной, когда речь заходит о китайской экономической активности в бассейне р. Брахмапутра (или, как её называют в Китае, Ярлунг-Цангпо).

Брахмапутра протекает по территории Китая, прежде чем её воды попадают на территорию Восточной Индии. В результате Индия и Бангладеш оказываются зависимыми от китайской активности в верхнем течении этой реки. Китайские планы переброски вод по своей территории с юга на север (прежде всего, в Синьцзян-Уйгурский автономный район, которому отводится роль главного узла на маршрутах «Пояса и пути») в Индии рассматриваются как угроза национальной безопасности. И хотя Китай неоднократно отрицал, что гидротехнические проекты на Брахмапутре являются частью этого проекта «Юг – Север», в Индии таким заявлениям не слишком доверяют¹⁵.

В свою очередь Китай не подписал ни один из международных (или региональных) документов, регулирующих проблемы водопользования, будучи вполне удовлетворённым своим статусом естественного монополиста, контролирующего верхнее течение большинства крупнейших рек Евразии. Вследствие этого Китай стремится решать возникающие проблемы исключительно на двусторонней основе – причём только со своим непосредственным соседом. Что же касается Индии, то у Китая нет даже двустороннего соглашения о разделе водных ресурсов¹⁶.

Это является дополнительным фактором, усиливающим недоверие Индии по поводу действий Китая.

«Уникальный статус Китая как источника трансграничных речных потоков, направляющихся в наибольшее число стран мира, и его водные споры практически со всеми соседями, расположенными вдоль течения таких потоков, имеют серьёзные

последствия для главного соседа Китая на юго-западе, т. е. для Индии», – пишут Брахма Челлани и Эшли Теллис¹⁷.

Подобная ситуация не исключительна для китайско-индийских отношений. Китай не подписал соглашения, касающиеся раздела вод главной реки Юго-Восточной Азии, Меконга, а в дискуссиях по этой проблематике участвует только тогда, когда это не противоречит его национальным интересам.

Точно так же, при обсуждении своих действий на притоках великой сибирской реки Иртыш Китай готов вести переговоры только со своим непосредственным соседом по этой реке, Казахстаном, но не с Россией. И это при том, что именно Россия в наибольшей степени страдает от действий Китая в верхнем течении Иртыша и его притоков. По мнению многих экспертов, такая деятельность может привести к тому, что Иртыш на протяжении значительной части своего течения превратится в череду мелких озёр и болот.

Отсюда возникает необходимость выработки совместного подхода к решению проблем водопользования, и ШОС может стать естественной площадкой для обсуждения этих проблем. В этом контексте существенно возрастает роль Пакистана, как страны, наиболее страдающей от своего «нижнего» статуса. Пакистан совместно с Россией, Узбекистаном (самой «нижней» из всех центральноазиатских стран) и, возможно, другими странами-членами ШОС, мог бы выступить инициатором разработки региональной конвенции, регулирующий эти вопросы. Индия, как страна, имеющая в одних случаях статус «верхней» страны, в других – «нижней», могла бы стать ко-спонсором такой инициативы, выступив в этом вопросе союзником других стран-членов ШОС.

* * *

Подводя итог, следует отметить, что вступление Индии и Пакистана в ШОС в качестве полноправных членов, безусловно, поднимает статус и авторитет Организации в целом. Но одновременно оно диктует необходимость для всех стран-членов – как

старых, так и новых, – проявить политическую мудрость с тем, чтобы двусторонние проблемы и разногласия не помешали превращению ШОС в реальный центр силы в новом возникающем многополярном мироустройстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 'It is a historic day': Pakistan becomes full member of SCO at Astana summit. // Dawn, June 09, 2017. <https://www.dawn.com/news/1338471>
2. Ibid.
3. Chinese experts welcome Doklam resolution but cautious about future face-offs. // The Hindustan Times, August 28, 2017. <http://www.hindustantimes.com/world-news/chinese-experts-welcome-doklam-resolution-but-cautious-about-future-face-offs/story-7ZTqnpteZicO6uQyWgqzZO.html>
4. India, Pakistan can't turn SCO into an arena for their fighting: Chinese experts. // The Hindustan Times, June 08, 2017. <http://www.hindustantimes.com/world-news/india-pakistan-can-t-turn-sco-into-an-arena-for-their-fighting-chinese-experts/story-WvY5KMhKaEAQbtuAN8EmkN.html>
5. См., напр., Волхонский Б.М. Проникновение ИГИЛ в Афганистан и Пакистан. // «ИГИЛ: формула современного террора». Москва: Российский институт стратегических исследований, 2017, с. 191–204.
6. China links Belt and Road plans with Shanghai Cooperation Organisation. // The Hindustan Times, June 11, 2017. <http://www.hindustantimes.com/world-news/china-links-belt-and-road-plans-with-shanghai-cooperation-organisation/story-yJexFqASfY4zFpOlUsvJ.html>
7. India skips China's Silk Road summit, warns of 'unsustainable' debt. // Dawn, May 14, 2017. <https://www.dawn.com/news/1333087>
8. Jacob, J., Das Gupta, M. Indo-Pak bonhomie: Trans-south Asian road may be a reality soon. // The Hindustan Times, Dec 31, 2015. <http://www.hindustantimes.com/india/trans-south-asian-road-rail-grid-may-be-a-reality/story-VTcEC3byWQ0c3DNYveFpPP.html>
9. Панкин: Идея создания банка ШОС распадается. // «Вести-финанс», 09.07.2015. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/59846>
10. Chellaney B. Averting Asian Water Wars. // Japan Times. October 2, 2008. <http://www.japantimes.co.jp/text/ea20081002bc.html>
11. Quinn A. U.S. intelligence sees global water conflict risks rising. // Reuters, March 22, 2012. http://in.reuters.com/article/2012/03/22/climate-water-brahmaputra-idINDEE82L0DU20120322?feedType=RSS&feedName=topNews&utm_source=feedburner&utm_medium=feed&utm_campaign=Feed%3A+reuters%2FINtopNews+%28News+%2F+IN+%2F+Top+News%29

12. Wirsing R.G., Jasparro C. Spotlight on Indus River diplomacy: India, Pakistan, and the Baglihar dam dispute. // Asia-Pacific Center for Security Studies. May 2006. <http://www.apcss.org/Publications/APSSS/IndusRiverDiplomacy.WirsingJasparro.pdf>
13. Waslekar S. The Final Settlement. Restructuring India-Pakistan Relations. Mumbai: Strategic Foresight Group, 2005, p. 59.
14. Abdul Rauf Iqbal. Water wars and navigating peace over Indus river basin. // Institute for Strategic Studies, Research & Analysis, National Defence University Islamabad, Pakistan. Monograph Vol. I, Issue II, 2010, p.7. http://www.ndu.edu.pk/issra/issra_pub/Monograph_Vol_I_Issue_II.pdf
15. Jha H.B. Diversion of the Brahmaputra: Myth or Reality? // IDSA Comment, August 9, 2011. http://www.idsa.in/idsacomment/DiversionoftheBrahmaputraMythorReality_hbjha_090811
16. Tsering C. Changing Discourse on the Diversion of the Brahmaputra. // Insitute of Peace & Coflict Studies. India – Articles, #3492, 18 November 2011. <http://www.ipcs.org/article/india/changing-discourse-on-the-diversion-of-the-brahmaputra-3492.html>
17. Chellaney B., Tellis A.J. A Crisis to Come? China, India, and Water Rivalry. // Carnegie Endowment for International Peace, Washington, September 13, 2011. <http://carnegieendowment.org/2011/09/13/crisis-to-come-china-india-and-water-rivalry/54wg>

С.Л. Волкова*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ТУРЦИИ И ПАКИСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Резюме: В статье рассмотрены основные направления внешнеэкономического сотрудничества Турецкой Республики с Исламской Республикой Пакистан в 2016–2017 гг., взаимная выгода и заинтересованность в отношениях обеих сторон. Отмечено, что дружественная схожесть братских народов является одним из важных сближающих факторов сотрудничества. Турция на примере Пакистана успешно реализует экспортную стратегию экономического развития, имея при этом положительный торговый баланс и экспортируя высокотехнологичную продукцию. Страны активно сотрудничают и в военной сфере. Турецко-пакистанское партнерство имеет огромный потенциал, и стороны прилагают усилия для развития совместных контактов в различных областях.

Ключевые слова: Турция, Пакистан, взаимовыгодные экономические отношения, братские народы, высокотехнологичные товары.

Main Directions of Foreign Economic Cooperation of Turkey and Pakistan at Present Stage

Summary: The article deals with the main directions of foreign economic cooperation between the Republic of Turkey and the Islamic Republic of Pakistan in 2016–2017, mutual benefit and interest in relations between the two sides. It is noted that the friendly similarity of fraternal peoples is one of the important factors of cooperation. Turkey is successfully implementing an export strategy of economic development on the example of Pakistan, while having a positive trade balance and exporting high-tech products. Countries actively cooperate in the military sphere. Turkish-Pakistani partnership has huge potential, and the parties shall make efforts for the development of mutual contacts in various fields.

Key words: Turkey, Pakistan, mutually beneficial economic relations, fraternal peoples, a high-tech products.

¹ Волкова Светлана Леонидовна – старший преподаватель Военного университета МО РФ, научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук

Турецкая Республика, реализуя политику диверсификации экспорта, расширяет число внешнеэкономических партнеров, активно сотрудничая как с соседними государствами региона Ближнего и Среднего Востока, так и со странами Южной Азии. Исламская Республика Пакистан также является одним из экономических партнеров Турции. При этом сотрудничество сторон является взаимовыгодным, перспективным и пока еще не реализованным в полной мере.

Среди основных направлений экономических отношений стран помимо торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, следует также выделить военное, культурное партнерство, здравоохранение, науку, сельское хозяйство, образование, туризм и совместную борьбу с терроризмом.

Специалист Международного института стратегических исследований С. Лачинер писал: «Пакистан – это Турция, Турция – это Пакистан»¹. Данная политика, направленная на сотрудничество со странами соседних регионов, подтверждает турецкую стратегию сильного лидера, а интенсивное сближение Пакистана и Турции в 2016 г. отвечает национальным интересам обеих стран.

Можно сказать, что для турецко-пакистанского сотрудничества немало причин. Для Турции Пакистан полностью оправдывает выражение «дружественная братская страна». Пакистан был одной из первых стран, поддержавших Турцию после попытки государственного переворота 15 июля 2016 г. Президент Турции Р.Т. Эрдоган отметил: «Пакистан показал, что является настоящим другом Турции»².

Какую бы проблему Турция ни затрагивала – Кипр, терроризм, Ближний Восток – Пакистан отвечает: «Мы вас поддерживаем, мы вас любим»³. Казалось бы, трудно понять подобную эмоциональность и братство Пакистана. Однако не стоит забывать, что и Пакистан, и Турция являются странами, имеющими свой путь развития и часто не находящими общих точек соприкосновения с другими странами.

Турция поддерживает Пакистан по Кашмирской проблеме. Говоря о позиции Анкары, посол Турции в Исламабаде С.Б. Гиргин

напомнил, что Турция с самого начала выступала за мирное урегулирование этого вопроса и продолжает прилагать усилия в этом направлении⁴. Еще один важный пример сотрудничества, сближающий народы Турции и Пакистана, – помощь Турции после сильнейшего землетрясения в 2005 г. Административный центр Кашмира был восстановлен во многом благодаря поддержке Турции. И Пакистан всегда об этом помнит. После землетрясения премьер-министр Р.Т. Эрдоган был первым иностранным лидером, посетившим Пакистан, что также значительно упрочило братские чувства пакистанцев.

Таким образом, как региональные, так и мировые проблемы еще больше сближают партнеров. Конечно, противоречий за годы сотрудничества накопилось у сторон немало. Но страны испытывают симпатии друг к другу и готовы к сотрудничеству, в том числе и к торгово-экономическому.

Для развития отношений необходимо налаживать **транспортное сообщение** между странами. Так министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу в ходе официального визита в Пакистан в августе 2016 г. отметил, что потенциал сотрудничества задействован не до конца, и причина этого – слабо развитая логистика, осложняющая интеграционные процессы между странами. «Налаженные перевозки контейнеров железнодорожным транспортом по маршруту Стамбул (Турция) – Исламабад (Пакистан) усилят торгово-экономические отношения». «Мы заинтересованы в развитии интеграционных проектов в области транспорта, логистики, инвестиций, энергетики и торговли, которые будут способствовать реализации нового «Великого Шелкового пути»⁵.

Турция и Пакистан входят в состав Организации Экономического сотрудничества (ОЭС) (образована в 1977 г. Ираном, Пакистаном и Турцией), что демонстрирует не только двустороннее, но и региональное сотрудничество сторон. Одной из первых задач ОЭС является объединение автомобильных и железнодорожных путей государств-членов организации (железные дороги Центральной Азии и сеть дорог Турции, Ирана, Пакистана и Индии). В результате транспортное сообщение между Турцией и Пакистаном налаживается как по средствам контейнерного поезда

по маршруту Исламабад-Тегеран-Стамбул, так и каравана крупнотоннажных грузовиков «Шелковый путь»⁶.

Председатель турецкой Партии счастья Т. Карамоллаоглу отметил во время встречи в декабре 2016 г. с послом Пакистана в Турции С. Махмудом, что развитие коммуникаций имеет большое значение для продолжения экономического сотрудничества сторон⁷.

Между Турцией и Пакистаном активно развиваются **торговые отношения**. 22 марта 2016 г. в Исламабаде прошли переговоры по Соглашению о преференциальной торговле, в результате чего было подписано рамочного соглашения (а старт переговорам был дан еще в октябре 2015 г, когда Анкару посетил пакистанский премьер-министр Н. Шариф)⁸. На переговорах были затронуты вопросы торговли сторон товарами и услугами, прав на интеллектуальную собственность, условий конкуренции и механизмы разрешения торговых противоречий. Министр экономики Турции М. Элиташ и министр торговли Пакистана Х. Дастгир Хан обсудили пути дальнейшего расширения торгово-экономического сотрудничества между двумя странами. Отмечалось, что планируется развивать торговые отношения сторон, в результате чего объем внешней торговли предположительно достигнет к 2018 г. 2 млрд долл.⁹

После открытия в Пакистане представительства Ассоциации всех промышленников и предпринимателей Турции (TÜMSİAD), турецкие фирмы получили возможности сотрудничества и производства товаров в различных сферах, таких как строительство, энергетика, инфраструктура, производство автомобильной продукции, металлургия, производство продуктов питания, бумаги, косметики и других, что увеличит инвестиционный и торговый потенциал стран. После подписания соглашения, Пакистан стал еще более привлекательным партнером для турецких предпринимателей. Министр экономики Турции отметил, что на представителей Ассоциации всех промышленников и предпринимателей ложится большая ответственность. Генеральный секретарь Ассоциации TÜMSİAD О. Капыджыоглу отметил, что надеется на положительное развитие внешнеторговых отношений,

имеющих длительную историю, и добавил, что турецкие предприниматели давно ждали данное соглашение. Турция уже давно осуществляет различные мероприятия для укрепления позиций своих предпринимателей за границей. Председатель TÜMSİAD Пакистана А. Икбаль добавил, что «Представительство Ассоциации промышленников и предпринимателей упрочит торговые и дружественные связи между сторонами»¹⁰.

25–27 июля 2016 г. был завершен третий тур переговоров по Соглашению о преференциальной торговле. Следующие переговоры прошли 2 августа 2016 г. в Анкаре, а затем 29–31 августа 2016 г. в Исламабаде.¹¹ В ходе последнего тура переговоров отмечалось, что Пакистан и Турция близки к завершению обсуждения по соглашению. Обе стороны согласились ликвидировать 85 процентов тарифов на товары между двумя странами и подготовили почву для решения остающихся вопросов к концу 2016 года. Благодаря заключению соглашения и снижению тарифов Пакистан и Турция смогут повысить интенсивность двусторонней торговли¹². К тому же, данное партнерство может предоставить турецким компаниям потенциальные возможности доступа на китайский рынок и в проект китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК). После встречи в октябре 2017 г. в Анкаре министров торговли турецкая сторона заявила, что Турция и Пакистан завершили переговоры по соглашению о свободной торговле и намерены его подписать как можно скорее¹³.

Однако в 2016 г. внешнеторговый оборот между странами имел скромные цифры. Стоит отметить, что удельный вес внешней торговли между Турцией и Пакистаном составил в 2016 г. около 0,2% общей стоимости внешней торговли Турции. Данная статистика говорит о том, что страны имеют огромный потенциал для сотрудничества. Объем внешней торговли, возраставший и достигший максимального значения к 2011 г. 1,1 млрд долл., начиная с 2012 г. начал сокращаться и только в 2016 г. падение было приостановлено и был отмечен рост до 610 млн долл. Дефицит внешней торговли Турции с Пакистаном с 2012 г. также начал уменьшаться и в 2016 г. Турция сумела преодолеть

отрицательный баланс и выйти с его положительными значениями – 86 млн долл., при этом мы наблюдали как значительный рост экспорта (347 млн долл. – рост на 25% по сравнению с 2015 г.), так и сокращение импорта (263 млн долл. – сокращение на 15% по сравнению с 2015 г.)¹⁴. Таким образом, торговое сотрудничество Турции с Пакистаном отражает основную экспортную задачу страны по наращиванию экспорта и снижению внешне-торгового дефицита, несмотря на то, что объем внешней торговли между партнерами еще не столь значителен. К тому же, стоит позитивно оценивать турецкую экспортную стратегию и по процентному соотношению турецкого экспорта к импорту из Пакистана. Так, в 2014 г. данный показатель составил 59%, в 2015 г. – 93%, а в 2016 г. – 131%¹⁵.

В структуре экспорта Турции в Пакистан лидирующее место в 2016 г. занимали летательные аппараты (вертолеты, самолеты), космические аппараты (включая спутники), средства для запуска космических аппаратов, суборбитальные аппараты – стоимость экспорта составила 21,8 млн долл. – 6,3% общего объема экспорта в Пакистан (данная товарная группа полностью отсутствовала в 2014 и 2015 гг.). Стоит отметить, что товары этой группы принадлежат к товарам высокой степени переработки, и этот факт характеризует турецкий экспорт в Пакистан как достаточно диверсифицированный, и говорит о высоком экспортном потенциале Турции в Пакистане. Вторую позицию заняли аппараты телефонные, прочая аппаратура для передачи или приема голоса, изображений или других данных – 10,7 млн долл. (3%). Далее следовали статьи: молоко и сливки – 10,5 млн долл. (3%); тканые ковры и прочие текстильные напольные покрытия (8,9 млн долл. – 2,6%); оборудование для промывки, чистки, отжима, сушки, глаженья, прессования, крашения, отделки пряжи, тканей или готовых текстильных изделий (7,9 млн долл. – 2,3%)¹⁶. То есть, в экспорте в Пакистан, наряду с высокотехнологичными товарами, стоит отметить преобладание товаров средне-технологичных отраслей высокого уровня, таких как различные виды оборудования, машины, запчасти и принадлежности к моторным и транспортным средствам. Также имеются и товары

низкотехнологичных отраслей (пищевые продукты, мебель, одежда, текстильные товары). Пакистан в свою очередь, импортируя турецкую продукцию средне- и высокотехнологичных отраслей, обеспечивает собственную экономику средствами производства для решения задач индустриализации страны, а покупая товары сельскохозяйственного производства – обеспечивает продовольствием быстрорастущее население.

В импорте Турции первое место принадлежало в 2016 г. тканям хлопчатобумажным – 25% (65,4 млн долл.) от общего объема импорта Турции из Пакистана в 2016 г. Второе место занимала хлопчатобумажная пряжа (кроме швейных ниток) – 12% импорта (30,3 млн долл.). Полиацетали, полиэфир и смолы, поликарбонаты заняли третье место со стоимостью импорта 17 млн долл. (6,5%). Далее следовали статьи импорта: карандаши, грифели, постели, мелки – 5,7% импорта; ткани хлопчатобумажные – 5,5%; пряжа хлопчатобумажная, не расфасованная для розничной продажи – 5%. Кроме того, Турция импортировала спирт этиловый неденатурированный; семена и плоды масличных культур; рис. В незначительном количестве импортировались приборы и устройства, применяемые в медицине, хирургии, стоматологии или ветеринарии – 1,7% импорта. Таким образом, импорт Турции из Пакистана был представлен в основном продукцией текстильной промышленности, товарами хлопковой группы, продовольственной продукцией и сырьем (именно эти товарные группы имеют лидирующие позиции и в общем экспорте Пакистана), то есть низко-технологичными товарами, что говорит об отсталой товарной структуре экспорт-ориентированных отраслей экономики Пакистана. Преобладание этих видов товаров в импорте из Турции делает Пакистан уязвимым на мировом рынке¹⁷. Поставка Пакистаном военной техники в Турцию в ближайшем будущем сможет изменить данную ситуацию. Турция, в свою очередь, импортируя продукцию из Пакистана, удовлетворяет свои потребности в более дешевом сырье и имеет возможности дальнейшей переработки текстиля, кожи, ткани, пряжи и экспорта готовых товаров.

Таким образом, недостаточный уровень развития производства высокотехнологичных и средне-технологичных отраслей Пакистана, а также необходимость в продукции оборонной промышленности открывают возможности сотрудничества с Турцией на основе принципа взаимодополняемости экономик.

Активно развивается **инвестиционное сотрудничество** сторон. Сообщалось, что уже более 100 турецких компаний успешно развивают бизнес в Пакистане. Ожидается, что в ближайшие три года турецкое отделение Coca-Cola инвестирует в страну 250 млн долл. Также имеется большой потенциал в развитии молочной промышленности, так как Пакистан является одним из ведущих стран по производству молока в мире¹⁸.

На переговорах по Соглашению о преференциальной торговле между сторонами в 2016 г. стороны затрагивали проблемы расширения и инвестиционного сотрудничества. Министр экономики Турции М. Элиташ отметил, что турецкие подрядчики реализовали на территории Пакистана 45 энергетических и инфраструктурных проектов. Договор о преференциальной торговле позволит увеличить эти цифры. Министр экономики добавил, что планируется развивать сотрудничество в сфере строительства. Так, строительным кампаниям провинции Панджап будут предоставлены консультационные услуги по строительству 50 тыс. объектов. Министр экономики Пакистана К. Хан призвал турецких инвесторов к сотрудничеству. Он добавил: «Следует устранить торговые барьеры, чтобы еще сильнее упрочить наши исторические связи», при этом подчеркнул, что Пакистан особо ждет инвестиции в сферах энергетики, производстве напитков и инфраструктуры¹⁹.

Кроме того, в Пакистане имеются запасы энергоресурсов – газ, уголь, сланцы, а также развивается возобновляемая энергетика. Это способствует притоку турецких компаний в Пакистан, особенно тех, которые обладают опытом в области энергетических проектов. Турция стремится расширить свое присутствие в энергетическом секторе Пакистана. Исламабад также заинтересован в притоке турецких нефтегазовых технологий и турецкого бизнеса в свою страну. Данный вопрос обсуждался в ходе

официального визита министра иностранных дел Турции М. Чавушоглу в Пакистан в августе 2016 г.²⁰

Турецко-пакистанские торговые и инвестиционные отношения будут продолжать развиваться и в дальнейшем. Так, 5 марта 2018 г. в Пакистане состоялась встреча Президента Пакистана М. Хюсейна с делегацией Турецко-Пакистанского делового совета Комитета внешнеэкономических связей Турции (DEİK), на которой обсуждались вопросы торговли и инвестиций после согласования всех вопросов по Соглашению о преференциальной торговле между сторонами²¹. Председатель Турецко-Пакистанского делового совета А. Йерликайя отметил, что объем инвестиций таких турецких кампаний Анатолийской торговой группы, как Coca-Cola İçecek, Zorlu Enerji, Albayrak Grubu, Arçelik увеличился. Предполагается, что турецкие инвестиции, составившие в 2016 г. 1 млрд долл., возрастут к 2020 г. до 1,5 млрд долл. Одним из важных проектов является сотрудничество турецкой фирмы Arçelik с ведущей пакистанской компанией по производству бытовой техники Dawlance (Бренд Dawlance был признан третьим по популярности в Пакистане во всех категориях. В 2016 году компания Dawlance была приобретена турецким производителем Arçelik и вошла в состав группы компаний Arçelik Group)²². Было отмечено, что турецкая авиакомпания Türk Hava Yolları осуществляет 21 рейс в три пакистанских города. Таким образом, обе стороны высказали заинтересованность в дальнейшем налаживании контактов в различных областях.

Представители Турции и Пакистана активно посещали друг друга с официальными **визитами** для заключения контрактов и договоров о взаимном сотрудничестве. Так, 17–18 ноября 2016 г. Президент Турции Р.Т. Эрдоган посетил с официальным визитом Исламабад²³. Было намечено подписание договора о свободной экономической зоне. Обсуждались совместные проекты, осуществляемые в рамках Турецко-Пакистанского Совета экономического сотрудничества (образован в 2009 г., функционирует шесть рабочих групп для оказания помощи по сотрудничеству в различных сферах, таких как энергетика, торговля, банковский сектор и финансы, образование, транспорт, культура

и туризм) в различных областях: от энергетики и промышленности до строительства и инвестиций.

В феврале 2017 г. в Стамбуле состоялось пятое заседание Пакистано-Турецкого Совета стратегического сотрудничества на высшем уровне, Между Анкарой и Исламабадом было подписано десять соглашений о сотрудничестве, которые касались различных сфер: экономика, энергетика, оборона, окружающая среда, урбанизация, банковское дело, медицина, культура и другие. Среди договоров имели место следующие: меморандум о взаимопонимании между правительством провинции Панджаб и холдингом Зорлу; договор о сотрудничестве между сторонами в области лесного хозяйства; меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в библиотечном деле; протокол об обмене опытом в вооруженных силах Турции и Пакистана; меморандум о взаимопонимании по обмену в сфере финансовой разведки и другие²⁴. Кроме того, между информагентствами Турции (Anadolu Ajansı) и Пакистана (Pakistan Resmi Haber Ajansı) также было подписано соглашение о совместной работе²⁵. В рамках заседания Совета Премьер-министр Пакистана Н. Шариф встречался также с турецким премьер-министром Б. Йылдырымом и президентом Р.Т. Эрдоганом. В результате переговоров стороны отметили дружественные связи партнеров и выразили решимость продолжать развивать прочное сотрудничество с целью расширения торгового и экономического потенциала ради интересов обеих стран. Премьер-министр Пакистана выразил надежду на скорейшее завершение всех технических вопросов, касающихся Соглашения о преференциально торговле²⁶. Кроме того, М.Н. Шериф напомнил, что в 2017 году отмечается 70-я годовщина дипломатических отношений между Пакистаном и Турцией и добавил: «Да здравствует Пакистан, да здравствует Турция!»²⁷.

Одним из основных направлений экономического партнерства является **военное сотрудничество** сторон. Турция, подписав с Пакистаном Соглашение об обороне в январе 2015 г., взяла на себя финансовое обеспечение производства – строительства новой линии бронированных транспортных средств. Турция, в отличие от США, Франции и некоторых других членов НАТО,

не стремится уменьшать объемы военного сотрудничества с Пакистаном, а даже наоборот, увеличивает. Данное соглашение позволит значительно нарастить производство в оборонной отрасли. Турция играет значительную роль в поставках военной техники Пакистану²⁸.

Турецкая компания Otokar – производитель бронетанковой техники – представила в январе 2016 г. правительству Турции предложение по организации серийного производства перспективных основных боевых танков Altay. Компания заявила о производстве первой партии танков в количестве 250 машин и создании интегрированной логистической поддержки программы. Otokar также заявила, что завершила производство прототипов танка и проводит квалификационные/приемочные испытания. Планировалось начать серийное производство танков в 2017 г. Турецкие официальные лица отметили, что и Пакистан имеет желание закупить танки этого типа. В настоящее время построено пять прототипов, которые проходят успешные испытания по всей территории Турции²⁹.

Согласно информации сайта Генерального Штаба Турции, с 14 по 29 марта 2016 г. в Пакистане прошли совместные учения, в которых участвовали подразделения сухопутных войск и войска спецназа обеих стран, и в результате которых отрабатывались совместные учения³⁰.

В мае 2016 г. Турция и Пакистан заключили контракт стоимостью 75 млн долл., согласно которому в Стамбуле должна была пройти модернизация парка истребителей F-16 ВВС Пакистана, для которых Турция производит двигатели и запчасти³¹. Такое заявление сделал высокопоставленный представитель Турецко-Азиатско-Тихоокеанского Совета по внешнеэкономическим связям (DEIK).

3 июня 2016 г. в Исламабаде министр обороны Турции Ф. Ышык встретился со своим коллегой Х.М. Асифом для обсуждения сотрудничества в области обороны. Отмечалось, что одним из наиболее важных обсуждаемых вопросов стал контракт по закупке ударных вертолетов Т-129 компании «Тюркиш аэроспейс индастриз» (Turkish Aerospace Industries – TAI). Кроме того, министр

сообщил о заявке властей Пакистана на покупку четырех турецких корветов класса Ада (Ada), которые было решено построить на пакистанской судостроительной верфи. Также обсудили детали сделки по модернизации флота из трех подводных лодок класса «Агоста» (Agosta) ВМС Пакистана³².

Стоит отметить, что после обсуждения вопроса о закупке турецкой стороной самолетов MFI-395 «Супер Мушшак» у Пакистана, в ноябре 2016 г. был подписан меморандум о взаимопонимании между Турцией и Пакистаном по закупке Анкарой 52 тренировочных самолетов Super Mushshak, сумма контракта составила более 50 млн долл. Министр оборонной промышленности Пакистана Р.Т. Хуссейн отметил, что данное соглашение является значимым в области оборонного сотрудничества. Соглашение было подписано на полях международной военно-промышленной выставки IDEAS в Карачи. Предполагалось, что самолеты будут поставляться тремя партиями – по одной каждый последующий год. Самолет Super Mushshak является модернизированной версией MFI-17 Mushshak, который в свою очередь является улучшенным вариантом шведского самолета Saab MFI-15 Safari. Пакистан владеет лицензией на производство данной модели самолета³³. Данный контракт стал крупнейшей сделкой в истории Пакистанского авиастроительного комплекса (Pakistan Aeronautical Complex – PAC), сообщил агентству Associate Press председатель комитета Сената по обороне, генерал-лейтенант в отставке А. Каюм. В 2013 году Турция выпустила требование для замены устаревших UTC SF-260, и немедленно свое предложение озвучил PAC. Первый самолет этого типа был выпущен в ноябре 2000 г., первые летные испытания состоялись в мае 2001 г., и машина была принята на вооружение ВВС Пакистана. Самолет одержал ряд побед в испытаниях в Королевстве Саудовская Аравия, Омане и ЮАР.

В феврале 2017 г. сообщалось, что 45 истребителей F-16A/B Block-15 ВВС Пакистана будут модернизированы (Mid-Life Update) компанией Turkish Aerospace Industries (TAI)³⁴. Основной задачей модернизации является повышение возможностей истребителей для действий в ночных условиях. Турецкая компания

должна была поставить «очки ночного видения». В настоящее время два самолета прошли испытания. Отмечалось, что ТАИ планирует поставить 43 комплекта оборудования. Контракт стоимостью 75 млн долл. был подписан еще в мае 2015 года. В то время не было сообщено о деталях работы, но в настоящий момент ясно, что самолеты получают «кабину для ночных полетов». Планировалось, что 74 истребителя будут модернизированы. Сумма контракта составила 100 млн долл. Истребители этой версии оснащены РЛС управления оружием AN/APG-68(v9), и летный ресурс самолета составляет 8000 часов.

С 10 по 16 марта 2017 г. в Турции – в Стамбуле находилась делегация Военно-Морского колледжа Пакистана, который проводил курсы для офицеров пакистанских Вооруженных Сил и военнослужащих из стран-союзников. Делегация посетила командование флота турецкой военно-морской базы Гельджюк³⁵. Пакистан имеет прочные узы братства и тесное сотрудничество с турецким флотом. Военно-морские силы проводят совместные тренировки, учения, семинары и регулярные встречи руководителей двух стран на высоком уровне. Обучение, визиты доброй воли подразделений обоих флотов тоже проходят регулярно. Недавно турецкий военный корабль принимал участие в многонациональных военно-морских учениях Аман-17, организованных в Пакистане.

Турецкая газета Daily Sabah от 30 мая 2017 г. сообщила, что турецкая компания Aselsan поставила Пакистану восемь прицельных контейнеров ASELPD – высокотехнологичное военное оборудование на сумму 24,9 млн долл., согласно подписанному в июне 2016 года контракту. Благодаря оборудованию истребители JF-17 ВВС Пакистана смогли бы применять УАБ с лазерным/инерциальным и спутниковым наведением³⁶.

В июне 2017 г. в Турции с официальным визитом находился начальник штаба федеральной армии Пакистана генерал К.Д. Баджва. Пакистанская делегация встретилась с министром обороны Турции Ф. Ышиком для обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес, в том числе вопросов сотрудничества в военной промышленности и обучения персонала. Генерал

Баджва посетил завод авиастроительной компании ТАИ, где осмотрел производство ударных вертолетов Т129 АТАК.

Турция и Пакистан активно сотрудничают в военной сфере, закупая военную технику, создавая совместные предприятия в области военного производства, проводя совместные военные учения, обучают персонал, организуя курсы для военных. Турция имеет соглашения с Пакистаном о поставках военной техники (танки, вертолеты, прицельные контейнеры) и ее модернизации. За последние годы Турция направляла значительный объем инвестиций в национальную оборонную промышленность для уменьшения зависимости страны от иностранного вооружения. Турция развивает свою оборонную промышленность и, экспортируя продукцию, значительно увеличивает экспортные поступления в бюджет страны. Пакистан также разворачивает собственное военное производство, сам производит самолеты и заключает соглашения об экспорте продукции, в том числе и в Турцию.

Таким образом, и Турция, и Пакистан обладают потенциалом отвечать на запросы собственных вооруженных сил и удовлетворять потребности других стран. Военное сотрудничество продолжает развиваться и в 2018 году. Так, в марте 2018 г. Министерство оборонной промышленности Пакистана заключило с турецкой компанией STM контракт на проведение модернизации второй состоящей на вооружении пакистанских ВМС неатомной подводной лодки класса «Халид» (проект «Агоста-90В») (Базовый контракт на проведение модернизации первой подводной лодки класса «Халид» был заключен в июне 2016 г., предусматривал проведение работ по модернизации субмарины в Пакистане и включал опцион на усовершенствование еще двух подводных лодок)³⁷. Было запланировано проведение работ на предприятиях ВМС Пакистана. Помимо проектирования, инженерной поддержки и закупочной деятельности, STM обеспечит комплексную логистическую поддержку и обучение специалистов пакистанского флота. Согласно контракту, пакистанский флот получит первую модернизированную субмарину класса «Халид» в 2020 г., а вторую – в 2021 г.

Турция и Пакистан активно развивают сотрудничество в **сельском хозяйстве**. Между Министерствами продовольствия, сельского хозяйства и животноводства Турции и Пакистана еще в 2004 г. был подписан Протокол о техническом, научном и экономическом сотрудничестве в сельском хозяйстве. И затем в рамках данного протокола проходили очередные (2010 г., 2015 г., 2016 г.) собрания исполнительного турецко-пакистанского сельскохозяйственного комитета. Заместитель советника комитета С.М. Али отмечал, что у Турции есть многое, чему может поучиться Пакистан в сельском хозяйстве. С целью увеличения объемов производства сельскохозяйственной продукции с использованием современных технологий в сферах растительного производства и фито санитарии, стороны договорились о различных методиках сотрудничества, о бартере различными сортами овощей и фруктов, а также об обмене опытом и профессионализмом. В животноводческой отрасли также были достигнуты договоренности относительно программ по разведению, использованию систем учета, сотрудничеству по лечению и особенно вакцинации животных, оказанию ветеринарной помощи, а также научному и техническому партнерству по другим вопросам. Было решено организовать в Пакистане научную систему интеграции в сельском хозяйстве с целью подготовки и осуществления проектов по экономическому развитию в сельском хозяйстве, сотрудничеству в сфере инфраструктуры, предотвращению загрязнения вод. Одновременно были достигнуты договоренности по обмену опытом и знаниями между производителями, организации стратегии совместного производства, рекламе, организации выставок, сертификатов на сельскохозяйственную и животноводческую продукцию, сотрудничество в использовании водных ресурсов, рыболовстве³⁸.

Расширяется сотрудничество и в сфере **здравоохранения**. Так, 26 августа 2016 г. между Турцией и Пакистаном был подписан меморандум о взаимопонимании в сфере здравоохранения. Состоялись переговоры между премьер-министром Пакистана Н. Шарифом и министром здравоохранения Турции Р. Акдагы³⁹.

По мнению ряда неправительственных международных организаций, к которому присоединяются отдельные политические

деятели и аналитики, Пакистан входит в число нестабильных государств. Поэтому совместные усилия с Турцией по **борьбе с терроризмом** играют большое значение для Пакистана.

Во время визита премьер-министра Турции А. Давутоглу в Пакистан в феврале 2015 г. турецкий лидер заявил на совместной пресс-конференции, что Турция и Пакистан будут продолжать сотрудничество в борьбе с терроризмом и исламофобией. «Мы имеем общую позицию с Пакистаном относительно террористических нападений и борьбы с терроризмом, где бы они ни происходили». Сообщалось, что Турция выделила для Пакистана дополнительную помощь в размере 20 млн долл. для пострадавших от террора и селя⁴⁰.

Во время встречи в Анкаре в апреле 2015 г. премьер-министров стран М. Давутоглу подчеркнул, что и Турция, и Пакистан готовы сотрудничать в решении региональных вопросов, которые оказывают влияние на обе страны. Стороны готовы консультировать другие страны для сохранения стабильности и порядка в регионе⁴¹.

В августе 2016 г. Президент Турции во время переговоров с парламентской делегацией Пакистана в Анкаре осудил террористический акт в пакистанском городе Кветта и добавил, что Турция поддерживает Пакистан в борьбе с терроризмом⁴².

Министр иностранных дел Турции отмечал на переговорах в Анкаре в августе 2016 г., что Пакистан является партнером в борьбе с терроризмом не только для Турции, но и для всего мирового сообщества. И в этом вопросе сотрудничество Пакистана с Турцией является для всех примером⁴³.

В рамках визита Р.Т. Эрдогана в Пакистан в ноябре 2016 г., турецкий лидер затрагивал и проблему террористической организации Фетхуллага Гюлена FETÖ, с которой активно борется Турция. Пакистан – одна из стран, где FETÖ, обрела наибольшую силу, больше всего распространилась и закрепилась. Здесь у нее есть 28 школ под названием «PakTürk», тысячи учителей и учеников, множество компаний, журналы, газеты и даже телеканалы. Президент Турции Р. Эрдоган предупреждал об этой структуре: «Мы предостерегаем наших друзей и братьев»⁴⁴. Правительство Пакистана солидарно с Турцией в вопросе борьбы с FETÖ.

Премьер-министр Пакистана Н. Шариф на пятом заседании Пакистано-Турецкого Совета стратегического сотрудничества на высшем уровне в феврале 2017 г., проходившем в Стамбуле, также отметил готовность к совместному сотрудничеству сторон по вопросу борьбы с террором. Пакистанский премьер-министр заявил, что «враги Турции – это враги и Пакистана, и Пакистан поддерживает Турцию в этой борьбе»⁴⁵.

Активно развиваются контакты между Турцией и Пакистаном и в **сфере образования**. Так, в марте 2017 г. Советы по высшему образованию сторон подписали меморандум о взаимопонимании, предусматривающий сотрудничество в области высшего образования. Согласно данному соглашению, около 500 пакистанских студентов будут учиться в турецких университетах и получать стипендии правительства Пакистана. А выпускники академий будут трудоустроены в Турции. Кроме того, стороны договорились о том, что Турция поделится опытом в сфере технопарков, будет создан совместный исследовательский центр, разработаны Советами программы по целевым сферам образования⁴⁶.

Развивается сотрудничество и в сфере **туризма**. Так, в 2014 году Турцию посетило 48420 тыс. туристов, в 2015 г. – 59700, а в 2016 г. – 52000⁴⁷.

Таким образом, Турция и Пакистан активно сотрудничают в разных сферах. При этом Турция выступает и экспортером своей продукции, причем в основном, с высокой добавленной стоимостью, и инвестором в пакистанскую экономику, и делится своим опытом с Пакистаном в различных сферах экономики. Турция демонстрирует политику сотрудничества со странами Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии, лидерства в регионе, а также видит в Пакистане своего партнера и страну, которая ее поддерживает во многих вопросах. Пакистан импортирует продукцию, необходимую для развития своей экономики, экспортирует сырье и продовольствие, сотрудничает с Турцией как с более опытным партнером и страной, которая также прилагает усилия для совместной борьбы с терроризмом. Стороны намерены трансформировать дружеские связи в прочное стратегическое партнерство.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Laçiner S. Türkler Pakistanı neden sever // URL: <https://www.tatliaskim.com/genel-turk-tarihi/496016-turkler-pakistan-i-neden-sever.html>. Дата обращения 20.01.2011.
2. URL: <http://www.inosmi.ru>. № 1974354. Дата обращения 18.11.2016.
3. Laçiner S. Türkler Pakistanı neden sever // <https://www.tatliaskim.com/genel-turk-tarihi/496016-turkler-pakistan-i-neden-sever.html>. Дата обращения 20.01.2011.
4. Турция и Пакистан готовят соглашение о свободной торговле // URL: <http://aa.com.tr/ru/заголовки-дня/турция-и-пакистан-готовят-соглашение-о-свободной-торговле/685934>. Дата обращения 15.11.2016.
5. Ткачёва Ю. Турция и Пакистан пересмотрят энергетическое партнерство // URL: <http://teknoblog.ru/2016/08/02/66140>. Дата обращения 02.08.2016.
6. Замараева Н.А. Пакистано-турецкие отношения на современном этапе // Турция в период правления Партии справедливости и развития. М., 2012, с. 146.
7. Türkiye Pakistan ilişkileri dahada gelişmeli // URL: <http://hurseda.net/Politika/177008-Turkiye-Pakistan-iliskileri-dahada-gelismeli.html>. Дата обращения 26.12.2016.
8. URL: <https://regnum.ru/news/2103664.html>. Дата обращения 23.03.2016.
9. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/pakistana-yakin-markaj-40073992>. Дата обращения 22.03.2016.
10. Türk iş adamlarından Pakistan atağı // 22.03.2016 Salı 17:51. URL: <http://www.alanyapostasi.com.tr/genel/turk-is-adamlarindan-pakistan-atagi-h14109.html>. Дата обращения 22.03.2016.
11. Türkiye – Pakistan Serbest Ticaret Anlaşması // URL: <http://www.ciftlikdergisi.com.tr/turkiye-pakistan-serbest-ticaret-anlasmasi.html>. Дата обращения 25.12.2016.
12. TÜRKİYE ile Pakistan arasında serbest ticaret çerçeve anlaşması imzalandı // URL: <https://www.hurriyet.com.tr/pakistana-yakin-markaj-40073992>. Дата обращения 22.03.2016.
13. Турция и Пакистан завершили переговоры по соглашению о свободной торговле // URL: https://news.rambler.ru/middleeast/38275574/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. Дата обращения 28.10.2017.
14. URL: <https://www.ekonomi.gov.tr/portal/faces/home/disIliskiler/ulkeler/ulke-detay/Pakistan/html-viewer-ulkeler?contentId/> (Данные взяты с сайта Министерства экономики Турции за 2016 г.)
15. Рассчитано по данным сайта Министерства экономики Турции за период 2015–2016 гг.: Türkiye-Pakistan Dış Ticaret Değerleri // URL: <http://www.ekonomi.gov.tr>.

16. Рассчитано по данным сайта Министерства экономики Турции за 2016 г.: Türkiye'nin Pakistan'a İhracatında Başlıca Ürünler (Milyon Dolar) // URL: <https://www.ekonomi.gov.tr>.
17. Каменев С.Н. Экономическое развитие Пакистана (1947–2012). Макроэкономический анализ. М., 2014, с. 177. ISBN978–5–89282–553–5.
18. URL: <https://polpred.com/id=1770125>. Дата обращения 15.05.2016.
19. Türkiye ile Pakistan arasında serbest ticaret çerçeve anlaşması imzalandı. Mart 2016 // URL: <http://www.hurriyet.com.tr/pakistana-yakin-markaj-40073992>. Дата обращения 03.2016.
20. Турция и Пакистан пересмотрят «энергетическое» партнерство // URL: <https://teknoblog.ru/2016/08/02/66140>. Дата обращения 02.08.2016.
21. Hızla Büyüyen Pakistan Türkiye'nin Yatırımlarını Bekliyor // <http://www.girisimhaber.com/post/2018/03/05/Pakistan-Turkiyenin-Yatirimlarini-Bekliyor.aspx>. Дата обращения 05.03.2018.
22. URL: <http://www.girisimhaber.com/post/2018/03/05/Pakistan-Turkiyenin-Yatirimlarini-Bekliyor.aspx>. Дата обращения 05.03.2018.
23. URL: <http://katehon.com/ru/article/pakistan-k-vizitu-prezidenta-turcii-redzhepa-erdogana>. Дата обращения 21.11.2016.
24. Türkiye ile Pakistan arasında imzalanan anlaşmalar/23 Şubat 2017 Perşembe, 15:41 // URL: <http://www.haberturk.com/yerel-haberler/haber/11042301-turkiye-ile-pakistan-arasinda-imzalanan-anlasmalar>. Дата обращения 23.02.2017.
25. URL: <http://www.byegm.gov.tr/turkce/haber/turkiye-ve-pakistan-arasinda-10-is-birligi-anlasmasi-imzalandi/106220>. Дата обращения 24.02.2017.
26. Pakistan, Turkey sign 10 agreements to enhance bilateral ties // URL: <http://www.india.com/news/world/pak-turkey-sign-10-agreements-to-enhance-bilateral-ties-1871898>. Дата обращения 25.02.2017.
27. Pakistan Başbakanı Navaz Şerif, Türkiye'nin düşmanlarının Pakistan'ın düşmanları olduğunu belirterek, “Türkiye'nin terörle mücadelesine destek veriyoruz.” dedi/23/02/2017 // URL: http://www.milligazete.com.tr/_turkiyenin_dusmanlari_pakistanin_dusmanlaridir_/454313. Дата обращения 23.02.2017.
28. Pakistan-Türkiye savunma ilişkileri // URL: <http://www.byegm.gov.tr/turkce/haber/pakistan-turkiye-savunma-iliskileri/75341>. Дата обращения 26.02.2018.
29. URL: defensenews.com. Дата обращения 15.01.2016.
30. Türkiye ile Pakistan ortak tatbikat yapacak // URL: <http://www.kanalahaber.com/haber/dunya/turkiye-ile-pakistan-ortak-tatbikat-yapacak-289863>. Дата обращения 09.03.2016.
31. Пакистан. Турция > Авиапром, автопром. Армия, полиция // URL: <http://militaryparitet.com>. 01.02.2017 > № 2065755. Дата обращения 01.02.2017.
32. URL: <http://www.armstrade.org/includes/periodics/news/2016/0607/145035407/detail.shtml>. Дата обращения 07.06.2016.
33. URL: <https://ria.ru/economy/20161124/1482083696.html>. Дата обращения 24.11.2016.
34. URL: militaryparitet.com. 01.02.2017 > № 2065755. Дата обращения 01.02.2017.

35. Pakistan navy war college delegation comoletes visit to Turkey // URL: <http://pakturkey.blogspot.ru/2017>. Дата обращения 30.03.2017.
36. URL: <http://www.militaryparitet.com>. 31.05.2017 > № 2193306. Дата обращения 31.05.2017.
37. Турецкая STM модернизирует подлодки ВМС Пакистана // URL: <https://aa.com.tr/ru/заголовки-дня/турецкая-stm-модернизирует-подлодки-вмс-пакистана-/1075837>. Дата обращения 28.02.2018.
38. Türkiye ile Pakistan tarım işbirliğinde yeni dönem // URL: <https://www.tarimdanhaber.com/haber/bakanlik/turkiye-ile-pakistan-tarim-isbirliginde-yeni-donem>. Дата обращения 16.04.2015.
39. Türkiye ile Pakistan arasında sağlık mutabakatı imzalandı // URL: <https://www.findiktv.com/turkiye-ile-pakistan-arasinda-saglik-mutabakati-imzalandi.html>. Дата обращения 26.08.2016.
40. ‘Türkiye’nin düşmanları Pakistan’ın düşmanlarıdır’ // URL: <http://www.turkiyegazetesi.com.tr/dunya/449859.aspx>. Дата обращения 23.02.2017.
41. Davutoğlu-Şerif Ortak Basın Toplantısı // URL: <https://www.mersinhaber.com/haber-2015-04-03-davutogluserif-ortak-basin-toplantisi/250553>. Дата обращения 03.04.2015.
42. Cumhurbaşkanı Erdoğan’dan Pakistan’a başsağlığı // URL: <http://www.haberturk.com/haber/haber/1216072-cumhurbaskani-erdogandan-pakistana-bassagligi>. Дата обращения 27.03.2016.
43. Tekstilde Pakistan ile serbest ticaret anlaşması // URL: <http://www.hurriyet.com.tr/tekstilde-pakistan-ile-serbest-ticaret-anlasmas-40375454>. Дата обращения 23.02.2017.
44. Türkiye – Pakistan Serbest Ticaret Anlaşması // URL: <http://www.ciftlikdergisi.com.tr/?p=107076>. Дата обращения 25.12.2016.
45. URL: <http://www.byegm.gov.tr/turkce/haber/turkiye-ve-pakistan-arasinda-10-is-birligi-anlasmasi-imzalandi/106220>. Дата обращения 24.02.2017.
46. YÖK’ten iki uluslararası anlaşma // URL: <http://www.memurlar.net/haber/653619/yok-ten-iki-uluslararası-anlasma.html>. Дата обращения 15.03.2017.
47. URL: <http://www.mfa.gov.tr/pakistan-ekonomisi.tr.mfa> (Данные сайта Министерства внешнеэкономических связей Турции за период 2015–2016 гг.)

В.П. Кашин*

ПАКИСТАН, ИНДИЯ И ТРАНСГРАНИЧНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Резюме. В центре внимания автора статьи – историческое противостояние Пакистана и Индии, которое стало причиной пакистано-индийских войн 1947–1948, 1965 и 1971 гг., нескольких взрывоопасных конфликтов и трансграничного терроризма. Они представляют большую опасность для региона и мира в целом особенно после ядерных испытаний, проведенных в мае 1998 г. этими странами. С начала 1990-х гг. трансграничный терроризм принял наибольший размах на Линии контроля (ЛК) в Кашмире при активной поддержке со стороны правящих кругов Пакистана. В качестве первых шагов на пути нормализации обстановки на Линии контроля и пакистано-индийской границе должны стать обуздание трансграничного терроризма и прекращение артиллерийских дуэлей.

Ключевые слова: Пакистан, Индия, Кашмир, трансграничный терроризм

Pakistan, India and Cross-border Terrorism

Summary. The historic opposition of Pakistan versus India, which caused Pakistan-India wars of 1947–1948, 1965, 1971, several highly explosive conflicts and cross-border terrorism, are at the center of the author's attention. They are a great danger for the region and the world in general, especially after the nuclear tests held in May 1998 by these countries. Since the beginning of the 1990-s cross-border terrorism has become especially prominent on the Control Line in Kashmir with the support of the administration of Pakistan. The first steps to normalize the situation on the Control Line and Pakistan-India border should be the restraint of cross-border terrorism and ceasing artillery hostilities.

Key words: Pakistan, India, Kashmir, cross-border terrorism

* Кашин Валерий Петрович – ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук

Пакистано-индийское соперничество продолжается восьмой десяток лет и имеет характер военного противостояния. Его непосредственным результатом стали войны 1947–1948, 1965 и 1971 гг., взрывоопасные конфликты 1987–1988, 1999 и 2016 гг., а также трансграничный терроризм на Линии контроля в Кашмире. Они представляют большую опасность как для региона, так и мира в целом, особенно после серии ядерных испытаний, проведенных Пакистаном и Индией в мае 1998 г.

Взаимные подозрения, претензии и вражда преследуют Пакистан и Индию с рождения близнецов-доминионов 14–15 августа 1947 г. Этому предшествовал раздел британских колониальных владений на Индостане по принципу религиозно-общинной принадлежности, в ходе которого погибли свыше 1 млн человек и 15,6 млн стали беженцами. Груды человеческих тел на улицах и площадях сожженных городов, поезда смерти с вырезанными пассажирами и сотни тысяч изнасилованных женщин стали жертвами той чудовищной южноазиатской трагедии¹.

Главным катализатором антагонизма для Пакистана и Индии было и остается княжество Кашмир, расположенное на стыке Гималаев и Тибета. Его территория равна площади Дании, Бельгии, Голландии и Люксембурга вместе взятых, население – 4 млн человек, из которых 77,8% мусульмане. В 1941 г. уровень грамотности в княжестве составлял всего 6,6%. Правитель Кашмира махараджа Хари Сингх, индус по вероисповеданию, не спешил присоединяться к одному из доминионов и вынашивал планы провозглашения независимости с перспективой стать «азиатской Швейцарией».

Колебания махараджи были использованы Пакистаном как повод для организации вторжения в Кашмир в октябре 1947 г. воинственных пуштунских племен афридиев, действовавших при поддержке пакистанских солдат. Они захватили город Муззифарабад и провозгласили его столицей независимого государства Азад Кашмир (Свободный Кашмир). Глава его временного правительства Мухаммад Ибрагим обратился к И.В. Сталину

с просьбой о поддержке. СССР воздержался от ответа; международного признания Азад Кашмир не получил.

Племенные отряды продвигались на грузовиках к столице княжества Сринагару, большая часть войска махараджи разбежалась, а солдаты-мусульмане перешли на сторону пуштунов. В городе Раджаури были убиты и ранены свыше 30 тыс. жителей, а девушки и молодые женщины были вывезены в Пакистан в качестве «боевых трофеев»². В результате напуганный махараджа обратился за помощью к Нью-Дели, и 26 октября 1947 г. он подписал соглашение о присоединении Кашмира к Индии. На следующий день в Сринагар по воздуху был перебросен сикхский батальон; он обеспечил посадку транспортных самолетов с индийскими солдатами.

Формально Пакистан в войне 1947–1948 гг. непосредственного участия не принимал. Против Индии сражалась 30-тысячная армия Азад Кашмира, костяк которой составляли пуштунские формирования. В конце 1947 г. на севере Кашмира в население бывшего британского агентства Гилгит объявило о неподчинении Сринагару и подняло государственный флаг Пакистана. Аналогичным образом поступили Хунза, Нагар, Пуниал и другие высокогорные княжества. Вместе с агентством Балтистан они образовали контролируемые Пакистаном т. н. «Северные территории».

1 января 1948 г. Индия обратилась в Совет Безопасности ООН с жалобой на Пакистан, обвинив его в агрессии в Кашмире, а 15 января 1948 г. ответную жалобу в ООН на действия Индии направил Пакистан. Он заявил о незаконности индийских обвинений и расценил ситуацию в княжестве как «народное восстание» против деспотичного правления махараджи. Резолюции ООН от 21 апреля и 13 августа 1948 г. призывали конфликтующие стороны к прекращению огня, выводу войск и проведению плебисцита под международным контролем. Однако плебисцит не состоялся – Индия потребовала предварительного отвода из Кашмира пакистанской армии и пуштунских отрядов. Пакистан же настаивал на одновременном выводе вооруженных сил Индии и племен.

После безуспешных попыток сторон расширить контролируемую территорию 1 января 1949 г. военные действия в Кашмире были прекращены. 27 июля того же года стороны подписали соглашение о Линии прекращения огня (ЛПО). Под контролем Пакистана остались Азад Кашмир и Северные территории, охватывающие 2/5 княжества с населением 1 млн человек. Большая часть Кашмира вошла в состав Индии в качестве штата Джамму и Кашмир. На индийских картах Азад Кашмир и Северные территории обозначаются как незаконно оккупированные. В свою очередь, пакистанские географы считают Джамму и Кашмир неотъемлемой частью своей страны.

26 января 1950 г. вступила в силу конституция Индии, провозгласившая страну Демократической республикой. 23 марта 1956 г. Исламской республикой стал Пакистан. Оба государства активно занимались административным и политическим строительством, укреплением своей обороноспособности и границ. 22-х дневная война Пакистана и Индии в 1965 г. и особенно 14-ти дневная война в 1971 г. изменили карту Южной Азии. 26 марта 1971 г. на месте Восточного Пакистана была провозглашена Народная Республика Бангладеш. В июле 1972 г. в Симле Пакистан и Индия подписали соглашение, взяв на себя обязательства по налаживанию взаимоотношений и укреплению мира и безопасности. Новой фактической границей в Кашмире 17 декабря 1971 г. стала Линия контроля, заменившая ЛПО. Ее общая протяженность составила 740 км. Стороны формально согласились уважать и не нарушать ЛК.

В дальнейшем Пакистан и Индия продолжали наращивать военную мощь, закупая большие партии оружия за границей. Пакистан извлек максимальную выгоду из ситуации в соседнем Афганистане после революционных событий 1978 г. Его территория стала плацдармом для ведения боевых действий против афганских властей и поддержавших их советских войск. Это обеспечило Исламабаду многомиллиардную помощь со стороны США, Саудовской Аравии и их союзников. Наряду с афганскими моджахедами на территории Пакистана проходили обучение сикхские экстремисты, выступавшие с требованием

создания независимого государства сикхов Халистан. Деятельность последних представляла серьезную угрозу национальной безопасности Индии и привела к гибели 31 октября 1984 г. премьер-министра Индиры Ганди от рук телохранителей-сикхов.

Передний рубеж пакистано-индийского противостояния стабильно проходил в Кашмире. Отсутствие разграничений на карте и настойчивость сторон привели к конфликту в районе ледника Сиачин на высоте 4800 м над уровнем моря. Особенно острый характер приняли столкновения в 1987–1988 гг. Пакистанцы пытались атаковать индийские посты на перевалах, создавали базы на доступных с воздуха скалах и забрасывали десант в тыл, но их усилия были тщетными. В ходе конфликта погибли 884 индийских солдата и 13 тыс. были ранены или обморожены³. Потери Пакистана были примерно такими же. С 2003 г. на Сиачине действует режим прекращения огня, Пакистан постоянно держит в этом секторе 3 пехотных батальона, Индия – 7 батальонов.

Менее продолжительным, но более ожесточенным был конфликт в мае – июле 1999 г. в районе города Каргил, расположенного на индийской стороне ЛК. Боевые действия проходили на высоте 4000–5000 м. Помимо военнослужащих в них участвовали местные инсургенты и моджахеда из других исламских государств, прошедшие подготовку в Пакистане. Конфликт в Каргиле можно считать самым масштабным проявлением трансграничного терроризма, активно используемого Пакистаном в противостоянии с Индией с начала 1990-х гг.

Расширение трансграничного терроризма на ЛК было обусловлено прежде всего сложной ситуацией в Кашмире, которая резко обострилась в конце 1980-х. Столкновения индийских военнослужащих с представителями исламистских группировок начались в 1989 г. и продолжаются по сей день. За этот период жертвами насилия стали 47 тыс. человек, согласно официальной индийской версии, и свыше 100 тыс., по неофициальным оценкам⁴.

Причиной массовых выступлений населения Кашмира тогда были низкий уровень жизни, безработица и коррупция,

а формальным поводом – фальсификация результатов выборов в законодательное собрание штата в 1987 г. Противники центральной и местной администрации сочли, что у них отняли победу, и призвали к акциям протеста. В январе 1990 г. в Сринагаре полиция неоднократно открывала огонь, в результате чего погибло более 100 манифестантов⁵.

Акцент в движении за независимость Кашмира переместился с националистического на исламистский. Тон на этом направлении задавали экстремисты из Объединенного совета джихада (ОСД), тесно взаимодействовавшие с Межведомственной разведкой Пакистана. В ОСД вошли такие пропакистанские группировки, как «Хизб уль-муджахеддин» (Партия моджахедов), «Джамаат уль-муджахеддин» (Сообщество моджахедов), «Харакат уль-Ансар» (Движение сторонников Пророка), «Аль-Джихад» (Священная война) и др. К ним примкнули «Лашкар-и-Тойба» (Воинство правоверных) и позднее «Джаиш-и-Мохаммед» (Армия Мохаммеда). Но первым к вооруженному сопротивлению призвал Фронт освобождения Джамму и Кашмира, выступавший за единый самостоятельный Кашмир.

Умереть за джихад в Кашмире была и есть большая честь. Смерть шахида всегда привлекает к его семье внимание и вызывает уважение. Изображения (фотографии) полевых командиров в форме и при оружии вешают на двери там, где прежде были фотографии звезд Болливуда. В магазинах выставляют урны для пожертвований на джихад. Кашмирская молодежь переходит ЛК, обучается в тренировочных лагерях на контролируемой Пакистаном территории бывшего княжества и по возвращении применяет полученные навыки на практике. В 2006 г. таких лагерей насчитывалось свыше 60. В них проходили подготовку (по оценкам индийской стороны) одновременно свыше 1,5 тыс. боевиков⁶.

Основой тактики исламистов были обстрелы полицейских из засад и захват заложников. Затем они перешли к поджогам административных зданий и взрывам в многолюдных местах с целью устрашения и создания обстановки хаоса и анархии. В середине 1990-х гг. в штате действовали 7–8 тыс. боевиков, из которых треть составляли выходцы из Афганистана и бывших

советских республик Средней Азии. Пришлые отличались особой жестокостью. Захваченных в плен полицейских и солдат они таскали в цепях по деревням, выкалывали им глаза, кастрировали и снимали с людей кожу живьем.

Трансграничному терроризму противостоят со стороны Индии подразделения Центральной резервной полиции и Пограничной службы, а с 1994 г. к ним присоединились 400 тыс. военнослужащих⁷. Вдоль ЛК постоянно курсируют патрули. В 15-километровой зоне от границы и в городах действует комендантский час. Солдаты часто «зачищают» деревни и городские кварталы. Они получили приказ стрелять на поражение без предупреждения. Несмотря на то, что Пакистан обеспечивал боевикам огневую поддержку, те несли большие потери и в последнее время стали переходить к боевым действиям в высокогорье. С 1993 по 2003 гг., например, сепаратисты теряли (по индийским данным) ежегодно 1,5 тыс. боевиков; индийских силовиков гибли в 3–4 раза меньше, в 2009 г. это соотношение составляло как 242 к 78, а в 2012 г. – 84 к 17⁸.

В мае 1999 г. индийские пограничники наткнулись на целую систему окопов и дотов сепаратистов, пересекающих весь сектор Каргила в глубину до 8 км. Общая численность группировки составила тогда 5 тыс. боевиков. Природные условия помогали им противостоят превосходящим силам индийской армии. 26 мая 1999 г. самолеты ВВС Индии нанесли серию ударов по возведенным укреплениям, а на следующий день Пакистан обвинил Индию в нарушении ЛК и границы в Джамму и подверг бомбардировке индийские посты в районах Пунча, Нушеры и Акхнура. Бои носили ожесточенный характер, при этом отдельные пункты и высоты по несколько раз переходили из рук в руки. В середине июля стало ясно, что боевикам не удастся удержать занятую территорию, и оставшиеся в живых инфильтранты вернулись в Пакистан.

Потери Индии составили 527 солдат и офицеров убитыми (по пакистанским данным 1600). Пакистан потерял 450 солдат и офицеров (по индийской версии 700)⁹. 27 мая потерпел крушение самолет индийских ВВС МИГ-27, его пилот К. Начикета был

взят в плен. В тот же день пакистанцы сбили самолет МИГ-21, индийский пилот А. Ахуджа, которому удалось катапультироваться, был убит выстрелами в голову и грудь. 28 мая ракетой «Стингер» был сбит вертолет МИ-17 ВВС Индии, все члены экипажа погибли.

Особенность каргилского конфликта состояла в том, что участвовавшие нем стороны на тот момент уже обладали ядерным оружием. 11 и 13 мая 1998 г. Индия произвела 5 подземных ядерных испытаний на полигоне Покхран в штате Раджастан. Пакистан провел 28 и 30 мая 1998 г. 6 ядерных испытаний разной мощности в подземных шахтах на полигоне Чагаи в Белуджистане. Это число соответствует общему количеству испытаний, проведенных Индией в 1998 г. и 18 мая 1974 г. Тем самым, Пакистан наглядно продемонстрировал, что имеет равные ядерные возможности с большим восточным соседом. «События в Каргиле летом 1999 г. показали, что ядерное оружие не изменило сущности взаимоотношений Индии и Пакистана, – отмечают российские востоковеды В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко и Т.Л. Шаумян. – По-прежнему, действует и решает все превосходство обычных видов вооружений, по которому баланс, как и раньше, в огромной степени в пользу Индии»¹⁰.

После каргилского конфликта сепаратисты уже не могли вербовать рекрутов с прежним размахом и акцентировали внимание на проведении отдельных громких терактов. Операции осуществляли хорошо обученные и вооруженные группы смертников. Так, 13 декабря 2001 г. 5 террористов, выходцев из Пакистана, принадлежавших к «Лашкар-и-Тойба», атаковали здание индийского парламента в Нью-Дели. Перестрелка продолжалась полчаса, все нападавшие были убиты. Погибли 8 сотрудников безопасности, включая женщину-полицейского, 16 человек получили ранения. В январе 2002 г. Индия мобилизовала 500 тыс. резервистов и разместила их вдоль пакистано-индийской границы. Пакистан принял ответные меры, призвав 300 тыс. резервистов¹¹. Это было самое крупное противостояние сторон со времени войны 1971 г. Войска были отведены от границы только

через 5 месяцев под нажимом США, объявивших войну мировому терроризму после известных событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке.

Утром 14 мая 2002 г. трое террористов в военной форме остановили рейсовый автобус близ Калучака (пригорода Джамму) и расстреляли его пассажиров. Спустя 4 часа они проникли на территорию военного городка и учинили там новую бойню. Жертвами нападения стали жены и дети военнослужащих – 31 человек погиб, 47 ранены.

Но самый ужасный теракт на индийской территории был совершен 26–29 ноября 2008 г. в Мумбаи, его называют «индийским 11 сентября». 26 ноября 10 боевиков пакистанского происхождения из «Лашкар-и-Тоиб» высадились с надувных лодок у монумента Ворота Индии. Террористы разбились на группы и атаковали отели «Тадж Махал», «Оберой Трайдемент», Еврейский центр и железнодорожный вокзал «Виктория – Терминус». От их рук погибли 166 человек, включая 18 полицейских и 28 иностранцев, были ранены 293 человека¹². 21 ноября 2012 г. единственный захваченный в плен террорист Мохаммед Касаб был повешен по приговору индийского суда.

Индия выступает с осуждением вмешательства Пакистана в свои внутренние дела и обвиняет его руководство в разжигании джихада в Кашмире, поддержке террористов и снабжении их оружием. Пакистан это отрицает, указывает, что сам потерял в войне с террористами и в первую очередь в борьбе с Движением талибов Пакистана (ДТП) 70 тыс. граждан, и требует от Индии прекращения карательных операций в Кашмирской долине, соблюдения там прав человека и проведения референдума о самоопределении. Он также ставит вопрос о прекращении систематических артиллерийских обстрелов контролируемой им территории Кашмира со стороны Индии и о причастности Нью-Дели к подрывной деятельности в Белуджистане, где долгое время шла война регулярных частей пакистанской армии с отрядами племенных объединений и белуджских организаций – Республиканской армии Белуджистана, Армии освобождения Белуджистана и Фронта освобождения Белуджистана. В марте 2016 г. в Белуджистане был

арестован гражданин Индии Кулбушан Ядав, в прошлом офицер ВМФ. Военный трибунал обвинил Ядава в «спонсировании терроризма» и вынес смертный приговор¹³. Его исполнение отложено на неопределенный срок.

В мае 2014 г. в политической жизни Индии произошло важное событие. В результате убедительной победы на выборах в парламент к власти пришло националистическое правительство Бхаратия джаната парти (БДП) во главе с Нарендрой Моди, инициативным политиком, автором концепции ускоренной трансформации страны. В качестве одной из своих приоритетных задач новый кабинет назвал построение стабильных отношений с соседями и прежде всего Пакистаном.

Развивать и укреплять индийско-пакистанские связи Моди пытался с помощью мер взаимного доверия и личных контактов. 26 мая 2014 г. он пригласил премьер-министра Пакистана Наваза Шарифа в Нью-Дели на свою инаугурацию. 27 ноября 2014 г. он беседовал с ним с глазу на глаз на саммите СААРК (Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии) в Катманду, 10 июля 2015 г. на саммите ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) в Уфе и 30 ноября 2015 г. на Конференции по климату в Париже. 25 декабря того же года Моди поздравил Наваза Шарифа с днем рождения в Лахоре, где сделал незапланированную остановку по пути на родину из Кабула. Визит индийского премьера в Пакистан стал тогда первым с 2004 г.

Однако эта тактика себя не оправдала. Стремление Нью-Дели инициировать диалог с Исламабадом неизменно наталкивалось на вылазки террористов на ЛК и индийско-пакистанской границе. Подобная ситуация полностью отвечает интересам части военных кругов Пакистана, для которых угроза со стороны Индии остается решающим фактором ведущей роли в политической жизни страны. Запланированные на 2016 г. переговоры на высшем уровне не состоялись после нападения боевиков 1–2 января 2016 г. на базу ВВС Индии в Патханкоте (штат Пенджаб), совершенной членами террористической группировки «Джайш-и-Мохаммед». Целью боевиков были находящиеся на базе истребители МИГ-21 и вертолеты МИ-35. Террористы

старались прорваться к технической зоне, укрываясь в высокой траве, в бою погибли 7 военнослужащих. Все 6 террористов были ликвидированы, в Индию они проникли из пакистанского города Бахавалпур.

18 сентября 2016 г. 4 боевика из той же группировки нелегально пересекли ЛК и забросали гранатами армейский палаточный лагерь в городе Ури (штат Джамму и Кашмир). Погибли 19 индийских солдат. Модии назвал Пакистан «экспортером терроризма» и отказался участвовать в саммите СААРК в Исламабаде. Он пригрозил пересмотреть условия индийско-пакистанского соглашения о распределении вод реки Инд от 19 сентября 1960 г. и сократить подачу воды в пакистанский Панджаб путем возведения дамб Пакул, Савалкот и Бурсар на реке Чинаб в штате Химачал Прадеш¹⁴.

В ночь с 28 на 29 сентября индийские вертолеты со 100 десантниками на борту пересекли ЛК в 4 местах и углубились на 4–5 км на пакистанскую территорию. После приземления десантники скрытно вышли к лагерям боевиков и стартовым площадкам реактивных установок и в коротком бою уничтожили цели. Было убито несколько десятков террористов и их пакистанских инструкторов. Так называемую «Операцию возмездия» контролировал лично премьер-министр. Вечером 29 сентября на пресс-конференции в Нью-Дели генерал-лейтенант Ранбир Сингх раскрыл подробности проведенной операции.

В тот же день пакистанская артиллерия обрушила шквальный огонь на индийские пограничные посты, повредив 3 бункера. Исламабад отрицает факт проникновения индийского десанта на подконтрольную территорию, но признает потерю в перестрелке 2 солдат убитыми и 9 ранеными¹⁵. Стороны провели поспешную перегруппировку войск. Дуэли с применением стрелкового и тяжелого оружия, включая 122 мм гаубицы, происходят на ЛК практически ежедневно. Если за период с 2013 по 2017 гг. здесь было зарегистрировано 1592 обстрела, в том числе 860 в 2017 г., то в первые 36 дней 2018 г. число обстрелов составило 241¹⁶. Только в Нушере 963 семьи были вынуждены

оставить свои дома в пограничных деревнях и искать защиту от пуль и снарядов в лагерях беженцев¹⁷.

28 июля 2017 г. Наваз Шариф был вынужден уйти в отставку в связи с коррупционным скандалом, в котором оказались замешаны трое его детей. 1 августа 2017 г. на посту премьер-министра его сменил соратник по партии Пакистанская мусульманская лига (Н), бывший министр нефти и природных ресурсов Шахид Хакан Аббаси. Тем не менее ситуация на индийско-пакистанской границе принципиальных изменений не претерпела. Две ядерные державы продолжали наращивать военные мускулы в ожидании развертывания дальнейших событий.

Еще в феврале 2015 г. в штате Джамму и Кашмир было сформировано коалиционное правительство с участием региональной Народной демократической партии и БДП. Центр обещал выделить штату \$12,2 млрд, из которых дошло до адресата менее четверти¹⁸. А летом 2016 г. обстановка в Кашмире вновь обострилась. После убийства силовиками 8 июля известного полевого командира Бурхана Вани долину охватили массовые беспорядки. Индийских солдат в городах закидывали камнями. 90 человек погибли, 15 тыс. получили ранения¹⁹.

В 2017 г. на ЛК со стороны Индии были убиты в общей сложности 318 человек, включая 40 мирных жителей, 75 силовиков и 203 террориста. Среди убитых боевиков местных оказалось менее 40%²⁰.

Есть ли выход из тупика в сложившейся ситуации? Безусловно есть, и искать его нужно в разумном компромиссе с участием всех заинтересованных сторон. Первыми шагами на этом пути должны стать обуздание трансграничного терроризма и прекращение артиллерийских дуэлей на Линии контроля в Кашмире.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кашин В.П. Панджабский разлом // Азия и Африка сегодня. 2003. № 2, с. 51–56.
2. Prasad S., Pal D. History of Operation in Jammu and Kashmir (1947–48). Dehra Dun, 2005, p.49.
3. Gokhale N.A. Beyond NJ 9842. The Siachen Saga. L., 2014, p. 266.
4. Baba N.A. Peace Process and Imperatives of Resolving the Kashmir Problem // India and Pakistan. Pathways Ahead. New Delhi, 2007, p. 212.
5. Macdonald M. Defeat is an Orphan. How Pakistan Lost the Great South Asia War. Gurgaon, 2017, p. 159.
6. Nurturing Terrorists // India Today. 31.07.2006, p. 24.
7. Macdonald M. Defeat is an Orphan, p. 160.
8. Jolly A. Can She Stem the Rot // India Today. 15.05.2017, pp. 36–37.
9. Hiro D. The Longest August. The Unflinching Rivalry between India and Pakistan. N.Y., 2015, p. 300.
10. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003, с. 195.
11. Hiro D. The Longest August, p. 323.
12. Ibid., pp. 349–351.
13. Cherian J. Shadow Wars // Frontline. 12.05.2017, p. 42.
14. War by Other Means // India Today. 10.10.2016, p. 47.
15. Cherian J. The Strikes and the Echo // Frontline. 28.10.2016, p. 5.
16. Devasher T. Line of No Control // India Today. 19.02.2018, p. 14.
17. Ganai N. Red Response to White Flag // Outlook. 19.02.2018, p. 20.
18. Jolly A. Can She Stem the Rot, p. 37.
19. Ibid., p. 32.
20. Ahuja N.B. Block and Tackle // The Week. 21.01.2018, p. 43.

И. Е. Федорова*

КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Резюме. Реализация проекта китайско-пакистанского экономического коридора позволит Пакистану улучшить социально-экономическое положение, расширить торговые связи с государствами-партнерами по региону. Долгосрочный план инвестирования Китаем инфраструктурных и промышленных проектов Пакистана повысит его инвестиционную привлекательность. При этом долговое бремя усилит политическую зависимость Исламабада от Пекина. КНР в процессе реализации проекта расширит географию своего экономического и политического влияния в мире, в особенности в таком стратегически важном для пакистанских интересов регионе, как Аравийское море и страны Персидского залива.

Ключевые слова: Пакистан, Китай, КПЭК преимущества, КПЭК недостатки.

China-Pakistan Economic Corridor. Challenges and Opportunities

Summary. Implementation into life of China Pakistan Economic Corridor will improve the socio-economic situation in Pakistan and the country will expand trade links with its partners in the region. Long-term investment plan will increase Pakistan's investment attractiveness. On the other hand, debt trap will increase Pakistan's dependence on China. In the process of realization of CPEC China will increase its economic and political influence in the world and particularly in the Arabic Sea and Persian Gulf regions which are of strategic interest to Beijing.

Key words: Pakistan, China, CPEC advantages, CPEC drawbacks

В Исламской республике Пакистан особое внимание уделяют реализации Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), являющегося составной частью национального

* Федорова Ирина Евгеньевна – старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук

транспортно-энергетического проекта КНР «Экономический пояс Шелкового пути». 18 декабря 2017 г. был опубликован долгосрочный план реализации КПЭК, разработанный Государственным комитетом по реформам и развитию Китая, Банком развития Китая и Министерством планирования, развития и реформ Пакистана (Ministry of Planning, Development and Reform Pakistan)¹. Он должен быть претворен в жизнь в течение 15–30 лет.

Политическое руководство Пакистана высоко оценивает перспективы этого проекта. В Исламабаде убеждены, что строительство инфраструктуры коридора, который должен соединить пакистанский порт Гвадар (провинция Белуджистан) с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая, обеспечит Пакистану рост экономического развития. На Всемирном экономическом форуме в Давосе 24 января 2018 г. премьер-министр Пакистана Шахид Хакан Аббаси отметил, что строительство КПЭК коренным образом изменит экономическую ситуацию не только в Пакистане, но и во всем регионе². А министр планирования, развития и реформ Ахсан Икбал на церемонии, посвященной началу осуществления долгосрочного плана КПЭК, подчеркнул, что этот мега проект полностью соответствует пакистанской стратегии развития «Пакистан в 21 веке – Видение 2025», принятой еще в 2005 г., и позволит превратить страну в нового «азиатского тигра»³. В Пекине полагают, что создание КПЭК с последующим выходом к Аравийскому морю и далее к странам Африки и Ближнего Востока придаст Китаю дополнительный экономический стимул, в первую очередь за счет получения альтернативных путей доставки углеводородов в КНР.

Идея сухопутного пути, связывающего Китай и Пакистан далеко не нова. Так во второй половине XX в. посол Китая в Пакистане Ч. Бяо (1956–1959) неоднократно говорил о необходимости построить автомобильную дорогу из китайского г. Кашгар через Хунджерабский перевал до пакистанского г. Абботабад. Рекомендации китайского дипломата сыграли существенную роль в решении приступить к строительству Каракорумского шоссе, которое было открыто в 1987 г. и является одной из самых высокорейсовых международных трасс в мире. Эта дорога, пролегающая через

труднодоступные горные районы, будучи модернизированной, призвана сыграть важную роль в функционировании КПЭК.

Во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Исламабад в апреле 2015 г. с руководством Пакистана подробно обсуждались вопросы финансирования и реализации проектов КПЭК. Были подписаны 50 соглашений и Меморандумов о взаимопонимании на сумму 46 млрд долл. США, а также ряд дополнительных документов, позволивших к середине 2017 г. увеличить объем китайских инвестиций до 62 млрд долл. Предполагается, что на завершающей стадии (2030 г.) общая стоимость возведенных инфраструктурных объектов коридора может достигнуть 3 трлн долл., занятость будет дополнительно предоставлена более 1 млн пакистанским рабочим (только в 2017 г. – 30 тыс. человек), а рост ВВП Пакистана составит от 5% до 7%⁴.

Финансирование масштабных инфраструктурных, энергетических и промышленных проектов осуществляется через созданные (с подачи Китая) Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и государственный Фонд Шелкового пути. Средства также привлекаются из банка развития Китая, Нового банка развития и Экспортно-импортного банка Китая. В проект инвестируются денежные средства суверенного фонда КНР через Китайскую инвестиционную компанию и золотовалютные резервы Китая. Хотя инициатива КПЭК предусматривает китайские инвестиции преимущественно за пределами КНР, часть его инфраструктуры планируется развивать и в самом Китае. Так, основным бенефициаром выступает Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики, из которого планируется сделать своего рода хаб, связывающий Китай с остальной частью континентальной Евразии. А округ Кашгар превратить в базу по переработке выращиваемого на территории Пакистана сельскохозяйственного сырья. При этом значительная часть пригодных для сельского хозяйства территорий Пакистана будут переданы в аренду китайским компаниям⁵. По мнению Пекина, инвестиции в сельское хозяйство Пакистана будут способствовать обеспечению продовольственной безопасности Китая.

Что касается инвестиционного участия Китая в других проектах КПЭК, то Пекин в приоритетном порядке намерен вложить более 34 млрд долл. в энергетический сектор Пакистана, который испытывает острый дефицит электроэнергии. (Максимальная вырабатываемая мощность электроэнергии в стране составляет 26,5 МВт). Суммарная мощность всех электростанций, которые планируется ввести в действие к 2020 г. составит более 12 тыс. МВт. Основную часть объектов намечено возвести в провинциях Синд, Панджаб, Белуджистан, Хайбер-Пахтунхва и в граничащей с Китаем регион «Азад Кашмир»⁶. Предусматривается модернизация основных автомобильных и железнодорожных путей Пакистана. В 2016/17 финансовом году на эти цели Пекин выделил в виде кредитов около 1 млрд долл. Большая часть из этих средств (620 млн долл.) направлена на строительство автомагистрали Пешавар - Карачи на участке между г. Суккур (провинция Синд) и г. Мултан (провинция Панджаб). Намечена также модернизация государственной автомобильной дороги N-35, которая в свою очередь, формирует пакистанский участок Каракорумского шоссе протяженностью 887 км от пакистано-китайской границы до г. Бухран (провинция Панджаб)⁷.

Имеются планы по реконструкции железнодорожного пути, соединяющего города Карачи и Пешавар, на который приходится до 70% основного пассажирского и грузового трафика. В Пекине рассматривается возможность к 2030 г. иметь здесь железнодорожную инфраструктуру, пригодную для грузоперевозок прямую из Китая в пакистанские порты Гвадар и Карачи. Работы должны быть завершены к 2023–24 гг.⁸

Предполагается провести из Китая на территорию Пакистана и оптико-волоконный кабель, который может обеспечить обе страны альтернативным каналом связи с мировой паутиной и значительно увеличить интернет покрытие Пакистана широкополосной связью. Планируется соединить его с подводным кабелем в районе порта Гвадар. В настоящий момент в рамках КПЭК осуществляется строительство оптико-волоконной линии связи на участке между г. Равалпинди (провинция Панджаб) и Хундже-рабским перевалом (автономная территория Гилгит-Балтистан).

Проводятся также консультации по вопросу реализации проекта наземного цифрового телевизионного и мультимедийного вещания⁹. С одной стороны, этот проект важен в плане обеспечения независимости китайско-пакистанских коммуникаций в случае возможного конфликта в регионе. С другой – он является одним из важнейших элементов «мягкой силы» Китая – внешнеполитического инструмента обеспечивающего культурную экспансию Пекина.

Особое внимание в плане реализации КПЭК уделяется развитию порта Гвадар – «жемчужине проекта», который будет способен принимать различные грузы в больших объемах. Строительство началось еще в 2002 г. А в ноябре 2015 г. для реализации намеченных планов правительство Пакистана передало управление порта Китаю сроком на 43 г. Намечено сооружение девяти новых причалов для обработки контейнерных, сыпучих и наливных грузов, а также углубление фарватера, что позволит заходить судам максимальной грузоподъемностью до 100 тыс. тонн. В портовой бухте запланировано строительство плавучей перекачивающей станции сжиженного природного газа, которая впоследствии может быть интегрирована непосредственно в сегмент газопровода Иран-Пакистан на участке г. Гвадар – г. Навабшах. Правительство Пакистана объявило территорию, прилегающую к порту, Зоной свободной торговли. Китай взял на себя обязательство по возведению нового международного аэропорта г. Гвадар стоимостью 230 млн долл. США.

Представляется, что в перспективе морской порт Гвадар может использоваться для нужд военно-морских сил КНР, а именно, для пополнения запасов и ремонта кораблей при выполнении ими задач в Аденском заливе и Индийском океане.

Данный проект имеет стратегическое значение не только для Китая, но и для Пакистана. Порт Гвадар занимает весьма выгодное географическое положение, находясь вблизи Ормузского пролива, через который из стран Залива транспортируется около 60% потребляемой в мире нефти. Некоторые эксперты полагают, что в случае гипотетического конфликта Китая и США, существующие торговые и энергетические маршруты (в основном

морские) могут быть блокированы американскими ВМС, включая Малаккский пролив. Сейчас через него осуществляется почти вся китайская торговля с Индией, а также странами Ближнего Востока, Европы и Африки. Таким образом, порт Гвадар сможет стать альтернативным источником поступления энергетических и сырьевых ресурсов в Китай.

Несмотря на очевидные выгоды, получаемые Пакистаном после реализации КПЭК, здесь высказываются и критические замечания в отношении проекта. Известный пакистанский аналитик д-р К. Моноо пишет, что по мере получения китайских инвестиций возрастет зависимость Пакистана от Китая в военной и политической областях¹⁰. Серьезные опасения высказывает и видный экономист К. Бенгали. Он считает, что план вызывает больше вопросов, чем ответов, он недостаточно проработан, недостаточно прозрачен и не все условия, на которых заключаются те или иные соглашения, известны. В первую очередь это касается финансирования Китаем крупных проектов. С ним согласны и некоторые другие пакистанские эксперты. По их оценкам, Пакистан, попав в долговую зависимость от Китая, должен будет выплатить Пекину 90 млрд долл. в течение 30 лет¹¹. При этом потенциальные последствия задержки или невозможности выплаты Исламабадом долга не отражены в опубликованной части плана. Высказывается предположение, что в этом случае Пакистан будет вынужден или обратиться за помощью в МВФ, как это было сделано в 2002 году, или так же, как и Шри Ланка, отдать часть своей территории в качестве компенсации Пекину. Такой вариант развития событий может оказаться весьма вероятным, принимая во внимание сокращение американской финансовой помощи Исламабаду.

Еще одним моментом, вызывающим недовольство в пакистанском экспертном сообществе, является то, что китайские компании должны будут в максимальной степени принадлежать Китаю и выйдут из-под контроля пакистанских властей, предоставившим инвесторам серьезные налоговые преференции. В подтверждение своих слов они приводят в пример ситуацию с разработкой медного месторождения в г. Саиндак (Saindak Copper and Gold

Project), уже более 15 лет находящегося в лизинге у китайской компании Metallurgical Corp of China. Компания, получившая первоначально разрешение только на строительство, в настоящее время владеет половиной акций и осуществляет управление объектом¹². К. Бенгали также поднимает вопрос о целесообразности поставок большого объема различного рода беспоплатных материалов и оборудования под строительство КПЭК, которые могли бы закупаться и в самом Пакистане, что, по его мнению, создает угрозу местному бизнесу.

Недовольство условиями КПЭК наглядно проявилось во время обсуждения в Сенате вопроса о распределении доходов от работы порта Гвадар, когда были обнародованы данные о том, что в течение 40 лет государственная китайская компания «Overseas Port Holding Company» будет получать 91% доходов от работы порта и 85% от деятельности Свободной экономической зоны¹³. Вызывают вопросы у сенаторов и проблемы, которые могут возникнуть в области экологии и водоснабжения. Критикуя недостатки проекта КПЭК, многие журналисты называют его «новой Ост-Индийской компанией», заложившей основу колониальной зависимости Индии от Великобритании¹⁴.

В общественно-политических и медийных сообществах Пакистана также развернулась дискуссия по поводу того, насколько эффективны предпринимаемые пакистанскими властями меры безопасности в ходе строительства КПЭК. Отмечается, что обширные размеры территорий, которые задействованы в ходе реализации проекта, делают его уязвимым для террористических атак. Особенно острой эта проблема представляется в Синде и Белуджистане. Радикальные группировки, например, «Джай Синд Мутахида Махаз» и Объединенный фронт освобождения Белуджистана, устраивают там террористические нападения, пытаясь сорвать работы по проекту. Боевики из числа сепаратистских и националистических организаций проводят диверсии на объектах нефтегазовой, дорожно-транспортной и промышленной инфраструктуры, организуют похищения обслуживающего китайского персонала, а также осуществляют вооруженные вылазки на подразделения полиции и вооруженных

сил, привлекаемых для их охраны. В связи с этим руководство Пакистана прилагает значительные усилия по обеспечению безопасности возводимых объектов. В частности, в апреле 2015 г. из состава сухопутных войск и пограничных сил страны была создана отдельная дивизия численностью около 13 тыс. военнослужащих, предназначенная для охраны объектов КПЭК.

Повышенное внимание в этой связи уделяется порту Гвадар и прилегающей к нему территории. Для прикрытия береговой линии привлечены корабли военно-морских сил Пакистана. Под охраной пакистанских вооруженных сил организован городок для проживания там сотрудников китайских компаний. Задача по обеспечению безопасности внутреннего периметра поселения возложена на китайских военнослужащих. Инженерные части китайской армии также участвуют в работах по реконструкции Каракорумского шоссе, проходящего через автономную территорию Гилгит-Балтистан.

Осуществление строительства КПЭК вызывает неоднозначную реакцию в международном сообществе. Так, Индия выступает резко против в связи с тем, что часть коридора должна пролегать по территории Северного Кашмира, которую она считает оккупированной Пакистаном. Этим во многом объяснялся отказ премьер-министра Индии Н. Моди принять участие в форуме «Один пояс—один путь», проходившем в Пекине в мае 2017 года. Представитель МИД Индии Г. Баглай заявил, что «Ни одна страна не согласится с проектом, который игнорирует ее опасения, связанные с вопросами суверенитета и территориальной целостности»¹⁵. Особое опасение Дели вызывает то, что часть коридора, проходящая по этим территориям, будет охраняться не только пакистанскими, но и китайскими военными. Не исключают индийские политологи и привлечения Пекином частных военных компаний для этих целей.

США достаточно сдержанно высказываются относительно строительства «Нового шелкового пути» в целом и относительно КПЭК, в частности. На этом фоне выделяются мнение Министра обороны Дж. Мэттиса, высказанное им на слушаниях в Комитете Конгресса по обороне 3 октября 2017 г., о том, что «Новый

шелковый путь» или «Один пояс—один путь» проходит по спорным территориям, имея в виду Северный Кашмир¹⁶. Однако в целом Вашингтон не может не видеть, что осуществление этого проекта приведет к кардинальному изменению в стратегическом балансе сил в регионе Центральной и Южной Азии и созданию новой геополитической реальности, где заметно возрастает роль Китая. Поэтому Белый Дом предпринимает дальнейшие шаги по сближению с Индией, создавая противовес влиянию Китая в регионе. Это нашло отражение, в частности, в объявлении Индии в 2016 г. «ключевым партнером США» и в повышении ее роли в новой стратегии президента Д. Трампа по урегулированию ситуации в Афганистане, объявленной 21 августа 2017 г.

В заключение следует подчеркнуть, что реализация проекта Китайско-пакистанского экономического коридора позволит Пакистану улучшить социально-экономическое положение, расширить торговые связи с государствами-партнерами по региону. Долгосрочный план инвестирования Китаем во многие инфраструктурные и промышленные проекты на территории Пакистана однозначно повысит его инвестиционную привлекательность на мировом рынке и будет служить дополнительным стимулом для привлечения зарубежных капиталов и технологий.

Однако глубокое проникновение Китая в экономику Пакистана и значительный внешний долг ставит Исламабад в сложное положение, увеличивая его экономическую и политическую зависимость от КНР и ограничивая свободу действий во внешней, а в какой-то степени и во внутренней политике.

В свою очередь КНР в процессе реализации проекта существенно расширит географию своего экономического и политического влияния в мире, в особенности в таком стратегически важном для китайских интересов регионе, как Аравийское море и страны Персидского залива. Однако руководство Пекина высказывает опасения относительно нестабильности внутривнутриполитической ситуации в Пакистане, обсуждает риски потенциальных военных конфликтов, в том числе с учетом пакистанского ядерного потенциала, которые могут отрицательно сказаться на ходе реализации проектов КПЭК.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. URL: <https://www.cpec.gov.pk/index> Дата обращения 6.02.2018.
2. URL: <https://tribune.com.pk/story/1616835/1-pakistan-gained-great-investor-confidence-pm-abbasi> Дата обращения 3.02.2018.
3. URL: <https://cpec.gov.pk/messages/7>. Дата обращения 6.02.2018.
4. URL: <https://nation.com.pk/08-Oct-2016/cpec-to-boost-pakistan-gdp-growth-to-7-5>. Дата обращения 1.02.2018.
5. URL: <https://www.dawn.com/news/1333101>. Дата обращения 31.01.2018.
6. URL: <https://www.cpec.gov.pk/energy>. Дата обращения 6.02.2018.
7. URL: <https://www.cpec.gov.pk/infrastructure/>. Дата обращения 6.02.2018.
8. URL: <https://www.cpec.gov.pk/mass-transit-projects>. Дата обращения 6.02.2018.
9. URL: <https://www.cpec.gov.pk/others/> Дата обращения 6.02.2018.
10. URL: <https://www.pakistantoday.com.pk/2017/11/08/cpec-should-pakistan-be-worried> Дата обращения 28.01.2018.
11. URL: <https://tribune.com.pk/story/1352995/pakistan-will-be-paying-china-90b-cpec-related-projects/> Дата обращения 28.01.2018.
12. URL: <https://www.tns.thenews.com.pk/cpec-game-changer-game/#Wn17oUxukG4> Дата обращения 25.01.2018.
13. URL: <https://www.pakistantoday.com.pk/2017/04/20/gwadar-port-leased-to-chinese-company-for-40-years-minister-tells-senate/> Дата обращения 27.01.2018.
14. URL: <https://www.dawn.com/news/1290677>. Дата обращения 25.01.2018.
15. URL: https://www.news.ru.com/world/14may2017/forum_china.html Дата обращения 25.01.2018.
16. URL: <https://www.armed-services.senate.gov/hearings/17-10-03-political-and-security-situation-in-afghanistan>. Дата обращения 25.01.2018.

Р. Е. Прохоров*

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ В КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Резюме. В статье рассматриваются экологические проблемы Пакистана, а также меры по стабилизации экологической обстановки внутри страны. Особое внимание уделяется нерешенным экологическим проблемам в системе двусторонних отношений Пакистана с Китаем, в том числе в социальном аспекте. Показана роль научного сообщества в преодолении возникающих экологических трудностей, сотрудничество в области мониторинга, обмена данными и информацией в области экологии. Анализируется инвестиционная политика Китая с точки зрения ответственности китайских компаний по охране природы. Особое внимание придаётся возможным экологическим проблемам в процессе сооружения Китайско-пакистанского экономического коридора.

Ключевые слова: экология, Пакистан, Китай, окружающая среда, экологические проблемы

Ecological problems in China-Pakistan relations

Summary: The article considers the ecological problems of Pakistan, as well as measures to stabilize the ecological situation in the country. Special attention is paid to the consequences of the unresolved environmental issues in Pakistan's bilateral relations with China, including its social aspect. The role of the science community in solving the emerging environmental issues, cooperation in the field of monitoring, data exchange and ecology' information are also shown. The investment policy of China is analyzed in view of the Chinese companies responsibilities in the field of nature protection. Special attention is paid to the emerging environmental problems under the implementation of the China-Pakistan economic corridor.

Key words: ecology, Pakistan, China, environment, environmental problems

* Прохоров Руслан Евгеньевич – научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат психологических наук

2015 год ознаменовал собой начало нового этапа в развитии пакистано-китайских отношений. Однако вместе с крупными инвестициями и современными технологиями в системе двусторонних связей обострились и экологические проблемы, подчас несущие в себе немалые сложности.

Проблема охраны окружающей среды, рассматриваемая в контексте общих проблем развития китайско-пакистанских отношений, трактуется Китаем преимущественно в рамках приоритетных экономических интересов, с защитой которых и согласуется проведение т. н. «экологической дипломатии». Последняя становится продолжением официального курса Пекина на ускорение экономического развития и повышение конкурентоспособности производимой продукции. Еще в преддверии Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г., Китай сумел отстоять своё суверенное право на неограниченное никакими экологическими обстоятельствами экономическое развитие¹. Однако проблемы, вызываемые особенностями развития пакистанского общества, системой социальных связей, вопросами безопасности, тем резонансом, который вызывает экологическая проблематика, заставляют Китай активизировать экологический вектор китайско-пакистанских отношений.

Экологическая обстановка в Пакистане

Согласно Глобальному индексу климатических рисков (2017), Пакистан занимает седьмое место среди стран с наиболее неблагоприятным климатом. Зависимость социально-экономического развития Пакистана от климата обусловлена географическими особенностями, поскольку в стране преобладает тропический климат. При среднегодовом количестве осадков на уровне 240 мм Пакистан – одна из самых засушливых стран среди густонаселённых государств мира. Если бы не бассейн реки Инд с её многочисленными каналами, даже Панджаб оставался бы полупустынной местностью с кустарниковым редколесьем, как это было до того,

как британцы приступили к реализации грандиозных ирригационных проектов².

Однако в ходе чрезмерного потребления воды можно было прогнозировать высыхание многих мелких рек и снижение горизонта грунтовых вод; единственным источником в этом случае и остаётся река Инд. Однако, согласно исследованию, проведенному в 2009 г. Центром В. Вильсона, быстрый рост населения в Пакистане приведёт к тому, что к 2025 году ежегодная потребность в воде вырастет до 338 млрд кубометров. И если не будут приняты радикальные меры и потребление воды останется на нынешнем уровне (236 млрд кубометров), то дефицит в 100 млрд кубометров будет сопоставим с двумя третями всей воды бассейна реки Инд³.

Последствия климатических изменений ощущаются также в результате увеличения интенсивности и частоты климатических катастроф. Это проявляется в экстремальных температурах, сезонных засухах, проливных дождях, штормах, разрушительных наводнениях, туманах, оползнях, лавинах и т. п.

Правительство понимает существование этой проблемы и предпринимает меры по соответствующей адаптации для сведения к минимуму эффект глобального потепления, обеспечения режима питания рек и их санитарного состояния. Усилия по преодолению проблем, связанных с изменением климата, включают совершенствование законодательства, установку стандартов, разработку и реализацию политики охраны окружающей среды и др. Так, в 2017 г. в Пакистане принят закон, направленный на предотвращение негативного воздействия человеческого фактора на климат и окружающую среду. Он устанавливает природоохранные полномочия Совета по изменению климата, а также предусматривает создание на правительственном уровне Управления по изменению климата⁴. Более того, новый закон поможет провинциям развивать собственные экологические программы.

Поэтому ближайшими задачами государственной политики Пакистана в области природопользования обозначены следующие меры: уменьшение вредного воздействия промышленности и транспорта на окружающую среду, развитие методов

экологической оценки и аудита, экономическое стимулирование применения ресурсосберегающих технологий, привлечение инвестиций в природоохранную деятельность. Важное место будут занимать и различные целевые программы.

Программы по охране окружающей среды

В рамках принятых на себя международных экологических обязательств правительство Пакистана определило несколько программ. В частности, предусмотрены программы по управлению окружающей средой, сохранению биоразнообразия, по борьбе с загрязнением воздуха и отходами. Министерство по изменению климата приступило к созданию специального Центра по контролю за изменением климата и устойчивым развитием. Планируется использование таких современных технологий, как Географическая информационная система (ГИС) и дистанционное зондирование (RS), которые позволяют оперативно отслеживать состояние окружающей среды во всех её проявлениях, а также способствуют принятию срочных мер (в случае необходимости) на всех государственных уровнях. Цель создания центра – продвижение Глобальной информационной системы для оценки существующего состояния лесов, водных ресурсов, процессов опустынивания, деградации почв, состояния морских и прибрежных районов, процессов таяния ледников. На базе поступающей информации запланировано создание цифровой национальной библиотеки, её интеграция с системой предупреждения катастроф и управления рисками. Проект должен быть реализован в каждой из четырех провинций Пакистана для восстановления деградировавших экосистем, снижения уровня бедности и увеличения устойчивости экосистемы к изменениям климата.

Вместе с тем, следует иметь ввиду, что Пакистан является одной из стран с крайне низким уровнем лесного покрова (5% площади), в то время как международные требования к этому параметру составляют не менее 25%. Для увеличения площади лесных массивов правительство запустило программу «Зеленый

Пакистан»⁵. Основная ее цель – планомерный переход к экологически устойчивому развитию страны. Программа «Зеленый Пакистан» направлена главным образом на возрождение лесного хозяйства страны и будет осуществляться в течение пяти лет (2017–2021 гг.). Ориентировочная стоимость этого проекта составляет 3,7 млрд пакистанских рупий. В ходе реализации программы планируется высадка новых деревьев, в том числе 20% фруктовых, строительство нескольких десятков оросительных каналов, рекультивация почв в Гилгит-Балтистане. В рамках программы планируется использование и ресурсов публичной дипломатии. Предусматривается пропаганда достижений программы «Зелёный Пакистан» в средствах массовой информации и на международных форумах.

Утверждена Национальная стратегия в области биоразнообразия и План создания рабочих групп на национальном и провинциальном уровнях для обеспечения реализации экологических проектов. Ожидается, что принимаемые правительством Пакистана меры будут способствовать общему социально-экономическому развитию страны и решению проблем, связанных с негативным изменением окружающей среды.

Социально-экологический аспект реализации Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК)

Загрязнение атмосферного воздуха химическими веществами, изменения химического состава воды, шум передвигающегося транспорта, электромагнитные поля, создаваемые различными приборами, – всё это, как известно, способно привести к болезням системы кровообращения, органов дыхания, пищеварения, эндокринной системы, болезням аллергического происхождения, психическим расстройствам и т.д.. Одно из проблемных направлений в рамках реализации энергетического обеспечения проекта КПЭК – дальнейшая разработка в промышленных масштабах угольных месторождений в пустыне

Тар. Вместе с тем экологические проблемы в полной мере способны повлечь за собой и дальнейшее усугубление социальных сложностей.

В декабре 2015 г. правительство Китая одобрило инвестиции в размере 1,2 млрд долларов США, направленные на добычу угля и создание тепловых электростанций общей мощностью 660 МВт. Однако одним из спорных моментов до сих пор является определение способа добычи этого полезного ископаемого. По мнению эксперта по энергетическому сектору В. Закария, открытая добыча угля на территории пустыни приведёт к деградации почвы и заметному уменьшению биоразнообразия⁶. Крупнотоннажные отходы, в первую очередь отвалы при добыче угля открытым способом (занимающие немалые площади и выводящие их из общего состав землепользования), в очередной раз подтверждают опасность такой эксплуатации угольного месторождения.

Добыча угля в пустыне Тар китайскими компаниями вызывает также и недовольство населения провинции Синд, которое не устраивает высокий уровень цен на добытый уголь. Кроме того, китайские предприниматели, как считает местное население, не уделяют достаточного внимания восстановлению окружающей среды в процессе угледобычи. К тому же Тарский уголь низкого качества, и для обеспечения нужного уровня производства электроэнергии на пакистанских ТЭС добычу приходится постоянно увеличивать. Проблема рекультивации нарушенных земель может обостриться также в случае, например, сокращения (а тем более прекращения) финансирования китайской стороной программы восстановления окружающей среды вблизи угольного месторождения.

Массовые протесты и конфликты по этому поводу принимают различные формы не только на улицах, но и в судах⁷. Так, семья одной шестилетней девочки подала иск на правительство Пакистана за нарушение прав подрастающего поколения на здоровую жизнь вследствие разработок и добычи угля. В иске утверждается, что добыча приведёт к резкому увеличению

выбросов углерода в Пакистане, негативным последствиям, в первую очередь, для здоровья молодого поколения⁸.

Местные националистические силы в провинции Синд также в последнее время не остались в стороне. В течение 2017 г. ими было проведено несколько акций против сооружения Китайско-пакистанского экономического коридора. В ходе протестных выступлений, кроме экологических лозунгов, вывешивались баннеры, содержащие политические требования, в том числе о предоставлении Синду независимости. Так, выступая на митинге по видеосвязи, один из лидеров националистической партий Синда Шафи Бурфат заявил, что экономический коридор является смертным приговором для географического, экономического, культурного существования народов Синда и Белуджистана и объявил его «Панджабским заговором», направленным на укрепление гегемонии Центра над провинциями. По мнению Ш. Бурфата, коридор является «поводом для международных конфликтов и гонки ядерных вооружений в регионе», частью стратегического плана Китая по контролю над Индийским океаном⁹. Подобные попытки перевода экологических проблем в формат политических требований способны возобновить проблему сепаратизма на территории Синда.

В целом возможность протеста нельзя недооценивать. Пакистан во все времена отличался готовностью племён, кланов, больших семейных групп и отдельных индивидов к столкновениям, тяжбе, сведению счётов, мести и ответу на оскорбление¹⁰. При реализации проекта (сооружение водохранилищ, создание промышленных зон) предсказуемо, например, перемещение населения с давно обжитых мест, ликвидация пастбищ, что неминуемо вызовет и смену рода занятий населения.

В частности, планируется создание электростанций на солнечных батареях, установка более 5 млн фотоэлементов, способных производить до 1000 мегаватт электроэнергии, но всё это потребует использования большого количества воды для очищения солнечных панелей¹¹. В условиях дефицита воды, помимо собственно экологических проблем, это также может вызвать негативную реакцию среди местного населения.

Примерно такая же ситуация складывается и в транспортной составляющей проекта КПЭК. Маршруты планируется провести в тех районах Белуджистана, где находятся пастбища, и всё это (вместе с вырубкой лесов) однозначно приведёт к эрозии почв. Кроме того, работа предприятий, обслуживающих подвижной состав, особенно станции по очистке и промывке цистерн, неминуемо ведёт к увеличению стоков вредных веществ.

Экологический аспект содержит в себе и необходимость обеспечения транспортной безопасности. В связи с частыми авариями китайская сторона уже сейчас требует повышения безопасности транспортировки топлива. Но финансовые вложения приведут к повышению цен и росту тарифов. В июле и октябре 2017 г. Всепакистанская Ассоциация владельцев автоцистерн и Ассоциация владельцев нефтяных танкеров уже проводили забастовки по этому поводу¹².

Не менее остро стоит вопрос привлечения рабочей силы. Если предоставлением техники и технической поддержки должна заниматься государственная китайская компания China Machinery and Engineering corporation, то обеспечение инженерным персоналом и неквалифицированными кадрами поручено заниматься пакистанской компании SECMC¹³. Однако SECMC также планирует массовое привлечение китайских рабочих, даже несмотря на то обстоятельство, что в Пакистане затраты на привлечение китайского персонала в среднем в два раза выше, чем в Китае. Это вызывает сильный протест среди местного населения. Как следствие, происходят периодические нападения на сотрудников добывающих компаний, большинство которых – китайские специалисты.

Китайско-пакистанские экологические проекты

Допуская возможность протестного настроения в обществе, правительства двух государств уже сейчас начинают реализовывать широко освещаемые в СМИ проекты. Некоторые из них фактически перенимают экологический опыт Китая, о котором следует сказать особо.

Программа малых грантов из Глобального экологического фонда является одним из таких проектов, направленных не только на решение обостряющихся экологических проблем Китая, но и на ослабление напряжённости между властями КНР и природоохранных НПО (Неправительственная природоохранная организация)¹⁴.

Программа Глобального экологического фонда к 2018 г. профинансировала более 20 тыс. небольших проектов в более чем 120 странах. В настоящий момент программа осуществляет поддержку 58 проектов в Китае на общую сумму более 2 млрд долларов. Особенно важен тот факт, что некоторые из них реализуются на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), составной части КПЭК. Проекты касаются целого ряда экологических проблем: от сохранения биоразнообразия и борьбы с деградацией земель до программ по предотвращению негативного изменения климата.

Стоит отметить, что эта программа является единственным управляемым ООН механизмом финансирования, не связанным с правительством Китая и направленным на непосредственную поддержку неправительственных природоохранных организаций (НПО) и местных органов власти в сфере охраны окружающей среды. Кроме того, программа обеспечивает легитимность НПО в глазах местных властей, местных общин и СМИ. В случае начала реализации данной программы в Пакистане, что особенно важно, возможно применение таких мер, как международные стандарты управления проектами и контроль за финансовой отчётностью.

В планируемых промышленных зонах КПЭК можно осуществлять и реализацию идей «эко-города» по китайскому образцу. Заметим, что в «Поднебесной» около 280 городов уже объявили о намерении реализовать данную идею¹⁵. В поддержку реализации программы «эко-города» в Пакистане говорит и сходство уже осуществленных проектов с аналогичными условиями при создании промышленных зон в рамках Китайско-пакистанского экономического коридора.

К основным особенностям этого экологического проекта относятся:

- связь между промышленными районами, бизнес-парками и жилыми районами, обеспечивающая свободный подход к дому и работе;
- распространение зелёных насаждений для улучшения экологических функций и создания функциональной природной среды;
- эффективная утилизация отходов, в первую очередь их переработка;
- широкое использование возобновляемых источников энергии, таких как солнечные электростанции и энергия ветра.

В рамках реализации КПЭК уже запланировано создание сети электростанций, основанных на использовании возобновляемых источников энергии.

Для устранения возникающих проблем правительство Пакистана вместе с властями Китая предпринимает широко освещаемые в прессе экологические акции, в частности, создание национальных парков на сопредельных сторонах границы. В результате были созданы национальные парки Хунджераб и Токкунган, территории которых являются средой обитания целого ряда уникальных животных.

Академиями наук двух государств проводятся научно-практические конференции по экологии. Так, в июле 2017 г. в Исламабаде была проведена конференция по вопросам борьбы с последствиями стихийных бедствий и комплексного уменьшения вреда от экологических бедствий, в которой приняли участие более 100 учёных и специалистов. Много внимания на конференции было уделено и экологическим проблемам в рамках сооружения Китайско-пакистанского экономического коридора. Например, была отмечена необходимость учитывать особые природные условия, экологические особенности ландшафтов в Гималаях и Гиндукуше, через которые планируется проведение указанного коридора. Специалисты Китая и Пакистана начали сотрудничество по мониторингу, обмену данными и информацией в области экологии¹⁶.

Это логическое продолжение всей инвестиционной политики Китая, где нормы экологического кредитования представляют собой часть экономической стратегии, своеобразную корпоративную ответственность в области охраны природы. Ещё в 2013 г. в Китае было принято Постановление по защите окружающей среды при осуществлении зарубежных инвестиций банками Китая, то есть установлены базовые правила для китайских компаний и банков по управлению экологическими проблемами за границей¹⁷.

В соответствии с этим документом предусматривается (вместе с вложением инвестиций) оценка воздействия на экологию, прогноз загрязнения окружающей среды, решение этих проблем с участием местного населения. Последний пункт вызывает особенно много вопросов, поскольку в провинции Белуджистан, например, обсуждение любой проблемы будет в первую очередь зависеть от мнения/желания местных вождей, их финансовых интересов.

Заключение

Таким образом, экологический аспект становится одним из основных составляющих «Всепогодной дружбы» двух стран. В частности, финансирование расходов по охране окружающей среды может нести в себе определённые трудности при расхождении в оценках негативного влияния на окружающую среду Пакистана. Однако полное отсутствие или прекращение финансирования может привести к куда более опасным последствиям. Реализация экономических программ часто несёт в себе и изменение привычного для населения образа жизни, в том числе социально-экологического характера. Поэтому экологический аспект потребует как минимум широкого проведения информационных и разъяснительных мероприятий по освещению потенциальных выгод от реализации проекта. В противном случае можно прогнозировать рост негативных настроений населения, попытки срыва строительства, увеличение числа случаев нападения на китайских специалистов и, соответственно, создание напряженности в двусторонних отношениях Пакистана и Китая.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рогожина Н.Г. Экологическая политика развивающихся стран. М., Аспект-Пресс, 2015, С. 190.
2. Ливен А. Понять Пакистан. Почему простые рецепты там не работают // Современная наука о международных отношениях. М., 2015, с. 965.
3. Там же, с. 966
4. Pakistan Economic Survey 2015–16. Government of Pakistan, Ministry of Finance. Islamabad, 2017, pp. 259–260.
5. URL: <http://www.mocc.gov.pk>. Дата обращения: 07.02.2018.
6. Zofeen T. Ebrahim. Economy and environment: Thar coal and a test of Pakistan's priorities. URL: <https://www.dawn.com/news/1314947>. Дата обращения: 05.02.2018.
7. Locals accuse Pakistan of doing the dirty by turning to coal to meet energy needs. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/feb/27/pakistan-coal-energy-needs-thar-desert> Дата обращения: 08.02.2018.
8. Щекунский В. Китай подбрасывает уголь в «мировую топку». URL: <https://www.kursiv.kz/news/industry-issues/kitaj-podbrasyvaet-ugol-v-mirovuu-topku/>. Дата обращения: 23.01.2018.
9. URL: <http://www.financialexpress.com/world-news/anti-china-protests-in-sindh-to-oppose-china-pakistan-economic-corridor/517378/>. Дата обращения: 2.02.2018.
10. Белокреницкий В.Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации. 2008–2016 гг. М.: ИВ РАН, 2016. С. 238.
11. URL: <http://www.energy-fresh.ru/solarenergy/projects/?id=11837>. Дата обращения: 24.09.2017.
12. URL: <https://www.samaa.tv/economy/2017/10/oil-tankers-association-go-countrywide-strike-monday/>. Дата обращения: 7.02.2018.
13. URL: <https://defence.pk/pdf/threads/pakistans-coal-expansion-brings-misery-to-villagers-in-thar-desert.446405/> Дата обращения: 20.01.2018.
14. URL: <https://cpianalysis.org/2017/07/11/can-local-communities-be-empowered-for-environmental-protection-in-china/>. Дата обращения: 15.01.18.
15. URL: <https://cpianalysis.org/2017/06/26/eco-city-development-in-china/>. Дата обращения: 2.02.2018
16. URL: <http://polpred.com/news/?cnt=119§or=13>. Дата обращения: 2.02.2018
17. Леванчук В.А. Банк развития Китая и устойчивое развитие // Вестник международных организаций. 2016. № 3, с. 153–166.

Н. А. Замараева

К ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ ТЕРРИТОРИИ ПЛЕМЕН ФЕДЕРАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (ТПФУ)

Резюме: Пуштуны ТПФУ в XXI веке, имея гражданство Исламской республики Пакистан, лишены основных конституционных прав, которыми пользуется большинство населения. Диспропорции в системе управления ТПФУ (прямое семидесятилетнее президентское правление и одновременно применение Уголовного законодательства зоны племен, разработанное в колониальный период) усугублялись отсутствием реформ. Это вызвало к жизни впервые в истории страны самоорганизованное и внепартийное движение пуштунов в 2018 г., выступивших в поддержку своих гражданских прав.

Ключевые слова: Пакистан, Территория племен федерального управления, пуштуны, Уголовное законодательство племен, реформы.

Reforms in Federal Administrated Tribal Area

Summary: In the 21st century the Pashtuns of FATA who are citizens of the Islamic Republic of Pakistan are deprived of the basic constitutional rights enjoyed by the majority of the population. Disproportion in the system of management of FATA (direct seventy-year presidential rule and parallel FCR, developed in the colonial period) have been exacerbated by lack of reforms. As a result, in 2018 for the first time in the history of the country the self-organized, non-political party movement of the Pashtuns are demanding their civil rights.

Key words: Pakistan, Federally Administrated Tribal Areas (FATA), Pashtuns, Frontier Crimes Regulation, reforms.

Каждая администрация Пакистана (гражданская, военная, военно-гражданская) ставила вопросы об интегрировании ТПФУ в социально-экономическую, политическую и конституционную структуру страны. Изменение статуса зоны племен и реформы, заявляемое еще в 2009 г., 2014 г., к концу второй декады XXI в.

так и не было реализовано. В статье автор анализирует причины «пробуксовки» конституционной реформы, особенности политики правящих Пакистанской народной партии (ПНП, 2008–2013 гг.), Пакистанской мусульманской лиги (Наваз (ПМЛ Н, 2013–2018 гг.) и стратегию военного истеблишмента в вопросе ТПФУ.

Географически ТПФУ является местом сопряжения Центральной, Восточной Азии и Юго-Восточной Азии. Зона племен соединяет Афганистан, Пакистан и Китай, создавая короткую, экономически выгодную логистику для коммуникационного соединения государств Центральной Азии, Афганистана, Ирана, Пакистана, Китая и далее Индии и стран Юго-Восточной Азии¹. Ее геостратегическая значимость возросла в апреле 2015 г. с началом имплементации проекта Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) в рамках инициативы Пекина «Один пояс один путь (ОПОП)» (трек КПЭК проходит рядом с зоной племен). Заявление Пекина в январе 2018 г. о том, что следующий маршрут ОПОП будет проложен в сторону Афганистана и Центральной Азии привлек большое международное внимание к ТПФУ.

Следует отметить россыпь полезных ископаемых на относительно небольшой площади (в последние годы в Вазиристане ведутся и геологические изыскания месторождений меди).

Трижды в начале XXI в. центральные правительства Пакистана заявляли о необходимости укрепления государственности и консолидации административных ресурсов. Острота вопроса убеждала их в важности проведения административной и судебной реформ в Гилгит-Балтистане и ТПФУ. Глава военно-гражданской администрации генерал-президент Первез Мушарраф (1999–2008 гг.) и кабинеты министров во главе с президентом Асифом Али Зардари (сопредседатель ПНП) и премьер-министром Миан Мухамадом Наваз Шарифом (лидер ПМЛ Н), каждый из них ставил свои цели, определял сроки и основные положения реформы. Но власти каждый раз ограничивались полумерами.

Территория племен федерального управления расположена на северо-западе Пакистана, вдоль 1400 км пакистано-афганской

границы, ее площадь занимает 27200 кв км, на которой проживает пять млн человек. Населена этническими пуштунами, поэтому ее часто называют зоной пуштунских племен. В подавляющем большинстве местное население исповедуют суннитскую ветвь ислама. Но часть населения, компактно проживающая в двуречье Куррам-Точи, исповедует ислам шиитского толка².

Юрисдикция Верховного суда и Высокого суда провинции Хайбер-Пахтунхва не действует в ТПФУ, местное населения не имеет гарантированных конституционных прав и свобод.

Британская империя в XIX в., формируя зону племен в виде форпоста, создавала «нерукотворную границу» на восточных рубежах Российской империи. В 1849 г. район получил особый административный и политический статус. В 1893 г. зона племен была включена в состав Британской Индии, подписан договор об установлении государственной границы между Афганистаном и английскими колониальными владениями в Южной Азии. Пуштуны протестовали. Ситуация осложнилась в конце XIX в. на северо-западе колонии после восстания независимых пуштунских племен в 1897–1898 гг. против колониальных правителей.

Учредив институт «политических агентов» с широкими полномочиями, англичане осуществляли косвенное управление пуштунскими землями. Политические агенты назначали джирги (советы племен), на которых решились местные вопросы согласно своду обычаев и традиций племен под названием «Rewaj». Гражданские права местного населения регулировались Уголовным законодательством зоны племен (УЗП) с целью «подчинить» пуштунов прецедентному праву Великобритании, противостоять, таким образом, их сильной оппозиции; и защищать интересы Британской империи» в регионе.

УЗП возвращает к 1848 г., периоду первой англо-афганской войны, когда англичанам так и не удалось вооруженным путем покорить пуштунов. Правила, включающие положения нескольких законов, были повторно закреплены в УЗП в 1873 г. и 1876 г. с небольшими поправками. Со временем закон перестал соответствовать реальному положению дел, и новые акты и постановления были добавлены в 1901 г.

В зоне пуштунских племен действует правоприменимая практика, в основе которой лежит принцип коллективной ответственности за действия каждого члена и территорию проживания племени. УЗП предусматривает коллективное наказание. Например, в случае признания виновности в совершении преступления одним из членов племени, все население племени подвергается наказанию и лишается имущества по решению джирги. Политические агенты вправе отправить людей в тюрьму на три года или на неопределенный срок в случае, если они приводят доказательства, что данное лицо представляет угрозу общественному порядку. УЗП ограничивает права населения зоны племен: они не имеют право на апелляцию, обжаловать содержание под стражей, право на юридическое представительство и право предъявлять обоснованные доказательства и т. д. Таким образом, в силу особенностей родо-племенной структуры общества, а также местных законов и обычаев, институт защиты прав человека практически не функционирует в ТПФУ. УЗП действует в XXI в.

Демаркация (Линия Дюранда /ЛД), проведенная англичанами в 1893 г., разделила территорию племен на две части. В 1948 г. ее южная половина вошла в состав Пакистана после получения им суверенитета в 1947 г. Лидеры Афганистана в 1949 г. в одностороннем порядке заявили о выходе из договора и не признают ЛД.

Исламабад также унаследовал систему административного контроля в зоне племен и применяет ее в настоящее время. Конституция 1973 г. и, следовательно, гражданское и уголовное судопроизводство страны не действуют в ТПФУ. Однако согласно Конституции 1973 г. (Статьи 51 (3) и 59 (b) местное население имеет своих представителей в законодательных органах власти Пакистана.

Зона племен находится под прямой юрисдикцией главы государства, который и осуществляет прямое управление ТПФУ. Согласно статье 247 (2) Конституции 1973 г. «президент является единственным лицом, уполномоченным вносить поправки в законы и издавать указы, действующие в зоне пуштунских племен».³ Политические партии до 2009 г. в зоне официально

не функционировали. Анализ показывает, что финансирование района осуществлялось по остаточному принципу. Регион регулировался политическими агентами – государственными служащими из администрации СЗПП или полиции.

На протяжении более ста лет первоначально колониальные власти, затем гражданские и военные администрации Пакистана стремились, и в настоящее время предпринимают попытки применять нормы административного, гражданского, уголовного права в зоне пуштунских племен.

В состав ТПФУ входят шесть приграничных регионов и семь агентств: Баджаур, Куррам, Моманд, Оракзай, Северный Вазиристан, Южный Вазиристан, Хайбер. Несмотря на административное подчинение центральному правительству⁴, пуштуны продолжают жить согласно традициям.

Основатель Пакистана генерал-губернатора Мухаммад Али Джинна приветствовал первую джиргу племен в Пешаваре в 1948 г., он взял на себя обязательство не менять статус зоны племен без одобрения местных пуштунов. Позднее это обязательство было закреплено в Конституции 1973 г.

В годы существования единой провинции Западный Пакистан, племена имели своих представителей в провинциальном собрании Западного Пакистана (ЗП) и в Национальной ассамблее (НА). В период формирования четырех провинций после раздела страны в 1971 г. власти имели легитимное право сформировать самостоятельную провинцию в административных границах ТПФУ. Но они отвергли вариант самостоятельной административной единицы и отказались включить зону племен во вновь образованную Северо-Западную пограничную провинцию (СЗПП).

В 1976 г. премьер-министр З. Бхутто поставил цель провести реформы в зоне племен. По его указанию был сформирован Комитет во главе с генералом Н. Бабаром. Власти планировали включить ТПФУ в состав СЗПП еще до всеобщих выборов в НА в 1977 г. Реформы задерживались, и З. Бхутто намеревался завершить их в период своего второго срока. Но военный переворот 5 июля 1977 г. перечеркнул планы.

Зона племен, начиная с конца XX в., вновь является объектом пристального международного внимания. В 80-е годы XX в. она выполняла роль тылового обеспечения и подготовки моджахедов для вооруженного сопротивления советским войскам в Афганистане. В 2001–2014 гг. территория использовалась как инфраструктурная база и место укрытий пакистанских и иностранных боевиков, сражавшихся против иностранных войск США и НАТО в рамках антитеррористической кампании в Афганистане. Здесь располагались лагеря для афганских беженцев, формировалось будущее террористическое Движение Талибан Пакистана (ДТП), позднее укрывались боевики запрещенных террористических организаций. Федеральная армия проводила масштабные военные операции против местных и иностранных боевиков.

Генерал-президент П. Мушарраф последовал примеру З. Бхутто и в начале первой декады XXI в. приступил к реформам. До 2002 г. Департамент планирования и развития провинции СЗПП отвечал за планирование и развитие зоны племен. Финансовые дотации в ТПФУ были незначительными.

В 2004 г. военно-гражданская администрация ставит вопрос о расширении федеральным центром контроля над ТПФУ. Планы объяснялись началом локальных военных кампаний против антифедеральных вооруженных элементов в регионе. В 2002–2005 гг. тысячи военнослужащих регулярной армии и полувоенных формирований были дислоцированы в ТПФУ для борьбы с боевиками Движения Талибан Афганистана, бежавшими в результате антитеррористической кампании США и Великобритании «Несокрушимая свобода» на территорию Пакистана. В силу разных причин в 2002–2007 гг. федеральное правительство слабо контролировало зону пуштунских племен⁵, и часто вооруженное противостояние заканчивалось заключением перемирия и договоренностями об отказе повстанцев воевать против федеральных властей.

Позднее военно-гражданские власти приступили к реформе местного управления в четырех провинциях, следующий этап планировали в ТПФУ. 29 ноября 2004 г. Сенат одобрил поправки к Уголовному кодексу ТПФУ. Но реформа зоны племен

ограничилась расширением прав и полномочий политических агентов. В 2004 г. ПНП (оппозиционная в рассматриваемый период) настаивала на предоставлении ТПФУ статуса отдельной провинции. В рамках этого требования партия выступала за пересмотр положений УЗП, указывая на его противоречия статьям Конституции 1973 г. Например, Статья 4 о праве гражданина быть судимым в соответствии с законом; Статья 13 о защите от повторного судебного наказания за одно и то же преступление; Статья 14 о неприкосновенности жизни и здоровья людей, запрете на применение пыток для получения доказательств; Статья 24 о защите права частной собственности и Статья 25 о равенстве прав граждан.

Другая оппозиционная партия Национальная народная партия (ННП) (действовала в СЗПП) выступала против расширения полномочий политических агентов, подчеркивая, что в прошлом подобная практика приводила к «неправильному исполнению закона».

Правящий в СЗПП в 2002–2008 гг. блок традиционалистских праворелигиозных партий в формате ММА, наоборот, противостоял административным изменениям в ТПФУ. Мауланы подчеркивали, что закон был разработан британскими законодателями 100 лет назад и применялся с момента вступления в силу.

В 2006 г. по указанию центрального правительства власти провинции учредили Комитет по реформированию ТПФУ и Гражданский Секретариат ТПФУ (ГС ТПФУ), основная цель которого сводилась к управлению и принятию решений по делам ТПФУ. Координационную работу между федеральным правительством, правительствами провинций и Гражданским секретариатом ТПФУ выполнял Секретариат губернатора провинции. Центральное правительство частично отвечало на запросы местного населения. В 2005 г. центральное правительство одобрило ряд положений о концессионной добыче природных минералов, полудрагоценных камней (нефритов) в агентстве Моманд.

Военно-гражданская администрация Пакистана поддерживала конституционный вариант вхождения ТПФУ в состав СЗПП. Одновременно было предложено отложить реализацию

полномасштабной реформы до завершения антитеррористической кампании и вывода иностранных войск из соседнего Афганистана.

Пакистанская народная партия (2008–2013 гг.) и реформа ТПФУ

По итогам всеобщих парламентских выборов, состоявшихся в феврале 2008 г., победу одержала Пакистанская народная партия. Гражданское правительство взяло курс на обновление общества, широкие демократические преобразования после ухода с политической арены военно-гражданских властей. Но уже в первые месяцы правления ПНП столкнулась с необходимостью укрепления вертикали власти на местах и в отдаленных районах страны. Одним из приоритетов правительство, возглавляемое президентом А. Зардари, поставило завершение реформы местного управления, инициированной П. Мушаррафом еще в первые годы XXI в. Отсутствовал механизм конституционного управления несколькими административными центрами.

Процесс реформирования государственных институтов был запущен первоначально в ТПФУ, позднее, в ноябре 2009 г., в Северных территориях (учреждение законодательных и исполнительных органов власти и отмена ограничений на деятельность политических партий в Гилгит-Балтистане)⁶, в конце ноября 2009 г. Национальная ассамблея одобрила пакет реформ для провинции Белуджистан.

Одними из первых в списке значились реформы в зоне пуштунских племен (поправки в Уголовное законодательство пуштунских племен и разрешение деятельности политических партий). В отличие от Гилгит-Балтистана, в ТПФУ отсутствовал механизм конституционного управления. Власти официально заявляли о планах предоставить 3,5 млн местному населению основные политические и юридические права⁷.

Еще на стадии разработки реформы Исламабад столкнулся с рядом проблем. Положение дел в агентствах усугублялось длительностью конфликта между федеральными властями и племенами, нерешенностью ряда социально-экономических проблем, скудным финансированием из центра, локальными военными кампаниями федеральной армии против боевиков и одновременно вооруженными столкновениями местных племен с боевиками из ДТП и боевиками из Афганистана.

Стратегия демократического преобразования пакистанского общества, по мнению правящей ПНП, включала также отказ от военных действий против местных боевиков из рядов атифедеральных вооруженных группировок и начало переговорного процесса с ними. Вслед за центральными властями, пришедший к руководству в СЗПП в 2008 г. альянс Народной национальной партии (ННП) и ПНП также поддержал переговоры.

Еще с осени 2007 г. боевики активизировали террористические действия в соседних с ТПФУ внутренних районах СЗПП (долина Сват). Исламабад в 2008 – начале 2009 г. опасался «сползания» терроризма из конфликтной пограничной с Афганистаном зоны во внутренние районы СЗПП и далее в Панджаб. Отвечая на требования повстанцев, уже весной 2008 г. гражданские власти освободили из тюремного заключения нескольких боевиков и лидеров запрещенных еще в начале 2000-х гг. организаций.

В рассматриваемый период командование армией Пакистана проводило несколько локальных военных операций одновременно – в агентстве Баджаур и районах СЗПП, в Свате и Дера Адам Хеле. Новая политика ПНП в отношении боевиков блокировала антитеррористические кампании федеральной армии, что вызывало напряженность в отношениях между генералитетом и представителями правящей политической коалиции. И как результат, в течение нескольких месяцев начальник штаба сухопутных войск генерал А. Кияни безрезультатно запрашивал официальные власти о политической поддержке военных операций против талибов⁸.

На переговорах в СЗПП повстанцы требовали введения судов шариата в судебную практику в южных дистриктах провинции,

где проживали мусульмане-сунниты, запрет для девочек посещать школы (боевики уничтожили 60 процентов учебных заведений в долине Сват) и т. д. Результатом переговоров стало подписание 16 февраля 2009 г. мирного соглашения Правил Низам-и-Адл между провинциальным правительством СЗПП и одной из оппозиционных группировок Терик-и-Нифаз-и-Шариат-и-Мухаммади⁹. Документ ставил цель «упорядочить» судебную систему путем введения в «практику исключительно правил исламского правосудия». Повстанцы также требовали амнистии для всех членов ДТП, действовавших в районе Малаканда, дистриктов Сват и Кохистан¹⁰.

Соглашение рассматривалось как часть реформы судебной системы в СЗПП и сделки с исламистами. Подписывая документ, правящая в провинции ННП ставила цель прекратить воинственность и террор в районах Верхнего и Нижнего Дира в долине Сват. Гражданские власти и военные соглашались на участие в дальнейшем в восстановительных работах на территории Малаканда. Одновременно нижняя палата парламента работала над законопроектом «Система законности и справедливости». Единственным противником переговоров и достигнутых соглашений властей и боевиков выступило адвокатское сообщество.

13 апреля 2009 г. президент А. А. Зардари подписал Указ о введении суда шариата в Малаканде, разрешив параллельное функционирование гражданских судов¹¹. Апрельский 2009 г. Указ главы государства и последовавшие события привели к насильственному насаждению шариата, резко возросла террористическая активность вооруженных группировок боевиков, усилились сепаратистские настроения в СЗПП и в зоне пуштунских племен о выходе из состава Пакистана. Воспользовавшись ситуацией, боевики возглавили вооруженный поход на Исламабад¹².

Позднее 6 июля 2009 г. начальник штаба сухопутных войск генерал А. П. Кияни подтвердил, что «Сват был практически захвачен террористами, правительственные учреждения прекратили свое существование, полиция и другие государственные структуры перестали функционировать. Местное население подвергалось насилию со стороны боевиков, над Сватом нависла

угроза терроризма и радикализма». Позиция центральных властей в вопросе взаимоотношений с боевиками полностью изменились. Уже в мае 2009 г. был взят курс на отказ от переговорного процесса, тогда же генералитет отдал приказ о начале масштабной военной операции в долине Сват. Летом и осенью войска были передислоцированы в ТПФУ, в агентство Южный Вазиристан. Потoki беженцев потекли во внутренние районы страны¹³.

Правительство ПНП оказалось неподготовленным к вооруженным действиям боевиков, направленным на ликвидацию конституционного правления федеральной власти в долине Сват СЗПП. Учитывая все внутривластные вызовы в северных районах страны в 2009 г., правящая ПНП сняла с повестки дня вопрос о полномасштабной реформе ТПФУ, включении ее в состав СЗПП. Основное внимание в ноябре 2009 г. центральные власти уделили расширению действия Антитеррористического (поправка) Указа 2009 г. в ТППУ¹⁴. Но возобновленная военная кампания против боевиков не остановила процесс демократических изменений в северных районах, возвращении «неспокойных» племен в общий контекст социального и политического мейнстрима страны.

Весной 2010 г. президент А. Зардари проводит демократические преобразования в рамках всей государственно-политической системы страны. Указ о 18-ой поправке к Конституции 1973 г. глава государства подписал в апреле 2010 г. Основные ее положения подтверждали, во-первых, расширение прав провинций, включая районы ТПФУ; во-вторых, переход от единоличной президентской к коллективной парламентской форме правления. Согласно 18-ой поправке к конституции СЗПП была переименована в провинцию Хайбер-Пахтунхва. В отношении ТПФУ Исламабад настаивал на разработке усовершенствованного механизма законодательного управления Территориями.

12 августа 2011 г. президент Пакистана А. Зардари объявил о реформах в ТПФУ. Он подписал два документа: Указ об изменениях в Уголовном законодательстве пуштунских племен (УЗП) и Указ о расширении деятельности политических партий 2002 г. Реформа ПНП ставила цель ограничить власть государственных

чиновников в регионе. Население пуштунских племен получило право на свободу слова, формировать партии и ассоциации, участвовать в избирательных кампаниях и право на доступ к информации¹⁵.

Реформа предусматривала изменения в УЗП. Например, вводились ограничения на действия властей при аресте лиц и их содержании под стражей без права освобождения под залог. Обвиняемое лицо не могло быть задержано более чем на 24 часа. Законы коллективного наказания частично отменялись. Женщины и дети в возрасте до 16 лет и лица старше 65 лет не подпадали под действие положений о коллективном наказании.

Согласно обновленной версии УЗП каждый гражданин ТПФУ получил право на компенсацию за потерю имущества в соответствии с рыночными ставками в течение фиксированного периода времени, а также право на обжалование. В практику судопроизводства был введен новый орган – Трибунал с полномочиями, почти аналогичными полномочиям провинциальных Высших судов Пакистана¹⁶. Состав Трибунала ТПФУ предусматривал апелляционное подразделение. Новая версия УЗП включала также положение об инспекции тюрем ТПФУ политическим агентом и представителем апелляционной комиссии.

Второй Указ президента А. Зардари разрешал деятельность политических партий в ТПФУ. Де-факто они функционировали в агентствах с 1970-х гг. и были представлены в основном праворегионизм политическим крылом. Имея сильные позиции в СЗПП, партии Джамаат-и ислами и Джамаат-улема и Ислам (Фазл) оказывали давление на пуштунов ТПФУ через политических агентов. В те годы запрет на действия политических партий в регионе способствовал установлению их монополии в регионе. В 2002–2008 гг. именно эти партии возглавили коалиционное правительство провинции СЗПП. Не секрет, что усиление позиций пакистанских талибов в СЗПП, способствовало их включению в партийные ряды традиционалистов¹⁷. В 2011 г. ТПФУ была представлена в законодательных органах власти 12 депутатами Национальной ассамблеи и 8 сенаторами. До 2011 г. выборные от зоны племен депутаты и сенаторы имели статус независимых, несмотря на то, что многие из них были поддержаны политическими

партиями. В целом реформа в ТПФУ носила ограниченный характер. Местное население так и не получило право участия в избирательных кампаниях в законодательные органы власти¹⁸.

Выше в статье подчеркивалось, что в 2002–2008 гг. в СЗПП и, соответственно, в зоне племен доминировал альянс праворегигиозных партий ММА. Провал их на парламентских выборах в феврале 2008 г. и приход к власти коалиции двух партий – ННП и ПНП привел к политическому противостоянию, что также тормозило процесс демократических преобразований в ТПФУ. Лишь два года спустя, в 2011 г. представители уже десяти политических партий в ТПФУ смогли развернуть активную работу.

Пакистанские СМИ писали о реформах А. Зардари в ТПФУ как о важном шаге демократических преобразований, дальнейшем совершенствовании политической и судебной структуры в зоне племен. В то же время отдельные из указанных положений рассматривались как дискриминационные. Например, выбор членов джирги; нормы гражданского уголовного процесса, процедура ареста и временного содержания под арестом, охрана правопорядка, наложение и сбор штрафов. Единственным, кто осудил указанную норму, было судейское сообщество, включая судью Верховного суда Пакистана И. Чоудхри. Он характеризовал Регулирование как проявление неуважения ко всем признанным современным принципам отправления правосудия.

Но была и другая причина у правящей ПНП провести хотя бы частичное реформирование в зоне племен. Власти стремились вывести ТПФУ из-под контроля военного истеблишмента. Генералитет приветствовал реформы. Однако, необходимость проведения военной операции против вооруженных праворегигиозных группировок (Движение за введение шариата) в Свате весной 2009 г., возглавивших вооруженный поход на Исламабад, подтвердила обоснованность контроля федеральной армией ТПФУ. В 2009 г. и в дальнейшем центральное правительство в вопросе взаимодействия с пуштунскими племенами продолжало учитывать военный компонент.

Часть населения ТПФУ приветствовала предлагаемые изменения в УЗП, но многие выражали недовольство. В другие времена

разногласия не имели значения, но в период длительного вооруженного конфликта подобное противостояние тормозило процесс реформ.

Одновременно с политической реформой правительство ПНП решало и гуманитарные вопросы, параллельно реализуя реформу образования для молодежи ТПФУ. Впервые в зоне пуштунских племен в мае 2013 г. был открыт Университет ТПФУ. Государственные службы долго согласовали финансирование, расписание занятий и педагогический состав. Планировалось открытие отделений учебного заведения в агентствах Баджаур, Куррам и Вазиристан. Это также заняло годы¹⁹.

Партия Пакистанская мусульманская лига Наваз (ПМЛ Н, 2013–2018 гг.) и реформы ТПФУ

В отличие от президента А. Зардари премьер-министр Н. Шариф не ставил приоритетным вопрос конституционного реформирования ТПФУ. Высказывалось несколько причин. Одна из них связана с отказом от конфронтации с праворелигиозными партиями. Их влияние оставалось сильным в провинции ХП и на политических агентов зоны пуштунских племен. По итогам выборов в Сенат и НА в 2013 г. партия Джамаат-улема-Ислам Фазл укрепила свои позиции в законодательных органах Пакистана.

Но была и другая причина – усиление противостояния руководства ПМЛ Н и военного истеблишмента, который рассматривал ТПФУ зоной своего контроля. Трансграничные переходы боевиков из Афганистана и обратно, и, как следствие, военные операции по зачистке от боевиков агентств Северного Вазиристана, Моманда, Хайбера вновь подняли уровень опасности до критической в ТПФУ. Генштаб не рекомендовал журналистам, государственным чиновникам посещать Территорию без сопровождения силами правопорядка. Контроль генералитетом Территории с 2001 г., начала антитеррористической международной военной операции в соседнем Афганистане, объяснял доминирование

военных в формировании афганского вектора внешней политики Пакистана. Но это не останавливало процесс реформ.

Черной датой для истории страны стало 16 декабря 2014 г. Боевики из ДТП совершили теракт в общеобразовательной школе армейского гарнизона, расположенного в окрестностях Пешавара. Более ста убитых детей.

В кратчайшие сроки военные разработали и предложили гражданским властям два важнейших документа – поправку к Закону об армии Пакистана 1952 г. и проект Национального плана действий (НПД). Всепакистанская конференция одобрила документы в первых числах 2015 г. и они незамедлительно вступили в силу. Оба указа премьер-министра Н. Шарифа меняли судьбу населения пуштунских племен. Закон об армии Пакистана 2015 г., одобрен нижней и верхней палатами парламента 21-ой поправкой к конституции 1973 г.²⁰

В соответствии с 21-ой поправкой были учреждены военные суды на всей территории Пакистана. Согласно решению коллегии судей военных судов военнослужащие действующей армии получили право производить аресты и содержать под стражей исполнителей террористических актов или лиц, подозреваемых в исполнении терактов; право выносить решения о смертной казни лицам, признанным виновными в терроризме. Но главное, генштаб получил право без согласования с провинциальными или федеральными органами проводить военные операции в ТПФУ. Иными словами, генералитет получил монополию на действия в ТПФУ. Забегая вперед, подчеркнем, что 21-ая поправка к конституции 1973 г. – единственный законодательный акт в отношении ТПФУ, принятый правительством, возглавляемым ПМЛ Н в годы третьего правления премьер-министра Н. Шарифа (2013–2017 гг.).

Значимость Национального плана действий также велика для ТПФУ. 12-ый пункт НПД – «Административные реформы и реформы развития ТПФУ с особым вниманием на возвращение ВПЛ (временно перемещенных лиц)», представлял собой «дорожную карту» имплементации реформ в ТПФУ в 2014–2017 гг.

Федеральное правительство при поддержке властей Хайбер-Пахунхва 3 ноября 2015 г. учредило Комитет реформ ТПФУ (КРТ). Его возглавил советник премьер-министра по иностранным делам С. Азиз²¹. Комитет проделал большую работу по сбору информации, выяснению мнений местного населения относительно будущего статуса ТПФУ, и в августе 2016 г. представил отчет на обсуждение в законодательные органы власти.

Обосновывая необходимость административного реформирования ТПФУ, правительство подчеркивало несколько причин: хроническую нищету местных жителей (самый высокий показатель в стране) и одновременно низкий показатель развития; дефицит прав человека пятимиллионного местного населения; слабый контроль Территории со стороны федеральных властей и активность боевиков.

В 2010–2015 гг. на развитие социальных и инфраструктурных программ ТПФУ из федерального бюджета было выделено на 45% меньше инвестиций на душу населения, чем в других регионах страны.

Военно-гражданские власти Пакистана понимали, что добиться социально-экономической и политической стабильности в ТПФУ после вывода в декабре 2014 г. большей части войск МССБ из соседнего Афганистана, возможно при условии, во-первых, выдворения антигосударственных элементов, проведя серию военных операций силами федеральной армии, и уничтожив террористическую инфраструктуру; во-вторых, реализовать комплекс социально-экономических реформ.

Антитеррористическая кампания в пограничном с ТПФУ Афганистане (2001–2014 гг.) кардинально изменила ситуацию с безопасностью в зоне племен. В ряде административных центров Южного Вазиристана, Северного Вазиристана, Хайбера функционировала инфраструктурная сеть боевиков, в других агентствах – тренировочные лагеря, местные тюрьмы, базы хранения оружия и т.д. Не хватало ресурсов Пограничному корпусу и подразделениям федеральной армии, дислоцированным в регионе. Поэтому зона племен контролировалась слабо. Регион трудно доступен для армейских подразделений и техники из-за пересеченной местности.

Территория наводнена вооруженными местными и иностранными группировками боевиков, которые бросили вызов конституционному устройству Пакистана и угрожали международной безопасности. Особенности ландшафта, отсутствие дорожной инфраструктуры служили благоприятным местом укрытий для боевиков из Аль-Каиды, Движения Талибан Афганистана, Движения Талибан Пакистана и других группировок, активно действовавшие в ТПФУ с 2001 г., начала международной антитеррористической антитеррористической кампании в Афганистане.

По сообщениям пакистанских СМИ в 2015 г. боевики совершили 293 теракта и противоправных действий, целенаправленные убийства, убийства из засады, трансграничные нападения; похищения ради выкупа и столкновения между различными группировками боевиков. Наиболее пострадали от терактов население агентств Куррам и Южный Вазиристан. Наименее турбулентным агентством оставался Баджаур, несмотря на приграничные атаки. Основная цель боевиков – персонал правоохранительных органов и органов безопасности, политические агенты и их представители, старейшины племен и члены антиталибских ополчений²².

Результатом действий боевиков и ответных операций армейских и полувоенных формирований (часто с применением военной авиации) стало разрушение (полное или частичное) инфраструктуры, социальных учреждений многих деревень и поселений Территории. Военная операция Зарб-и-Азб (приказ Ставка генштаба отдала в июне 2014 г.) ставила цель устранить инфраструктуру террористов в ТПФУ и зачистить от боевиков агентства²³. В декабре 2014 г. промежуточные итоги военной операции подтвердили снижение уровня безопасности в зоне племен на 40%²⁴.

Боевые действия в ТПФУ привели к переселению 338.000 местных семей во внутренние районы страны. Власти отдавали отчет, что социальная значимость реформ напрямую связана с программами оказания помощи 2,5 млн временно перемещенных лиц для возвращения в родные места. Центральное и провинциальное правительства в декабре 2015 г. учредили несколько программ помощи местному населению, например,

Реконструкции и реабилитации при Гражданском секретариате ТФПУ. Одновременно был учрежден специальный фонд – Программа компенсации потерь гражданам в декабре 2015 г. В состав руководящего комитета вошли должностные лица местной администрации, армейские офицеры и старейшины местных племен, в задачу которых входила проверка списков лиц, потерявших имущество.

Власти изыскивали дополнительные финансовые ресурсы, обращались за помощью к международным донорам. Помимо персональной финансовой поддержки ВПЛ, встал вопрос о восстановительных работах в ТПФУ, поврежденных в результате боевых действий. Ремонтные и строительные подряды в зоне племен выполняли строительные кампании, аффилированные с федеральной армией. Они восстанавливали инфраструктурное хозяйство, включая колодцы питьевой воды, ирригационные сооружения, тоннели, рынки, учреждения здравоохранения и образования, жилой фонд²⁵.

В условиях слабой развитости местных органов управления и нехватки соответствующих кадров, большую часть восстановительных работ и выполнение функций социального характера выполняли военнослужащие Пограничного корпуса и полувоенных формирований²⁶. Местные жители приветствовали помощь армии в реализации социальных программ, например, в области образования и здравоохранения. Штаб-квартира Пешаварского корпуса имела больше ресурсов по сравнению с гражданскими администрациями.

После завершения активных боевых действий в отдельных районах ТПФУ военнослужащие Пограничного корпуса и полувоенных формирований в июле 2016 г. провели мониторинг в секторах образования и здравоохранения. (посещали школы, колледжи и медицинские центры с целью выявления данных о нехватке учителей, врачей, вспомогательного персонала).

В 2015 г. власти признавали, что в случае очередной отсрочки реформы или невыполнения масштабных восстановительных работ, положительные результаты военной кампании против

боевиков в зоне племен без поддержки местного населения будут сведены к нулю.

Реконструкция разрушенных объектов в ТПФУ проводилась одновременно со строительством новых в рамках Комплексного пост-операционного плана реабилитации ТПФУ, принятого еще в сентябре 2014 г. Строительные войска ремонтировали и строили участки древнего Центрального торгового коридора (ЦТК). Дорога представляла собой кратчайший путь между Северным и Южным Вазиристаном и шла далее в Афганистан и республики Центральной Азии. Ожидалось, что ЦТК будет стимулировать экономику ТПФУ и южные районы провинции Хайбер-Пахтунхва²⁷.

Дополнительным бременем и вызовом безопасности для населения ТПФУ (а также провинции Белуджистан) стали афганские беженцы. Их лагеря представляли «безопасные убежища для террористов» из-за нерегулируемых переходов через афгано-пакистанскую границу. Исламабад неоднократно настаивал на скорейшей репатриации афганских беженцев.

С целью дальнейшей имплементации реформ Комитет реформ ТПФУ разработал Десятилетнюю Программу развития ТПФУ (2015–2025 гг.). Она включала два основных направления: социально-экономическое развитие региона (строительство/ реконструкция городских центров во всех семи агентствах, возведение плотин, разработка месторождений полезных ископаемых, программы здравоохранения и профессионального образования). Высказывались предложения о подсоединении отдельных районов ТПФУ к общегосударственному проекту Китайско-пакистанского экономического коридора. Второе направление Программы – решение управленческих задач (участие гражданского населения в местных органах власти; расширение юрисдикции высших судов и Верховного суда на ТПФУ; принцип прозрачности и подотчетности в борьбе с коррупцией; отчетность исполнительных органов перед местным населением; парламентский контроль).

Власти уже имели опыт административных реформ в северных районах страны, в Гилгит-Балтистане и дистрикте Малаканд

и в 2009–2011 гг. Практика показала, что обе модели административного устройства оказались несовершенны. Поэтому федеральные власти крайне осторожно отнеслись к планам. В силу ряда причин власти отказались от референдума по вопросу об административном устройстве зоны племен. Они ограничились опросом фокус-групп местного населения. Обсуждались несколько вариантов: вхождение ТПФУ в состав ХП; создание отдельной провинции; преобразование ТПФУ в административную территорию провинции ХП по примеру района Малаканд в соответствии со статьей 247; продление статус-кво при одновременном введении отдельных реформ.

7 сентября 2015 г. 19 парламентариев от ТПФУ выступили в поддержку интеграции с провинцией Хайбер-Пахтунхва. Большинство политических партий (Пакистанская народная партия, Партия справедливости, правящая Пакистанская мусульманская лига Наваз, Джамаат-и ислами и Национальная народная партия) поддерживали вариант слияния. И только две праворегигиозные партии Джамаат улама-и ислам (Фазл) и Пахтунхва Милли Авами партии 'выступили за образование самостоятельной провинции'²⁸. Многие объясняли это опасениями Ф. Рехмана, лидера ДУИ Ф потерять власть в зоне племен²⁹.

Комитет реформ ТПФУ подчеркивал важность уважительного отношения к местным обычаям, а также важность сохранения уникальности и особенностей родо-племенной структуры пуштунского общества. Подобный подход исключал ошибки или провал реформы, которая транслировалась властями как процесс, а не самоцель. В рамках реформы планировалось расширение юрисдикции Верховного суда Пакистана и Высокого суда провинции ХП на территории ТПФУ и одновременно мнение членов джирги при рассмотрении уголовных и гражданских споров граждан ТПФУ; усиление роли правоохранительных органов (рекомендовано учредить дополнительно 20000 новых пунктов полиции) и Пограничного корпуса для более эффективного управления границей с Афганистаном и совершенствования системы мониторинга; проведение земельной реформы (капитализация сельскохозяйственных активов ТПФУ с целью

освободить заблокированные фонды); остановить сбор «платных» (наличные деньги) налогов в агентствах, что влекло к увеличению расходов и коррупции.

Устойчивое политическое взаимодействие с провинциальными (Хайбер-Пахтунхва) и центральными властями можно было достичь, построив прочную вертикаль местных органов власти. Эта часть реформы ТПФУ была наиболее уязвимой, так как не хватало квалифицированных кадров, сложной оставалась специфика работы в местных условиях. Центральное правительство часто направляло внешних экспертов в ТПФУ для осуществления реформы.

В феврале 2017 г. центральное правительство утвердило пакет реформ для Территории племен федерального управления. Он предусматривал реализацию четырех основных проектов – административный, судебный, экономический и социальный³⁰. Сопrotивление правореигиозных партий не ослабевало. Лидер партии Пахтунхва Милли Авами Махмуд Хан Ахакзай в НА выступил против запланированного слияния ТПФУ с Хайбер-Пахтунхва³¹. Его поддержал Ф. Рехман. Депутаты от зоны племен резко критиковали медлительность членов кабинета министров в связи с попыткой отложить долгожданные реформы ТПФУ. Местные пуштунy ставили цель принять участие во всеобщих парламентских выборах 2018 г., а для этого необходима реформа о вхождении в состав ХП.

Премьер-министр Н. Шариф отдал распоряжение отложить реформы в ТПФУ на неопределенное время в конце мая 2017 г. Это было сделано незадолго до официального решения ВС о смещении его с поста главы кабинета министров Пакистана³².

Многие в Пакистане считали, что отступление от важных реформ, направленных на включение населения зоны племен в национальный мейнстрим, подорвет успехи военной операции по выдворению боевиков из агентств. Лишая местное население демократических и гражданских прав, государство еще больше отчуждает пуштунские племена. Приостановка реализации реформы делает западные границы страны более уязвимыми.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. M. Hanif Raza. *Journing through the Flaming Frontier*. Best Books. Islamabad. 247 p.
2. Замараева Н.А. Шиитско-суннитское противостояние в агентстве Куррам Пакистана // *Ближний Восток и современность*. Выпуск 43. М. 2011, с. 39–49.
3. The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan. // URL: http://na.gov.pk/uploads/documents/1333523681_951.pdf.
4. Замараева Н.А. Усиление исламского экстремизма в Пакистане в 2008–2010 г. // *Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии*. ИВ РАН. М., 2012, с. 179–201.
5. *Энциклопедия Пакистана*. М., Фондамент Пресс, 1998, с. 38.
6. Там же, с. 20–21
7. Замараева Н.А. Пакистан: современный статус Северных территорий. // URL: <http://www.iimes.ru/?p=9746#more-9746> 29.11.2009.
8. Liven Anatolio Pakistan. A hard country. Anatol Liven, Public affairs, New York, 2011, p. 454.
9. IPRI Journal IX, no.2 (Summer 2009): 125–246 // URL: <http://www.ipripak.org/wp-content/uploads/2014/01/docs2009.pdf>
10. Liven Anatol. Pakistan. A hard country., Public affairs, New York. 2011, p. 436.
11. Taliban threatens to turn Pakistan into Afghanistan // URL: <http://www.nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/politics/27-Apr-2009/Taliban-threaten-to-turn-Pakistan-into-Afghanistan>
12. Замараева Н.А., Пакистан: введение законов шариата в 2009 г. // *Страны Востока в контексте современных мировых процессов (социально-политические, экономические и социокультурные проблемы)* ИВ РАН, М., 2013, с. 218–232.
13. Замараева Н.А. Шиитско-суннитское противостояние в агентстве Куррам Пакистана // *Ближний Восток и современность*. Выпуск 43. М. 2011, с. 39–49.
14. NWFP to extend anti-terror law to Pata // URL: <https://www.dawn.com/news/940614> 22.11.2009
15. Reforms in Fata // URL: <http://dawn.com/2011/10/25/reforms-in-fata/> 25.11.2011
16. URL: <http://www.president.gov.pk/>
17. Fata on the back burner // URL: <https://www.dawn.com/news/1336406/fata-on-the-back-burner> 31.05.2017
18. Reforms in Fata // URL: <http://dawn.com/2011/10/25/reforms-in-fata/> 25.05.2017
19. Senate of Pakistan // URL: http://www.senate.gov.pk/en/news_content.php?id=2651&catid=6&subcatid=59&cattitle=Press%20Releases 17.01.2018

20. Constitution (Twenty-First Amendment) Act, 2015. // URL: <http://www.pakistani.org/pakistan/constitution/amendments/21amendment.html>
21. Fata reforms: an opportunity // URL: <http://www.dawn.com/news/1223246/fata-reforms-an-opportunity> 30.11.2015
22. Terrorism in FATA declined by 49 pc // URL: <http://nation.com.pk/newspaper-picks/29-Jan-2016/terrorism-in-fata-declined-by-40pc> 29.01.2016
23. Coas for consolidating gains against terrorism // URL: <http://nation.com.pk/national/15-Mar-2016/coas-for-consolidating-gains-against-terrorism> 15.03.2016
24. Замараева Н.А. Пакистан: борьба за ужесточение антитеррористического законодательства. // URL: <http://ru.journal-neo.org/2015/01/19/rus-pakistan-bor-ba-za-uzhestochenie-antiterroristicheskogo-zakonodatelstva/>
25. Govt wants mini Marshall Plan for Fata // URL: <http://nation.com.pk/islamabad/18-Mar-2016/govt-wants-mini-marshall-plan-for-fata> 18.03.2016
26. Army to monitor schools, health centers in Fata // URL: <http://www.dawn.com/news/1270732> 14.08.2016
27. Gen. Raheel inaugurates Central Trade Corridor in SWA // URL: <https://www.geo.tv/latest/96471-gen.-raheel-inaugurates-central-trade-corridor-in-swa>
28. Everyone but the locals were taken on board for Fata reforms' // URL: <http://www.dawn.com/news/1310369/everyone-but-the-locals-were-taken-on-board-for-fata-reforms> 23.01.2017
29. Utilitarianism and FATA // URL: <http://nation.com.pk/columns/06-Feb-2017/utilitarianism-and-fata> 06.02.2017
30. Замараева Н.А. Пакистан: реформа Территории племен федерального управления // URL: <http://va.ivran.ru/articles?artid=7002> 24.02.2017
31. Uproar in NA over govt move to delay Fata reforms // URL: <https://www.dawn.com/news/1334030> 19.05.2017
32. Fata on the back burner // URL: <https://www.dawn.com/news/1336406/fata-on-the-back-burner> 31.05.2017.

И. Н. Серенко

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПАКИСТАНЕ (1947–2017).

Резюме. Автором анализируется процесс становления и развития национальной системы образования в Пакистане за истекшие 70 лет его независимости. Показана роль образования в трансформации пакистанского общества. Образовательная политика государства рассматривается с учетом усиления в стране религиозного фактора после начатой военными властями в 1977 г. политики исламизации. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что внедрение политизированного ислама в систему учебных заведений страны способствовало дезинтеграции и радикализации пакистанского общества. Его консолидация на современном этапе в формате умеренного мусульманского государства, включенного в мировое пространство посредством формирования глобальной гражданственности, рассматривается в статье в качестве жизненно важной необходимости для Пакистана в его противодействии основным угрозам безопасности и целостности страны.

Ключевые слова: глобальная гражданственность, исламизация, мусульманское государство, радикализация, национальная образовательная политика.

Formation and Development of the National Education System in Pakistan (1947–2017).

Summary. The author analyses the process of the National Education System formation and development in Pakistan over the past 70 years of its independence. The role of the education in the Pakistani society transformation is also covered. The National Education policy has been researched through the prism of the religion advancement in all spheres of the Pakistani society subjected to Islamization by the military authorities after 1977. The study reveals that the introduction of the politicized Islam into the institutions of the National Education system contributed to the disintegration and radicalization of the Pakistani society. Its consolidation nowadays in the frames of a moderate Muslim state included in the world community by means of a global citizenship education is considered in this

article to be pivotal for Pakistan so as to counter the main threats of the country security and integrity.

Key words: global citizenship, Islamization, Muslim state, radicalization, National Education Policy.

В современной повестке устойчивого развития государств международное сообщество рассматривает образование в качестве одного из основных драйверов глубинного обновления мировой цивилизации. Единая концепция трансформации общемирового образовательного пространства для достижения всеобщих целей устойчивого развития в новом тысячелетии, связанных с проблемами ликвидации нищеты, неграмотности, голода и гендерного неравенства, соблюдения прав человека, обеспечения охраны материнства и детства, экологической безопасности и мира на планете, выживания ее населения в целом, была сформулирована на Всемирном форуме образования в южнокорейском городе Инчхон (2015 г.). На нем представители 195 стран-членов ЮНЕСКО, включая Пакистан, приняли совместную Декларацию-программу действий «Образование 2030: обеспечение всеобщего инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни», где новая образовательная концепция рассматривается в качестве «необходимого условия мира, терпимости, реализации человеческого потенциала и устойчивого развития» в парадигме объединяющей всю планету идеи глобальной гражданственности¹. Ее внедрение в учебно-воспитательный процесс национальных систем образования государств-участниц ЮНЕСКО нацелено на воспитание широко информированной, критически мыслящей, социально и культурно взаимосвязанной между собой при всей ее многоликости молодежи, осознающей свою ответственность, как граждан общего мира, в преодолении совместными усилиями глобальных вызовов и угроз современности, стоящих перед человечеством.

Большое внимание в ней уделяется при этом повышению качества образования за счет внедрения в учебный процесс информационно-коммуникационных технологий, обновления

контекстной стороны учебно-воспитательного процесса, включения в учебные планы специальных курсов по экологии и устойчивому развитию, овладения различными профессиональными умениями и навыками, а также усовершенствования квалификационной подготовки педагогических кадров и оптимизации управления системами образования.

Анализ эволюции национальной системы образования Пакистана, появившегося на политической карте мира в результате раздела Британской Индии в 1947 г., позволяет выявить роль образования в становлении и развитии этого суверенного государства за истекшие 70 лет независимости, его включенность на современном этапе в общемировой процесс трансформации образовательного пространства. Исторически национальная система образования Пакистана формировалась на фоне неоднозначного взаимодействия западной и восточной цивилизаций в период колониального господства британцев. Их образовательная политика способствовала ослаблению позиций традиционной системы образования и зарождению школы элитарного европейского типа для узкой прослойки местной знати. Понятно, что она не предназначалась для широких слоев коренных жителей. Просвещение основной массы населения финансировалось колониальными властями крайне бедно. Образовательная политика британских колонизаторов неоднократно подвергалась критике со стороны основателя пакистанской нации Мухаммада Али Джинны (1876–1948 гг.), возглавившего в 1947 г. новое независимое государство Пакистан².

К моменту создания Пакистана грамотность среди местного населения не превышала 13%. Половина грамотных имела лишь начальное образование. На территориях, отошедших тогда Пакистану, находилось только 3 университета, расположенных в Лакхоре (1882 г.), Дакке (1921 г.) и Хайдерабаде (1947 г.)³.

После достижения независимости перед Пакистаном встала задача ликвидации колониальной и создания национальной системы образования, отвечающей интересам развития молодого государства. Разделяя взгляды исламских просветителей-реформаторов Саид Ахмад-хана (1817–1898 гг.) и Мухаммада

Икбала (1877–1938 гг.), «отец-основатель» Пакистана Мухаммад Али Джинна, получивший помимо традиционных знаний и великолепное юридическое образование в Лондоне, осознавал всю важность ликвидации массовой неграмотности среди местного населения, распространения в обществе современных научных достижений западной цивилизации для социально-экономического, политического и культурного подъема созданного им государства.

Концептуальные подходы по формированию национальной системы просвещения, разработанные М.А. Джинной, который руководил государством лишь в течение года после его создания (он умер 11 сентября 1948 г.), легли в основу образовательной политики этой независимой страны. Отвергая идею исламских традиционалистов во главе с Абул Ала Маудуди (1903–1979 гг.) о теократическом устройстве государственных институтов, М.А. Джинна выступал за создание интегрированной модели обучения и воспитания мусульман, сочетающей в себе достижения западной цивилизации с нормами и ценностными установкам мира ислама. В обращении ко Всепакистанской конференции по вопросам образования (ноябрь 1947 г.) – первому общенациональному мероприятию в сфере просвещения – М.А. Джинна, в частности, подчеркивал, что для достижения «реального, быстрого и существенного прогресса в обществе, нам следует... привести нашу образовательную политику в соответствие с духом нашего народа, его историей и культурой, а также с современными процессами ускоренного развития стран мира»⁴.

В качестве главных задач национальной системы образования он выдвигал распространение грамотности среди населения в общегосударственном масштабе, квалификационную подготовку и профессиональное обучение подрастающего поколения, воспитание у молодежи социальной и политической зрелости, высоких нравственных качеств и веротерпимости. При этом М.А. Джинна указывал на необходимость «формировать чувство патриотизма, способное объединить и сплотить всех в одну сильную нацию»⁵. Государственную политику в области образования планировалось выстраивать на таких основополагающих

принципах, как учет традиционной культуры и мирового педагогического опыта в содержании и структуре образовательного процесса, равенство в получении образования независимо от религиозной, гендерной или этнической принадлежности, социального и имущественного положения, обучение на родном языке, бесплатность базового образования и его доступность для детей. Все это отражало стремление государства к созданию демократической системы просвещения, учитывающей этнокультурное многообразие страны.

Однако в Пакистане отсутствовала последовательность в практической реализации национальной политики в области образования, что во многом объяснялось непрекращающимся противостоянием модернистов и традиционалистов в процессе формирования образовательной модели страны на фоне постепенной радикализации пакистанского общества в результате начавшегося с 1977 г. процесса исламизации всех сфер его жизнедеятельности, включая культуру и просвещение. Как результат, в стране наблюдался рост социальной враждебности и нетерпимости на религиозной почве, сопровождаемый актами сунни-то-шиитских столкновений, насилия и террора. Религиозную направленность приобрели в Пакистане и социальные протесты, выстраиваемые, по оценке отечественных востоковедов, «вокруг конфликта между ценностями радикального исламизма, умеренного ислама и либерализма»⁶.

Можно сказать, что страна вступила на современном этапе в стадию кризиса политики исламизации, породившей опасный социальный феномен радикализации пакистанского общества, и теперь вынуждена искать новые формы взаимодействия ислама, как официальной религии, с обществом и государством. Вектор социальной авторитетности среди населения, как представляется, инерционно продолжает смещаться в сторону религиозных лидеров. Об этом свидетельствуют, например, результаты опроса общественного мнения среди жителей всех четырех провинций страны, проведенного в 2014 г. пакистанским Исследовательским фондом Гиллани (ИФГ) – филиал Международного исследовательского Института Гэллага. Большинство пакистанцев в целом доверяет

богословам и духовным лидерам (82%). К институтам государственной власти свое доверие выражают лишь 52% респондентов⁷.

Показательны также личные наблюдения автора данной статьи во время последней командировки в Пакистан в ноябре 2017 г., когда в Исламабаде началась многотысячная сидячая забастовка религиозных радикалов, возглавляемая созданной в 2015 г. исламистской партией «Техрик-и-Лабаик». Она надолго парализовала жизнь пакистанской столицы. Ее партийный лидер Хадим Хуссейн Ризви, принадлежащий к Барелвийской школе суннитского ислама, отстаивает главенство шариата и сохранение закона о богохульстве в Пакистане. Он, в частности, поддержал убийство панджабского губернатора Салмана Тасира (январь 2011 г.), который выступал против существующего в стране закона о богохульстве, направленного фактически против пакистанских религиозных меньшинств. Губернатор был застрелен его личным телохранителем Мумтазой Кадри, являвшимся членом Барелвийской суннитской организации. Несмотря на многочисленные уличные протесты радикалов, он все же был казнен за совершенное преступление (февраль 2016 г.), получив при этом среди своих сторонников статус мученика за веру. Еще при жизни в честь Мумтазы Кадри в Исламабаде была построена мечеть (2014 г.), ставшая впоследствии местом его поклонения.

Участники сидячего протеста в Исламабаде, организованного исламистской партией «Техрик-и-Лабаик», требовали отставки министра юстиции страны Захида Хамида. Они обвиняли его в преднамеренном исключении из Закона о выборах (2017 г.), принятого в преддверии намеченных на лето 2018 г. очередных парламентских выборов, важного для них положения об обязательном признании избираемыми кандидатами основного религиозного постулата, касающегося завершенности пророчества в исламе. Фактически этот пункт был направлен против религиозных меньшинств страны, в первую очередь против ахмадийской общины, официально признанной в Пакистане немусульманской, члены которой подвергаются религиозному преследованию.

Стоит отметить, что состоявшийся ранее политический дебют этой исламистской партии в парламентской гонке оказался

довольно успешным. На проходивших в Лахоре довыборах на освободившееся место в Национальный парламент страны (сентябрь 2017 г.) в связи с отставкой обвиненного в коррупции пакистанского премьера Наваза Шарифа ей удалось прийти третьей к избирательному финишу по подсчету отданных за нее голосов, уступив сохранившей свое лидерство правящей партии – Пакистанской мусульманской лиги (ПМЛ Н) и набирающей силу партии Имран Хана «Техрик-е-Инсаф» («Движение за справедливость»). Успешным для исламистской партии «Техрик-и-Лабаик» оказался и исход организованной ею сидячей забастовки. Ослабленное внутривластным кризисом гражданское правительство, имея определенные разногласия с военным истеблишментом и усеченное в его поддержке, было вынуждено капитулировать перед радикалами и удовлетворить все их требования.

Вспоминая события десятилетней давности, когда в 2007 г. произошел подобный взрыв исламизма в столичном учебно-религиозном комплексе «Красной мечети», ставшей оплотом радикального суннизма Деобандийской школы, можно проследить укрепление позиций исламистов в пакистанском обществе. Тогда выступления радикально настроенных студентов женского и мужского медресе и их многочисленных сторонников, требовавших с подачи руководства «Красной мечети» в лице братьев Гази (Абдул Рашида и Абдул Азиза) создания в Пакистане теократического государства, после продолжительных безрезультатных переговоров властей с экстремистами закончились штурмом этого учебно-религиозного комплекса силовиками и привели к многочисленным жертвам с обеих сторон. И здесь уместно напомнить, что после подавления мятежа в «Красной мечете», исламисты из числа студентов и сторонников этого учебно-религиозного комплекса создали тогда «Армию Гази» или известную еще как «Бригада Абдул Рашида Гази» (2007 г.), ставшую впоследствии боевой группировкой Движения пакистанских талибов (ДПТ, «Техрик-е-талибан Пакистан»), специализировавшейся на подготовке террористов-смертников и проведении терактов с их использованием. В декабре 2014 г. Абдул Азиз Гази открыто заявил о своей

поддержке международной террористической организации «Исламское государство» (ИГ). В ноябре 2015 г. он возобновил попытку создания исламского государства в Пакистане, снова выведя с этой целью толпы студентов, студенток и преподавателей своих медресе на улицы Исламабада. Пакистанские власти не оказали силового противодействия религиозным радикалам, избрав тактику компромиссов, увещаний и шантажа, позволившую снизить накал противостояния между властями и лидерами религиозной оппозиции и на какое-то время хотя бы внешне остудить воинствующий пыл исламистов. При этом учебно-религиозный комплекс «Красной мечети» не был закрыт властями. Он по-прежнему продолжает функционировать, распространяя идеи религиозного экстремизма⁸.

Радикальные настроения присутствуют не только в среде учащихся религиозных школ, но и в общеобразовательных учебных заведениях и университетах. Так, созданная в 2015 г. новая исламистская террористическая группировка, связанная с «Аль-Каидой» и выступающая за введение в стране шариата «Ансар-уль-Шариа Пакистан» («Сторонники исламского закона в Пакистане»), пустила свои корни в Карачинском университете. Ее лидер и члены имеют степени магистров и бакалавров в области информационных технологий и прикладной физики. По свидетельству пакистанского правозащитника и ученого, физика-ядерщика Первеза Худбхойя, последователи таких исламистских организаций, как «Талибан», «Аль-Каида» и «Исламское государство» «через своих менее радикальных собратьев в лице «Джамаат-е ислами» и «Джамиат-ул-улама-е ислам» заполняют культурный вакуум в студенческих городках»⁹. Царящая в них атмосфера, по его справедливой оценке, нуждается в немедленной деполитизации и дерадикализации. Корень этой проблемы ему видится в том, что в пакистанском обществе «размыта граница между религиозным благочестием и религиозным радикализмом, и она крайне нуждается в демаркации»¹⁰.

Стоит сказать, что парламентская религиозная политическая партия «Джамаат-е ислами» (ДИ, «Исламское общество», основано А.А. Маудуди в 1941 г.) имеет в стране самую

многочисленную молодежную вузовскую организацию студентов «Ислами джамиат-е тулаба» («Исламское студенческое общество», создано в 1947 г.). Она расширила свое влияние на студенческую молодежь после возникновения в 1969 г. женского отделения «Ислами джамиат-е талибат» («Исламское общество студенток»). Кроме того, в теологических учебных заведениях, подконтрольных ДИ, в 1975 г. была создана также организация студентов медресе «Джамиат-е-тулаба арабия». Большинство теперешних руководителей ДИ, занимающих, порой, ответственные посты в органах государственной власти и университетских структурах, прошли школу идеологической закалки в этих молодежных объединениях. Они продолжают патронировать и продвигать их интересы и активность на молодежных площадках страны, включая образовательные, культивируя тем самым рост радикальных идей и насилия в студенческой среде.

По данным Национального Антитеррористического комитета Пакистана (2017 г.), из 500 арестованных силовиками боевиков, находившихся в различных тюрьмах провинции Синд, 64 человека имели высшее, а 70 заключенных – неполное высшее образование¹¹. Глава Антитеррористического департамента Синда Санаулла Аббаси, выступая в июле 2017 г. перед руководителями 40 государственных и частных вузов провинции на тематическом семинаре «Растущая радикализация в образовательных институтах» выразил обеспокоенность складывающейся ситуацией в вузах, небезосновательно отметив, что без принятия срочных мер по ее исправлению совместными усилиями правоохранительных и академических структур «новое поколение боевиков может выйти уже из академических институтов»¹².

Достичь расширения своей социальной базы и поддержки в обществе радикально настроенным религиозным кругам удастся не только через проповеди в мечетях, агитацию в социальных сетях, но и за счет распространения религиозного образования среди пакистанских граждан, содержание которого продолжает носить экстремистскую направленность, ведет к насаждению среди населения страны исламистской идеологии, радикализации пакистанского общества в целом.

Идеологическое противостояние модернистов и традиционалистов в выстраивании национальной образовательной системы не прекращается и по сей день. Оно нашло отражение при разработке и осуществлении всех образовательных реформ и мероприятий пакистанского государства. Среди них можно выделить следующие наиболее важные вехи: Комиссия по национальному образованию (1959 г.); реформы образования (1969 г., 1972 г., 1978 г., 1992 г., 1998 г., 2001 г., 2009 г.), Национальные планы действий по образованию для всех (2002–2015 гг.) и ускоренному достижению образовательных Целей развития тысячелетия (2013–2016 гг.), а также перспективный План стратегического развития «Пакистан 2025: одна нация – одно видение», предусматривающий укрепление единства пакистанского государства и достижение устойчивого социально-экономического развития страны с ее прорывом в когорту 25-ти крупнейших экономик мира к 2025 г. и дальнейшим входением в десятку ведущих стран с конкурентоспособной наукоемкой экономикой уже в ближайшей перспективе – к 100-летию юбилею пакистанской государственности (2047 г.)¹³.

Приверженность Пакистана международным нормам по предоставлению равных образовательных возможностей для всех граждан страны, независимо от их национальной, религиозной или гендерной принадлежности, подтверждается внесением 18 поправки в Конституцию страны Статья 25 А (2010), а также принятием с 2012 г. Федерального и провинциальных Законов о праве на бесплатное обязательное образование для всех детей в возрасте от 5 до 16 лет.

Надо сказать, что за годы независимости Пакистаном достигнуты заметные сдвиги в развитии системы образования, расширении ее инфраструктуры и доступа к ней населения через различные, хотя и неравнозначные по качеству образовательных услуг учебные заведения формального и неформального типа, включая заметно увеличивающееся число религиозных школ. В стране насчитывается до 38 тыс. теологических учебных заведений, в которых обучается более 3,5 млн учащихся¹⁴. Наиболее массовым звеном в национальной системе образования Пакистана

является начальная школа (1–5 классы) с общим числом учеников около 22 млн человек, обучающихся в более 164,6 тыс. учебных заведениях этого уровня. В младшей средней школе (6–8 классы), замыкающей структуру элементарного базового образования, контингент учащихся резко снижается до 7 млн человек. Старшая средняя школа (9–10 классы), представленная около 31,8 тыс. школ, сохраняет эту количественную нисходящую (3,6 млн учеников), как, впрочем, и высшая средняя школа (11–12 классы), где обучаются лишь около 1,7 млн учащихся. Высшее образование представлено 163 государственными и частными университетами, где проходит обучение более 1,3 млн студентов¹⁵.

Уровень грамотности среди пакистанцев в возрастной категории старше 10 лет увеличился до 58% (мужчины – 70%, женщины – 48%). Данный показатель в городской местности (74%) значительно превышает сельский (49%). При этом сохраняются различия в уровне грамотности по провинциям: Панджаб (62%), Синд (55%), Хайбер-Пахтунхва (53%) и Белуджистан (41%)¹⁶. Однако достигнутый количественный рост сопровождается высоким отсевом учащихся на всех ступенях обучения, прежде всего на его базовом уровне. Наблюдается также снижение качества образования, его отставание от социального спроса на образовательные услуги, что не отвечает потребностям социально-экономического развития государства, ограничивая возможности его модернизации.

Неудивительно, что при таких показателях Пакистан по индексу развития человеческого потенциала, рассчитываемого не только с учетом измерения уровня жизни населения, его долголетия, грамотности и образованности, но также на основе индикаторов внутреннего плана, связанных с социально-экономическим и гендерным неравенством, занимает 147 место среди 188 стран мира¹⁷.

Развитие образования в Пакистане, наряду с отсутствием стабильности и безопасности в стране, сохранением бедности основной массы населения и сложной демографической ситуации (ежегодный прирост населения составляет около 2%), сдерживается также его недостаточным финансированием. За последнее

десятилетие бюджетные расходы на образование по-прежнему оставались незначительными (2,2% ВВП)¹⁸. В стране ощущается острая нехватка квалифицированных педагогических кадров при сохраняющейся перенасыщенности учебных классов, что отрицательно сказывается на качестве получаемых учениками знаний. Высокий уровень второгодничества и отсева учащихся из общеобразовательных школ уже на начальной ступени обучения связан не только с отсутствием у детей и их родителей мотивационной основы обучения, но и элементарных санитарно-гигиенических условий во многих учебных заведениях, включая наличие питьевой воды, что немаловажно в условиях жаркого климата. К тому же в стране сохраняется практика использования детского наемного труда и ранних браков, лишаящая детей возможности учиться.

Анализ материалов и документов по обновлению пакистанской системы образования показывает, что все попытки решения образовательных проблем в Пакистане на всех этапах ее становления и развития привели в конечном итоге к необходимости формирования основ интегрированной модели обучения и воспитания, как это виделось его основателю М.А. Джинне, сочетающей в себе положительный опыт традиционного образования и мирового педагогического тренда. Она ориентирована на подключение неиспользованного ранее в полной мере богатого человеческого потенциала к процессу трансформации пакистанского общества, стремящегося к достижению целей устойчивого развития, закрепленных в международной Декларации тысячелетия ООН (2000–2015 гг.) и Глобальной программе действий ЮНЕСКО в области образования (2015–2030 гг.).

Пакистан в полной мере осознает необходимость своего перехода к «экономике знаний» посредством развития и модернизации образования, включая внедрение новых дистанционных форм обучения, с привлечением передовых информационно-коммуникационных цифровых технологий и организации учебного процесса с применением электронных интерактивных методов обучения, будь то создание в стране новых Смарт-школ будущего и университетов инновационного типа, подобных

Открытому университету имени Каид-и Азама Мухаммада Али Джинны, или интеграция традиционных религиозных учебных заведений в общеобразовательный поток школ путем введения в их учебные планы предметов общеобразовательного и профессионального цикла, привлечения имеющейся у них инфраструктуры для распространения грамотности среди взрослого населения и неформального базового обучения детей из бедных семей. Все это заложено в разработанном в стране проекте новой Национальной реформы образования (2017–2025 гг.), которая призвана «воспитывать и обучать будущее поколение Пакистана как истинных, практикующих ислам мусульман, способных с уверенностью, толерантностью и мужеством противостоять вызовам 21-го века» при соблюдении взятых на себя государством международных обязательств по распространению образования для всех своих граждан¹⁹. Остается надеяться, что она позволит укрепить интеграционные процессы выстраивания единого образовательного пространства в стране, нацеленного на консолидацию пакистанского общества во всем многообразии его культур и традиций.

Первым предвестником продвижения новой образовательной реформы в этом направлении является принятие в стране Министерством Федерального образования и профессиональной подготовки совместно с провинциальными министерствами образования в июле 2017 г. Национальной структуры учебных программ согласно единому базовому федеральному стандарту с включением в них региональных компонентов на уровне провинций во всех типах учебных заведений, функционирующих в стране, включая религиозные. Думается, что это может предотвратить дальнейший раскол пакистанского общества, способствуя не только процессу его постепенного гражданского единения, трансформации огромного человеческого капитала и интеллекта в созидательное русло устойчивого развития страны, но и ее плавной инклюзивности в общемировое пространство для решения совместными усилиями стоящих перед человечеством общих вызовов современности. При этом надежды властей на дерадикализацию общества за счет вовлечения во внутривнутриполитический

процесс функционирующих в стране исламистских партий и организаций, порожденных, отчасти, и несовершенством существующей системы национального образования, вряд ли можно считать оправданными.

Учитывая слабость либеральных сил в Пакистане, страна может столкнуться с реверсным эффектом дальнейшей радикализации социума на фоне активизации внутренних и внешних экстремистски настроенных игроков, что, как представляется, очень опасно и может привести к непредсказуемым последствиям не только для самого пакистанского государства, но и сопредельных стран, включая РФ. Придание Исламабадом приоритетного внимания вопросам модернизации системы образования с учетом национальной компоненты и в рамках принятых на себя международных обязательств по ее развитию позволяет все же оптимистично оценивать перспективы этого одного из ведущих мусульманских государств мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Incheon Declaration Education 2030: Towards inclusive and equitable quality education and lifelong learning for all. URL: http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/education-2030-incheon-framework-for-action-implementation-of-sdg4-2016-en_2.pdf Дата обращения 26.02.2018.
2. Более полно об этом см. в предыдущих работах автора: Серенко И.Н. Пакистан. Народное образование и религия (история и современность). М.: Изд-во АСОПиР, 1994; Система образования в Исламской Республике Пакистан. М.: Научная книга, 2006.
3. The Indian and Pakistan Year Book and Who's Who 1950. Volume XXXYI. A Statistical and Historical Annual of India and Pakistan. Bombay: Bennett, Coleman & Co. Ltd., 1950, p. 37–44, 569–570; Twenty years of Pakistan: 1947–1967. Karachi: Pakistan Publications, 1967, p. 417.
4. Quaid-i-Azam Muhammad Ali Jinnah. Speeches as Governor-General of Pakistan 1947–1948. Karachi: Ferozsons Ltd., 1962, p. 36.
5. Ibid., p. 111–112.
6. Об этом подробнее см.: Социальный протест на современном Востоке: Научное издание /Под ред. Д.В. Стрельцова. М., 2016, с. 139–154.
7. Gallup History Project. URL: <https://twitter.com/GallupPak/status/564484463623553025> Дата обращения 10.03.2017.

8. Об этом подробнее см., например, предыдущие работы автора: Серенко И. Н. Становление и развитие женского образования в Исламской Республике Пакистан (политика в области образования и реакция общества). М.: ИВ РАН, 2016, с. 113–116; Пакистан: от «Красной мечети» к «красному» уровню террористической опасности. В открытом архиве Института востоковедения РАН. Сетевой аналитический журнал Восточная аналитика ИВ РАН, М.: ivran.ru. 2017, № 2. URL: <http://ivran.ru/articles?artid=7004>; <http://www.va.ivran.ru>
9. Pervez Hoodbhoy. Deradicalising our universities // Dawn. 23.09.2017. URL: <https://www.dawn.com/news/1359388> Дата обращения 11.02.2018.
10. Ibid.
11. Madeeha Anwar. Pakistan's Provincial Authorities Seek to Identify Educated Radicals. URL: <https://www.voanews.com/a/pakistan-provincial-authorities-seek-identify-educated-radicals/4031933.html> Дата обращения 11.02.2018.
12. Imtiaz Ali. 'Next generation of militants may emerge from academic institutes' // Dawn. 13.07.2017. URL: <https://www.dawn.com/news/1344913/>. Дата обращения 26.02.2018.
13. Pakistan 2025: One Nation – One Vision. Ministry of Planning, Development & Reform. Government of Pakistan. Islamabad, 2014, p. 3.
14. 'Madressah registration, reform can mitigate most negative consequences,' says report // Dawn. 31.01.2018. URL: <https://www.dawn.com/news/1386370/madressah-registration-reform-can-mitigate-most-negative-consequences-says-report/>. Дата обращения 11.02.2018.
15. Pakistan Economic Survey 2016–17. Government of Pakistan, Finance Division, Economic Adviser's Wing. Islamabad, 2017, p. 169–170.
16. Ibid., p. 172.
17. Human Development Report 2016. Human Development for Everyone. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf Дата обращения 26.02.2018.
18. Pakistan Economic Survey 2016–17. Government of Pakistan, Finance Division, Economic Adviser's Wing. Islamabad, 2017, p. 174.
19. National Education Policy 2017–2025. Government of Pakistan, Ministry of Federal Education and Professional Training Government of Pakistan. Islamabad, 2017, p. 24.

А.А. Суворова*

МАЛАЛА ЮСУФЗАЙ: ЖИЗНЬ ДО И ПОСЛЕ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

Резюме. Статья посвящена самому молодому лауреату Нобелевской премии мира, пакистанке Малале Юсуфзай. Живя в долине Сват, контролируемой талибами, запрещавшими девочкам посещать школы, Малала выступила против этих запретов. В 2012 г. талибы совершили на Малалу вооруженное покушение, ранив ее в голову, что вызвало широкий международный резонанс. Нобелевская премия была присуждена Малале в 2014 г. за ее гуманитарную деятельность в области образования девочек. Несмотря на мировое признание заслуг Малалы, отношение пакистанцев к ней неоднозначно.

Ключевые слова: Пакистан, Малала Юсуфзай, Нобелевская премия мира, борьба за право девочек на образование.

Malala Yousafzai: her life before and after the Nobel Peace Prize

Summary. The article outlines the youngest ever Nobel Peace Prize winner, Malala Yousafzai of Pakistan. She lived in Swat Valley, the region that was under the control of Taliban who banned the girls from attending school. In 2012 a Taliban gunman shot Yousafzai; she was hit with one bullet, which went through her head. The murder attempt received worldwide media coverage and produced an outpouring of sympathy. In 2014, Yousafzai was announced as the winner of the Nobel Peace Prize for her struggle for the right of all children to education. Despite the world recognition, reception of Yousafzai is mixed in Pakistan.

Keywords: Pakistan, Malala Yousafzai, the Nobel Peace Prize, the right of the girls to education.

Пакистанка Малала Юсуфзай (1997 г.р.) – самый молодой лауреат Нобелевской премии мира за всю историю ее присуждения. Она – второй нобелевский лауреат в истории Пакистана

* Суворова Анна Ароновна – заведующая Отделом литератур Института востоковедения РАН, доктор филологических наук

и вторая (после Матери Терезы) женщина из Южной Азии, удостоенная этой премии.

История Малалы – свидетельство тех новых преимуществ и опасностей, которые сулит современному человеку эпоха информационных технологий. Если бы не телевидение и интернет, Малала не оказалась бы на волоске от смерти, но и никогда бы не получила мирового признания. Малала происходит из суннитской мусульманской семьи, принадлежащей к крупнейшему пуштунскому племени юсуфзаев. Ей дали имя народной героини и поэтессы Малалаи, которая участвовала во 2-ой Англо-афганской войне (1878–1881) и вдохновляла пуштунов на победу над британцами в битве при Майванде (1880).

Названная в честь девы-воительницы, «афганской Жанны д'Арк», Малала родилась в городе Мингора, который находится в долине Сват, округе пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва, граничащей с Афганистаном. Сват, бывший до 1969 г. туземным княжеством в составе Пакистана, окружен высокими горами, сплошь покрыт ковром зелёных лугов и озёрами с чистой водой и некогда считался популярным курортом и туристическим центром. За своё географическое положение и природный комплекс Сват иногда именуется «Пакистанской Швейцарией». Сюда, на берега прохладной горной реки Сват, летом приезжали люди спастись от тропической жары. Приезжали в Сват и иностранцы – отдохнуть и посмотреть на буддийские древности. В V–VII веках нашей эры здесь было немало монастырей, и их живописные развалины привлекали европейских туристов. Большим поклонником этих мест был молодой офицер Уинстон Черчилль, служивший в Британской Индии, совсем недалеко от Мингоры (здесь и сегодня можно увидеть «Пикет Черчилля»). В 1962 г. краткий отдых в Свате привел в восторг британскую королеву Елизавету II и принца Эдинбургского.

В 2004 г. на северо-западе Пакистана, в горном районе Вазиристан, началось длительное вооруженное противостояние между пуштунскими племенными кланами и центральным правительством. Одной из причин этой войны стало анти-террористическая операция США в Афганистане и вытеснение

лидеров Талибана и Аль-Каиды на территорию Пакистана, подконтрольную пуштунским племенам. В конце 2007 г. 5 тыс. пакистанских талибов под предводительством муллы Фазлуллы открыли новый фронт в регионе Сват. В феврале 2009 г. власти Северо-Западной пограничной провинции (с 2010 года провинция Хайбер-Пахтунхва) заключили соглашение с радикальными исламистами Фазлуллы, согласно которому на территории Свата, подконтрольной исламистам, вводилось исламское право (шариат). Все законы, противоречащие шариату, были аннулированы¹. Предполагалось, что эта мера позволит достичь перемирия между пакистанскими вооружёнными силами и местными исламскими повстанцами, что, в свою очередь, приведет к нормализации жизни в Свате. Этого, к сожалению, не произошло, и сегодня долину Свата по-прежнему сотрясают взрывы и теракты.

Под властью муллы Фазлуллы время в Свате повернулось вспять, в средневековье. Руководимое им «Движение по введению закона Мухаммеда» (*Техрик-е-нафаз-е-шариат-е-мухаммади*) было запрещено на остальной территории Пакистана как крайне экстремистское. Вновь учрежденные шариатские суды боролись против проявлений «прозападного» образа жизни: были закрыты кинотеатры, отключено кабельное телевидение и интернет, запрещена продажа CD-дисков. Электроника изымалась из магазинов и видеосалонов и публично сжигалась. Правда, при всей ненависти к электронным средствам передачи информации, сам мулла Фазлулла регулярно вел многочасовые проповеди с помощью примитивной радиостанции, за что получил прозвище «Радио-Мулла». Мужчинам запрещалось брить бороду, причем от этого запрета больше всего страдали парикмахеры, которым не разрешалось брить клиентов под страхом смертной казни. Фазлулла, сам в детстве перенесший полиомиелит и потому всю жизнь хромавший, запретил прививать детей от этой страшной болезни, объявив, что вакцина вызывает импотенцию и бесплодие и является изобретением США и Израиля с целью «сократить мусульманское население»².

Как всегда в племенных обществах, наиболее жесткие запреты талибов касались положения женщин, которым нельзя было

выходить на улицу без мужского сопровождения, петь и танцевать на свадьбах, участвовать в выборах и посещать учебные заведения. При власти талибов в Свате закрылись 400 школ, некоторые из них были взорваны, причем 40 тыс. девочек лишились возможности учиться³. У Малалы было неоспоримое преимущество перед многими сверстницами: ее отец Зияуддин Юсуфзай, педагог, активист и владелец школы для девочек в Мингоре, занимался образованием дочери, в том числе политическим, с раннего детства. Когда Малале было всего 11 лет, отец организовал ее первое публичное выступление в пресс-клубе Пешавара, где девочка открыто заявила: «Как смеют талибы лишать меня моего исконного права на образование?»⁴. Это смелое заявление подростка разнесли по миру не только пакистанские СМИ, но и американо-канадские газеты, что говорит об амбициях ее отца, рано начавшего готовить девочку к политической карьере.

В начале 2009 г. редакторы службы BBC, вещающей на урду, обратились к Зияуддину как к владельцу школы с просьбой порекомендовать им ученицу, которая согласится вести блог о жизни детей при талибах. Несмотря на опасность такого предприятия Зияуддин рекомендовал редакторам собственную дочь с условием, что ее настоящее имя не будет названо. Так Малала начала вести свой сетевой дневник для сайта BBC под псевдонимом Гул Макаи (в переводе – полевой цветок вроде василька; имя героини пуштунского фольклора). «Дневник Гул Макаи» с его по-детски бесхитростными зарисовками страшных событий повседневности многие сравнивали с «Дневником Анны Франк». Вот несколько отрывков из этого дневника:

Суббота, 3 января. По пути домой из школы я услышала, как за моей спиной человек сказал: «Я убью тебя». Я ускорила шаги и через какое-то время обернулась посмотреть, идет ли он за мной. Но, к моему облегчению, он говорил по мобильному телефону и, наверное, угрожал кому-то другому.

Понедельник, 5 января. Я готовилась к школе и хотела надеть форму, но тут вспомнила, что наша директор велела нам приходить не в школьной форме, а в обычной одежде. Тогда я решила надеть мой любимый розовый шальвар-камиз (традиционный костюм пакистанки – А.С.). Другие девочки тоже надели яркую одежду, так что школа выглядела

по-домашнему. Однако на утренней линейке нам сказали больше не носить яркую одежду, поскольку талибы запрещают это.

Понедельник, 19 января. Еще пять школ разрушили, одна – совсем недалеко от моего дома. Удивительно, ведь эти школы уже были закрыты, так зачем им понадобилось их разрушать?

Четверг, 22 января. Мне надоело сидеть дома, но приходится – с тех пор как закрыли все женские школы. Мои подруги уезжают из Свата, здесь опасно. Вечером Маулана Шах Дауран (представитель талибов – А.С.) вновь потребовал от женщин не выходить из домов. Талибы ввели в Свате публичные порки... Объявлено, что завтра трех воров будут публично пороть и что все желающие могут прийти посмотреть. Неужели кому-то захочется смотреть на это?

Суббота, 24 января. Один из моих братьев, которому пять лет, играл на лужайке перед домом. Когда мой отец спросил, во что он играет, тот ответил: «Я рою могилу»⁵.

На первый взгляд, не совсем понятно, чем дневник Малалы уж так насолил талибам: в ее нехитрых записках нельзя найти ни смертельно пугающего мусульман «богохульства», ни «клеветы на Пророка», ни «преклонения перед западной культурой», в котором ее позднее обвиняли. Похоже, эти короткие заметки школьницы просто разрушили легенду о счастливом обществе всеобщей справедливости, которое якобы несет пакистанцам власть талибов. Однако дальнейшая деятельность Малалы и ее отца, при поддержке западных СМИ развернувших кампанию против талибов, таила в себе настоящие угрозы.

В 2009 г. журналисты газеты *The New York Times* сняли по блогу Малалы документальный фильм «Класс распущен. История Малалы». В фильме, который транслировался по многим международным телеканалам, Малала выступает уже не под псевдонимом, а под своим собственным именем. На довольно беглом английском, хотя и с сильным пакистанским акцентом, она рассказывала о своих мечтах и планах. В частности, она заявляла: «Моя цель – служить человечеству. Я должна стать политиком и спасти мою страну от постоянных кризисов»⁶.

В мае 2009 г. правительственные войска начали масштабную военную операцию по выдавливанию талибов из Свата (она получила название «2-ой битвы за Сват»)⁷. На улицах Мингоры шли

бои, население в панике покидало свои дома. Малалу отослали к родственникам в деревню, а ее отец, которому талибы заочно вынесли смертный приговор, перебрался в Пешавар продолжать агитировать против талибов. В Пешаваре отец и дочь Юсуфзай встретились со спецпредставителем США в Афганистане и Пакистане Ричардом Холбруком, и эта чисто протокольная встреча дала впоследствии повод недоброжелателям обвинять Малалу в том, что она является «агентом США».

После трех месяцев изгнания семья Юсуфзай объединилась и вернулась в изрядно разоренный, но освобожденный от талибов Сват. Радио-Мулла с остатками своих отрядов ушел за границу в Афганистан. А Малала продолжила учебу и с энтузиазмом погрузилась в общественную деятельность. В 2010 г. ее избрали главой Детской ассамблеи Свата, созданной по решению и при финансовой поддержке ЮНИСЕФ. В 2011 г. ей был присужден первый Национальный юношеский приз мира – награда, учрежденная специально для нее. Портреты Малалы, постеры с ее фотографиями висели во всех пакистанских школах. Чем больше росла известность Малалы, тем чаще ей поступали предупреждения с требованием помалкивать и вести себя скромно, как и полагается мусульманской девушке. Угрозы приходили по почте, даже печатались в газетах. «Нам не хочется убивать ее, но что остается делать, если она все никак не заткнется», – говорил в интервью один из помощников Радио-Муллы⁸.

9 октября 2012 года школьный автобус, в котором Малала возвращалась домой из школы, был остановлен вооруженными людьми в масках. Один из боевиков зашёл в автобус и стал допрашивать девочек, кто из них Малала. Когда её личность была установлена – а это было нетрудно, поскольку портреты девочки висели повсюду, – боевик дважды выстрелил в Малалу, попав ей в голову и шею. Одна из пуль прошла навылет, и две школьницы, Шазия и Каинат, сидевшие позади Малалы, также получили по огнестрельному ранению. На вертолете Малалу доставили в критическом состоянии в военный госпиталь Пешавара. Хотя после трёхчасовой операции хирургу все-таки удалось извлечь пулю, девочка находилась в коме, и шансы на её выздоровление

были невелики. Позднее, когда состояние Малалы Юсуфзай немного стабилизировалось, пакистанское правительство организовало её авиаперевозку в Великобританию, где девочка проходила лечение и реабилитацию в больнице Бирмингема.

Ответственность за покушение на Малалу взяло на себя «Движение талибов Пакистана» (*Техрик-е-талибан-е-Пакистан*), представитель которого назвал девочку «символом неверия и бесстыдства» и заявил, что «шариат разрешает карать даже детей, если те выступают против ислама»⁹. Однако заявление талибов не нашло поддержки даже в самых консервативных кругах пакистанского общества; в разных городах страны прошли митинги и демонстрации в защиту Малалы. Одновременно и на Западе ширилась кампания в поддержку храброй пакистанской девочки. Журнал *Time* включил Малалу в число самых влиятельных людей мира 2012 г.¹⁰ ООН объявила 12 июля – день рождения М. Юсуфзай – международным «Днем Малалы». На девочку пролился дождь из призов и премий за вклад в женское образование и защиту прав женщин. Апофеозом этого признания стало ее выдвижение членами норвежского парламента на Нобелевскую премию мира 2013 г.¹¹ Однако в тот раз нобелевский комитет предпочел ей Организацию по запрету химического оружия, чья деятельность оказалась особенно актуальной с учетом тогдашней ситуации вокруг Сирии.

Спасаясь от продолжающихся угроз талибов, семья Малалы переехала в Великобританию. Зияуддин Юсуфзай получил работу в консульстве Пакистана в Бирмингеме. При его поддержке Малала продолжила кампанию за право детей во всем мире на образование. Еще большую популярность девушке принесла вышедшая в США автобиография «Я – Малала»¹², написанная в соавторстве с известной американской журналисткой Кристиной Лэмб. Выход этой книги сопровождали многочисленные интервью и пресс-конференции, во время которых Малала заявляла, что не является «марионеткой Запада», в чем ее обвиняли некоторые сограждане¹³. Тем не менее, Пакистанская федерация частных школ запретила эту книгу в подведомственных ей учебных заведениях, заявив, что в книге прослеживается

«неуважение к исламу», и она может оказать «негативное влияние» на учащихся¹⁴.

Тем не менее, несмотря на первую неудачу, международная кампания в поддержку присуждения Нобелевской премии мира Малале Юсуфзай продолжала набирать силу и через год увенчалась успехом. Малала стала самым молодым лауреатом этой премии за всю историю ее присуждения. Выбор нобелевского комитета в пользу девушки-подростка, проявившей такое упорство в достижении своей цели и личную храбрость, наконец, пострадавшей в результате покушения на ее жизнь, вызвал лавину откликов по всему миру. И юный возраст нового лауреата, и скромное достоинство, с которым она держится во время публичных выступлений, и даже легкий парез – след ранения – на ее щеке вызывали у людей симпатию и сочувствие.

Казалось бы, более всего должны радоваться премии соотечественники Малалы: ведь она, как уже говорилось, всего лишь второй нобелевский лауреат в Пакистане (в то время как у «конкурирующей» Индии их восемь). Первым пакистанцем, получившим Нобелевскую премию по физике в 1979 г., был выдающийся ученый, руководитель программы создания ядерного оружия в этой стране, Абдус Салам (1926–1996). И все же реакция пакистанцев на присуждение премии Малале Юсуфзай носила противоречивый характер. Наряду с официальными поздравлениями от премьер-министра, лидеров основных партий, представителей политической и творческой элиты пакистанское общество в целом восприняло победу Малалы скорее настороженно, чем восторженно.

Так, журналист и редактор издания *Pakistan Observer* Тарик Хаттак в своем интервью Би-би-си назвал присуждение премии Юсуфзай «политическим решением и заговором». «Она – заурядная, ничем не примечательная девочка, – разъясняет Хаттак свою позицию, – она предлагает то, что покупается на Западе. Отец ее – опытный кукловод и заставляет дочь плясать под дудку американцев. Они оба не заслуживают никаких премий»¹⁵. Теория «заговора» якобы с целью очернения международного образа Пакистана и дискредитации исламских ценностей плотно окружала историю

Малалы еще со времен нападения на нее талибов, и не всегда это мнение было продиктовано банальной завистью.

Некоторых вполне трезвомыслящих пакистанцев смущает то, что, придавая особую значимость истории Малалы, западные СМИ в то же время упорно молчат о судьбах безымянных детей, ежедневно гибнущих в Ираке, Сирии, Палестине и том же Пакистане в результате бомбардировок США, Израиля и западных стран. Многим пакистанцам кажется лицемерным сочувствие Запада жертвам «внутреннего» насилия, пострадавшим от исламских фундаменталистов или варварских племенных обычаев, при полном игнорировании тех, кто гибнет в результате «внешнего» насилия, т. е. политики США в регионе. По этой логике, Малала идеально подходит на роль героини, потому что ее преследователями являются злые «туземцы» – талибы, а спасителями – добрые европейцы.

«Это очередная история “туземной” девушки, спасенной “белым” человеком, – пишет один из аналитиков, Асад Бег, – Это расистское предание, на сей раз освященное авторитетом Нобелевской премии. Это осовремененная сказка о невинном “цветном” ребенке, которого чуть не растерзали дикари за желание учиться, и тут является белый рыцарь в сияющих доспехах, чтобы спасти ее и исполнить ее сокровенное желание. Тогда все действия Запада – бомбардировки, беспилотники, наземные операции – оказываются оправданными: “видите, мы вас предупреждали и опять вынуждены вмешаться, чтобы защитить местное население”»¹⁶.

Иными словами, некоторые пакистанцы ощутили в истории Малалы неокOLONиальный привкус. Здесь можно сослаться на феминистский дискурс, который описывает отношения колонизаторов и колонизируемых как своеобразную «историю спасения»: «White men are saving brown women from brown men» («Белые мужчины спасают цветных женщин от цветных мужчин»)¹⁷. Именно о такой «истории туземной девушки» говорил Асад Бег.

Однако, не меньше в стране и других, кто объясняет антипатию пакистанцев к своей «нобелевской» героине специфическими чертами местного общества, в частности, его агрессивной

патриархатностью и деструктивной мизогинией. Один из популярных блоггеров пишет об этом с неприкрытым сарказмом: «Как я могу признать авторитет Малалы Юсуфзай, когда всю жизнь меня учили, что место женщины на кухне? Религия, которую я исповедую, относится к женщине как к существу второго сорта. Общество, в котором я живу, руководствуется только интересами мужчин. Так почему я вдруг должен проникнуться идеалами женского образования, которые она проповедует? Назовите мне имя хоть одной женщины, которую мы всерьез считали представительницей нации. Фатима Джинна? Но она была сестрой Великого Лидера. Беназир Бхутто? Но она была дочерью премьера З.А. Бхутто. Чтобы поверить в достоинства Малалы, нужно, чтобы она оказалась в генетической связи с каким-нибудь выдающимся мужчиной. Вместо того чтобы менять идеологию, легче принять теорию заговора. Я ненавижу Малалу, просто потому что так удобнее»¹⁸.

Тем не менее, если какая-то часть населения Пакистана ненавидит Малалу, ее вины в этом нет. «Если вы продолжаете игнорировать заслуги Малалы и верить в теорию заговора, если вы убеждены, что ее готовят для того, чтобы она вернулась в Пакистан через 20 лет и уничтожила всех нас, если вы верите, что она выйдет замуж за Билавала Бхутто и станет премьер-министром, тогда я вряд ли смогу вас переубедить»¹⁹.

В Пакистане уже был печальный прецедент негативного отношения к «своему» нобелевскому лауреату, и судьба вышеупомянутого выдающегося ученого Абдус Салама доказывает это со всей очевидностью. Как и многие члены притесняемой в Пакистане религиозной общины Ахмадийя, Абдус Салам вынужденно покинул родину, проведя большую часть жизни в Великобритании, и вернулся домой тяжело больным перед самой смертью. Но даже после смерти пакистанские власти продолжали третировать Абдус Салама и игнорировать его научные заслуги. Из его надгробной эпитафии, гласившей «Первому мусульманскому нобелевскому лауреату», какой-то местный чиновник распорядился убрать слово «мусульманский», т. к. по пакистанским законам, Ахмадийя не имеют права называть себя мусульманами²⁰.

После присуждения нобелевской премии Малале анонимный автор опубликовал в пакистанской печати воображаемое письмо, которое гипотетически мог бы написать Абдус Салам Малале. В письме-памфлете говорится: «Твоя победа привела в ярость твоих преследователей и вызвала раздражение обывателей. Мало что изменилось в нашей стране со времени, когда нобелевским лауреатом стал я. Мы, как нация, не умеем гордиться нашими героями и праздновать их победу. Мы хотим, чтобы нас жалели и нам помогали, желательно финансово. Всех устраивало, пока ты была жертвой талибов. Но когда ты явилась перед соотечественниками не как молчаливая жертва, а как красноречивая героиня, ты сразу стала “предательницей” нации и веры. Так случилось и со мной, когда пакистанское общество отвергло мои знания, опыт и достижения из-за моих религиозных убеждений. И мне грустно, милое дитя, что теперь эта нобелевская мантия так тяжело легла на твои плечи»²¹.

Но если не принимать во внимание столь популярные у пакистанцев «теории заговора», объявившие Малалу «агентом Запада», то наиболее частая претензия к девушке состоит в том, что она якобы только «представляет» пакистанцев на международной арене, постоянно встречаясь с главами государств и другими сильными мира сего, но ничего не делает для соотечественников. Безусловно, здесь критики Малалы грешат против истины. Так называемый «Фонд Малалы», в который она пожертвовала большую часть своей премии, ведет в Пакистане несколько крупных гуманитарных программ, связанных с образованием девочек, в том числе восстановление школ и снабжение их необходимым инвентарем в районах, пострадавших от наводнений или военных действий. В 2015 г. «Фонд Малалы» открыл школу для сирийских девочек-беженцев в Долине Бекаа (Ливан).

При этом никто из тех, кто считает, что «история Малалы» представляет Пакистан в искаженном и неприглядном виде, не может привести ни одного уничижительного замечания самой Малалы в адрес своей родины. Одна из ее первых записей в Твиттере звучала так: «Я горжусь тем, что я – пуштунка, пакистанка и мусульманка»²². Несмотря на патриотические заявления, иногда Малала позволяла себе высказывания, которые могли показаться

нескромными и претенциозными в устах юной мусульманки. «Я надеюсь однажды стать премьер-министром Пакистана и буду всегда любить мою страну, даже если кто-то в Пакистане меня ненавидит»²³, – говорила она. Поскольку в Пакистане до сих пор пост премьера занимала только одна женщина, Беназир Бхутто, амбиции Малалы раздражают многих, для кого сравнение дочери школьного учителя с наследницей высшей земельной знати кажется покушением на существующий порядок вещей, в частности, на права, получаемые по рождению, и сословные перегородки, охраняемые в патриархатном обществе.

При этом больше всего поклонников у Малалы среди пакистанской элиты и в привилегированных слоях общества. Состоятельные и состоявшиеся люди видят в ней пример успеха, достойный подражания, храбрую целеустремленную девушку, сумевшую добиться мирового признания своими личными заслугами. Они не испытывают по отношению к Малале враждебности, не завидуют ее достижениям и считают, что Пакистан может гордиться ею. Однако у широких масс Малала так не стала героиней. Собственно, героиней при жизни не была и Беназир Бхутто. Лишь ее гибель в 2007 г., придавшая ей в представлении народа статус «мученицы» (*шахид*), сделала ее популярной во всех слоях общества и чуть ли не святой. Пожалуй, единственная женщина в истории Пакистана, которая считалась народной героиней, «Матерью нации» (*мадар-е миллат*) еще при жизни, была Фатима Джинна, младшая сестра создателя Пакистана М.А. Джинны. Однако здесь, как и во всяком патриархатном обществе, действовал неписаный закон кровного родства с покойным «патриархом», «отцом нации», харизматическим лидером²⁴.

Во многом неприятие Малалы простыми людьми объясняется тем, что в Пакистане практически не действуют социальные лифты. По анализу Lahore University of Management Sciences (LUMS) 2015 г., 50% детей из низших классов пакистанского общества никогда не смогут улучшить свое положение. Доступ к высшему образованию и владению землей, которые дали бы им возможность подняться по социальной лестнице, для них закрыт изначально и навсегда. Малала, происходящая пусть не из бедной, но весьма

скромной провинциальной семьи, молниеносно поменяла свой социальный статус, превратившись из дочери школьного учителя в звезду мировой политической элиты. Пакистанцы, в своем большинстве, не верят в честность таких мгновенных метаморфоз. Амир Раза, профессор Университета Пешавара, писал по этому поводу: «Постоянно повторяющиеся неудачи, которые терпят обычные люди, пытаясь хоть немного вскарабкаться по социальной лестнице, сделали их подозрительными. Они не верят, что кто-то может внезапно разбогатеть или прославиться благодаря собственным талантам, если это не спортсмен или киноактер»²⁵.

Как единственный нобелевский лауреат в стране, Малала Юсуфзай могла бы играть более яркую роль в общественной жизни, причем не только в сфере образования, но и в крайне актуальных для Пакистана областях расширения прав женщин и защиты прав религиозных меньшинств. Не зря же она активно выступает против преследования народности рохинджа в Мьянме²⁶. Тем не менее, пакистанская общественность к голосу Малалы пока не очень прислушивается: двадцатилетняя дочь учителя, пусть и отмеченная десятками международных наград и премий, не авторитет для патриархатного общества, хотя бы в силу своего возраста, пола и происхождения.

Кроме того, чтобы быть услышанной соотечественниками, Малале следовало бы жить в Пакистане, что невозможно по ряду причин: во-первых, все еще сохраняется угроза мести талибов, поскольку некогда напавшие на нее боевики так и не были пойманы; во-вторых, в 2017 г. Малала, окончив с отличием школу в Бирмингеме, была принята в Оксфордский университет, где ей предстоит учиться в колледже Леди-Маргарет-холл по программе RPE (Философия, Политика, Экономика). В этом она следует за своей «ролевой моделью» Беназир Бхутто, которая училась в том же колледже и по той же специальности.

Малала Юсуфзай персонифицирует все лучшее, чем может гордиться пакистанская нация: молодость, целеустремленность, храбрость и патриотизм. Но в ее истории, как в зеркале, отразились не только светлые, но и темные стороны пакистанского общества с его нетерпимостью, мизогинией и социальной дивергенцией.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Matthias Gebauer*. Pakistan's Swat valley: in the realm of Mullah Fazlullah. URL: <http://www.spiegel.de/international/world/pakistan-s-swat-valley-in-the-realm-of-mullah-fazlullah-a-518962.html>
2. *Ashfal Yousufzai*. Impotence fears hit polio drive. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/6299325.stm
3. *Saeed Shah*. Five more schools destroyed in Taliban campaign. URL: <http://www.webcitation.org/query?url=http%3A%2F%2Fwww.guardian.co.uk%2Fworld%2F2009%2Fjan%2F20%2Fpakistan-taliban&date=2009-04-17>
4. *Rick Westhead*. Brave Defiance in Pakistan's Swat Valley. URL: http://www.thestar.com/news/world/2009/10/26/brave_defiance_in_pakistans_swat_valley.html
5. Diary of a Pakistani Schoolgirl. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/7834402.stm
6. *Ellick, Adam, Ashraf, Irfan*. Class dismissed. Malala's story. URL: <http://www.nytimes.com/video/2012/10/09/world/asia/100000001835296/class-dismissed.html>
7. *Ghulam Farooq*. 105 Taliban surrender, 15 killed in Swat clashes. URL: http://www.dailytimes.com.pk/default.asp?page=2009%5C09%5C02%5Cstory_2-9-2009_pg7_6
8. 'Radio Mullah' sent his squad after Malala Yousufzai. URL: <http://tribune.com.pk/story/450639/radio-mullah-sent-hit-squad-after-malala-yousafzai/>
9. *Declan Walsh*. Taliban Reiterate Vow to Kill Pakistani Girl. URL: http://www.nytimes.com/2012/10/13/world/asia/malala-yousafzai-faces-new-taliban-threat.html?hp&_r=0
10. The 100 Most Influential People in the World //Time, April 20, 2013, p. 140.
11. *Kari Huus*. Malala, teen champion of girls' rights, nominated for Nobel Peace prize. URL: <http://www.barcelonaradical.net/info/4262/malala-teen-champion-of-girls-rights-nominated-for-nobel-peace-prize>
12. URL: <http://www.amazon.com/Am-Malala-Stood-Education-Taliban/dp/0316322407>
13. Malala says she is no Western puppet. URL: <http://news.yahoo.com/malala-says-shes-no-western-puppet-111442739.html>
14. *Aziz, Umar and Buncombe, Andrew*. Inspiration or danger? Private schools in Pakistan ban Malala Yousafzai's book. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/asia/inspiration-or-danger-private-schools-in-pakistan-ban-malala-yousafzais-book-8930925.html>
15. *Ilyas Khan*. The antagonism toward Malala in Pakistan. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-29568637>

16. *Assed Baig*. Why I can't celebrate Malala's Nobel Peace Prize. URL: <http://middleeastrevised.com/2014/10/11/why-i-cant-celebrate-malalas-nobel-peace-prize/>
17. *Spivak Chakravorti, Gayatri*, "Can the Subaltern Speak?" // Marxism and the Interpretation of Culture. Urbana: University of Illinois Press, 1988.
18. *Kunwar Khuldune Shahid*. Why I hate Malala Yousafzai? URL: <http://www.exmuslimblogs.com/murtadjournals/blog/2013/11/21/why-i-hate-malala-yousafzai-a-guest-post-by-kunwar-khuldune-shahid/>
19. *Shehzad Ghias*. What has Malala done for Pakistan? URL: <https://blogs.tribune.com.pk/story/28302/what-has-malala-done-for-pakistan-8-popular-anti-malala-arguments-answered/>
20. *Wilkinson, Isambard*. "Pakistan clerics persecute 'non Muslims'" // «Daily Telegraph», 25 December 2007.
21. Letter from Dr Abdus Salam to Malala. URL: <http://www.themuslimtimes.org/2014/10/countries/pakistan/a-letter-from-dr-abdus-salam-to-malala#ixzz3H3at2jfK>
22. *Kugelman, Michael*. Why Pakistan hates Malala. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/08/15/why-pakistan-hates-malala/>
23. Ibid.
24. Подробнее об этом см.: *Суворова А.* Дочери и вдовы: гендер, происхождение и власть в Южной Азии. М., 2017.
25. Why do most Pakistanis always favour the 'wrong' side of any issue. URL: <https://blogs.tribune.com.pk/story/59451/why-do-most-pakistanis-always-favour-the-wrong-side-of-any-issue/>
26. *Khaliq, Fazal*. Malala calls on world leaders to save Rohingya Muslims // Dawn, 8 June, 2015.

М.В. Хайцева*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СЕМЕЙНО-ОБЩИННОГО УСТРОЙСТВА ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПАКИСТАНА)

Резюме. В статье рассматриваются некоторые особенности социализации на основных этапах взросления и эмоционального становления личности в Пакистане. Указанные черты заметно проявляются в пакистанском обществе и, по сути, препятствуют качественному рывку в развитии индивидуума как самостоятельной личности и как следствия – тормозят развитие общества в целом. Доступные современные образовательные и технологические возможности в пакистанском обществе выполняют лишь статусную функцию, не трансформируя глубинные основы семейно-общинного устройства. Пакистанское общество, с одной стороны, активно приспосабливается и перенимает внешние признаки современного «западного» образа жизни (характерного главным образом для крупных городов), но при этом внутренне остается крайне консервативным и, по сути, осознанно не желает отказываться от многих традиционных механизмов саморегулирования.

Ключевые слова: пакистанское общество, модернизация, социализация личности, пакистанская Семья-Община, большая семья.

Peculiarities of socializing process in Family-Community social structure in Pakistan.

Summary. The article highlights certain features of socializing process in Pakistani society covering the main stages of traditional upbringing and further socialization at educational institutions and professional sphere in Pakistan. The mentioned features seem to be very compelling in Pakistani society and intrinsically impede the significant and qualitative transformation in human development and thus in the society as a whole. Wildly available modern educational and technological opportunities are valued for their status role without serious transformation of the basis of Family-Community social structure. The Pakistani society, on the one hand, adapts actively to the modern “eastern” way of life by borrowing its external features which

* Хайцева Мария Владимировна – младший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН.

can be ubiquitously seen in big cities. However, despite this, Pakistani society in general remains highly conservative and does not intend to refuse many traditional ways of self-regulation.

Keywords: Pakistani society, modernization, human development, Pakistani Family-Community, extended family.

Общественная структура как городского, так и аграрного Пакистана зиждется преимущественно на общинном принципе, где факт принадлежности к той или иной Общине (клану, братству и т. д.) автоматически фиксирует социальное положение, финансовый достаток и круг общения человека¹. Именно из-за своей цельности и «компенсационности» (об этом далее) данная форма общественной жизни весьма конкурентоспособна с «западной моделью» или «современной моделью жизни». Традиционно пакистанское общество существовало и продолжает жить «большой семьей» (*extended family*). Несмотря на то, что формат проживания многих родственников под одной крышей в рамках «большой семьи» претерпевает значительные видимые изменения, ментальная и эмоциональная жизнь человека меняются либо не так активно, либо вообще изменяются в другом направлении. И эта дихотомия, в принципе, характеризует развитие пакистанца как личности и, как следствие, всего пакистанского общества. Несмотря на длительный период развития страны, а также интегрированность в мировую политическую систему² и глобальную экономику³, пакистанское общество по сей день остается крайне консервативным и дуалистичным. Безусловно, пакистанское общество перенимает современные западные веяния, но многие из них, являясь для него по сути революционными, при переносе на пакистанскую действительность утрачивают свою прорывную сущность. Как отмечает российский востоковед В.Я. Белокрепницкий: «Исторически сложившийся в обществе дуализм, сосуществование современного, капиталистического уклада жизни и до некоторой степени преобразенных взаимодействием с ним традиционных порядков отразилось и на неоднородном составе гражданского общества, наличием внутри него двух соответствующих такому дуализму секторов. Различия между секторами

со временем уменьшались, что отражало своеобразную эволюцию дуалистической системы экономики и быта – расширение промежуточной, гибридной зоны сочетания современных и традиционных форм хозяйствования и укладов жизни»⁴.

Данный феномен можно объяснить тем, что в пакистанском обществе в силу исторических особенностей просто не вызревало событий и потребностей, аналогичных западному (промышленные, технологические, экономические, социальные революции). Столкнувшись с активным вторжением в свою жизнь модернизации по «западному» образцу с обязательными для нее такими базовыми понятиями, как персональная ответственность, свобода личного выбора, права человека и ряд других, пакистанскому обществу оказалось сложно инкорпорировать данные новшества в свое традиционное социальное и отчасти экономическое устройство. В пакистанском обществе до сих пор не произошло перераспределения обязанностей индивидуума на уровне «личное–общественное», которое в силу исторических и общественных событий уже давно прошло в западном обществе. Точнее, предусматриваемое модернизацией чувство персональной ответственности в пакистанских реалиях увело процесс социализации личности, да и само развитие личности в другом направлении, выразившись в отказе людей от ответственности.

В этой связи отметим, что в ходе исследования, организованного в 1991 году в двух рыбацких деревнях недалеко от г. Карачи, была выявлена четкая тенденция, а именно – с приходом модернизации общепознавательное пространство для людей расширилось (люди стали больше знать об окружающем мире и событиях, получили доступ к новым вещам и технологиям), но при этом личное пространство, в котором люди могли самостоятельно действовать и нести личную ответственность, уменьшилось. И данное явление привело к подсознательному отказу людей от ответственности за ситуацию, на которую они уже не могли влиять как раньше. Этот отказ от ответственности (*de-responsibilization*) в общественном пространстве и отношениях, по мнению авторов исследования, проявляется в неосознанном перекладывании ответственности на Бога или правительство⁵.

Выявленная более 20 лет назад тенденция характерна не только для жизни общин, но также для такого ее структурного элемента, как семья. Традиционная система пакистанских семейных отношений выстроена таким образом, что каждый член семьи имеет свое отведенное традицией место и обязанности. В пакистанском обществе очень важен вопрос компромисса, а именно, при любой проблемной ситуации люди стремятся найти баланс, чтобы каждый что-то получил. Поэтому отдельно взятые изменения социальной жизни (появление разведенных женщин, отказ от приданого, самостоятельная от семьи жизнь на самообеспечении и т. д.) не могут закрепиться в пакистанском обществе, т. к. с их появлением разрушается вся система баланса и другие члены семьи не получают никакой традиционной «доли» или «компенсации».

В действительности, пакистанское общество не знает как инкорпорировать современные общественные явления в свою жизнь так, чтобы они могли приносить социальные и финансовые дивиденды, сопоставимые с традиционными. Главное подсознательное требование общества – сохранить прежнюю жизнь, т. к. все к ней привыкли и знают механизмы регулирования. А так как современные западные новшества не дают ни привычных дивидендов, ни «компенсационных механизмов», пакистанское общество эти новшества интуитивно отторгает, оставляя лишь привлекательную оболочку, которая нравится.

Отправной точкой социализации личности традиционно является семья, которая закладывает основные механизмы межличностных отношений между людьми⁶. В процессе взросления и включения в общественную жизнь, происходит дальнейшая социализация индивидуума и корректировка семейных установок. Можно предположить, что отличительной особенностью пакистанской действительности является то, что закладываемые в семье механизмы взаимоотношений не корректируются другими общественными институтами – школой, высшими учебными заведениями, сферой профессиональной деятельности. Так как большинство государственных и социальных институтов, по сути, не модернизируют традиционные семейные установки, а лишь закрепляют их. Таким образом, привитые семьей

некоторые черты становятся характерными чертами общего менталитета пакистанцев. А данные черты, в свою очередь, оказывают значительное влияние на принятие не только каждодневных, но и принципиальных решений высокого уровня. А зарождаются они на микроуровне – в семье.

* * *

Одной из особенностей традиционного устройства любой «большой семьи», а не только пакистанской, является монетизированность межродственных отношений. Для пакистанской семьи также характерно, что каждое семейное событие всегда имеет четкий денежный эквивалент, зависящий от статуса родственника и известный всем членам семьи. Обязательных денежных вложений требуют не только крупные семейные события, такие как: свадьба, рождение ребенка, поступление его в школу или университет, продвижение родственника, но и множество обычных, с точки зрения современного человека, бытовых вещей, как то: крупная покупка в дом (бытовая техника, машина и т. д.), оплата услуг врача, других специалистов (техников и т. д.). Практически любая покупка совершается коллективно, т. к. в ней финансово участвуют почти все родственники в зависимости от своего статуса и достатка. То, что в современной «западной» семье уже давно является личной прерогативой человека и его личной обязанностью, в пакистанской семье остается коллективной.

В качестве особенности пакистанской социальной жизни автор также выделила бы такую черту, как повсеместное отсутствие планирования, по крайней мере, в нашем смысле этого слова. А именно – никто заранее не планирует график своих действий, решение бытовых вопросов, даже поездки в магазины, не составляет списки покупок, даже продуктов питания. Все эти вещи происходят спонтанно. Так же спонтанно у хозяйки может закончиться мука прямо во время приготовления блюда или может не хватить яиц или масла. В доме может не оказаться чая для гостей. Подобная ситуация возникает в семьях любого

достатка. С той лишь разницей, что в богатых семьях за хозяйственные вопросы отвечает экономка или кухарка. Но поведение экономки совершенно не будет отличаться от поведения, например, жены, которая самостоятельно ведет свое хозяйство.

Более того, в богатых семьях этот разрыв проявляется еще и в другом измерении. Так, например, хозяйка дома требует от своей экономки сказать ей перед поездкой в магазин, достаточно ли продуктов в доме. Она отвечает – да, мадам, мука, яйца и прочее, все есть. А когда перед приходом гостей начнут готовить еду, вдруг выяснится, что оставалось всего пара яиц и полкило муки. Экономке не придет в голову спрашивать, а сколько продуктов нужно. Тогда как хозяйке дома не придет в голову сообщать о своих планах экономке и уж тем более проверять наличие продуктов самостоятельно. Итог этой бытовой истории таков: экономка уверена, что хозяйка сама виновата, т. к. ей ничего не сказала, а хозяйка ругает экономку, потому что она ей не сказала, что нужно было купить, когда она ее спрашивала. Каждая женщина остается при своем мнении (хозяйка – что у нее бестолковая экономка, а экономка – что у нее взбалмошная хозяйка), и эта анекдотичная история повторяется снова и снова. А мораль такова – даже внутри собственного дома, имея четкие обязанности, пакистанцы не могут самоорганизоваться и ждут инициативы от кого-то.

Большинство людей не понимает смысла планирования подобных вещей, т. к. все магазины под боком и если что-то вдруг закончилось, всегда можно послать или слугу, или младшего ребенка сбегать в магазин, ну или на худой конец при магазине всегда будет «мальчик-разносчик», который все и принесет. Поначалу автора очень удивляло, когда она видела одних и тех же детей, которые буквально целыми днями ходили по магазинам за мелкими покупками для разных родственников, или приносили домой из кафе под окном в целофановых пакетиках сваренный с молоком и специями чай, который затем разливали по чашкам и подавали к столу дома.

В действительности, пакистанцам нет нужды планировать, потому что у них есть альтернатива. Пример с ведением хозяйства хоть и упрощенный, но показательный, т. к. такое же отношение

у пакистанцев и к работе и карьере. Большинство пакистанцев почти не планирует свои «отгулы» (если такие допустимы) на работе. Сотрудник просто позвонит утром чаще коллеге, чем начальнику, и скажет, что сегодня не придет по такой-то причине, хотя вечером он об этом не думал. И работодатель просто согласится. Это не разовый случай, а повсеместная система. Если вы спросите пакистанца, какие у него/нее планы на следующей неделе, вас просто не поймут. А если вы договоритесь о чем-то заранее за такое длительное время, очень велик риск, что помнить об этой договоренности будете только вы. Личные и необходимые дела осуществляются спонтанно, по мере вспоминания. И дело не в том, что пакистанцы от природы такие забывчивые, а в том, что они могут позволить себе быть такими забывчивыми, т.к. всегда есть кто-то, кто тебя подстрахует. Например, на работе – коллега, дома – родственник, в незнакомом офисе – скорее всего чиновник, принадлежащий к одной с тобой Общине⁷, тоже будет более благосклонен к твоему вопросу и так до самого верха.

* * *

Другой особенностью пакистанской общественной жизни, берущей свое происхождение в семейном устройстве, является строгая иерархичность. Статус или как говорят пакистанцы «честь семьи» (на языке урду «иззат») центральное понятие их культурного кода. В пакистанских реалиях статус семьи понимается гораздо шире лишь общественного мнения. Это комплексный показатель, состоящий из: происхождения, социального положения, финансового достатка, соответствующей манеры поведения и ряда других. До сих пор в Пакистане применяется принцип «социального бойкота», когда провинившемуся человеку и поддержавшим его членам семьи продавцы в районе откажутся продавать товары, мастера (сантехники, электрики и другие) откажутся работать в их домах. При заказе товаров из других районов окружающие люди начнут чинить им всяческие бытовые неудобства и сплотятся в своих усилиях по соблюдению неписанных

общественных договоренностей. Члены своей общины/клана откажутся с ними общаться, приглашать на общие собрания и праздники, и, главное, помогать финансово в жизненных ситуациях. Данный механизм продолжает действовать не только в условиях аграрного, но и городского Пакистана⁸. И именно снижение или потеря статуса в глазах окружающих приводит к данным плачевным последствиям.

Наблюдая за взаимоотношениями членов пакистанской семьи, автор была поражена, насколько отличается восприятие ролей и ответственности между родственниками от нашего, даже с учетом «скидки» на «восточный менталитет». По сути, в пакистанской семье у каждого человека крайне ограничено личное пространство для собственных желаний, инициатив, решений, а у многих членов семьи его попросту нет. Данное разграничение жестко привязано к факту рождения, а положение, в свою очередь, автоматически означает объем имеющейся власти и степень ответственности.

Так, в семье с несколькими сыновьями у каждого из них будут разные, не пересекающиеся обязанности и четко отведенное пространство для их реализации. Необходимо оговориться, что описываемая ситуация вовсе не имеет вид какой-то деспотичной крайности. Со стороны это выглядит как слаженный семейный коллектив, в котором близкие и дальние родственники приходят друг другу на выручку. Но в действительности каждый член семьи живет в четко очерченной плоскости. Пока он не нарушает этих границ, многие вещи в качестве «компенсации» ему просто предоставляются другими членами семьи.

У мужчин внутри семьи строгое разграничение обязанностей в соответствии с их положением. Основной принцип зиждется на старшинстве. Так, отец принимает решения стратегического плана, старший брат транслирует его решения младшему. А тот, в свою очередь, их должен просто выполнять. Никаких обсуждений и дискуссий не предусматривается⁹. Опять же необходимо заметить, что это не имеет вид какого-то тоталитарного устройства. Просто утром перед уходом на работу старший брат подойдет к младшему и скажет, что ему надо сделать в течение дня. И младшему брату не придет в голову что-то не выполнить.

В семье четко регламентируются роли по «общению» с внешним миром и способы взаимодействия с ним. Подобный подход никак не связан с возрастом, личными способностями или бытовым удобством, как, например, в наших семьях. Это вопрос иерархии. Например, если старший сын занимался разбирательствами с сотрудниками электрокомпании, механиком или телевизионным мастером и т. д., он будет знать эти вещи. В то время как младший, которому решать подобные вопросы было «не по статусу», не будет знать, как в действительности проходит данный процесс. Эта внутрисемейная сегрегация действий, иногда доходящая до смешного и абсурдного, приводит к тому, что человек, даже достигнув взрослого возраста, просто может быть не готов решать самостоятельно бытовые вопросы. Подобная непрактичность идет из-за того, что в семье просто принято так решать свои-общие проблемы. Проблема одного человека автоматически является общей и решается она «выделенным для этого» членом семьи. Помимо внутрисемейной иерархии, свою лепту вносят и жизненные реалии.

Дело в том, что в пакистанской действительности, например, купить кондиционер, телевизор или машину, это не просто пойти в фирменный магазин и купить. Как отмечалось в статье¹⁰, очень многие компании пытаются обмануть клиента, поэтому пакистанцы пойдут даже в фирменный магазин только, если там будет «свой проверенный» менеджер. А этот «проверенный» человек как раз и будет друг или приятель родственника. Таким образом, обеспечение, казалось бы, элементарными по нынешним городским меркам бытовыми вещами в пакистанских реалиях превращается в настоящий квест – через родственников найти знакомого-знакомое и только потом выдвигаться всей семьей за покупкой. Вот и получается, что когда пакистанец вне семьи оказывается без родственника-поводыря, который традиционно «отвечал» за эти бытовые вопросы во всей семье, он просто не знает что делать. Пример с покупкой бытовой техники опять же довольно примитивный, но аналогичная схема действует автоматически до самого верха.

Когда автор статьи мельком поделилась информацией со своими пакистанскими друзьями, что банкоматы Citibank в Карачи не выдают наличные доллары, несколько дней она наблюдала

следующее. Несмотря на то, что эту информацию ей предоставили непосредственно в банке, никто из друзей ей банально не поверил, и каждый стал звонить родственникам-знакомым, работающим в других банках. По их логике, т. к. родственники тоже работают в банковской сфере, у них должны быть знакомые в этом банке и уж знакомого то там точно не обманут. В результате, ушло несколько дней на то, чтобы их родственники-знакомые позвонили своим друзьям-коллегам в Citibank и подтвердили эту же самую информацию. Только после этой эпопеи вопрос был снят.

Подобное поведение пакистанцев характерно почти для всего нового и официального. С одной стороны, действительно, на официальных сайтах компаний или в офисах госучреждений информация не всегда присутствует в полном объеме, а иногда она откровенно устаревшая. Но пакистанцам эмоционально часто нужен какой-то проводник из числа родственников или хороших знакомых, прежде чем они воспримут какую-то информацию извне и тем более решатся на какое-то действие. И эта привычка идет из семейного уклада, когда вместо того, чтобы подготовить человека к самостоятельной жизни и привить чувство ответственности, в семье ему просто отводится некое очерченное эмоционально-бытовое пространство. Затем силами других членов семьи ему «доставляется» все не только в виде еды и одежды, но и в виде решений по поводу будущей учебы, женитьбы, работы и прочего. Различия между семьями происходят исключительно по уровню достатка. У богатых семей это «пространство» шире, но функционально ситуация такая же.

* * *

Взрослые, работающие, холостые пакистанцы как правило не живут самостоятельно от родителей или родственников. Пакистанские мужчины, отважившиеся на такой шаг (небольшой процент вестернизированных пакистанцев или, как правило, сотрудники, которых компания отправила работать в другой город)

вынуждены приходить на просмотр квартир с приятельницами, которые по договоренности должны изображать роль жены перед хозяевами. На вопрос автора, а вдруг хозяева приедут с проверкой и не обнаружат «жены», ей спокойно сказали, что мужчина ответит, что развелся. Даже если мужчине придется жить в другом городе, его семья будет изо всех сил стараться найти каких-то знакомых или родственников, чтобы поселить его у них. Подобная ситуация связана не только с финансовым вопросом. Автору так и не удалось снять отдельную квартиру за проведенные полгода в Карачи, т. к. пакистанцы просто не могли понять, КАК человек может жить один в квартире? И главным вопросом для них была именно организация быта и вопрос безопасности. Например, как один человек может сам: ездить в магазин за покупками, готовить еду, убирать квартиру, стирать и гладить вещи и прочее. В пакистанских семьях эти работы выполняют разные люди. В семьях низкого достатка, как правило, много детей и бытовые обязанности распределяются матерью между женами взрослых сыновей и дочерьми. В богатых семьях, естественно, есть прислуга. После полгода мучений автор оставила всякую надежду объяснить пакистанцам, что взрослый человек может жить отдельно и при этом с ним/ней ничего не случится. В итоге, формально согласившись с автором в этом вопросе, пакистанцы все равно стойко придерживались мнения, что если человек живет один – это очень странно, а главное, опасно, т. к. в случае неприятности никто не придет на выручку и не поможет. В пакистанских реалиях у человека должен был произойти какой-то серьезный внутрисемейный конфликт, чтобы с ним никто из родственников не захотел жить. Таким образом, искать себе самому отдельное жилье у пакистанцев не принято. Всегда найдется родственник, у которого можно жить.

Приведем другой пример того, как личные заботы не решаются самостоятельно, а в основном за счет родственников. Тот же взрослый, работающий сын захотел купить машину. Ему никогда не придет в голову брать кредит в банке. Также как его родителям не придет в голову ему это предложить. Все просто начнут обзванивать родственников и просить деньги, которые

потом не возвращаются, а компенсируются ответными услугами. И деньги всегда собираются. Данная ситуация касается многих крупных личных трат. Другой колоритный пример. Кто-то из приехавших в гости членов семьи забыл дома лекарство, доступное в любой аптеке. Будет принято решение не сходить за ним в ближайшую аптеку, а обзвонить ближний круг родственников, чтобы выяснить, кто из них находится поблизости от дома и сможет привезти лекарство им в гости.

Распределение внутрисемейных обязанностей не из-за удобства, а из-за традиционных статусных ролей приводит к удивительному парадоксу. Человек плохо адаптируется к современному уровню личной свободы и ответственности, которые, в свою очередь, задаются ритмом городской жизни¹¹, индивидуалистическими стандартами социальной жизни и шире – современной глобальной экономикой. Многие вещи и решения за человека делают и принимают другие (слуги или родственники). Подобная оторванность сознания от реальных действий и их конечного результата приводит к появлению в голове некой «виртуальной реальности». Обычный пакистанец искренне верит, что может сделать какое-то действие и предпринимает активные попытки, но это в большинстве случаев не приводит к нужному результату, т.к. активность уходит исключительно на поиски кого-то (для совета, для помощи), а не в самостоятельные действия и конкретный результат. В итоге, этот ощутимый отрыв от реальности приводит к тому, что пакистанец физически не может влиять на конечный результат собственных действий и инициатив. И что более удивительно, он сам этого не осознает, т.к. наличие родственников и в некоторых ситуациях слуг создают иллюзию, что даже если ты лично и не можешь что-то сделать, кто-то обязательно поможет и каким-то образом в итоге оно все равно получится.

Данный разрыв с реальной жизнью обусловлен не столько наличием слуг, сколько внутрисемейной иерархией и родственниками, которые одним фактом своего существования создают «виртуальную реальность» в голове. На более широком уровне это проявляется в такой же оторванности от реальности в работе. Как следствие, пакистанец искренне уверен, что если у него есть

родственники и знакомые, работающие в разных отраслях, то значит и он там тоже может действовать. Для такой уверенности есть все основания, т. к. система бирадари (принадлежность к определенному клану или братству) традиционно является одной из ключевых в социально-экономическом взаимодействии Пакистана. Как будет показано далее, в действительности, эти взаимосвязи уже претерпевают определенные изменения, т. к. капиталистическая экономика и глобализация вносят свои существенные коррективы. Но менталитет за ними не поспевает.

По предположению автора, описываемая выше оторванность сознания от реальности может возникать в результате комплекса социальных явлений. Это характерное для всей Южной Азии отвращение к физическому труду из страха очернить «честь семьи», сложившаяся общественная культура «не задавай вопросов» (*non-asking/non-questioning culture*) и внутрисемейное распределение обязанностей, подразумевающее наличие постоянной альтернативы в виде кого-то, кто может за тебя это сделать. Так, ни одна пакистанская женщина, имея стиральную машину дома, никогда не будет самостоятельно стирать свои вещи, если будет хоть малейшая возможность поручить это кому-то за гроши. Ни один пакистанский мужчина не будет заглядывать под капот своей машины, а сразу поедет к механику.

Зарождается это «виртуальное сознание» с семейного устройства, которое закладывает алгоритм будущей жизни и модель взаимодействия с окружающим миром. По личным наблюдениям автора в данной семейной модели в обязательном порядке присутствуют две фигуры, которые часто сопровождают каждого пакистанца при взаимодействии с миром внешним. Фигура первая – проводник, фигура вторая – покровитель (человек, который несет ответственность за последствия). Таким образом, почти при каждом новом и незнакомом действии, пакистанцу жизненно необходимы эти две фигуры. Вопрос с первым персонажем обстоит легче, т. к. почти всегда можно найти кого-то, кто даст дружеский совет или подскажет к кому обратиться дальше. А вот со второй фигурой гораздо сложнее, т. к. город и шире – окружающий мир – это не семья и найти добровольного кандидата на эту роль крайне

сложно. Из-за строгого распределения обязанностей в рамках семейной иерархии и отсутствия какого-либо личного пространства большинство людей не приучены нести персональную ответственность хоть за что-то, они просто не понимают, что это такое и подсознательно пытаются переложить ее на кого-то. Как в семье, в которой всегда есть кто-то (старший брат, отец, дядя и т. д.), который будет «вести переговоры», принимать решение за тебя и твои поступки и нести ответственность. Даже если ты – глава семьи, ты все равно многие серьезные решения не принимаешь единолично. Как упоминалось выше, большинство действий монетизировано, поэтому даже главе семьи придется считаться с мнениями глав других семей в соответствии с системой бирадари. Когда пакистанец во вне-семейной жизни эмоционально «не находит» обозначенных выше двух фигур, он просто ничего не делает, оставляя все как есть, искренне считая, что «не сложилось» не по его вине. Эта мотивация невероятно сильна и радиус ее действий огромен.

* * *

Как упоминалось ранее, в проведенных в 1991 г. исследованиях общинной жизни рыбацких деревушек недалеко от г. Карачи было установлено, что традиционные фигуры главы деревни и делегата от деревни для торговли в город не претерпели серьезных изменений в связи с процессом модернизации. Более того, с приходом современной экономики в деревню данные фигуры трансформировались в монополистов, но жители деревни не воспринимали новый статус двух данных фигур негативно и, несмотря на сложности, не собирались предпринимать что-либо, чтобы их сместить. Исследователи пришли к выводу, что даже в осложнившихся экономических условиях, рыбаки не хотели менять прежний уклад и утвердились во мнении, что и в новых условиях они все равно ничего не могут изменить¹². Возможно отчасти такая же трактовка алгоритма взаимодействия может быть применена не только в случае общинного взаимодействия, но и на ступень ниже, семейного устройства.

* * *

Отдельно необходимо отметить высокий уровень бытового насилия в пакистанских семьях. В публичном пространстве никто открыто не демонстрирует никакого физического насилия кроме регулярных оплеух и подзатыльников детям и подросткам. Но как показывают отчеты различных гуманитарных организаций, уровень бытового насилия в семьях крайне высок. Основными объектами насилия являются дети, подростки и женщины¹³. Общество, в принципе, очень терпимо относится к физическому насилию и во многих бытовых ситуациях даже не требует какого-то «объяснения», почему, например, отец или мать избили ребенка, или муж жену. В ситуациях, когда жертва получает серьезные травмы и приходится пострадавшего\ую отвозить в больницу на виду у соседей, родственники выдают некую приемлемую для аудитории версию произошедшего, и окружающие чаще всего признают виноватым саму жертву избиения. Использование насилия как приемлемого способа решения конфликта или подавления несогласия является в пакистанских семьях нормой. И как следствие, подобная практика принимается родителями как естественная при обучении в школах¹⁴. И далее автоматически принимается обществом и государством.

* * *

Сложившаяся система образования никак не корректирует привитую семьей схему поведения и мышления, а скорее их просто закрепляет. О проблемах в сфере начального, среднего и высшего образования написано очень много и на страницах пакистанских газет регулярно поднимаются разные аспекты этой фундаментальной проблемы государства. Сейчас автор хотела бы обратить внимание не столько на форму, сколько на суть преподавания. Большинство учебных программ в школах, колледжах и университетах основаны на заучивании фактов и текстов, а не на развитии логического мышления и аналитических

навыков. Как отмечается в одном авторитетном пакистанском исследовании о состоянии образования, с приходом к власти военной администрации в 1977 году, государство упаковало свою образовательную политику в крайне схоластическую конструкцию, постановив, что каждый школьный учебник в обязательном порядке должен содержать разделы по религии в главе, посвященной разъяснению методологии науки. Таким образом, студентам дается установка изучать науку, как предмет с большим количеством ненужной информации и игнорирующий критическую и рациональную методологию, характерную для научного знания¹⁵. Другие исследователи и общественные деятели также отмечают определенную черту: «Присутствует тенденция [в сфере образования] производить роботоподобных профессионалов, которые будут экспертами в бизнес-администрировании, в компьютерных и информационных технологиях, инженерном деле, юриспруденции или медицине, но при этом будут полностью лишены рационального мышления и социального осмысления, необходимых для того, чтобы играть позитивную роль в обществе. Мы имеем следующий результат: миллионы выпускников с перекошенным представлением о личной выгоде и неумолимым желанием обеспечить себе счастливое будущее пополняют рынок труда каждый год»¹⁶.

Ситуация осложняется еще одним фактором – наличием по сути параллельной «системы образования» в стране в виде огромного количества бесплатных медресе, чья деятельность в целом, а не только учебный формат, не контролируется государством. Данная тема является довольно острой для пакистанского общества. С одной стороны, подобные медресе (более 20 000 зарегистрированных заведений по всему Пакистану)¹⁷ являются единственной возможностью получить хотя бы минимальное образование для миллионов детей из бедных семей, но в то же время в медресе часто происходит радикализация обучающихся¹⁸. Выпускники медресе зачастую не могут трудоустроиться, т. к. кроме религиозных дисциплин им не преподаются никакие другие предметы, могущие дать им возможность получить какую-то профессию. Но ситуация с форматом обучения

и последующим трудоустройством с государственным и светским образованием обстоит не намного лучше.

Некоторые пакистанские интеллектуалы открыто говорят о том, что сложившаяся в образовательных и научных кругах культура «никаких вопросов» (non-asking/non-questioning culture) приводит к очень ограниченному сознанию студентов и преподавателей, и вредит экономическому развитию страны в целом. Студент-будущий специалист получает профессиональные навыки, но при этом его не приучают подстраивать их под реальную жизненную ситуацию¹⁹, ограничивая, таким образом, его профессиональное развитие. Формализованное образование, наравне с социальными и экономическими проблемами, также вносит свою лепту в комплексное технологическое отставание страны. Как отмечает известный американский специалист по Пакистану С. Коэн: «Пакистан, должно быть, упустил все доступные возможности, когда мировая экономика начала интенсивно глобализоваться. [Пакистанская экономика] оказалась неподготовленной по уровню образования и навыков своих трудовых ресурсов, внутривнутриполитическая ситуация была слишком нестабильной и Пакистан уже опустился ниже Бангладеш и Индии по уровню доходов на душу населения, и этот разрыв видимо будет увеличиваться»²⁰.

Несмотря на отдельные примеры успешного развития ряда отраслей экономики, как, например, сельское хозяйство, успех не дал импульса к последующему развитию науки и технологий в этой сфере. Некоторые ученые объясняют такое положение вещей более глубинной причиной. Как отмечается в одном пакистанском исследовании о сфере науки: «Несмотря на безрадостное положение науки в Пакистане, его ученые успешно создали ядерные бомбы, запускают управляемые ракеты и содержат атомные станции десятилетиями. Тем не менее, эти достижения не изменили культурного подхода пакистанских научных кругов... Научное сообщество в Пакистане было в целом озадачено научными и технологическими артефактами...Государство всегда желало воспитывать ученых, которые могут решить научные и технологические проблемы, оставаясь при этом культурно и социально консервативными»²¹.

* * *

Таким образом, семейное воспитание, образование в школе, последующая профессиональная подготовка и общая социализация – все в комплексе способствует формированию определенного типа личности. В семье вырастает ребенок, имеющий довольно ограниченное личное пространство и чувство персональной ответственности за свои поступки и автоматически подстраивающий собственные желания и инициативы под требования многочисленных родственников. Далее этот ребенок попадает в школу и колледж, которые также не поощряют его личное развитие, а лишь еще больше «подстраивают» под формат своего учреждения и дальнейшей профессиональной сферы.

Многочисленные семейные установки, запреты и повсеместные интеллектуально-эмоциональные подавления (включая физическое насилие) на всех этапах взросления и становления личностного развития приводят к ограниченному пониманию действительности, как следствие, и к определенному алгоритму действий. Исключительно важным представляются также рассуждения пакистанских авторов, занятых разработкой проблемы научного и в целом культурного развития нации. Так, отмечается: «В иерархичных, властно-ориентированных обществах человек не может задавать вопросов, потому что настоящей идеологией данных обществ, несмотря на разные названия, которые могут использоваться для их обозначения, является власть. Отец, муж, деревенские старейшины или главы кланов, феодал, чиновник, начальник, правительство – все верят, что их власть должна остаться неоспоримой и непререкаемой. Такой подход формирует пассивное молчаливое согласие у большинства людей. Они просто принимают все как данность, включая логические обоснования о способах устройства жизни, и редко подвергают их сомнению»²².

Неподготовленность индивидуального мышления к современным реалиям и физическое незнание многих жизненных вещей приводит к сильнейшему разрыву в сознании между желаемым (воображаемым) и действительным. Пакистанцы, конечно, знают, что нужно оплатить счета, съездить к механику, если

сломалась машина, прийти на переговоры и просчитать какой-то проект, но в большинстве случаев пакистанец знает вещи, о которых говорит и собирается делать, лишь теоретически. Он либо видел, как это делают другие, либо слышал от «кого-то надежного». Лично он сам, скорее всего, делал что-либо из рассказываемого им только частично. Поэтому пакистанцы не подозревают, что при осуществлении разных дел они физически могут столкнуться с проблемами или вызовами, с которыми им придется справляться в одиночку, не прибегая и не ожидая чьего-то участия и помощи.

Соответственно, когда молодой человек после семейного воспитания и профессионального образования попадает на место работы, которое также устроено по семейному принципу, сложно от него ожидать каких-то прорывных инициатив или решений. Как это подчеркивает пакистанский экономист К.Р. Ясер: «Основу пакистанской экономики составляют семейные компании. Тем не менее, традиционно данные компании или не владеют принципами успешного корпоративного управления, или работают в не слишком открытом окружении. Внедрение базовых принципов успешного управления в семейных компаниях является критическим для экономического развития страны»²³. Система бирадари, на чьей основе изначально создавались²⁴ и создаются по сей день семейные компании, является одной из основополагающих не только в социальном, но и в экономическом развитии Пакистана. Как указывается в другом пакистанском исследовании: «...главные инвестиции и новые стартапы создаются совместно членами одного братства/клана, и финансовые должности в бизнесе также достаются им. Это означает, что когда дело доходит до распределения должностей в бизнесе, не профессиональные менеджеры, а члены братства вне зависимости от их заслуг будут наняты в первую очередь...Хотя система бирадари сыграла важную роль в предоставлении надежной помощи и инвестиций в организацию бизнеса на начальной стадии, а также в централизованной системе принятия решений главой семьи, эта система препятствует включению женщин в занятие бизнесом, способствует дальнейшему дроблению бизнеса в связи с приходом нового

поколения наследников и поощряет включение в работу компании некомпетентных родственников. Более того, тесные связи с братством ограничивают возможность трансформации компании в корпоративную и профессионально управляемую организацию»²⁵. Как отмечает пакистанский исследователь М.А. Кадир, не только семейные компании, но и другие современные организации несут на себе значительный отпечаток семейно-общинного устройства: «Многие городские организации, по сути, являются полыми учреждениями. Они принимают современную оболочку, но функционируют в соответствии с традиционными нормами. Внутренняя структура данных организаций выстроена как клан или патриархальная семья»²⁶.

Таким образом, даже устроившись на работу в современную компанию, молодой специалист будет вести себя и работать в рамках общественной многоступенчатой системы, которая его воспитывала. В этой точке круг ментального и эмоционального развития замыкается. Выбраться из этого круга нет ни возможности, ни желания. Остается лишь двигаться по кругу, чтобы не сойти с дистанции.

Подобное семейно-общинное воспитание тормозит развитие человека как личности. Закрепление и удержание такого уклада и способа воспитания людей в краткосрочной перспективе является гарантом выживания Семьи и Общины, на чьей базе основывается пакистанское общество, государство и отчасти экономика. Но в долгосрочной перспективе подобная семейно-общинная модель не сможет работать на развитие, т.к. люди не способны поспевать за современными технологиями и применять их самостоятельно в реальной работе.

Вернемся к вопросу восприятия персональной ответственности на конкретных жизненных примерах в профессиональной сфере. Например, организуется международная конференция или запускается проект на заводе. Подобные мероприятия подразумевают участия многих лиц и многоуровневой ответственности. Но организатор конференции или директор завода в действительности плохо контролируют конечный результат своих действий и инициатив, хотя сами они этого не осознают. Дело

в том, что, как было показано выше, все переговоры и договоренности ведутся через посредников-проводников (такие цепочки, как правило, длинные). Для пакистанцев в этом нет ничего необычного, т. к. не то, что конференцию проводить, кондиционер даже без этого не купить. Насколько автор может судить по опыту общения, пакистанцам нередко достаточно получить положительный ответ или устное заверение от знакомого или родственника, чтобы выстраивать цепочку действий и обещаний дальше. Большинство людей даже не вникает в суть обещаний других, просто берет их на веру. Предположим, что директор завода будет гарантировать своим партнерам выполнение контракта, хотя на практике он может плохо контролировать деятельность своего завода. Во-первых, часто он физически не живет в городе, где находится завод, а во-вторых, даже если и живет, то в реальную работу не вникает, а просто отдает распоряжения управляющему на месте. А тот выполняет их уже по своему усмотрению. В итоге, когда кто-то из цепочки родственников-друзей, обещавших организовать проживание-питание или, будучи высоким чиновником, обеспечить безопасность гостям конференции вдруг отказывается от прежних обещаний (для этого тоже могут быть вполне объективные причины, например, усиление мер безопасности перед выборами и ограниченность ресурсов), организатор все отменит и не будет считать себя ответственным за ситуацию. Он, конечно, признает, что вышло «не хорошо», но вины за собой чувствовать не будет. Это же не он, а его родственник или друг не смогли обеспечить и отказали. Поэтому пакистанцы могут снова присылать приглашение на новую конференцию, не считая это чем-то неуместным. Как и директор завода, когда его управляющий сбежит с деньгами на новый проект или будет его реализовывать с нарушениями, не будет считать себя за это ответственным.

Приведем примеры меньшего масштаба, основанные на опыте общения и наблюдениях автора. Менеджер в офисе мобильной связи или банка может во время разговора с клиентом «передать» решение его вопроса другому менеджеру, а самому уйти совершать намаз или отойти по личным делам (ему мог позвонить

родственник со срочной семейной проблемой). Никто из коллег не выскажет недовольства, а спокойно будет завершать его работу. Сотрудник банка не будет напрягаться и самостоятельно искать что-то в общей базе данных банка по запросу клиента, а станет звонить коллегам-друзьям с этим вопросом и если потом выяснится, что информация была ошибочной, он не будет считать себя виноватым.

Казалось бы, современные стандарты работы и управления должны были бы в офисе приучить пакистанцев к персональной ответственности. Но в пакистанской действительности это сделать не получается, т. к. человек опутан всевозможными неписаными жесткими обязательствами, отказ от которых будет иметь фатальные последствия для его семьи и всей структуры общества.

Сами пакистанцы подобное развитие событий связывают с ухудшением управленческих и организационных способностей²⁷. Несмотря на то, что в Пакистане много колледжей и университетов со специализацией «менеджмент», представляется, что этот «плохой менеджмент» происходит не только из-за профессиональной неподготовленности. По предположению автора семейно-общинное устройство закладывает своеобразный алгоритм решения незнакомых проблем, а т. к. альтернативного способа в пакистанском обществе до сих пор не представлено и не культивируется, личное автоматически транслируется на профессиональное и на общественное. Данный комплексный алгоритм приводит к парадоксальному результату. Квалифицированные молодые специалисты вместо того, чтобы показывать своим менее образованным соотечественникам пример в работе и, таким образом, стимулировать их профессиональное развитие, еще больше закрепляются на своей иерархичной позиции, увеличивая социальный разрыв²⁸. Подобная линия поведения возникает не случайно, а в логических рамках семейно-общинного сознания.

Например, инженер, который получил образование и должен по роду своей деятельности показывать рабочим новые инструменты и методы работы, с подчиненными просто не контактирует. Он сидит в отдельном кабинете и выезжает на объект лишь для

проверки. Он пройдет по объекту, скажет, что результат не подходящий, но сам не сможет выполнить работу и уж тем более показать это рабочим. Во-первых, его знания в большинстве довольно теоретические, а во-вторых, физический труд не соответствует его статусу. Демонстрируя рабочим как пользоваться новой техникой и как надо выполнять какую-то физическую работу, он «опускается» до их уровня.

Молодой банковский служащий, проучившийся в элитной частной школе, получает назначение в отделение банка в районе, жизнь людей которого не имеет ничего общего с его собственной. Он не будет не только вникать в проблемы, но даже толком общаться с такими клиентами, т. к. они «стоят» ниже в социальной иерархии. В итоге, он плохо работает с клиентами, которые к нему приходят, и ему сложно претворять в жизнь проекты банка.

Именно поэтому даже высокообразованные пакистанцы плохо ориентируются в необычных для них жизненных ситуациях. В связи с тем, что семейное устройство и распределение ответственности в пакистанских семьях не зависит кардинально от уровня достатка или образования, в образованных и богатых пакистанских семьях алгоритм поведения, по сути, такой же. Если взглянуть на данный вопрос шире, то не только персональная ответственность, но и сам процесс формирования выбора и его принятия в данной семейно-общинной культурной парадигме является проблематичным. Как отмечают в своей работе Р. Инглхарт и К. Вельцель, связывающие вопрос свободы выбора с модернизацией в ее западном определении: «[Люди] могут обладать большим объемом социально-экономических ресурсов и юридических прав, но, если культура, в рамках которой они существуют, придает приоритетное значение выживанию, свобода выбора не будет иметь для них высокую степень приоритетности. В условиях конформистской культуры у людей формируется закрытое мышление, в результате чего ряд важных вариантов выбора для них просто исключается. Их пространство самостоятельного выбора остается узким»²⁹. Безусловно, молодые пакистанцы из обеспеченных семей часто учатся за границей, долго там живут и активно путешествуют. Вернувшись домой, эта

молодежь начинает еще хуже ориентироваться в реалиях своей страны. Из-за страха неопределенности (вызванного модернизацией) и неумения взаимодействовать друг с другом и договариваться для решения профессиональной задачи, а не только для обеспечения личных интересов и задачи выживания и процветания своей Общины (вращенного семейным воспитанием), пакистанское общество периодически находится в таком турбулентном состоянии.

Сложившаяся тенденция открыто обсуждается на страницах пакистанской печати. «На данный момент ни одно ведомство не выглядит достаточно сильным или готовым выступить с мало-мальским советом. Повсеместные, непрекращающиеся кровопролитные распри, расползающиеся во всех направлениях без очевидных на то серьезных причин, но движимые лишь мелочными шкурными интересами как отдельных людей, так и ведомств»³⁰. «Все основные ведомства страны работают либо над перекрестными целями, либо как независимые единицы, растрачивая национальные возможности и тормозя развитие страны»³¹.

В общем и целом, даже обеспеченные и образованные пакистанцы проходят тот же путь личностного становления, что и их малограмотные и бедные сограждане. Несмотря на потенциал и возможности, элита пока не инициирует фундаментальные изменения в масштабе всего социума, а продолжает движение по пути дуализма. Данная тенденция впоследствии едва ли сможет привести к кардинальному структурному развитию общества и страны³².

Ни уровень образования, ни современные технологии, ни международный опыт не способны принести пока какие-то кардинальные изменения, ибо на индивидуальном уровне пакистанцы пока не готовы принять эти изменения и жить в соответствии с ними. Не в последнюю очередь рассматриваемая иерархичность мышления, которая закладывается характерным для общинного менталитета семейным воспитанием и дальнейшей социализацией, привели к тому, что пакистанцы как нация даже после 70 лет независимого построения государства сталкиваются

с серьезными вызовами при выработке единой национальной политики и определении вопроса самоидентичности³³.

Можно предположить с большой долей вероятности, что интуитивно пакистанским обществом движет страх потерять семейно-общинную поддержку, т. к. у среднестатистического пакистанца в сложившихся реалиях крайне ограничены возможности для самостоятельной жизни и работы. Общественное пространство не приемлет «самостоятельного индивидуума», т. к. не знает, как это современное новшество инкорпорировать в свою общинную структуру. Таким образом, традиционное общественное устройство на всех этапах никак не побуждает человека развиваться как самостоятельная личность. Чтобы сделать малейший шаг в незнакомом направлении, пакистанцу эмоционально всегда нужны «проводник» и «покровитель». Подобная социальная структура просто не в состоянии угнаться за индивидуалистическими требованиями модернизации в ее западном понимании, которые активно проникают в жизнь пакистанского общества. Такие параметры как персональная ответственность, право выбора и ряд других базовых принципов «современного западного общества» возникли в отличной от пакистанской социально-экономической модели и отражают противоположный ей культурный код. На данный момент семейно-общинная модель пакистанского общества пока не сформировала четкое понимание движения в сторону модернизации. Не в последнюю очередь, потому что существующая социальная структура остается довольно цельной, и она зиждется на внутренних взаимосвязях, в том числе вполне современного денежного типа.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Qadeer M.A. Pakistan. Social and cultural transformations in a Muslim nation. Lahore, 2011, p.76.
2. Подробнее см.: *Belokrenitsky V.Y., Moskalenko V.N.* A Political history of Pakistan 1947–2007. – Oxford, 2013.
3. Подробнее см.: *Каменев С.Н.* Экономическое развитие Пакистана (1947–2012). Макроэкономический анализ. М., 2014.
4. Белокреницкий В.Я. Становление и роль гражданского общества в Пакистане (дефиниции, тенденции и перспективы) // Пакистан, Южная Азия, Исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг. М., ИВ РАН. 2016, С. 142
5. F. Amalric and T. Banuri (edited). People, the Environment and Responsibility. Case studies from rural Pakistan. New York: The Parthenon Publishing Group, Published jointly with UNRISD (United nations research institute for social development), 1995, p. 59, 63.
6. Вебер, М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии в 4-х томах. Т. 2. М.: Высшая школа экономики, 2016, С. 41.
7. Подробнее см.: *М.А. Qadeer.* Urbanization of everybody: institutional imperatives and social transformation in Pakistan. In Urban Pakistan. Frames for Imagining and Reading. Khalid W. Bajwa (ed.). – Karachi, 2013, p.34 «Большинство экономических операций и социальных контактов происходят на уровне личных договоренностей. «Кто кого знает» является правилом и даже если в определенной ситуации человек не может мобилизовать некоторые личные связи, он моментально приступит к выковыванию таких отношений, обращаясь к первичным связям, таким как этническая, языковая, религиозная или сектантская принадлежность. Это повсеместно распространенный феномен персонализации неперсонифицируемого. Большинство установленных [деловых отношений] основываются на личных связях и взаимобменах. В общем и целом, нормативно, организационно и символически, пакистанские деловые организации построены на нормах и ценностях персонифицированных сделок и первичных связей (primary relations-в ориг.). В то время как урбанистическая экономика, социальные и административные функции требуют неперсонифицированного взаимодействия, основанного на правилах и движимым общими интересами».
8. <https://en.dailypakistan.com.pk/pakistan/family-of-yeh-bikk-gaye-hai-gormint-auntie-faces-social-boycott-in-karachi/>; <http://www.news18.com/news/india/pakistans-famous-gormint-aunty-facing-social-boycott-1466281.html> (Дата обращения 22.01.2018).
9. Nasir Afghan, Tayyaba Wiqar. Succession in Family Businesses of Pakistan: Kinship Culture and Islamic Inheritance Law. CMER WORKING PAPER No. 07–54, Lahore University of Management Sciences, 2007. <https://core.ac.uk/download/pdf/6257372.pdf> (Дата обращения 25.03.2018). P. 8.

10. Хайцева М.В. «Пакистан в XXI в.: семья, община, государство» // «Азия и Африка сегодня», 2017 г., № 10, С. 37–43.
11. Подробнее см.: *Kagitcibasi, C.* A Model of Family Change in Cultural Context. Online Readings in Psychology and Culture, 6(3), 2002, p.6 <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1059> (Дата обращения 25.03.2018). «Так, в рассматриваемой модели семьи с эмоциональной/психологической взаимозависимостью [членов семьи] индивидуальная автономность должна становиться частью процесса воспитания ребенка из-за уменьшающихся материальных взаимосвязей [членов семьи]. Индивидуальная автономность должна воспитываться, в первую очередь, потому что она связана со способностью к адаптации к жизни в городских условиях. Со сменой стилей жизни, не следование вековым традициям, а автономность, агентивные, личные ориентации становятся более эффективными при взаимодействии с более специализированными задачами, которые требуют [от человека] индивидуальной ответственности и умения принимать решения». Также см.: *M.A. Qadeer.* Urbanization of everybody: institutional imperatives and social transformation in Pakistan In *Urban Pakistan. Frames for Imagining and Reading.* Khalid W. Bajwa (ed.). – Karachi, 2013, p.33. «Городская жизнь подразумевает пунктуальность, объективность и персонифицируемость сделок, чтобы [она] могла эффективно функционировать. Без изменения данных поведенческих моделей невозможно поддерживать порядок и эффективность ежедневных рутинных действий в условиях концентрации большого количества людей. Нормы и модели поведения, характерные для жизни в деревне, не будут эффективно работать в условиях города».
12. F. Amalric and T. Banuri (edited). *People, the Environment and Responsibility. Case studies from rural Pakistan.* New York: The Parthenon Publishing Group, Published jointly with UNRISD (United nations research institute for social development), 1995, p. 63–64.
13. M. Asif Malik, Shahbaz Anwar. *Social problems of Pakistan.* Lahore, 2007, p. 131–132.
14. Hammid Asif. Spare the child // *The Express Tribune.* 14.06.2017. См. также *Violence in Class* // *The Nation.* 15.06.2017.
15. Dr. Inayatullah (edited). *Towards understanding the state of science in Pakistan.* Islamabad, 2003, p.39.
16. Dr. Naazir Mahmood. *Sectarianism and curriculum* // *The News on Sunday.* 11.06.2017.
17. Sharif Khan. General Bajwa for revisiting madrassa teaching concept // *The Nation.* 08.12.2017.
18. Белокреницкий В.Я. Становление и роль гражданского общества в Пакистане (дефиниции, тенденции и перспективы) // *Пакистан, Южная Азия, Исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг. М., ИВ РАН.* 2016. С. 140
19. Atta ur-Rahman. *A national innovation policy* // *The News International.* 14.06.2017.

20. Подробнее см.: *Cohen Stephen P.(edited)*. The future of Pakistan. Lahore, 2012, p. 21.
21. Dr. Inayatullah (edited). Towards understanding the state of science in Pakistan. Islamabad, 2003, p. 38–39.
22. Ibid, p. 65.
23. Qaiser Rafique Yasser. Corporate governance and firm performance. An analysis of family and non-family controlled firms // In The Pakistan Development Review. Vol.50, No.1, 50th Anniversary Review (Spring 2011), p. 47.
24. Левин С.Ф. Государство и монополистическая буржуазия в Пакистане. М., Наука, 1983. С. 91–92.
25. Nasir Afghan, Tayyaba Wiqar. Succession in Family Businesses of Pakistan: Kinship Culture and Islamic Inheritance Law. CMER WORKING PAPER No. 07–54, Lahore University of Management Sciences, 2007. <https://core.ac.uk/download/pdf/6257372.pdf> (Дата обращения 25.03.2018).
26. Qadeer M.A. Urbanization of everybody: institutional imperatives and social transformation in Pakistan. In Urban Pakistan. Frames for Imagining and Reading. Khalid W. Bajwa (ed.), Karachi, 2013, p. 35.
27. A choice of parables // The News on Sunday. 4.06.2017.
28. Kamil Siddiqi. Is Pakistan a failed state? Karachi, 2016. P. 118. См. также Umair Javed. Speaking up for labor // Dawn. 5.06.2017.
29. Инглхарт Р, Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М., Новое издательство. 2011. С. 413–414.
30. Lt. Gen. Naeem Khalid Lodhi. Degeneration at alarming levels // The Nation. 15.06.2017.
31. Talat Masood. A country of hope and despair // The Express Tribune. 7.06.2017.
32. Mohammad Waseem. An ignoramus par excellence // The News. 11.06.2017.
33. Kamila Hyat. Finding an identity // The News. 1.06.2017.

М. С. Каменева*

ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОР В КОНСТИТУЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПАКИСТАНА И ИРАНА

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы языковой политики и языкового развития в Пакистане и Иране через призму их конституционного законодательства. Анализируется положение государственных языков – урду и персидского, национальных/региональных языков, а также английского и арабского и их роль в общественной жизни этих стран. Особое внимание уделяется ситуации в сфере языковой политики, проводимой пакистанскими и иранскими властными структурами на современном этапе, и намечаются существующие в этой сфере проблемы.

Ключевые слова: Пакистан, Иран, конституция, урду, персидский язык, национальные/региональные языки, английский язык, языковая политика

Language factor in the constitutional law of Pakistan and Iran

Abstract: The article analyzes the problems of language policy and linguistic development in Pakistan and Iran in the light of these countries' constitutional law. The author focuses on the status of Urdu and Persian as state languages, national/regional languages as well as English and Arabic in the context of their public life. Special attention is paid to the language policy in contemporary Pakistan and Iran and to the problems in this sphere.

Key words: Pakistan, Iran, Urdu, Persian language, national/regional languages, English, language policy

Пакистан и Иран относятся к числу многонациональных государств азиатского континента, население которых составляет соответственно около 208 и 85 млн чел. Кроме религиозной общности (обе страны являются исламскими республиками) Пакистан

¹ Каменева Марина Самуиловна – старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат филологических наук

и Иран объединяет общность исторического развития и культурных традиций. Вместе с тем существует ряд политических, исторических, географических, этнических и иных факторов, которые определяют специфику их путей развития. Эти особенности проявляются и в языковой области – в сложившихся языковых ситуациях и проводимой языковой политике, в качестве составной части которой можно рассматривать и языковое законодательство.

Поскольку в Пакистане в основе государственной политики лежит принцип единой нации на основе ислама, сведения о национальном составе населения страны и его описание, как правило, базируются на языковой характеристике проживающих на территории страны народов. Известно, что средством общения является не менее 24 языков. Вместе с тем, считается, что четыре народа – панджабцы, синдхи, пуштуны и белуджи, относящиеся к двум языковым группам индо-европейской семьи языков – индо-арийской и иранской, составляют абсолютное большинство населения Пакистана – около 97%¹. Значительная часть пакистанцев обладает знанием не только своих родных языков, и в связи с этим они являются как билингвами, так и полилингвами².

Что касается Ирана, то на его территории проживают представители более 40 крупных и малых народов, отдельных племен и этнических групп, говорящих в основном на иранских (персидском, курдском, белуджском, гилянском, мазедаранском и т.д.), тюркских (азербайджанском и туркменском, диалектах тюркоязычных кочевых и полукочевых племен) и семитских языках (диалектах арабского языка и ассирийском языке). Особое место занимают языки этно-конфессиональных меньшинств – армян и евреев, использующих внутри своих общин соответственно восточно-армянский диалект армянского языка и еврейский персидский. Неперсидское население Ирана в повседневной жизни вынуждено пользоваться наряду с родным и персидским языком. Многие иранцы двуязычны, а в отдельных районах страны владеют тремя языками³.

С момента образования государства Пакистан в 1947 г. и до настоящего времени в стране было принято три конституции – в 1956, 1962 и 1973 гг. В каждой из них имелась статья

о государственном языке урду. При этом следует отметить, что, несмотря на относительную малочисленность носителей урду – не более 8% населения страны, вопрос о придании ему статуса государственного не встречал бурных протестов со стороны иноязычного населения страны. И это может быть объяснено несколькими причинами. Во-первых, он является в значительной степени социально и этнически нейтральным для большинства населения Пакистана в сравнении с языками других этносов, проживающих на территории страны. Во-вторых, урду обладает достаточно высоким престижем в стране, поскольку считается, что он олицетворяет мусульманскую культуру, близок к языкам других мусульманских стран, прежде всего к арабскому и персидскому, о чем говорит насыщенность урду арабо-персидской лексикой. Наконец, руководство страны и ее религиозные лидеры, руководствуясь двумя выше названными факторами, при выборе языка на роль государственного исходили из того, что внутригосударственное единство должно базироваться на общем и едином для всего Пакистана языке и вели соответствующую пропаганду среди его населения⁴. Надо сказать, что еще в далеком 1948 г. основатель Пакистана М. А. Джинна, обращаясь к студентам Университета в Дакке, подчеркнул, что язык урду является носителем мусульманской культуры, важным цементирующим звеном нового государства, а потому только он, по его мнению, должен стать государственным языком Пакистана, а того, кто попытается ввести народ в заблуждение по этому вопросу, можно считать врагом страны⁵.

Вместе с тем, для языковой политики в Пакистане в течение временного отрезка, соответствующего действию двух первых конституций, существенное значение имел вопрос о статусе бенгальского языка, который потерял свою остроту лишь в 1971 г. с отделением Восточной Бенгалии и образованием самостоятельного государства Бангладеш. Конституции 1956 и 1962 гг. наряду с урду объявляли бенгальский вторым государственным языком Пакистана⁶. В факте придания ему статуса государственного языка важную роль сыграли политический, этнический, демографический и географический факторы. Накал национально-освободительной борьбы, географическая расчлененность Восточной

Бенгалии и остальной территории Пакистана, высокий процент бенгальцев от общей численности населения страны способствовали тому, что социальные функции бенгали и урду были максимально уравнены. Последняя конституция 1973 г. уже объявила урду единственным государственным языком страны⁷. В соответствии с ней урду становится языком межэтнического общения, администрации предписывается использовать его как в центральном аппарате, так и в провинциальных учреждениях, а также в судопроизводстве, в армии и полиции. Он был задействован в СМИ, на радио и телевидении, постепенно занимал твердые позиции в кино, а также в сфере образования, причем не только как язык обучения, но и как обязательная дисциплина в средних и высших учебных заведениях, особенно гуманитарных. Урду оставался языком художественной литературы и драматургии⁸.

Несмотря на то, что официальная языковая политика пакистанского руководства была направлена на укрепление позиций урду в стране и расширение его функций, включая максимальное внедрение его в систему образования, вопросы, связанные с урду, его реальной ролью в жизни современного пакистанского общества постоянно находятся на пике обсуждения как на уровне официальной власти, так в среде пакистанской интеллигенции, ученых и представителей высшей школы, а также в СМИ. В течение последних десяти лет ежегодно в Карачи проводятся международные конференции по проблемам урду, на которых обсуждаются вопросы его настоящего и будущего. Одним из основных текущих вопросов, касающихся урду и волнующих власть и общество, является вопрос о придании ему статуса единственного официального языка в стране. По сообщениям СМИ, в 2015 г. в этой связи президенту, премьер-министру, федеральным и провинциальным министрам и государственным служащим было вменено выступать перед публикой, причем как внутри страны, так и за рубежом исключительно на урду⁹. В 2016 г. премьер-министр Пакистана Наваз Шариф потребовал перевести работу всех государственных министерств и ведомств на язык урду, а Верховный Суд страны обратился к федеральным и провинциальным правительствам с требованием организовать процесс судопроизводства

также на урду, причем в кратчайший срок – в течение 30 дней, несмотря на отсутствие практики как у судей, так и у адвокатов в ведении на нем судебных процессов и недостаточную разработанность судебной терминологии¹⁰.

Вместе с тем, в пакистанском обществе существует и иная, отличная от официальной, точка зрения на проблемы языкового развития страны. Так, живущий в США известный пакистанский писатель, литературный критик и публицист Мансур Эджаз считает, что ничто так не вредит национальному единству, как создание режима благоприятствования только для одного языка. По его мнению, абсолютно безосновательным является заявление о том, что языковое разнообразие угрожает национальному единству, и, если не изменить языковую политику и сохранить господство урду и английского, то культурная пропасть и экономическая нищета никогда не исчезнут в пакистанском обществе¹¹. Значительная доля скепсиса присутствует и в рассуждениях Али Раджа, сотрудника журнала «Геральд», когда он отмечает, что спустя почти 44 года (на 2017 г) после принятия последней конституции процесс внедрение языка урду в жизнь страны далек от завершения, а во многих областях он даже еще не начался¹².

В Иране вопрос о государственном языке разрешался несколько в иной плоскости, чем в Пакистане. Вплоть до настоящего времени в стране было принято две конституции. Первая из них, датированная 1906 г. и ознаменовавшая собой трансформацию Ирана в конституционную монархию, не фиксировала законодательно статус ни одного из языков, функционировавших на его территории. Однако на протяжении многих десятилетий вплоть до исламской революции 1979 г. языковая политика иранского руководства характеризовалась насильственным насаждением персидского языка среди неперсидского населения Ирана и его утверждением де-факто в качестве единственного общегосударственного официального по всей стране¹³. И только принятая в 1979 г. новая конституция Исламской Республики Иран де-юре объявила персидский язык «единственным официальным и общегосударственным для всех народов, населяющих страну» и узаконила его высокий социальный статус¹⁴.

Надо сказать, что в Иране, в отличие от Пакистана, в вопросе выдвижения того или иного языка на роль государственного у персидского языка не было альтернативы, ни один из национальных языков, даже таких крупных национальных групп, как азербайджанцы и курды, не мог составить ему конкуренцию. И этому способствовали несколько факторов. В отличие от урду персидский язык и его диалекты – средство коммуникации для приблизительно половины населения Ирана. На протяжении длительного времени языковая политика была направлена на его культивирование и пропаганду. Наконец, персидский язык – это язык с глубокими культурно-историческими традициями. Вместе с тем, ни один из национальных языков в Иране не имел под собой такой давней литературной традиции, как бенгали в Пакистане, на котором существует богатая художественная литература. Помимо этого, число носителей каждого из этих языков не превышало число говорящих на персидском языке. Сыграла свою роль также проводимая в шахском Иране политика великодержавного иранского национализма, ставившая своей целью создание единой иранской нации, в качестве одного из основных признаков которой рассматривался именно персидский язык.

В современном Иране персидский язык, подобно урду в Пакистане, обслуживает различные сферы общественной жизни страны. Он используется в административном делопроизводстве и судопроизводстве, на нем ведется преподавание в школах и высших учебных заведениях, осуществляется профессионально-техническое обучение, издаются многочисленные газеты и журналы, ведутся радио-и телепередачи. На персидском языке существует богатая художественная литература. Иранское руководство уделяет большое внимание развитию и совершенствованию персидского языка. Оно считает его важным признаком иранской нации, символом древнейшей иранской культуры, инструментом консолидации и интеграции народов страны. Персидский язык используется также в качестве консолидирующего фактора с иранской диаспорой за рубежом. Он рассматривается и как важный компонент международного аспекта культурно-языковой политики, проводимой иранским руководством.

При определенном сходстве коммуникативных функций урду в Пакистане и персидского языка в Иране существуют значительные различия в широте охвата этими языками существующих сфер общения, что связано с использованием в Пакистане английского языка, которому по конституциям страны предоставлен высокий юридический статус, что в значительной степени соответствует его реальной роли в пакистанском обществе и представляет собой пример реального подхода при отражении в законодательных актах социально-функциональной стратификации используемых в стране языков. Английский язык объявлен официальным на территории страны. Ему отведено фактически второе по значимости место среди языковых образований, функционирующих в Пакистане. Совершенно очевидно, что такое решение уходит своими корнями в историческое прошлое и тесно связано с ним. Все три конституции фиксируют факт признания английского языка в качестве официального, расходясь лишь в протяженности временного отрезка, на который рассчитана такая языковая политика. Так, конституция 1956 г. предусматривала его употребление в течение двадцатилетнего периода, конституция 1962 г. уже не устанавливала никаких временных пределов, а конституция 1973 г. вновь ограничила период его функционирования в качестве официального языка в стране пятнадцатью годами¹⁵. Следует отметить, что и в наши дни, несмотря на истечение выше обозначенного временного отрезка, английский язык продолжает функционировать во многих сферах общественной жизни Пакистана. Он используется в административном управлении, во внутривластной и внешнеполитической деятельности, высшем и отчасти среднем образовании, науке, в СМИ, является средством повседневного общения в среде высших слоев пакистанского общества, которые рассматривают знание английского языка как необходимое условие своей социальной мобильности и успешной карьеры¹⁶. Существует мнение, что изначально урду не был языком элит, а именно английский являлся таковым, что уходило корнями во времена Британской империи. Он оставался языком высокопоставленных

правительственных чиновников, высших слоев пакистанского общества и сферы высшего образования¹⁷.

Несмотря на то, что временные рамки в 15 лет, ограничившие последней конституцией сроки функционирования английского языка как языка официального в Пакистане, истекли к настоящему времени уже трижды, он, как отмечается в СМИ, по-прежнему остается востребованным в сфере администрирования, в экономике и социальной области пакистанского общества. Думается, что эта объективная тенденция сохранится и в будущем тем более, что она находится в русле мировых глобализационных процессов. Не зря в пакистанском обществе бытует расхожая фраза, что, если имеешь один хороший костюм и можешь бегло говорить по-английски, то точно не умрешь от голода¹⁸.

В Иране, несмотря на отсутствие фиксации статуса какого-либо из западноевропейских языков в конституции 1906 г., с начала XX в. и до исламской революции 1979 г. сначала преимущественно французский, а затем и английский языки играли существенную роль в жизни иранского общества. Так, например, социальная мобильность иранцев зависела от количества языков и степени владения ими. На английском языке выходили периодические издания, велись радио- и телевизионные передачи. Западноевропейские языки, прежде всего английский, преподавались в школе и высших учебных заведениях, на них издавалась художественная литература, учебники, двуязычные словари.

Исламская революция, имевшая ярко выраженный антизападный характер, тем не менее не смогла нанести существенный урон позициям западноевропейских языков, в первую очередь английского, в Иране. Если в первые годы после исламской революции их авторитет искусственно занижался властями, то впоследствии постепенно положение западноевропейских языков в сравнении с предреволюционным периодом в значительной степени было восстановлено в большинстве сфер. Они продолжают изучаться в школах и высших учебных заведениях, на специальных языковых курсах, на английском языке издается художественная и научная литература, работает новостной канал – Iran Press, издаются две газеты – Tehran Times и Tehran Daily, работает

Интернет. Конец 90-х гг. XX в. – начало XXI в. характеризуется неконтролируемым усилением роли английского языка в общественной жизни Ирана, ростом его престижа и уровня владения им, особенно среди составляющей значительную часть населения страны молодежи, что является прямым следствием влияния мировых глобализационных процессов на развитие страны. Вместе с тем, в последнее десятилетие проблемы распространения и функционирования английского языка в Иране получили политическую окраску, и дискуссии на эту тему вышли на общественный уровень, обострив отношения между духовным лидером, являющимся ярким антизападником, и президентом Х. Роухани, отстаивающим тезис о необходимости изучения в стране английского и в целом западноевропейских языков. В качестве продолжения этой дискуссии можно рассматривать решение Ирана в мае 2017 г. не поддерживать Документ 2030 по образованию (разработан и принят ЮНЕСКО в 2015 г.) в связи с началом его поэтапной реализации, а также запрет на изучение английского языка в государственных и частных начальных школах страны, что явилось следствием протестных акций конца декабря 2017 – начала января 2018 гг., которые, как считается в определенных кругах, были инспирированы Западом¹⁹.

Поскольку Пакистан является многонациональным государством и на его территории распространено большое количество языковых образований, вопросу о роли региональных языков в жизни пакистанского общества придается существенное значение. Конституции Пакистана также не обошли эту проблему стороной, провозгласив равноправие всех народов, населяющих страну, в области культуры и языка. Так, в конституции 1956 г. говорится, что «любая группа граждан, имеющая особый язык, особую письменность или культуру, имеет право сохранять их». В конституции 1962 г. среди положений, включенных в основные права граждан, отмечается лишь равноправие меньшинств без детализации этого положения. А конституция 1973 г. отмечает, что провинции имеют право поощрять, развивать и использовать свои местные языки в дополнение к государственному²⁰. Однако все эти положения в значительной степени

лишь декларировались и практически мало подкреплялись какими-то гарантиями, на что имелись как субъективные, так и объективные причины.

Национальный вопрос в любом многонациональном государстве относится к числу наиболее сложных и острых внутриполитических проблем. И Пакистан не является в этом смысле исключением. Если, например, обратиться к такому региональному языку, как панджаби, то сложившаяся вокруг него ситуации не предлагает простого решения. Панджабцы составляют около 60% населения Пакистана, то есть являются самым многочисленным его народом, однако их отношение к родному языку достаточно неоднозначно. Так, многие из них рассматривают урду не только как государственный язык, но и как язык, предназначенный для них самих, для решения задач именно провинции Панджаб. Панджабская элита инвестирует в урду значительно больше, чем в свой родной язык, который как бы отодвигается на второй план. На нем, по последним данным пакистанских источников, в настоящее время не выходит ни одной газеты, а региональный телевизионный канал предоставляет больше времени вещанию на урду. Вместе с тем, есть и патриоты панджаби, которые считают, что для панджабцев язык панджаби является основным языком, а выражение презрения к нему формирует негативное отношение к богатой панджабской культуре, свидетелями возрождения которой они надеются стать. По их мнению, именно изменение общего отношения к региональным языкам и принятие на вооружение антидискриминационной политики позволит сделать это реальностью. И они задаются вопросом о том, какое же будущее ждет весь Пакистан, если панджабцы стесняются своей этнической принадлежности²¹?

Немало трудностей и нерешенных проблем стоит и перед другими региональными языками. Однако есть и определенные достижения в этом вопросе. Так, по сообщению пакистанских СМИ, пакистанское радиовещание по крайней мере 50% своего времени (приблизительно по 12 часов ежедневно) предоставляет в распоряжение 23 региональных языков. В провинции Синд, например, язык синдхи, по контрасту с панджаби,

играет большую роль в системе образования, административном аппарате, в прессе, в сфере киноиндустрии. А в Белуджистане на языке балучи выходят две ежедневные газеты и один журнал (6 номеров в год), а также работает один телевизионный канал²². Подтверждением большого значения, которое придается руководством Пакистана развитию региональных языков, являются высказывания президента страны Мамнуна Хуссейна о том, что региональные языки способствуют национальному единству, а правительство, со своей стороны, предпринимает необходимые шаги для их развития и продвижения²³.

Что касается Ирана, то, как уже было сказано выше, в конституции 1906 г. не был зафиксирован статус ни одного из языков, функционировавших на территории Ирана. Правящие круги страны, исходя из теории единой иранской нации и утверждая, что курды, луры и представители других народов и племен являются чистыми персами с общим языком, различающимся лишь диалектами, создавали всяческие преграды на пути использования национальных языков в различных областях общественной жизни неперсидских народов. Несколько большими правами обладали языки конфессиональных меньшинств. На протяжении десятилетий работали армянские школы с обучением на родном языке, в Тегеранском и Исфаганском университетах работали армяновенческие отделения, велись передачи на армянском языке. В конце 50-х гг. открылись ассирийские школы, на ассирийском языке начала издаваться художественная литература. И лишь однажды в истории шахского Ирана с конца 1945 – по конец 1946 гг., в период подъема национально-освободительных движений в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане, курдский и азербайджанский (азери) языки получили в этих провинциях определенные права и свободы. На них перевели делопроизводство, начали издаваться книги и учебная литература. В Тебризе, столице Иранского Азербайджана, был открыт Национальный университет, где преподавание велось на родном языке. Появились школы с обучением на местных языках и в других национальных районах. Начала развиваться национальная пресса и литература. Однако с наступлением реакции

в конце 1946 г. большинство достижений в национально языковой области было сведено на нет. Такая ситуация существовала до принятия новой конституции Ирана в 1979 г., в которой было зафиксировано, что «наряду с персидским языком разрешается использование местных языков и диалектов в прессе, органами массовой информации, в преподавании национальной литературы в школе». И надо сказать, что в первые годы после исламской революции были сделаны реальные шаги для решения национально-языкового вопроса: было разрешено преподавание национальных языков и литератур в школах национальных районов, объявлено об активизации радио-и телепередач, о выходе отдельных периодических изданий на этих языках, а также о подготовке университетских курсов азербайджанского и курдского языков и литератур на них. Однако в результате обострения внутриполитической обстановки в первой половине 80-х гг. большинство достижений в национально-языковой области не получило дальнейшего развития, и они остались на бумаге. Вместе с тем нельзя не отметить, что в последнее десятилетие наблюдается постепенный рост внимания к национальным языкам, в том числе и в рамках государственной Программы по национальному вопросу, которая также отмечает необходимость преподавания национальных языков в школах и университетах соответствующих провинций и на уровне всей страны, а также развивать литературу на них. Не лишены прав в национально-языковой области и представители этно-конфессиональных меньшинств – армяне и евреи, использующие в своей повседневной жизни соответственно армянский и еврейский персидский²⁴.

При изучении языкового законодательства Пакистана и Ирана, относящихся к числу стран традиционного распространения ислама, где в соответствии с ныне действующими конституциями он признан официальной религией, нельзя обойти стороной арабский язык. Так, еще до прихода к власти Зия-уль-Хака в конституцию Пакистана 1973 г. было включено положение об официальном поощрении изучения арабского языка²⁵. Попытки внедрения арабского языка в пакистанское общество, особенно усилившиеся после установления военного режима

в 1977 г., выражались в принятии решения о создании 30 центров по его изучению, подготовке программ для обучения арабскому языку во всех школах и колледжах страны, а с 1978 г. – в обязательном его изучении в средних школах, чтобы школьники могли обращаться при необходимости непосредственно к тексту Корана. Однако, как свидетельствуют источники, языковая политика руководства Пакистана, направленная на усиление позиций арабского языка в стране, изначально не встретила понимания в пакистанском обществе, имела ярко выраженный идеологический и политический характер. В современном Пакистане арабский язык занимает прочные позиции в сфере религиозного общения, и его изучение остается элементом традиционного мусульманского образования²⁶.

Иранская конституция 1979 г. также не обошла вниманием арабский язык и зафиксировала его достаточно высокий статус в стране, записав, что он «должен преподаваться в средней школе по всем областям и профилям знаний, так как это язык Корана, исламской науки и просвещения и имеет глубокие корни в персидской литературе»²⁷. Именно в этом ключе в первые годы после революции мусульманское руководство Ирана предприняло активные шаги по внедрению арабского языка во все сферы жизни иранского общества. Было введено изучение арабского языка в школах, созданы специальные курсы по его обучению, подготовке преподавателей, начала издаваться пресса на арабском языке, приобрели регулярность соревнования в мастерстве чтения Корана, на телевизионных каналах все больше времени стало отводиться передачам на арабском языке. Однако постепенно, со второй половины 80-х гг. начало восстанавливаться функциональное равновесие между арабским и персидским языками, существовавшее в предреволюционный период. Арабский язык в Иране, как впрочем и в Пакистане, чужд большинству населения страны, поэтому он не смог приобрести широкие общественные функции. Приоритетной сферой его функционирования остается религиозное общение и традиционное мусульманское образование²⁸.

Таким образом, можно сказать, что в языковом законодательстве Пакистана и Ирана имеются как черты сходства, так

и различия. В соответствии с последними конституциями двух стран их государственными языками являются языки межнационального общения, то есть соответственно урду и персидский. Однако, если в Пакистане урду выполняет эту функцию де-факто с 1947 г., то есть со времени образования независимого государства, и де-юре с момента принятия первой конституции страны в 1956 г., то в Иране персидский язык законодательно получил статус государственного только в 1979 г. с принятием второй конституции в истории страны. Кроме того, у персидского языка в этом «юридическом соревновании» не было оппонента, как у урду, которому до образования государства Бангладеш составлял конкуренцию бенгали. Отличительной чертой пакистанского языкового законодательства является фиксация английского языка в качестве официального в то время, как в Иране вопрос об использовании западноевропейских языков, в первую очередь английского, решается в рамках политического дискурса «Иран и Запад». Что касается национальных/региональных языков, то иранская конституция 1979 г. в отличие от пакистанских конституций с их декларациями в отношении прав региональных языков представила некую программу по национально-языковому вопросу, создав таким образом почву для предоставления, пусть и на короткий срок, прав и свобод национальным языкам. Наконец, сфера использования арабского языка в Иране видится несколько шире, чем в Пакистане, несмотря на значительную схожесть его роли в общественной жизни обеих стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пакистан. Справочник. М.: Наука, 1991, с. 28
2. Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика. Справочник. М.: Наука, 1986, с. 312
3. Каменева М. С. Языковая политика в Исламской Республике Иран // Языковая политика в условиях глобализации. М.: РУДН, 2017, с. 85–86
4. Никольский Л. Б. Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. М.: Наука, 1986, с. 124, 127

5. Quaid-i-Azam Muhammad Ali Jinnah. Speeches as Governor-General of Pakistan 1947–1948. Karachi: 1962, p. 36
6. Конституции государств Ближнего и Среднего Востока. Конституция Пакистана. Статья 214. М.: Издательство иностранной литературы, с. 373; Ганковский Ю. В., Москаленко В. Н. Три конституции Пакистана. М.: Наука, с. 63 (статья 215)
7. Там же, с. 114 (статья 251)
8. Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика. Справочник. М.: Наука, 1986, с. 312–313; Серенко И. Н. Урдуизация системы образования как составная часть национальной политики государства // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, 2015, с. 303–309
9. Haider Irfan. PM, president to deliver speeches in Urdu on foreign trips, SC told // Dawn. 10.07.2015
10. Премьер-министр Пакистана потребовал перевести работу госведомств на урду // ТАСС. 20.05.2016; Urdu implementation: SC seeks progress report in 30 days // The Nation. 29.01.2016; Hussnain Fida. Will Urdu ever become official language // The Nation. 01.03.2016
11. Урду и английский как инструменты подавления [Электронный ресурс] URL: <http://www.e-novosti.info/foruma/etnaj-lingvoj/topic7368.html> (дата обращения – 15.02.2018)
12. Raj Ali. The case for Urdu as Pakistan's official language // Dawn. 03.05.2017
13. Каменева М. С. Языковая политика в Исламской Республике Иран // Языковая политика в условиях глобализации. М.: РУДН, 2017, с. 88
14. Конституция Исламской Республики Иран. Статья 2. Язык, письменность, история, флаг. Тегеран, Издательство «Закон», 1979 (на персидском языке)
15. Конституции государств Ближнего и Среднего Востока. Конституция Пакистана. Статья 214. М.: Издательство иностранной литературы, с. 373; Ганковский Ю. В., Москаленко В. Н. Три конституции Пакистана. М.: Наука, с. 63 (статья 215), с. 114 (статья 251)
16. Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика. Справочник. М.: Наука, 1986, с. 312–313
17. Lieven Anatol. Pakistan. A Hard Country. London, Penguin Books, 2012, p. 63
18. Husain Irfan. English still rules // Dawn. 30.12.2017
19. Официальный сайт президента ИРИ [Электронный ресурс] URL: <http://www/president.ir/fa/94287> (дата обращения – 15.06.2017); Iran won't submit to agendas like UNESCO 2030: Ayatollah Khamenei [Электронный ресурс]. URL: <http://english.khamenei.ir/news/4796/Iran-won-t-submit-to-agendas-like-UNESCO-2030-Ayatollah-Khamenei> (дата обращения – 12.06.2017); Английский язык в школе (на персидском языке) [Электронный ресурс] URL: <http://norooznews.org/news/2018/01/2/5506> (дата обращения – 05.02.2018)

20. Конституции государств Ближнего и Среднего Востока. Конституция Пакистана. Статья 19. М.: Издательство иностранной литературы, с. 286; Ганковский Ю. В., Москаленко В. Н. Три конституции Пакистана. М.: Наука, с. 56, с. 114 (статья 251)
21. Bangash Yagoob Khan. Mind your language // The Express Tribune. 17.10.2016; Media ignoring regional languages // The Express Tribune. 20.02.2017
22. Media ignoring regional languages // The Express Tribune. 20.02.2017
23. Imaduddin Mamnoon. Regional languages foster national cohesion, unity // Business Recorder. 16.03.2017
24. Каменева М. С. Языковая политика в Исламской Республике Иран // Языковая политика в условиях глобализации. М.: РУДН, 2017, с. 93–94, 97–99, 114–116
25. Тимофеев И. Роль ислама в общественно-политической жизни стран зарубежного Востока // Мировая экономика и международные отношения, 1982, № 5, с. 57
26. Каменева М. С. Арабский язык в мусульманских странах Юго-западной Азии // Народы Азии и Африки, 1985, № 2, с. 87–90
27. Конституция Исламской Республики Иран. Статья 2. Язык, письменность, история, флаг. Тегеран, Издательство «Закон», 1979 (на персидском языке)
28. Каменева М. С. Арабский язык в мусульманских странах Юго-западной Азии // Народы Азии и Африки, 1985, № 2, с. 87–90

Валид Икбал

NATURE AND VALUES OF M. IQBAL'S IDEAL SOCIETY

Summary. In this article the author thoroughly examines the nature and main values of an ideal society visualized through the medium of an outstanding thinker Muhammad Iqbal's poetic and philosophical works. It is pointed out that M. Iqbal opines an ideal society driven by modern and reconstructed Islamic ideals as united, integrated, egalitarian, socially democratic, peaceful, properly educated, technically trained and scientifically sound. He views the society formation, its rise and fall largely dependent on the conduct of the individuals, their transformation and well-being (at the individual and collective levels) determined by human unity, human solidarity, human equality and human freedom.

Key words: Muhammad Iqbal, ideal society, Islamic ideals, concept of *khudi*

Природа и ценности «идеального общества» Мухаммада Икбала

Резюме. В данной статье автором детально исследуется природа и основные ценности т.н. «идеального общества», рассматриваемые посредством изучения поэтических и философских работ выдающегося мыслителя Мухаммада Икбала. Отмечается, что М. Икбал рассматривает идеальное общество, движимое современными и реконструированными исламскими идеалами, как единое, интегрированное, эгалитарное, демократичное, мирное, высокообразованное, научно-технически развитое пространство. Он полагает, что формирование такого общества, его подъем и падение во многом зависят от деятельности людей, их трансформации и благополучия (на индивидуальном и коллективном уровнях), детерминированных человеческим единством, человеческой солидарностью, человеческим равенством и человеческой свободой.

Ключевые слова: Мухаммад Икбал, идеальное общество, исламские идеалы, понятие *худи*

* Валид Икбал – внук выдающегося индо-пакистанского поэта и философа XX века Мухаммада Икбала (1877–1938), сын известного пакистанского философа и общественного деятеля Джаведа Икбала (1924–2015), профессор Лахорского университета управления бизнесом (Lahore University of Management Science – LUMS), юрист, общественный и политический деятель Пакистана.

Through the medium of his poetic and philosophical works, Iqbal consistently comes across as a firm believer in the elevation of the human being – the transformation and well-being of man – at the individual and collective levels, through self, selfhood, and self-identity as embodied in his concept of *khudi*. His teachings furnish the formulae on how to strengthen, intensify, and raise one's self, and also highlight what dissipates, destroys, and disintegrates that selfhood, both at the individual and the collective levels.

In this regard, alongside the emphasis Iqbal lays on the importance of the individual human, there is an equal measure of emphasis on the primacy of society as an entity larger than the totality of its members – society as a powerhouse of human synergy – as he observes in a lecture delivered at Aligarh in 1910, “Society is much more than its existing individuals; it is in its nature infinite; it includes within its contents the innumerable unborn generations, which, though they ever lie beyond the limits of immediate social vision, must be considered as the most important portion of a living community... in the successful group-life it is the future which must always control the present¹.”

Iqbal's ideas on point, expressed in the depth and breadth of his published works, instruct with clarity and conviction, and it is the purpose of this article to accordingly explain, that a strong and robust society, a truly elevated society, or an ideal society, is one that is driven by modern and reconstructed Islamic ideals, and is therefore one that is united, integrated, egalitarian, properly educated, morally emancipated, technically trained, scientifically sound, peaceful, and socially democratic.

First and foremost, Iqbal opines that the essence of *Tauhid* (Islamic monotheism), as a working idea, is human unity, human equality, and human freedom, and that these ideal principles must be transformed into a realization of definite human organization². This opinion, that humanity unites in divinity, that humanity attains equality in divinity, that humanity attains freedom in divinity, that if this divinity were denied and disrespected, mankind would be divided and disintegrate, serves as a beacon light towards tolerance, national integration, interfaith harmony, and the dialogue of civilizations in this day

and age. From Iqbal's perspective, "The political ideal of Islam consists in the creation of a people born of a free fusion of all races and nationalities..."³ and "...The moment our grasp of the Islamic principle is loosened, the solidarity of our community is gone"⁴.

Secondly, in Iqbal's view, a society's rise and fall would largely depend on the conduct of the individuals who lead it and act as its agents. In a short poem published in his first Urdu collection *Bang-i-Dara*, Iqbal refers to a society as a body and the individuals comprising it to its limbs: those working in industry are called its hands and feet, those who help to administer the government are likened to its beautiful face, and those who cultivate arts – Iqbal places poets in this category – are its eyes⁵. Consequently, the failure of those who lead or represent a society would drive that society to disaster. Iqbal thus points to three causes that led to the decline of the Muslim world in the last few centuries, namely, decadence in the fields of *Mullaism*, *Mysticism*, and *Dynastic Kingship*⁶. But in this exposition, Iqbal does not reject outright Muslim legists, mystics, and rulers *per se*, but points out that in early Islamic history these very three areas of law, mysticism, and politics from time to time represented the dynamic spirit of Islam. Only at later stages, he believes, legists started dwelling on form over substance, mystics got sucked into matter over spirit, and rulers started placing self-interest over the interests of the masses.

Driven by the Quranic force that God has infused his own spirit in man, Iqbal's teachings are emphatic about man bearing witness that God is indeed present in him for therein lies the essence of moral and spiritual life. Iqbal thus condemns every economic, moral, or socio-political structure, may it be internal or international, which depresses the dignity and sanctity of man and is keen to reconstruct it in a manner that may restore the vicegerency of man in this world. To Iqbal, therefore, it is of paramount importance not to discard, but to reform, the same three institutions of law, mysticism, and politics that at one time served Islam as forces of progress and at another time as forces of decadence⁷.

While having competent leaders is undoubtedly critical to a society's progress and endurance as far as Iqbal is concerned, the socio-economic wellbeing of the masses is expressed by him to be of

equal importance. He observes, "It is the masses who constitute the backbone of the nation; they ought to be better fed, better housed and properly educated⁸." Lamenting on the impoverished state of the lower strata of the Muslim community of his time and in his surroundings, he questions:

"Have we ever realized that the duty of our *Anjumans* and Leagues is to work for the elevation of the masses and not to push up the individuals? The most important problem before the Muslim public worker is how to improve the economic conditions of his community. It is his duty to make a careful study of the general economic situation in India and the causes which have brought it about. How much of this situation is due to the larger economic forces that are working in the modern world, how much to the historical antecedents, customs, prejudices and ethical shortcomings of the people of this land, how much, if at all, to the policy of the Government, these are the questions, which in preference to other questions, must occupy his brains. The problem will, of course, have to be approached in a broad, impartial non-sectarian spirit; since the economic forces affect all communities alike⁹."

Thirdly, Iqbal further believes that a system of proper and well-grounded education could truly bring about a renaissance of thought and action in the Muslim world, and this is an area in which his views, in some senses, represent an advancement of, and in some senses contrast with, the teachings of his reformist predecessor Sir Sayyid Ahmad Khan. While Sir Sayyid Ahmed Khan, who Iqbal admired, attempted to push Muslims towards the need to acquire modern education for purposes of social advancement – enabling them to secure governmental and other similar jobs, and helping them regain their past status of honor in Indian society – Iqbal believes that the value of education lies way beyond the sole purpose of securing employability: it is a multi-faceted means of character-building through which a society survives and continues¹⁰. This, to Iqbal's mind, necessitates the inculcation of the social, ethical, and political ideals of Islam, because the "flame of life cannot be borrowed from others; it must be kindled in the temple of one's own soul. This requires earnest preparation and a relatively permanent programme¹¹:"

“Economic considerations alone ought not to determine our activity as a people, the preservation of the unity of the community, the continuous national life, is a far higher ideal than the service of merely immediate ends... ..No community can afford to break entirely with its past and it is more emphatically true in the case of our community whose collective tradition alone constitutes the principle of its vitality... It is, therefore, absolutely necessary to construct a fresh educational ideal in which the elements of Muslim culture must find a prominent place, and past and present come up in a happy union. The construction of such an ideal is not an easy task; it requires a large imagination, a keen perception of the tendencies of modern times, and a complete grasp of the meaning of Muslim history and religion¹².”

This inculcation is also laden with socio-political overtones: a poetic tribute to Sir Sayyid Ahmad Khan penned by Iqbal in 1903 titled ‘The Sayyid’s Tombstone’ (published in the Urdu work *Bang-i-Dara*), contains an exhortation to the Muslims that Islam does not teach them to renounce the world, and, “Courage is the staff in the hands of political activists” (Urdu: *Hai daleri dast-i arbab-i siya-sat ka ’asa*), heralding Iqbal’s frequently-enacted imagery of the rod of Moses (*Zarb-i-Kalim*) as a symbol power, mostly in the political sense¹³. Overcoming fear and developing courage thus serve as recurring themes in Iqbal’s socio-political discourse as he postulates:

“The highest stage of man’s ethical progress is reached when he overcomes fear... ..The central proposition which regulates the structure of Islam then is that there is fear in human nature, and the object of Islam is to free man from fear... ..and thus to give him a sense of his personality, to make him conscious of himself as a source of power¹⁴.”

Over and above that, Iqbal comes across as a firm believer in submission to the comprehensive, multifarious, unified vision, and a higher ethical or revelation-based code furnished by Islam as guidance in all spheres of life¹⁵:

“The faith which you represent recognizes the worth of the individual, and disciplines him to give away all to the service of God and man. Its possibilities are not yet exhausted. It can still create a new world where the social rank of man is not determined by his caste or colour, or the amount of dividend he earns, but by the kind of life he

lives; where the poor tax the rich, where human society is founded not on the equality of stomachs but the equality of spirits, where an untouchable can marry the daughter of a king, where private ownership is a trust and where capital cannot be allowed to accumulate so as to dominate the real producer of wealth. This superb idealism of your faith, however, needs emancipation from the medieval fancies of theologians and legists...¹⁶"

Iqbal also has his views on the education of Muslim women, to whom, according to him, nature has allocated different functions than men, which have to be performed right, because they are equally essential for a human family to be healthy and prosperous. He rejects the Western notion of emancipation of women as harmful and one leading to complex social problems, and presents his own formula:

"The Muslim woman ...is the principal depository of the religious idea. In the interests of the continuous national life, therefore, it is extremely necessary to give her, in the first place, a sound religious education. That must, however, be supplemented by a general knowledge of Muslim history, domestic economy, and hygiene. This will enable her to give a degree of intellectual companionship to her husband, and successfully to do the duties of motherhood... ..All subjects which have a tendency to de-womanise or de-muslimise her must be carefully excluded from her education¹⁷."

Yet another aspect of Iqbal's emphasis on education and training relates to his concern for the economic welfare of the masses, which is consonant with the teachings of eighteenth-century Indian reformer Shah Wali'ullah, who believed that a just economic system is an essential part of an ideal society. Being in an era that fell about 150 years after Shah Wali'ullah, and mindful of first the industrial revolution followed by the communist revolution that both spanned the same century and half, Iqbal stresses on technical education as a path towards greater economic prosperity¹⁸:

"The Muslim public worker... ..has hitherto concentrated almost all his energies on the point of securing our due share in government service. The effort is certainly laudable... ..but he must remember that government service as a field for the production of wealth is extremely limited. It offers prospects of economic elevation only to a few individuals;

the general health of a community depends largely on its economic independence... ..we must have a system of technical education which is, in my opinion, even more important than higher education. The former touches the general economic condition of the masses which form the backbone of a community, the latter only a few individuals who happen to possess more than average intellectual energy. The charity of the wealthier classes among us must be so organised as to afford opportunities of a cheap technical education to the children of our community. But industrial and commercial training alone is not sufficient. In economic competition the ethical factor plays an equally important part. The virtues of thrift, mutual trust, honesty, punctuality and co-operation are as much valuable assets as professional skill... ..If we want to turn out good working men, good shopkeepers, good artisans, and above all good citizens, we must first make them good Muslims¹⁹."

Fourthly, Iqbal is of the firm view that an ideal society must also be a peaceful one as he truly believes that "Islam is essentially a religion of peace..." and "...all forms of political and social disturbance are condemned by the Quran in the most uncompromising terms²⁰." He elaborates that all wars fought during the life of the Holy Prophet (PBUH) were defensive ones, and that even in defensive wars the Holy Prophet (PBUH) had prohibited unnecessary cruelty towards the defeated, hastening to add, "I quote here the touching words which he [the Holy Prophet (PBUH)] addresses to his followers when they were starting for the fight: "In avenging the injuries inflicted upon us, disturb not the harmless votaries of domestic seclusion, spare the weakness of the female sex, injure not the infant at the breast, or those who are ill in bed. Abstain from demolishing the dwellings of the unresisting inhabitants, destroy not the means of their subsistence, nor their fruit trees, and touch not the palm²¹."

Iqbal further explains that the "ideal of Islam is to secure social peace at any cost. All methods of violent change in society are condemned in the most unmistakable language. Tartushi – a Muslim lawyer of Spain – is quite true to the spirit of Islam when he says: 'Forty years of tyranny are better than one hour of anarchy'²²."

Finally, a discussion of the nature and values of Iqbal's ideal society would be incomplete until such a society is also declared to be

democratic in nature, because, to Iqbal's mind, democracy "is the most important aspect of Islam regarded as a political ideal²³." He additionally posits that, contrary to the democracy of Europe, the democracy of Islam "did not grow out of the extension of economic opportunity, it is a spiritual principle based on the assumption that every human being is a centre of latent power..."²⁴ and, "It is clear that the fundamental principle laid down in the Quran is the principle of election; the details or rather the translation of this principle into a workable scheme of government is left to be determined by other considerations. Unfortunately, however, the idea of election did not develop on strictly democratic lines, and the Muslim conquerors consequently failed to do anything for the political improvement of Asia²⁵." This reveals Iqbal's thinking that Islamic political doctrine is, by some measures, consistent with the prevailing Western doctrine, and that by proposing the adoption of the Western notion of election, Muslims will, in some part, be embracing their own tradition. He is but "...careful to base his argument in this regard on the primary textual source of Islam, the Quran; he not only rejects centuries-old Muslim historical practice of dynasticism, he subjects it to severe critique... .. he throws the door wide open for a fresh formulation of Muslim political theory in the light of today's circumstances²⁶." In a letter written by Iqbal in the last year of his life (on 28th May 1937) to the Founding Father of Pakistan, Mohammad Ali Jinnah, Iqbal also brings to light his social democratic leanings and their consonance, subject to some possible adjustments, with Islamic political doctrine:

"The question... ..is: how is it possible to solve the problem of Muslim poverty? And the whole future of the [All India Muslim] League depends on the League's activity to solve this question. If the League can give no such promises I am sure the Muslim masses will remain indifferent to it as before... ..Happily there is a solution in the enforcement of the Law of Islam and its further development in the light of modern ideas. After a long and careful study of Islamic Law I have come to the conclusion that if this system of Law is properly understood and applied, at last the right to subsistence is secured to everybody... ..For Islam the acceptance of social democracy in some suitable form and consistent with the legal principles of Islam is not a revolution but a

return to the original purity of Islam... ..Perhaps this is the best reply you can give to the atheistic socialism of Jawaharlal Nehru²⁷.”

Therefore, Iqbal's ideas, in conclusion, instruct with clarity and conviction that an ideal society is one that is driven by modern and reconstructed Islamic principles of human unity, human equality, and human freedom, working under a peaceful, socially democratic system, and the moral, social, political, and economic amelioration of the masses through proper training, education, and engagement. It would be apt here to close this article with a quote from the final paragraph of Iqbal's historic Allahabad address of 1930 in which he is said to have first presented the idea for a separate homeland for the Muslims of India, which later became Pakistan:

“Rise above sectional interests and private ambitions, and learn to determine the value of your individual and collective action... ..in the light of the ideal which you are supposed to represent. Pass from matter to spirit. Matter is diversity; spirit is light, life and unity... ..If today you focus your vision on Islam and seek inspiration from the ever-vitalising idea embodied in it, you will be only reassembling your scattered forces, regaining your lost integrity, and thereby saving yourself from total destruction. One of the profoundest verses in the Quran teaches us that the birth and rebirth of the whole of humanity is like the birth and rebirth of a single individual. Why cannot you who, as a people, can well claim to be the first practical exponents of this superb conception of humanity, live and move and have your being as a single individual?²⁸”

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Muhammad Iqbal. “The Muslim Community – a Sociological Study”, in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, ed. Latif Ahmed Sherwani (Lahore: Iqbal Academy Pakistan, 5th Edition 2009), p. 120.
2. Muhammad Iqbal. *The Reconstruction of Religious Thought in Islam*, ed. Saeed Sheikh (Lahore: Iqbal Academy Pakistan, 1996), p. 122.
3. Muhammad Iqbal. “Political Thought in Islam”, in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, op. cit. p. 141.
4. Muhammad Iqbal. “The Muslim Community – a Sociological Study”, in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, op. cit. p. 125.

5. Mustansir Mir. *Iqbal*. Lahore: Iqbal Academy Pakistan, 2006, p. 123.
6. Muhammad Iqbal. "Islam and Ahmadism", in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, op. cit. pp. 231–232.
7. Mustansir Mir. *Iqbal*, op. cit. p. 124.
8. Muhammad Iqbal. "Islam as a Moral and Political Ideal", in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, op. cit. p. 109.
9. Muhammad Iqbal. "The Muslim Community – a Sociological Study", in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, op. cit. p. 136.
10. Mustansir Mir. *Iqbal*, op. cit. p. 130.
11. Muhammad Iqbal. "Presidential Address Delivered at the Annual Session of the All-India Muslim Conference, Lahore, 21st March 1932", in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, op. cit. p. 45.
12. Muhammad Iqbal. "The Muslim Community – a Sociological Study", in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, op. cit. pp. 132–133.
13. Mustansir Mir. *Iqbal* op. cit. pp. 131–132.
14. Muhammad Iqbal. "Islam as a Moral and Political Ideal", in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, op. cit. pp. 102–103.
15. Mustansir Mir. *Iqbal* op. cit. p. 122.
16. Muhammad Iqbal. "Presidential Address Delivered at the Annual Session of the All-India Muslim Conference, Lahore, 21st March 1932", in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, op. cit. p. 44.
17. Muhammad Iqbal. "The Muslim Community – a Sociological Study", in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, op. cit. pp. 134–135.
18. Mustansir Mir. *Iqbal*, op. cit. pp. 126–127.
19. Muhammad Iqbal. "The Muslim Community – a Sociological Study", in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, op. cit. pp. 134–135.
20. Muhammad Iqbal. "Islam as a Moral and Political Ideal", in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, op. cit. p. 112.
21. *Ibid.* p. 111.
22. *Ibid.* p. 113.
23. *Ibid.* p. 115.
24. Muhammad Iqbal. "Muslim Democracy", in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, op. cit. p. 157
25. Muhammad Iqbal. "Political Thought in Islam", in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, op. cit. p. 153.
26. Mustansir Mir. *Iqbal* op. cit. pp. 136–137.
27. G. Allana (ed.). *Pakistan Movement Historical Documents* (Karachi: Department of International Relations, University of Karachi, 1969), p. 129.
28. Muhammad Iqbal. "Presidential Address Delivered at the Annual Session of the All-India Muslim League, Allahabad, 29th December 1930", in *Speeches, Writings and Statements of Iqbal*, op. cit. p. 29.

Т. Н. Загородникова*

БРАТЬЯ СУХРАВАРДИ И РОССИЯ

Резюме. Статья «Братья Сухраварди и Россия» посвящена Хасану Шахиду и Хусейну Шахиду Сухраварди. Старший брат, Хасан Шахид, приехал в Россию в 1916 г. и увлекся примой МХТ М. Н. Германовой, претерпел вместе с ней все перипетии революции 1917 г. и Гражданской войны, был членом группы В. И. Качалова, проехал с ней половину Европы. С его именем связана первая постановка на русской сцене пьесы Р. Тагора «Король темного чертога». Младший брат, Хусейн Шахид, был женат на русской актрисе Вере Тищенко-Кольдер и прожил с ней в браке 7 лет.

Ключевые слова: Серебряный век, Хасан Шахид Сухраварди, МХАТ, Р. Тагор, группа Качалова, Хусейн Шахид Сухраварди.

The Brothers Suhrawardy and Russia

Summary. The article is dedicated to two brothers of famous Suhrawardy family of Calcutta/Karachi. The elder brother Hasan Shaheed came to Russia in 1916, made acquaintance with Maria Nikolaevna Germanova, premiere of Moscow Art Theatre and further helped her to stage R. Tagore's play *The King of the Dark Chamber*. After the Revolution he immigrated to Europe with "Kachalov Company". Huseyn Shaheed Suhrawardy, the younger brother, married Russian actress Vera Calder-Tiscenko, who converted to Islam and became Begum Noor Jehan. They lived together for 7 years and had a son.

Keywords: Silver Age of Russian Culture, Moscow Art Theatre, R. Tagore, Hasan Shaheed Suhrawardy, Huseyn Shaheed Suhrawardy

Братья Сухраварди, Хасан Шахид (1890 Калькутта – 1965, Карачи) и Хусейн Шахид (1892 Миднапур – 1963 Бейрут), были известными государственными, политическими и общественными деятелями Индии и Пакистана в 1940–1960 гг.

¹ Загородникова Татьяна Николаевна – ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

Старший, Хасан Шахид, после окончания Калькуттского университета приехал в Оксфорд изучать историю и право. Здесь же он познакомился с Дж. Неру и на всю жизнь оставался в нем в приятельских отношениях. По окончании университета в 1913 г. он получил некоторую известность в поэтических кругах Англии, дружил со многими литераторами. Д. Г. Лоуренс, один из самых значительных английских писателей начала XX в., восхищался им и особо подчеркивал его «индийско-персидские глаза»¹. Заинтересовавшись русским языком и поэзией, он увлекся поэтами Серебряного века. Позднее он вспоминал, как еще в детстве увидел на стене большую карту Азии, где к северу от Индии лежало обширное пространство, закрашенное одним цветом. «Что это?» – спросил ребенок. Кто-то из взрослых объяснил ему, что это Россия. «Я хочу там побывать», – сказал мальчик. И вот, много лет спустя, он решает осуществить свою мечту.

Мы не можем точно установить, когда он приехал в Россию: по одним источникам, это был 1914² г., по другим это случилось позже, но в 1916 г. он уже здесь: Крым, Киев, Петербург. Он познакомился с К. И. Чуковским, побывал у него дома в Куоккале³. Наконец Шахид⁴ прибыл в Москву, где преподавал английский язык в Московском университете и на Высших женских курсах. Будучи человеком общительным, он познакомился с несколькими поэтами и оказался в водовороте бурного литературного процесса Серебряного века: встречи, диспуты, публичные выступления, званые вечера с читкой своих и чужих стихов... Среди его новых знакомых Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Юргис Балтрушайтис. Алиса Коонен (актриса Камерного театра) вспоминала о посещении «Первого в России вечера речетворцев» (футуристов): «...Юргис [Балтрушайтис] довольно энергично заявил, что футуризм не имеет ничего общего с искусством и что крикливые, лишенные всякой мысли манифесты речетворцев имеют одну цель – дурачить публику, главным образом молодежь. Несмотря на такую уничтожающую критику, я все же решила пойти на этот вечер. Балтрушайтис категорически отказался меня сопровождать и предложил в качестве спутника своего приятеля – молодого индийского поэта. У входа в клуб, где

проходил вечер, творилось что-то невероятное. Огромная толпа, наряд полиции, крики, шум – мы еле-еле протиснулись к входу, главным образом благодаря моему спутнику, выглядевшему в своей чалме очень импозантно»⁵.

Серебряный век был поиском нового, незнакомого, неизведанного, отсюда – большой интерес к Востоку в целом и к Индии, в частности. Русская публика все чаще стала обращаться к произведениям писателей и поэтов стран Востока и находить там эту новизну. После 1913 г., после присуждения Нобелевской премии Рабиндранату Тагору, началось «триумфальное шествие» его поэзии и драматургии по Европе. Россия не стала исключением. Из воспоминаний Марии Николаевны Германовой, примы Московского Художественного театра: «Один из моих друзей дал мне прочитывать по-английски только что появившуюся тогда пьесу Тагора “Читра”. Она так поразила меня, что я побежала к Влад. Ивановичу [Немировичу-Данченко] и рассказала ему ее и просила помочь мне поставить с учениками в студии.

Почти одновременно принесла Влад. Ивановичу и Бутова⁶, тоже актриса Театра, пьесу Тагора, но другую – “Король темного чертога”. В этих отвлечениях религиозно-философского характера мы с ней давно шли рядом.

И было тогда решено поставить “Короля темного чертога” нам с ней сообща, сыграть ее с молодыми актерами в студии»⁷.

Перевод «Короля темного чертога» (другое название – «Король темного покоя») существовал к тому времени, по меньшей мере, в четырех вариантах⁸ и было решено ставить эту пьесу в переводе Ю. Балтрушайтиса⁹.

Одна из молодых актрис, Мария Ивановна Викентьева¹⁰, вспомнила, что в Москве проездом находился настоящий «индус»¹¹, который мог бы им в этом помочь. «Для Тагора это была находка, – пишет М. Н. Германова. – Я сейчас же отыскиала его, познакомилась, и мы с Бутовой очень за него ухватились, обласкали и втащили в работу над пьесой.

У нас, русских, к Индии, к индусам было просто благоговейное отношение, “В горах и дебрях Индостана” Блаватской, теософия, вошедшие в моду разные йоги, все это завлекало новизной,

таинственностью, оккультными возможностями, дразнило любопытство, а иногда и настоящую тоску по знанию о том, что скрыто за “покрывалом Изи́ды”, привлекало доступностью, легкостью, в конце концов, и очень льстило самолюбованию в самоусовершенствовании. И я, и Бутова ждали Сураварди, как “Туру” с тайной надеждой каких-то откровений и чуть ли не посвящений в “тайны Востока”.

Первое мое впечатление – невысокий человек, с озябшим носом, в неуклюжей для его фигуры шубе, в обыкновенной барашковой шапке, из-под которой поблескивало запотевшее пенсне. Я была разочарована. Я ждала йога, очень высокого, стройного, с величественной властной осанкой, с глубокими огненными глазами и, может быть, даже в чалме. ...

И Сарс, как ты¹² окрестил Сураварди, и его так стали мы звать по твоему примеру, не обманул и очень просто и вино пил, и отдал честь тетерьке. Как благодарна я ему за это разочарование, за то, что не спарлатанил он, чтобы не “разочаровать”, угодить, “пожалеть”. ...

Он часто бывал у нас в доме. Мама тоже часто звала его к себе, когда у нее бывали блины или пироги. Она отнеслась к нему с чисто московской простотой и широтой, без затей¹³. Шахид стал своим в этой семье и влюбился в хозяйку дома.

Мария Николаевна Германова (Калитинская-Красовская по второму и первому браку) (1883–1940) – это имя забыто, как забыто многое из жизни тех, кто остался в эмиграции, между тем она была примой МХТ, прекрасно читала стихи. Мария Николаевна появилась в МХТ почти одновременно с В. И. Качаловым (1875–1948), и они сразу же стали любимцами театральной публики Москвы. М. Н. Германова жила театром, в этом она была типичной МХТовкой, нетипичным было то, что ее муж, Александр Петрович Калитинский, был не из театральной среды. Он изучал древности российские, преподавал в Императорском Московском археологическом институте, в Московской женской гимназии и в Университете Шанявского; у них рос сын Андрей. Это была очень красивая пара: Александр Петрович «обладал большим шармом: очень высокого роста, породистость его

чувствовалась и в лице, и в манерах, он был яркой индивидуальностью, на него всюду обращали внимание»¹⁴. Мария Николаевна обладала мягкой, какой-то светящейся красотой, останавливающей взгляд.

Не рассчитывая на взаимность, Шахид вошел в ближайший круг этой семьи. Где-то в это же время Шахид преподавал английский язык А. Ф. Керенскому, министру-председателю Временного правительства и даже помогал ему писать мемуары¹⁵.

Между тем обстановка в России, Москве, в театре становилась все напряженнее. После октябрьских событий, когда квартира М. Н. Германовой, расположенная в самом центре Москвы¹⁶, пострадала от обстрела, жизнь изменилась не в лучшую сторону. Кроме общей неуверенности в исходе, росла тревога за Александра Петровича: он был избран депутатом от партии эсеров в один из многочисленных Комитетов и считал своим долгом оставаться на посту. В такой обстановке все близкие старались жить вместе и питаться из одного котла, так Шахид обосновался у Калиитинских¹⁷.

После октябрьских событий все труднее стало доставать продовольствие, появилось новое слово «паек». «Папс¹⁸ заходил за мной в театр, тоже часто и Сарс. Помню, раз тащил Сарс в ведре кислую капусту, которую нам раздали на паяк в Театре. Старался он и меня держать, чтобы я не упала (я ведь и тогда еще часто падала). Но сам Сарс поскользнулся и упали мы оба в сугроб, и капусту пролили, и пенсне его соскочило, и он едва нашел его; мы были такие слабые, голодные, так было темно, страшно, так холодно... Иногда Сарс ходил на Сухаревку продавать наши скатерти и простыни, чтобы купить масла, молока. На нем тогда был еще свеж отпечаток Оксфорда, и его фигура на Сухаревке была, вероятно, жалка и смешна»¹⁹. Иногда актеров приглашали на концерты, просто вечера в учреждениях. Мария Николаевна читала И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Р. Тагора. С этого времени его поэзия постоянно присутствовала в ее репертуаре.

Ко всему прочему добавился арест А. П. Калиитинского. Он был видным деятелем партии эсеров. Вспоминает М. Н. Германова: «Крыленко²⁰ был очень свиреп, стучал кулаком и кричал,

что с ними нужна кровавая расправа, что их надо стереть с лица земли, и передавали, что их мнение было “хорошо бы этих мерзавцев посадить годика на два”. Но “мерзавцы” ничем не были виноваты. Их прогнали – они ушли. Ни саботажа, ни сопротивления не было. И их отпустили. Так как все могут принимать участие в суде, то Сураварди выступил с защитой; как индусский революционер он имел успех, ему аплодировали, за что чуть не арестовали экспансивных дам»²¹. Это был, безусловно, поступок бесстрашного человека, возможно, просто не представлявшего, что за этим могло последовать. Свидетельство Шахида действительно имело какой-то вес, но не потому что он был революционером или имел отношение к Коминтерну (свидетельству тому не обнаружено), а потому что он уже стал, как тогда говорили, совслужащим, то есть в какой-то степени «своим» для новых властей.

Шахид поступил на работу в Театральную секцию Наркомпроса вместе со своими друзьями Ю. Балтрушайтисом, В. Ф. Ходасевичем и другими. Вспоминая одно из посещений квартиры Каменевых²² в Кремле, В. Ф. Ходасевич писал: «Меж тем, собрались “наши”. Пришел Балтрушайтис с папкой в руках, за ним – Чулков, Иван Новиков, Волькенштейн. Пришел Сураварди, о котором надо сказать особо. Родом индус, он приехал в Россию из Оксфорда, в 1916 году, в качестве туриста. Побывал в Петербурге, в Киеве, в Крыму, а к концу 1917 года очутился в Москве. С изумительной быстротой научился он русскому языку и вскоре в литературной и театральной Москве стал всеобщим любимцем. Бывал всюду, работал в Художественном театре, основательно ознакомился с русской литературой и сумел полюбить не только ее, но и самую Россию, полюбить бескорыстно, в самые тяжкие годы ее. С нами он голодал, холодал, с нами же очутился и в репертуарной секции Тео»²³. Шахид не «очутился», а был официально приглашен, как «известный знаток индийского театра»²⁴.

В то время шли бурные обсуждения, какие пьесы подходят для советского театра, как их надо ставить для новой аудитории. «Новая-новый» повторялось без конца, но наряду с этим существовала классика, которую не следовало забывать; и было

решено начать издание собрания классических пьес мирового уровня, и в этом проекте Сухраварди должен был отвечать за публикацию пьес восточных (китайских, индийских, иранских и др.) драматургов²⁵. Первым, кого следовало представить русской публике, был Р. Тагор. Уже на следующем заседании было решено издать пьесы Тагора в Серии Художественной пропаганды²⁶. Занятия Сухраварди в Театральной секции были связаны все-таки не с Востоком, а с Западом: ему было поручено написать предисловие к «Соперникам» Шеридана, сличить все существовавшие переводы пьес Бернарда Шоу²⁷.

Несмотря на все трудности, жизнь в театре, театральная работа продолжалась, именно она помогала выживать. «Играя в Театре, читая на концертах перед этой публикой, мы хоть урывками высвобождались, – писала Германова, – вырывались из когтей страха, голода и холода и жили привычным нам усилием творчества... Сарс очень нам помог тем, что его беспокойный ум, разносторонняя талантливость все время тормозили нас, и наша интеллектуальная жизнь не замерзала. Наоборот, в этой обстановке жестокой действительности другая действительность, духовная – наши мысли, разговоры, отношения стали проще, глубже, прочнее. Дружба наша с ним выкована теми днями навеки»²⁸. Работа над пьесой Р. Тагора шла своим чередом. «Сарс нам очень помог в пьесе: показал нам много жестов, поз, подарил костюмы “сари”, помог понять Тагора и Индию. Эта работа нас очень сблизила»²⁹. Работа помогала забыть, отрешиться от внешних обстоятельств, даже от голода. Пришлось как-то приспособиться и к холоду: «...я обертывалась во весь рост большим оренбургским платком и только тогда надевала прозрачные, легкие индусские шали»³⁰.

Показ сцен из «Короля темного чертога» состоялся в театре-кабаре «Летучая мышь» в декабре 1918. К этому времени это был уже самостоятельный театр под руководством Н. Ф. Балиева. В его репертуаре были моноспектакли, импровизации, пародии с участием МХТовцев, поэтому такой пробный показ нескольких сцен из готовившегося спектакля был в порядке вещей, и он не остался незамеченным. Василий

Иванович Немирович-Данченко, писал позднее об этом спектакле и М. Н. Германовой: «Она сумела мастерски использовать мотивы индусских старинных фресок и миниатюр, преломив их в призме своей индивидуальности. Точно перед нами поднялась завеса над загадочной Индией, во всей роскоши ее красок и глубины переживаний»³¹.

В 1919 г. заболел сын Марии Николаевны, и она испросила разрешение отправиться на юг и, получив его, вся семья отправилась сначала в Киев потом в Анапу. В этом же 1919 г. группа МХТовцев, так называемая «качаловская» группа³², отправилась из голодной Москвы на гастроли на юг, чтобы заработать на хлеб и купить что-нибудь из одежды. После взятия Харькова Добровольческой армией они оказались на территории, контролируемой Белой армией. Когда Качалов узнал, что Мария Николаевна тоже находится на юге, он прислал ей приглашение присоединиться к труппе. Она, вернее вся семья Калитинских, присоединилась к группе Качалова в Ростове. Гастроли по югу России проходили с переменным успехом, настоящий триумф ждал их в Грузии.

Сухраварди оставался в Москве, переболел тифом и, по-видимому, так изголодался и отощал, что весной 1920 г. его послали в санаторий. Вскоре Шахид получил письмо из Индии. Отец просил его вернуться. Он чувствовал, что надо хотя бы ненадолго съездить домой, повидать родных³³, но путь в Индию лежал через Европу. Сухраварди выхлопотал себе командировку в Грузию и присоединился к «качаловской» группе в Тифлисе. Снова из дневника Германовой: «На Кавказе добрался до нас Сарс, какой он был посеревший, обголодавшийся, обнищавший, милый наш друг. Такими и мы были, когда мы были в Москве. В нем мы увидели московские призраки. Мы так обрадовались ему, ведь он знал нас и в счастливые полные времена, он был с нами и терпел вместе и дни бедствия... Он видел мои любимые большие роли»³⁴. Он был принят и «поставлен на довольствие».

Приезд Шахида, его рассказы о новых постановках в МХАТ'е были свежей струей для группы. Из письма О. Л. Книппер-Чеховой К. С. Станиславскому от 19 сентября 1920 г., Тифлис: «Приехал Сураварди, ждем от него, чтоб внес нам свежую, бодрящую ноту,

помог нам ставить новые пьесы – очень уж замучило старье, а все его приходится репетировать»³⁵.

Гастроли «качаловской» группы в Грузии проходили с оглушительным успехом. Особенно близко Шахид подружился с О.Л. Книппер-Чеховой и Вадимом Шверубовичем, сыном В. И. Качалова. Они гуляли вместе, читали А. С. Пушкина, А. А. Блока, Ю. Балтрушайтиса, он декламировал им Р. Байрона, Шелли и Лонгфелло в оригинале, занимался с ними английским языком.

После Грузии встал вопрос, куда ехать? От Москвы и МХАТ'а их отделяла линия фронта, и тут им поступило предложение от русско-итальянской кинофирмы снять фильмы с их участием, условия были более чем выгодные³⁶.

Их путь из Грузии лежал через Турцию на Балканы и в Италию. И тут произошел непредвиденный инцидент. Вся труппа ехала с грузинскими паспортами, где Шахид значился «русским». Поскольку В. Шверубович знал английский, то он заполнял документы на визы, особо не задумываясь, что он пишет. Для Шахида он написал национальность – русский, имя отца – Захар (вместо – Захид), имя матери – Лидия, основное место жительства – Москва. МХТовцам долго не давали визу, чиновники вели себя просто нагло, деньги таяли, здесь их никто не знал, и не к кому было обратиться за помощью. Однажды к Вадиму подошли несколько английских военных, и один из них спросил, где здесь Сухраварди. Вадим, полагая, что это какие-то знакомые Шахида, привел их к нему, и тут же на руках индийца защелкнулись наручники. Все актеры старались как-то протестовать, но арестованного увели в тюрьму. На следующий день все получили визы: оказалось, что дело было в Сухраварди, их задерживали на границе из-за подозрительного индийца, прикрывавшегося русским паспортом³⁷. С тяжелым сердцем МХТовцам пришлось покинуть своего товарища, денег совсем не было, а их ждали в Болгарии. Как выяснилось впоследствии, британцы подозревали, что он был агентом Коминтерна, пробиравшимся в Индию. Казалось, он прочно засел в тюрьме под угрозой смертной казни, но все разрешилось благополучно, и он догнал труппу через месяц в Загребе.

Так группа Качалова оказалась в Европе, давала по несколько спектаклей в каждом городе, переезжая из страны в страну.

Жизнь в труппе была достаточно сурова: Шахид таскал многочисленные ящики и чемоданы при переездах и декорации на сцене, изображал толпу, выходил с небольшими ролями. Но Сухраварди был не только рабочим сцены. В своих «Воспоминаниях» Н. О. Массалитинов называл его «режиссером»³⁸. Возможно, он был не в полном смысле «режиссером», но оказывал помощь в постановке мизансцен и в Европе, и в Москве. «Весной для халтуры я приготовила леди Макбет, – писала Мария Николаевна В. И. Немировичу-Данченко. – Я сделала ее монологами, четыре монолога-куска. Мне помогал Сураварди»³⁹. Показанные в 1921 г. в Париже сцены из Макбета потрясли публику и имели оглушительный успех. Казалось, что актриса полностью проникла в психологию злодейства, воплотив это мощно и ярко⁴⁰.

Работа над «Королем темного чертога» периодически возобновлялась на протяжении всех скитаний М. Н. Германовой. Еще в 1919 г. «в Киеве я встретила Тарасову, – вспоминала Германова, – и затеяла сыграть с ней “Короля темного чертога”. ...Когда я стала заниматься с Тарасовой – Сурангамой, мне было очень трудно, но очень приятно»⁴¹. В декабре 1922 г. в Берлине в Немецком театре состоялась премьера в сокращенной версии спектакля «Король темного чертога». Мария Николаевна играла Сударшану, М. А. Крыжановская – Сурангаму, принцесса – В. М. Греч, король – П. Ф. Шаров, чтец – Н. О. Массалитинов⁴². Спектакль стал гастрольным для актрисы. Позднее его включают в репертуар «Пражской группы», будут показывать в Прибалтике, Болгарии, Югославии, Скандинавских странах, в Париже. Помощь, консультации Шахида при постановке этого спектакля были бесценны.

Пресса печатала восторженные отзывы об этой постановке. «Сцена преобразилась в храм, – так описал этот спектакль сербский драматург, эссеист и критик В. Велмар-Янкович, – и на этой сцене абсолютно освобожденной от всего материального, жизнь и смерть, говоря словами индийского мистика Кабира, сменялись в ритмическом танце, пространство испускало восхитительный свет, а воздух струился музыкой. Станные вещи происходили

с теми, кто присутствовал в театре. Многое им казалось далеким и непонятным, но инстинктивно они чувствовали, что на подмостках происходит нечто искреннее и правдивое. Атмосфера высшей правдивости происходившего создавалась именно благодаря игре Германовой, и спектакль действовал на публику подобно тому, как действует на верующих какой-нибудь аллегорический обряд...»⁴³

Весной 1921 г. из России пришло приглашение группе Качалова вернуться домой, но сам МХАТ переживал не лучшие времена и не мог принять всех. Возвращаться или оставаться – этот вопрос каждый должен был решать самостоятельно.

В это же время, с начала 20-х гг., А. П. Калитинский получил профессорскую кафедру в Пражском университете⁴⁴ и начал сотрудничать с академиком Н. П. Кондаковым в его византологическом семинаре – Семинариум Кондаковианум. В 1923 г. М. Н. Германова приняла предложение чешского правительства и возглавила вместе с Н. О. Массалитиновым Пражскую группу МХТ. Семинариум Кондаковианум объединял небольшую группу энтузиастов, русских эмигрантов, которые занимались древней историей славян, византийских и кочевнических черт ее составляющих, при финансовой поддержке правительства Чешской республики и лично президента Масарика. Профессор А. П. Калитинский стал правой рукой Н. П. Кондакова в Семинариуме, а после смерти основателя в 1925 г., возглавил его.

Это был признанный в научном мире Европы центр русской исторической науки, поддерживавший связи с русскими учеными, рассеянными революцией по всему свету. Сухраварди сотрудничал с Семинариумом, помогал в издании журнала, но скорее как технический работник. Он, безусловно, не был специалистом ни по истории Древней Руси, ни вообще по истории. К тому времени он стал театральным и литературным критиком и искусствоведам, специалистом по мусульманскому искусству и редким для Индии знатоком русского языка и литературы.

В 1925–1926 гг. он опубликовал в авторитетном общественно-политическом и литературном журнале «Урду» серию статей о русских писателях, «Литературных бесед», предваряя их

самыми общими сведениями о России, анализом того, что пишут о России в Индии и во всем мире: «Я полагаю, что не ошибусь, если скажу, что индийцы о России, сравнительно с другими странами Европы, осведомлены весьма мало»⁴⁵. В своих «Беседах» Сухраварди дал общие сведения по истории и литературе России. В конце первой статьи он перечислил крупнейших писателей XIX в., несколько подробнее останавливаясь на творчестве А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского и сопровождая имя каждого самой краткой характеристикой. Далее он подробно изложил содержание «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова», привел биографию А. С. Пушкина. Следующая статья-беседа была посвящена творчеству Н. В. Гоголя. Это была одно из первых, если не самое первое критическое исследование русской классической литературы в Индии и академик А. П. Баранников считал его на тот момент лучшим⁴⁶.

В Индии он был интересен и мог найти работу в качестве специалиста по истории и теории искусства, театрального и изобразительного, и Шахид наладил связь с одним из индийских университетов. 19 августа 1930 г. А. И. Калитинский обратился в Министерство иностранных дел Чехословакии: «Семинарий имени Н. П. Кондакова получил приглашение принять участие в научной экспедиции в Испанию по изучению памятников мусульманского искусства. Экспедицию эту ведет по поручению одного из индусских университетов д-р Оксфордского университета г-н Ш. Сураварди (S. Suhrawardy)»⁴⁷. К сожалению, стечение множества обстоятельств, прежде всего отсутствие финансирования, помешали осуществлению этого замысла и ускорили отъезд Шахида в Индию. За время совместной работы Шахид стал своим в небольшом коллективе Семинариума. В 1927 г. Мария Николаевна и Шахид Сухраварди переехали в Париж. Еще раньше Прагу покинул Н. О. Массалитинов, и группа постепенно начала распадаться. М. Н. Германова играла в парижских труппах Ж. и Л. Питовых и Г. Бати, выступала с чтением стихов, пробовала себя в режиссуре.

В Европе Шахид стал налаживать старые связи: В. Ф. Ходасевич, Н. Н. Берберова, он стал завсегдатаем в салоне Ольги

Ресневич-Синьорелли, переводчицы, близкой к семье А. М. Горького. В конце 1928 г. он даже вступил в масонскую ложу (дань моде?). А. И. Хатисов, бывший премьер-министр Республики Армении, их старый знакомый по гастроллям в Тифлисе, дал ему рекомендацию⁴⁸. А в 1928–31 гг. он работал в издательстве Секции изобразительного искусства Лиги Наций и в Международном институте по сотрудничеству в интеллектуальной сфере под эгидой Лиги Наций в Париже, в Индии он сотрудничал с несколькими журналами, там вышли его статьи о театральном искусстве, о положении в Европе⁴⁹.

В 1930 г. произошло событие, резко изменившее жизнь этой семьи. Вот как описал его Н. Е. Андреев, сотрудник института им. Н. П. Кондакова: «У Калитинского было довольно трудное личное положение. Его жена Мария Николаевна Германова, мать их сына, который учился в Швейцарии в те годы, красавица, бывшая артистка Художественного театра, покинула Александра Петровича, став подругой богатого индуса, который создал ей совсем иные условия жизни, обеспечив и ее сына в Швейцарии. Александр Петрович получал приличную, но не очень высокую академическую стипендию. Его сильно удручала создавшаяся ситуация ... Второе заключалось в том, что здоровье Масарика все ухудшалось, и предполагали, что скоро он уйдет в отставку. Становилось совершенно ясно, что, в связи с общим изменением отношения к Советскому Союзу в Чехословакии, под ударом окажется финансирование Семинария Кондакова...»⁵⁰. Александр Петрович не вынес этого напряжения и у него случился острый приступ нервного расстройства. Когда его нашли в тюрьме, он был в тяжелой душевной депрессии, и Мария Николаевна увезла его в Париж. В Прагу А. П. Калитинский уже не вернулся, полноценно вернуться к работе он уже так и не смог. Чешские власти обеспечивали его содержание до самой смерти⁵¹.

Начавшийся в 1929 г. экономический кризис ударил по многим. Шахид Сухраварди остался без работы и вернулся в Индию в 1931 г.,⁵² в 1932 он опять ненадолго приехал во Францию. Отпуск окончился, и он покинул Париж и навсегда ушел из жизни Калитинских.

После несчастья с Александром Петровичем жизнь М. Н. Германовой превратилась в борьбу с нищетой, а в 1940 г. ее не стало. Александр Петрович пережил ее на 6 лет.

У Шахида Сухраварди с возвращением на родину начался новый этап в жизни. В 1932 г. по рекомендации Р. Тагора он был назначен почетным профессором Калькуттского университета по кафедре древней истории и культуры Индии, преподавал историю живописи, затем до 1947 состоял на государственной службе. В 1934 г. он опубликовал перевод фундаментального труда академика В. В. Бартольда «Культура мусульманства» (Петроград, 1918)⁵³. В 1940–1947 гг. он работал в качестве художественного критика в газете *Statesman* (Калькутта).

После возникновения нового государства Пакистан, вся семья Сухраварди переехала в Карачи. До 1952 г. Шахид был на государственной службе, затем был приглашен в *Columbia University*, читал курс лекций по Мусульманскому искусству. Шахид принимал участие в работе ЮНЕСКО, был одним из тех, кто оформлял новое здание этой организации в Париже. С 1954 г. он на дипломатической работе: был послом в Испании, Марокко, Тунисе и Ватикане. В 1959 он возвратился в Пакистан, ушел на пенсию и жил спокойной жизнью, был основателем и Президентом пакистанского PEN клуба. Он так и не женился. Хасан Шахид Сухраварди скончался в 1965 г.

* * *

В 1938 г. в Индию приехала русская актриса, полька по национальности, Вера Александровна Кольдер-Тищенко (*Calder-Tiscenko*) (1902–1983).

Судьба несколько раз приводила ее в те страны и в то время, когда там происходили какие-то судьбоносные трагические события: она пережила Октябрьскую революцию 1917 г., жила в Испании в период Гражданской войны, в Италии под диктатурой дуче и, спасаясь из Европы, где поднимал голову фашизм, попала в охваченную национально-освободительным движением Индию,

пережив здесь обретение независимости, раздел на Индию и Пакистан и первую Кашмирскую войну.

По-видимому, она представлялась актрисой МХАТ'а, протеже О. Л. Книппер-Чеховой, поскольку все биографы говорят о ней как о последовательнице системы К. С. Станиславского, актрисе его театра, но нам не удалось найти ни одного тому подтверждения. Возможно, она училась в одной из студий МХАТ'а или играла в Пражской группе МХТ. В эту группу, особенно в конце 20-х – 30-е гг., вступали многие русские актеры-эмигранты со всей России, и тут уже никто не разбирался, имел ли этот человек какое-нибудь отношение к Художественному театру. Она гастролировала по Европе с Верой Барановской, исполнительницей роли Ниловны в знаменитой экранизации повести «Мать» по М. Горькому, когда в Берлине встретила студента-медика Е. Тищенко. Они поженились в 1931 г. и чуть позже переехали в Мадрид. Этот брак не был счастливым, и на следующий год Евгений отправился в Эдинбург для того, чтобы закончить образование, получить профессию врача. Вера осталась одна в Риме, где к власти пришел Муссолини. В это беспокойное время она решила принять приглашение дяди своего знакомого Шахида Сухраварди сэра Хасана Сухраварди, оказавшегося в то время в Европе. Это был известный врач-хирург и общественный деятель, получивший рыцарское звание в 1932 г. за спасение губернатора Бенгалии Стенли Джексона, которого ранила студентка Бина Дас в Актовом зале Калькуттского университета⁵⁴. Он звал ее в Индию.

Сэр Хасан Сухраварди был вдовцом и имел серьезные намерения на ее счет, но Вера не ответила ему взаимностью и постаралась получить поддержку у младшего брата Шахида. Хусейн Шахид Сухраварди, тоже вдовец, блестящий выпускник Оксфорда, юрист, по возвращению в Индию стал активным борцом за независимость Индии, одним из лидеров партии Мусульманская лига в Бенгалии, в 1940-е годы занимал посты министров в провинциальном правительстве. Вера нашла утешение в исламе, стала мусульманкой и 27 июня 1940 г. приняла имя Бегум Нур Джахан. Она послала телеграмму своему мужу с уведомлением

о своем переходе в ислам и предложением последовать ее примеру. Евгений ответил, что он истинно православный и не собирается менять веру.

Высокий суд Калькутты 5 августа 1940 г. отказался расторгнуть ее брак, что стало прецедентом, то есть эталоном для последующих судебных решений при обстоятельствах подобного рода. Несмотря на это, в том же году она вышла замуж за Хусейна Шахида Сухраварди, у них родился сын Рашид. Х. Ш. Сухраварди был далеко не «положительным героем»: именно его считают виновником смерти тысяч жителей Калькутты от голода 1942–43 гг., когда он продавал на черном рынке зерно, предназначенное для раздачи голодающим⁵⁵. Он был одним из лидеров национально-освободительного движения Индии, сторонником создания независимого государства Бенгалия. Именно его выбрал Махатма Ганди в качестве сопровождающего, когда в решающие дни августа 1947 приехал в Калькутту, чтобы предотвратить индо-мусульманскую резню.

После обретения независимости и раздела страны на Индию и Пакистан он стал одним из ведущих государственных деятелей Пакистана и пятым премьер-министром этой страны (1956–1957). Жить с таким человеком было, по меньшей мере, непросто; к тому же в исламском государстве в традиционном обществе государственному деятелю не полагалось иметь жену-христианку, хотя бы и принявшую ислам. Вера Александровна или Бегум Нур Джахан не могла оставаться равнодушной к политической деятельности мужа, активно вела переговоры от его лица, продвигая его кандидатуру на разные посты в правительстве Бенгалии. Своим поведением, свободным от дискриминационных ограничений ислама, она оказала большое влияние на женщин семьи Сухраварди⁵⁶. Между тем, Вера Александровна всегда ощущала, что есть силы, замышляющие против нее недоброе. В 1951 г. местный врач диагностировал у нее рак, она отправилась в Англию для подтверждения этого диагноза. В Лондоне она узнала, что их брак был расторгнут.

Младшая сестра Веры Александровны, Лидия жила в Нью-Йорке на Манхеттене, ее муж получил там квартиру по наследству. Вера

Александровна переехала в Америку и взяла псевдоним Вера Власова в память о героине Веры Барановской в фильме В. И. Пудовкина 1926 г. «Мать». Она поселилась в Голливуде, где более двадцати лет давала уроки сценического мастерства и разъезжала по всему свету с лекциями как специалист по системе К. С. Станиславского. Она скоропостижно скончалась 13 октября 1983 г. В конце жизни она стала последовательницей бехаизма⁵⁷.

Их сын Рашид пошел по стопам матери и стал актером под именем Роберт Эшби (Robert Ashby): закончил Королевскую академию драматического искусства, во время учебы получил несколько наград, в том числе Медаль ректора. Он принимал участие более чем в 15 театральных постановках, главным образом, Royal Shakespeare Co, снимался на телевидении, играл в кино. В совместной постановке Великобритании и Пакистана 1998 г. режиссера Джамиля Дехлави «Джинна» (Петра филмз) он играл Дж. Неру. В базе данных британских актеров отмечено, что он обладает восточно-европейской или ближневосточной внешностью с глубоким властным (авторитарным) голосом, может немного говорить на урду и бенгали, но с заметным акцентом⁵⁸.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. <http://www.open.ac.uk/researchprojects/makingbritain/content/hasan-shahid-suhrawardy> (дата обращения – 20.03.2017).
2. Prachyavidyatarangini, Golden Jubilee Volume of the Dptt of Ancient Indian History & Culture. Ed. by D. C. Sircar. University of Calcutta, 1969. Sec. Teachers. P. 292–296. Далее – Prachyavidyatarangini, p...
3. Чуковский К. Дневник 1901–1929 гг. М., 1991, с. 72.
4. Именно так – Шахид, а не Хасан стали называть его в России.
5. Коонен Алиса. Страницы жизни. М., 1985, с. 154.
6. Бутова Надежда Сергеевна (1878–1921), русская актриса; с 1900 играла в МХТ. Последние годы жизни занималась педагогической деятельностью.
7. Германова М. Мой ларец с драгоценностями. Воспоминания. Дневники. М., 2012, с. 193. Далее – Германова, с ...

8. Тагор Р. Собрание сочинений в 6 тт. Кн. IV: Король темного покая. Пер. З. Венгеровой и В. Спасской. М. [1915]; Тагор Р. Собрание сочинений в 6 тт. Кн. VI: Король темного чертога. Мистическая драма. Пер. А. Журина, Б. Лепского и М. Родон. М. Валентин Португалов. 1915; Тагор Рабиндранат. Царь темного чертога. Пер. М. Ликиардопуло. Музей МХАТ, ф. 98 (Н. С. Бутовой), оп. 1, д. 908, 58 л. Цит. по Р. Тагор. Король темного чертога. Публикация В. А. Росова.//Ариаварта. СПб., 1997. № 1. Далее – Тагор Р., с. ..., с. 276.
9. См. Тагор Р., с. 276–326.
10. Викентьева Мария Ивановна (1889–1969) была ученицей Школы МХТ, теософкой, в 1919–1922 гг. работала в театре, была художницей и писательницей, впоследствии стала театральным педагогом и режиссером.
11. В то время словом «индус» называли всех выходцев из Индии вне зависимости от их религиозной принадлежности.
12. Воспоминания М. Н. Германовой адресованы сыну и иногда в тексте встречаются прямые обращения к нему.
13. Германова, с. 194–5.
14. Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Т. 1–2. Таллинн, 1996. Т. 1, с. 289. Далее – Андреев, с....
15. Prachyavidyatarangini, p. 293.
16. В доме, где жила семья Калитинских, по адресу Арбат дом 6, сейчас находится Центральный дом актера им. А. А. Яблочкиной.
17. Германова, с. 193.
18. «Папс» или «папилечка» называла М. Н. Германова своего мужа А. П. Калитинского.
19. Германова, с. 203.
20. Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) – советский государственный и партийный деятель, с марта 1918 г. был членом коллегии наркомата юстиции РСФСР, с мая – председатель Революционного (Верховного) трибунала.
21. Германова, с. 302–303.
22. Ольга Давидовна Каменева (1883–1941), жена Л. Б. Каменева, заведовала Управлением театров в Наркомпросе.
23. Ходасевич В. Ф. Белый коридор// Владислав Ходасевич Избранная проза в двух томах. N.Y., 1980. Т. 1, с. 86.
24. Государственный архив Российской Федерации, ф. А2306, оп. 24, д. 4, л. 31.
25. Там же, л. 32 об.
26. Там же, л. 57 и об.
27. Там же, л. 82.
28. Германова, с. 206–207.
29. Там же, с. 195.
30. Там же, с. 200.
31. Цит. по Германова, с. 353.

32. Василий Иванович Качалов был в то время знаменитым и самым любимым публикой артистом, поэтому группа получила такое условное название.
33. Шверубович В. О старом Художественном театре. М., 1990, с. 276. Далее – Шверубович В., с. ...
34. Германова, с. 215.
35. Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. В 2-х т. М., 1972, т. 2, с. 123.
36. Шверубович В., с. 282–3.
37. Там же, с. 289–90.
38. Массалитинов Н. О. Мои воспоминания. // Вагапова Н. М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. СПб., 2007, с. 221. Далее Вагапова, с. ...
39. Письмо М. Н. Германовой Вл. И. Немировичу-Данченко от 20 сентября 1921 г. // «Невозвращенка». Письма М. Н. Германовой. Публикация, вступительный текст и примечания В. А. Максимовой // *Мнемозина*. Документы и факты из истории отечественного театра XX в. *Исторический альманах*. М., 2006, вып. 2, с. 162.
40. Regis Gignoux. Maison de l'oeuvre/ Marie Guermanova // Comoedia. 30 June 1921. Цит. по Литаврина М. Г. Русский театральный Париж: 20 лет между войнами. СПб., 2003, с. 85.
41. Германова, с. 322.
42. Театр. Берлин. 1923. № 2, с. 13. Цит. по Вагапова, с. 142.
43. Цит. по Вагапова, с. 154.
44. Письма А. П. Калитинского в Семинарий им. Н. П. Кондакова. Публикация В. А. Росова // Ариаварта. 1997. № 1, с. 228. Далее – Ариаварта, с. ...
45. Сухраварди Х. Ш. Литературные беседы. Россия // Урду. 1926. 4. С. 303, 404–405. Цит. по Баранников А. П. Индийцы о русской литературе // Советское востоковедение. 1949, VI, с. 15, 9–10.
46. Там же.
47. Калитинский А. П. Письмо в МИД ЧР. 19.8.1930//K1-12/4, л. 79 // Росов В. А. Семинариум Кондаковианум. Хроника реорганизации в письмах 1929–1932. СПб., 1999, с. 15.
48. Нина Берберова Люди и логи. Русские масоны XX столетия. М., 1997, с. 30.
49. Prachyavidyatarangini, p. 293.
50. Андреев, с. 298.
51. Там же, с. 299.
52. Письмо А. П. Калитинского Н. Г. Яшвиль от 20 января 1932 г. // Ариаварта, с. 235–6.
53. Bartold, V. V. Mussulman Culture, translated from the Russian by Shahid Suhrawardy. Calcutta, 1934.
54. http://en.wikipedia.org/wiki/Hassan_Suhrawardy (дата обращения – 20.01.2017).

55. Larry Collins & Dominique Lapierre. Freedom at Midnight. N-Y., 1976, p. 253.
56. <http://tns.thenews.com.pk/story-of-vera-suhrawardy/#.V4NiePmlS1t> (дата обращения – 10.03.2017).
57. http://en.wikipedia.org/wiki/Vera_Alexandrovna_Tiscenko_Calder (дата обращения – 12.02.2017).
Бехаизм (бахаизм) – возникшая в XIX в. в шиизме секта, в настоящее время это новая религия, с межконфессиональным пацифизмом и экуменизмом, насчитывает более 5 млн приверженцев, с центром в г. Хайфа (Палестина, Израиль).
58. <http://www.spotlight.com/interactive/cv/1/M535.html> (дата обращения – 5.11.2016).

Ю. О. Толмачев*¹

КАШМИРСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ КИТАЕМ, ИНДИЕЙ И ПАКИСТАНОМ В 1950-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГОДОВ

Резюме. В статье рассматривается влияние Кашмира на развитие дипломатических отношений между Пакистаном, КНР и Индией. Проблема западной границы рассматривается под углом зрения существовавших исторических реалий и конкретных политических действий трех сторон. Автор анализирует весь комплекс противоречий в межгосударственных отношениях, возникших в процессе определения границ между указанными странами в тот период.

Ключевые слова: Кашмир, Китай, Индия, Пакистан, граница, конфликт.

The Kashmir issue in the context of diplomatic interaction between China, India and Pakistan in the 1950s and early 1960s

Summary. The article examines the influence of Kashmir on the development of diplomatic relations between Pakistan, China and India. The problem of the western border is described by comparing the theoretical constructs and concrete actions of the parties. The author reveals a set of contradictions in the interstate interaction that arose as a result of the formation of the border line by the three countries.

Key words: Kashmir, China, India, Pakistan, border, conflict.

После провозглашения независимости Индии в штате Джамму и Кашмир начали заметно обостряться противоречия между мусульманами и индусами, что оказало серьезное негативное воздействие на развитие политических процессов как в этом штате, так и в целом в стране. Большая часть населения

* Толмачев Юрий Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

штата (исповедовавшая ислам) была фактически против проводимого лидером Кашмира Хари Сингхом (последователь индуизма) курса на вхождение княжества в состав Индии.

В соответствии с законом о независимости Индии от 1947 г. каждому княжеству формально предоставлялось право сохранить либо свой суверенитет, либо войти в состав того или иного государственного образования. Хари Сингх в своем обращении от 26 октября 1947 г. к лорду Маунтбаттену – последнему вице-королю Британской Индии – обратил его внимание на стремление Пакистана насильственным путем присоединить Кашмир к пакистанскому государству и попросил включить княжество в состав индийского доминиона¹. Идея махараджи не получила, естественно, одобрения ни среди мусульман (составлявших тогда 78% населения), ни со стороны правительства Пакистана, выступившего резко против данной инициативы. С того времени обозначилась т.н. «Кашмирская проблема», которая не решена вплоть до настоящего времени. Попытки урегулирования её посредством мирных переговоров, равно как и военные действия не увенчались успехом, а лишь привели к росту противоречий в области государственных отношений между Пакистаном и Индией.

В этом плане весьма важным для понимания сути Кашмирской проблемы (а также выявления причин постепенного сближения Китая и Пакистана) является исследование её влияния на развитие китайско-индийских отношений в 1950-е – начале 1960-х годов XX в. И здесь следует особо сказать о месте и роли территории Ладакх (область Кашмира, входившая в состав Индии и граничащая с Тибетом) в этих процессах. С экономической точки зрения эта территория была малоинтересна, к тому же географически труднодоступна; однако сооружение там дорожных инфраструктурных объектов позволило бы использовать ее потенциал для формирования системы пограничного контроля с целью укрепления позиций Индии. Правительство самого Кашмира также было крайне заинтересовано в экономическом развитии Ладакха.

Для реализации этих идей Каран Сингх (сын махараджи Хари Сингха) обратился 20 июля 1954 г. с письмом к Джавахарлал

Неру, где обосновал необходимость строительства дороги в Ладакх, которая соединила бы Лех с Индией. По его словам, это было необходимо для защиты стратегических, экономических и политических интересов индийского государства. Каран Сингх особо подчеркивал, что сооружение дороги позволило бы обеспечить гарнизон в Лехе всем необходимым для превращения его в важный пограничный форпост (поставки оружия, боеприпасов, продовольствия, необходимой техники и др.) и способствовало бы стабилизации положения на северных границах.

Экономика Ладакха в то время находилась в сильной зависимости от Тибета, откуда поставлялись в первую очередь продукты питания. Более тесные связи с Индией привели бы к экономической независимости данного региона. Описывая в упомянутом письме историю Кашмира, Каран Сингх обратил внимание Дж. Неру на то, что до 1831 г. Ладакх входил в состав Тибета, что (в том числе) и привлекало внимание Китая к этой территории. Выходом из сложившейся ситуации должно стать, по его мнению, принципиальное решение правительства Индии по модернизации Ладакха. Поэтому в политическом отношении надо перенимать опыт КНР, которая завершила строительство дороги между Пекином и Лхасой².

Китайское правительство, заинтересованное в освоении Ладакха, приняло тогда решение усилить экономическую интеграцию между Синкиангом и Гартоком в западном Тибете посредством строительства дороги, которое началось в 1955 г. Строительство дороги завершилось в 1957 г. и ее общая протяженность составила 1200 км.

Первая информация об окончании всего комплекса работ появилась в открытой печати после сообщения главного ламы Ладакха – Кашек Бакулы, посетившего Тибет в 1957 г.³, что весьма обеспокоило Индию, поскольку это означало расширение влияния Китая в Кашмире. Ситуация усугублялась еще и тем, что 2 июля 1958 г. китайцы заняли форт Кхунак в области Ладакх. Индийское правительство направило в этой связи ноту протеста КНР, в которой действия китайских властей расценивались как явно незаконные. При этом в тексте документа делались ссылки

на Конференцию 1924 г., в которой приняли участие Кашмир, Индия и Тибет и где обсуждалось проведение «международной границы, которая располагалась дальше к северу от форта. Никакого притязания на то, что он формирует часть Тибета — региона Китая, заявлено не было»⁴.

Свое открытое недовольство китайской стратегией использования Ладакха для повышения уровня экономического развития этой территории индийское правительство выразило лишь 18 октября 1958 г.: «Дорога, оказывається, образует часть китайского пути, общеизвестного как Ечэн-Гарок или Сикианг-Тибетскую магистраль. Об окончании строительства было объявлено в сентябре 1957 г. Она выходит на индийскую территорию как раз к востоку от Сариг Джилгнанг, простирается к северо-западу от Амтогара и доходит до западного берега озера Амтогар. Далее идет на северо-восток, через Яангпас, Кхитай Даван и Хаджи Лангар, то есть через все те территории, которые неоспоримо входят в состав Индии. Несколько боковых ответвлений, проходящих через нашу территорию, также располагаются около озера Амтогар»⁵.

С точки зрения Индии проникновение китайцев в Кашмир нарушало пять принципов мирного урегулирования, сформулированных обеими странами еще в 1954 г. В конечном итоге, действия китайской стороны привели к возникновению дипломатического конфликта, выразившемуся в непризнании индийской стороной китайских карт, в которых были зафиксированы территориальные притязания Китая на большую область в Ладакхе⁶. Выступая в Лок Сабхе (нижняя палата парламента Индии) 28 августа 1958 г. Дж. Неру прокомментировал политику КНР в пограничном вопросе как оккупацию Китаем территории Индии (которая к тому же так и осталась практически незаселенной). Из-за гористости региона эта территория использовалась лишь пастухами в летние месяцы для выпаса скота. Премьер-министр заявил тогда, что «правительство Индии имеет несколько полицейских контрольно-пропускных пунктов, но из-за трудностей, связанных с рельефом местности, они расположены на некотором удалении от международной границы»⁷.

Свою неосведомленность о действиях китайской стороны Дж. Неру объяснял удаленностью этих территорий, которые технически было сложно контролировать. В качестве главного аргумента, подтверждающего неправомерность китайских притязаний на Ладакх и Аксайчин, премьер-министр привел Соглашение от 1842 г. между Кашмиром и Тибетом, при подписании которого присутствовали представители Китая. При этом, признавая отсутствие демаркации непосредственно на земле, он подчеркивал, что карты основывались на старой редакции и предыдущем Соглашении.

Основная причина возникновения китайско-индийского пограничного конфликта, как считал Неру, связана с различным подходом к трактовке ранее заключенных договоров. Несмотря на обширную переписку между КНР и Индией, каждая сторона следовала в споре тем картам, которые отражали их точку зрения по данному вопросу. Основным внешнеполитическим действием Китая стало закрепление своих позиций в Ладакхе, что находило отражение в патрулировании и расчистке дороги Аксайчин. Заметим, что индийский патруль, совершавший обход этой территории, был арестован китайскими военными в сентябре 1958 г. около Хаджи Лангара.

Именно пограничные столкновения определили в дальнейшем основные направления китайско-индийского противостояния. Индия не собиралась отдать область Аксайчин Китаю, поскольку таким путем признавалась законность строительства упомянутой выше дороги. КНР же считала, что развитие двустороннего сотрудничества возможно только при определенных взаимных уступках (имея ввиду в первую очередь со стороны Индии), а высказывание обвинений лишь приведет к дальнейшему углублению конфликта.

Индия в качестве ответной меры на позицию китайской стороны решила 7 сентября 1959 г. предать гласности дипломатические ноты, меморандумы, договоры, двустороннюю переписку в период с 1954 по 1959 гг., опубликовав их в сборнике «Белые бумаги». Очевидно, что такое решение было связано с желанием Дели привлечь внимание индийской и международной

общественности к проблеме китайско-индийских отношений, что в перспективе обеспечило бы доверие к Дж. Неру и позволило бы продемонстрировать обществу его явное стремление сохранить территориальную целостность Индии.

Следует подчеркнуть, что Чжоу Энълай внимательно следил за усилением антикитайских настроений в Индии и свое мнение на этот счет изложил в письме к Неру от 8 сентября 1959 г. Он, в частности, подчеркнул, что необходимо учитывать предысторию возникновения территориальной проблемы, в особенности политику Англии, которая еще в 19 веке проводила «агрессивный и амбициозный» курс как в отношении Китая, так и Тибета⁸.

Поэтому, по его мнению, предложение Индии руководствоваться старыми колониальными договоренностями при определении межгосударственной границы неправомерно. Касаясь мирного договора от 1842 г. между Кашмиром и Тибетом, Чжоу Энълай обратил особое внимание Дж. Неру на то, что «центральное китайское правительство не принимало кого-либо для участия в переговорах по этому вопросу, не заключало Договор и позднее его не ратифицировало»⁹. Вместе с тем Чжоу Энълай частично согласился со значением исторических источников, но делая акцент на том, что и немалая часть и индийских, и английских карт включала в состав китайской территории бо́льшую часть Ладакха.

Несомненно, что в своей внешнеполитической стратегии оба государства исходили из национальных геополитических интересов, которые не позволяли поступиться территориальными принципами. Поэтому неудивительно, что возникшая конфликтная ситуация, в конечном итоге, вылилась 20 октября 1959 г. в пограничное вооруженное столкновение Индии и Китая около перевала Конгка в Ладакхе. Правительство Индии в дипломатической ноте Пекину высказало свою версию произошедших событий – дескать, индийский патруль, совершавший обход в районе перевала Конгка, неожиданно пропал, проведенные в тот же день поиски не дали каких-либо результатов. Утром 21 октября 1959 г. другая поисковая группа под руководством старшего офицера попыталась продолжить операцию, однако китайские войска, располагавшиеся

на вершине горы, открыли по ним огонь из автоматического оружия и применили ручные гранаты; в результате основная часть индийской поисковой группы была убита из-за сложившейся (как было указано в ноте) «стратегической ситуации»¹⁰.

Правительство Индии выразило таким образом жесткий протест и охарактеризовало вооруженный конфликт как «преднамеренную и заранее спланированную акцию со стороны китайских вооруженных сил», поскольку инцидент произошел на индийской территории. В свою очередь, китайская сторона обвинила Индию в посягательстве на территориальную целостность КНР. Перевал Конгка располагается практически на границе между Синьцзяном и Тибетом, а также Ладакхом. Все пространство южнее, севернее и восточнее этого прохода всегда принадлежало Тибету; соответственно после его присоединения к Китаю, все права на владение этой территорией перешли к КНР. В ответ на обвинения индийской стороны в агрессии китайское правительство заявило, что индийские войска вторглись на китайскую территорию, тем самым нарушив существовавший статус-кво в отношении официальной границы между двумя государствами.

Разногласия, выявившиеся в ходе этого конфликта, в дальнейшем только углубились из-за взаимного недоверия, возникшего в процессе обмена дипломатическими нотами. Чжоу Эньлай сделал попытку снизить степень напряженности в своем письме Джавахарлал Неру от 7 ноября 1959 г., стремясь найти некий компромисс – по его мнению, следовало бы сосредоточить внимание обеих сторон на «полном исключении возможности появления территориального столкновения в будущем»¹¹. Таким средством для решения возникшей проблемы мог бы стать, по мнению премьер-министра, отвод китайских и индийских вооруженных сил на расстояние 20 км на восток от линии Мак-Магона и от границы в западном секторе. При этом каждая сторона не должна осуществлять патрулирование спорных территорий, но сохранить административное присутствие и невооруженные полицейские отряды.

Детально свою позицию относительно возможностей разрешения конфликтной ситуации в Ладакхе китайское

правительство изложило в дипломатической ноте руководству Индии от 26 декабря 1959 г. По мнению КНР причина существования проблемы в китайско-индийских отношениях заключалась в том, что линия границы официально никогда не была определена. Следовательно, индийская сторона незаконно оккупировала более чем 33 тыс. квадратных километров китайской территории на всем протяжении западной границы, то есть в непосредственной близости от Ладакха. Свою позицию Пекин подкреплял ссылкой на то, что Договоры, подписанные еще в XIX в. представителями Кашмира и Тибета, уже давно утратили свою силу и не могли применяться при решении этой проблемы.

Сложность урегулирования спорного вопроса заключалась также в том, что индийская сторона не смогла привести достаточно четкие аргументы в подтверждение своей позиции, ссылаясь лишь на имевшиеся карты того столетия. Сам Дж. Неру, выступая в Лок Сабхе 28 августа 1959 г., заявил: «Между старым Кашмирским государством, Тибетом и Китайским Туркестаном существовала граница, но она никем не была обозначена». Имея ввиду это заявление, правительство КНР определило как явно непоследовательную политику Индии по Кашмирскому вопросу и подчеркнуло, что в «официальных индийских картах 1950 г. издания существующая линии границы была обозначена совершенно непонятным образом и по-прежнему фигурировала с формулировкой как “погранично неопределенная”»¹².

Одним из путей ослабления напряженности в индийско-китайских отношениях могла стать прямая встреча премьер-министров Китая и Индии в Дели в период с 15 по 25 апреля 1960 г. Однако беседа не привела к ожидаемым результатам, и одной из причин стало то, что Индира Ганди, присутствовавшая на переговорах, встретила Чжоу Эньлая в тибетском костюме, что не только глубоко шокировало его, но было расценено как явно «преднамеренное оскорбление»¹³. По этому поводу китайский премьер заметил, что «Неру ведет себя, как наследник британского экспансионизма... Мистер Неру противоречит самому себе. Мы не понимаем, что он действительно имеет ввиду. Нами были

прочитаны его речи. Сегодня он говорит одну вещь, а на следующий день совсем другую»¹⁴.

В конечном итоге, Чжоу Энълай предложил сохранить статус-кво в отношении принадлежности территории Кашмира. Он также отметил важность сохранения для КНР владения областью Аксайчин, входившей в состав Ладакха, в первую очередь из-за присутствия около нее военных баз США. Неру не согласился с доводами китайского премьер-министра, так как для него главным принципом решения проблемы оставались старые колониальные договоренности, и принятие такого решения повлекло бы за собой его критику со стороны общественности, а авторитет итак был подорван в связи с произошедшими пограничными столкновениями¹⁵.

В Заключительном коммюнике, подписанном по итогам переговоров, представители Китая и Индии лишь обозначили важность проведения подобных мероприятий и выразили желание решать проблему политическими средствами. Поэтому, «официальные лица двух государств должны проанализировать и детально изучить все исторические документы, записи, отчеты, другие материалы, имеющие отношение к пограничному вопросу, после чего составить отчет для представления правительствам двух стран»¹⁶.

В дальнейшем первый раунд переговоров прошел в Пекине с 15 по 25 июня 1960 г.; тогда в повестку дня были включены вопросы определения границы с учетом географических особенностей ее расположения. Второй раунд переговоров проводился с 19 августа по 5 октября 1960 г., в ходе которых обсуждались возможности подписания соответствующего Договора по прокладке границы, а также ряд юридических вопросов.

Но в конечном итоге, проведенные переговоры оказались безрезультатными, и пограничный вопрос так и не был решен; в первую очередь это было связано с тем, что КНР отказалась обсуждать «западную границу в Каракорумском перевале, располагавшемся между китайским Синьцзяном и Кашмиром из-за сложной внутривнутриполитической ситуации в Кашмире». Индийская сторона была шокирована подобным заявлением, ее

представитель подчеркнул: «В настоящее время Китай открыто отказался признать присоединение Кашмира к Индии»¹⁷.

Помимо всего прочего китайско-индийские отношения продолжали ухудшаться из-за отсутствия четкого разграничения воздушного пространства. Китайское правительство в ноте от 2 июля 1960 г. уведомило индийскую сторону о вторжении в воздушное пространство КНР двух индийских военных самолетов в районе перевала Конгка. В этих условиях китайская сторона расценила данный инцидент как «серьезную опасность, угрожающую миру в пограничных областях». Правительство Индии в своем официальном обращении к КНР от 16 августа 1960 г. полностью отвергло все обвинения в незаконном вторжении на территорию Китая¹⁸.

Анализ дипломатической переписки между двумя странами в 1961–1962 гг., касающийся западной границы, свидетельствует о том, что в отношении спорных территорий Кашмира обе стороны так и не пришли к какому-либо согласию. С точки зрения Индии граница между двумя странами не нуждалась в демаркации, учитывая уже фактически существовавшую границу по бассейнам рек и по горной гряде. К тому же доступность или удаленность той или иной территории не могла считаться достаточным основанием для присоединения к КНР.

Пекин же аргументировал свою позицию отсутствием какого-либо официального документа, который мог бы подтвердить притязания Индии на часть территории Кашмира, в то время как один лишь географический принцип пограничного раздела не может являться основанием для проведения границы, равно как и культурно-исторические традиции.

Ко всему прочему КНР детально знала о существовании серьезных пакистанско-индийских противоречиях по поводу Каракорумского перевала, которые в той или иной степени использовались в ходе переговоров. В мае 1962 г. КНР и Пакистан провели неформальные переговоры по оформлению границы между Синьцзяном и Северным Гилгитом с Хунзой, в ходе которых отказались признать Кашмир частью Индии. Эта информация дошла до Дж. Неру, который был крайне возмущен такой постановкой вопроса и охарактеризовал политику

Китая по Кашмиру как внешнеполитический курс, направленный на организацию некоего крайне «опасного приключения», имеющего своей целью использование индийско-пакистанских противоречий для создания конфликтной ситуации¹⁹.

Наличие Кашмирской проблемы, а также отсутствие реальных подвижек в ее решении в тот период оказывало заметное негативное влияние на развитие отношений между КНР и Индией. Каждая сторона четко придерживалась своей точки зрения и не была намерена проявлять какую-либо гибкость в подходе к решению вопроса о Кашмире. Индийское руководство исходило из того, что линия границы в Ладакхе и области Аксайчин не нуждалась в кардинальном пересмотре, в то время как Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай считали нелегитимными все соглашения и договоры, заключенные в XIX в., так как геополитическая ситуация в регионе существенно изменилась с того времени, и требовались новые подходы к решению пограничного вопроса. Все дипломатические переговоры (включая неформальную переписку по данному вопросу) не только не устранили противоречий в области отношений между Индией и Китаем, но (в условиях явного нежелания найти какой-либо компромисс при обсуждении острых вопросов в ходе переговоров) в какой-то степени даже способствовали эскалации напряженности, которая, в конечном итоге, привела к китайско-индийской войне 1962 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Bakshi S. R.. Kashmir and U.N.O. New Delhi.: Sarup & Sons, 1997., p. 5.
2. Jammu and Kashmir 1949–64: select correspondence between Jawaharlal Nehru and Karan Singh. Viking.: Penguin books, 2006, p. 195.
3. Fisher Margaret W. Himalayan battleground. Sino-Indian rivalry in Ladakh. New York.: Praeger, 1963, p. 89.
4. Notes, Memoranda and Letters Exchanged and Agreements signed between the Governments of India and China 1954–1959. White Paper I. India. Ministry of External Affairs, Government of India, 1959, p. 22.
5. Notes, Memoranda and Letters Exchanged and Agreements signed between the Governments of India and China 1954–1959. White Paper I, p. 26.
6. Karunakar Gupta. The hidden history of the Sino-Indian frontier. Calcutta.: Minerva Associates Publications, 1974, p. 80.
7. Jawaharlal Nehru. Prime minister on Sino-Indian relations. Vol. 1: In parliament. Delhi.: External publicity division. Ministry of external affairs government of India, 1961, p. 80.
8. Documents on the Sino-Indian boundary question. Peking.: Foreign Language Press, 1960, p.2.
9. Ibid., p. 4.
10. Notes, Memoranda and Letters Exchanged between the Governments of India and China. September – November 1959. White Paper № II. India.: Ministry of External Affairs, Government of India, 1959, p. 34.
11. Documents on the Sino-Indian boundary question. p. 15.
12. Documents on the Sino-Indian boundary question. p. 34.
13. Swamy K. R. N. Zhou en Lai & Nehru: what went wrong? // Sunday Herald Art & Culture: Decan Herald, Sunday, 23.05.2004 URL: [//archive.deccanherald.com/Deccanherald/may232004/ac7.asp](http://archive.deccanherald.com/Deccanherald/may232004/ac7.asp)
14. Han Suyin. Eldest son: Zhou Enlai and the making of modern China, 1898–1976. New York.: Hill and Wang, 1994, p. 285.
15. Mohan Ram. Politics of sino-indian confrontation. Delhi.: Vikas Publishing House PVT LTD, 1973, p. 99.
16. Chinese threat. Delhi.: Publications Division, Ministry of Information and Broadcasting, 1963, p. 62.
17. Notes, Memoranda and Letters Exchanged between the Governments of India and China. March 1960–November 1960. White Paper № IV. India.: Ministry of External Affairs, Government of India, 1960, p. 11.
18. Ibid., p. 27.
19. Prasanta Sen Gupta. China's belief system and Sino-Indian relations: the Maoist era. India, Calcutta: Minerva Associates (Publications), 1998, p. 54.

Научное издание

Труды Института востоковедения РАН
Выпуск 8

**ПАКИСТАН: ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Верстка И. В. Федулов

Подписано 22.05.2018
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 25,5. Уч.-изд. л. 19,95.
Тираж 800 экз. Зак. № 346

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5

